

**International Network Center
for Fundamental and Applied Research**

Laboratory of World Civilizations

**Documents and Materials
on the History of Jigetiā
Spanning the Period from
1750 to 1868**

(A collection of documentary materials)

Under the editorship of A.A. Cherkasov

Academic Publishing House Researcher
Sochi – 2016

UDC 93/94
BBC 63.3
D 111

Recommended for publication at a meeting of the World Civilizations Lab of the International Network Center for Fundamental and Applied Research (ANO MSCFiPI) autonomous non-commercial organization (Protocol No. 2 of April 23, 2016)

The work has been put together as part of the “Small Nations under Extreme Conditions of War and Peace: A Historical-Comparative Investigation” project. (Code: 100.01 (2016–2018))

Editorial board:

Dr. (History) A.A. Cherkasov, Dr. (History) Smigel Michal, PhD (History) V.G. Ivantsov, PhD (Pedagogy) N.Sh. Saifutdinova, A.A. Konovalova, V.S. Molchanova, N.A. Shevchenko.

D 111 Documents and Materials on the History of Jigeti Spanning the Period from 1750 to 1868 (A collection of documentary materials) / Under the editorship of A.A. Cherkasov. Sochi: Academic Publishing House *Researcher*, 2016. 267 p.

ISBN 978-5-9906437-3-4

This collection of documentary materials incorporates a variety of sources on the history of Jigeti spanning the period from 1750 to 1868. These sources offer an account of major events involving the Jigeti people in the above period, provide an insight into the nation’s relationship with its neighbors, and help analyze the complexities that pervaded Jigeti society.

The publication is intended for specialists and a wide circle of readers alike.

ISBN 978-5-9906437-3-4

UDC 93/94
BBC 63.3

© Academic Publishing House *Researcher*, 2016

Автономная некоммерческая организация
«Международный сетевой центр
фундаментальных и прикладных исследований»

Лаборатория мировых цивилизаций

Документы и материалы по истории Джигетии (1750–1868 гг.)

(Сборник документальных материалов)

Под редакцией А.А. Черкасова

ООО «Научный издательский дом «Исследователь»
Сочи – 2016

УДК 93/94
ББК 63.3
Д 111

Рекомендовано к печати на заседании лаборатории мировых цивилизаций
АНО «МСЦФиПИ» (Протокол № 2 от 23 апреля 2016 г.)

Работа выполнена в рамках проекта «Малые народы в экстремальных условиях
войны и мира (историко-сравнительное исследование)».

Шифр: 100.01 (2016–2018 гг.)

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук *А.А. Черкасов*, д-р истории *М. Шмигель*, канд. ист. наук *В.Г. Иванцов*,
канд. пед. наук *Н.Ш. Сайфутдинова*, *А.А. Коновалова*,
В.С. Молчанова, *Н.А. Шевченко*.

Д 111 **Документы и материалы по истории Джигетии (1750–1868 гг.).** Сборник документальных материалов / Под ред. А.А. Черкасова. — Сочи: Научный издательский дом «Исследователь», 2016. — 267 с.

ISBN 978-5-9906437-3-4

В сборник документальных материалов включены разнообразные источники по истории Джигетии 1750–1868 гг. Эти источники позволяют рассмотреть основные вехи развития джигетского народа в указанное время, определить связи джигетов с их соседями, а также проанализировать сложную обстановку внутри джигетского общества.

Издание предназначено для специалистов, а также для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-9906437-3-4

УДК 93/94
ББК 63.3

© Научный издательский дом «Исследователь», 2016

Historical-archaeographic introduction

Историко-археографическое предисловие

Abstract

Jigetiа is known to have been a littoral area in the north-eastern part of the Black Sea. It bordered Abkhazia in the East, Ubykhia in the West, and the Main Caucasus Range in the North.

Apart from “Jigetiа”, which comes from the ethnonym “Jiget”, the word “Sadzen” (derived from “Sadz”) is sometimes used as well. The Jigets belonged to the Abaza tribe (the Abaza, Abkhaz, and Jigets) and, just like the rest of the tribe, followed aristocracy as their principal form of governance. Up until 1785, despite the area’s adherence to paganism, the Jigets had regarded themselves as “pious Christians”. Subsequently, the area was subjected to forced Islamization.

Jigetiа was divided into two parts – mountainous and littoral. Mountainous Jigetiа was known as “Medovey”, and its inhabitants were called “Medoveyans”. Medovey had several populated localities, such as Pskhoo, Aigba, and Achipsou. The Medoveyans were governed by the Marshaniya princes; members of the same princely family ruled over Tsebelda (a mountainous area in Abkhazia) as well. Among the large populated localities in littoral Jigetiа worthy of mention were Tsandripsh, Gechba, Aredba, Tsvizha, and Baga. The littoral area was governed by princes. The area had several powerful princely families, such as the Gech, Anchebadze, Aredbej, and Tsanbayev families. The overall population of Jigetiа was about 20,000 (about 5,000 households).

During the Caucasus War (1817–1864), a portion of the Jigets (the Anchebadze family) moved to Abkhazia. In the mid-1860s, the area’s mountaineers left Jigetiа and resettled in Turkey. As a result, Jigetiа eventually ceased to exist as a separate entity.

Аннотация

Джигетия – это прибрежная территория в Северо-восточной части Черного моря. Джигетия граничила с востока с Абхазией, с запада – с Убыхией, а с севера – с Главным Кавказским хребтом.

Помимо этнонима Джигетия, в научном употреблении данной территории находится также Садзень (от слова садзы). Джигеты принадлежали к абазинскому племени (абазины, абхазы, джигеты). Форма правления в Джигетии была аристократической, такой же, как и во всем абазинском племени. До 1785 года, несмотря на имевшее место в регионе язычество, джигеты себя считали «благочестивыми христианами», в последующее время на данной территории начался насильственный процесс исламизации.

Джигетия делилась на две части – горную и прибрежную. Горная Джигетия называлась Медовой, а ее жители – медовевцами.

У медовеевцев было несколько населенных пунктов: Псху, Аибга, Ачипсоу. Управляли медовеевцами князя Маршания, представители этой же княжеской фамилии управляли и Цбельдой (горный район Абхазии). Среди крупных населенных пунктов прибрежной Джигетии необходимо назвать: Цандрипш, Гечьба, Аредба, Цвиджа, Бага. Прибрежная территория управлялась князьями. Влиятельных прибрежных княжеских фамилий было несколько: Гечь, Анчебадзе, Аредбей и Цанбаев. Общая численность населения Джигетии составляла около 20 тыс. человек (примерно 5 тыс. семейств).

В период Кавказской войны (1817–1864 гг.) одна часть джигетов (род Анчебадзе) переселилась в Абхазию. В середине 1860-х гг. горцы покинули территорию Джигетии и переселились в Турцию. В результате Джигетия прекратила существование.

Документы, публикуемые в данном сборнике, проливают свет на историю Джигетии. Джигетия являлась одной из частей абазинского племени.

Одно из первых упоминаний о Джигетии оставил нам Вахушти Багратиони (1696–1757), до этого времени Джигетия входила в территорию Зихии (Зихская епархия Константинопольской церкви просуществовала до конца XIII века).

Упоминания о джигетах оставляли многочисленные путешественники, посетившие Джигетию в середине XVIII – начале XIX вв. Среди них можно отметить: М. Пейсонеля, Юлиуса фон Клапрота, Жак-Виктор-Эдуард Тетбу де Мариньи, Фредерика Дюбуа де Монперэ, Федора Федоровича Торнау, Эдмунда Спенсера, Джеймса Белла, Джона Лонгворта и других.

Из публикуемых материалов явствует, что в середине XVIII века (1750–1760-е гг.) абазины, в том числе и джигеты, считали себя «благочестивыми христианами». С 1785 года ситуация в корне изменилась и на территории Джигетии вооруженным путем начал насаждаться ислам. Гонения на представителей старого христианско-языческого духовенства происходили вплоть до конца Кавказской войны. Таким образом, в конце XVIII – середине XIX вв. среди джигетов происходил процесс коренной ломки религиозных воззрений. Необходимо добавить, что в том же 1785 году, наряду с насаждением ислама, черкесская аристократия у убыхов, шапсугов и натухайцев потеряла власть над простолюдинами. В результате этого, черкесские общества соседей джигетов оказались децентрализованы. Однако, в эпоху коренной ломки абазины, в том числе и джигеты, сумели сохранить историческую власть князей. Именно это обстоятельство позволило в ближайшем будущем абазинцам инкорпорироваться в состав Российской империи.

Если учесть, что численность населения у причерноморских джигетов составляла от 10 до 12 тыс. человек, а Джигетия располагалась между Черкесией и Абхазией, то становится очевидным, что политика джигетских князей должна была учитывать интересы всех соседей. Важно отметить, что

совершая набеги друг на друга, черкесы и абхазы пересекали территорию Джигетии, а сами джигеты сохраняли в этой ситуации нейтралитет.

Что касается горной Джигетии, то она имела несколько обществ: Аибга, Ачипсоу, Псху. Интересно то, что абхазское горное общество Цебельда и горные общества Джигетии признавали зависимость одного князя – князя Моршани (в некоторых источниках Маршаниа – А.Ч.). Численность населения горной Джигетии составляла от 5 до 10 тыс. человек. Населяли горную Джигетию воинственные абазинцы, которые часто ходили в набеги на Абхазию. Важно отметить, что набегами, в своем большинстве, занимались только горные общества, которые нападали на прибрежные общества. Так, например, в набеги на причерноморских джигетов ходили горные убыхи. В документах отражены свидетельства о том, что причерноморские джигеты набегами практически не занимались. Мстить горным обществам за набеги было бесперспективно, так как горные общества были защищены естественными укреплениями – ущельями.

В период Кавказской войны на территории Джигетии было заложено два русских укрепления: укрепление в Гагре, основанное летом 1830 года (на территории средневековой крепости) и укрепление Святого Духа. Закладка второго укрепления состоялась 18 июня 1837 г. Первоначально ему было дано имя – укрепления на мысе Константиновском. Однако 14 января 1838 г. оно было переименовано в укрепление Святого Духа. Русское военное присутствие в Джигетии, наряду с деятельностью Владетеля Абхазии князя Михаила Шервашидзе, привело к тому, что в 1840 году джигетская знать стала рассматривать вопрос о принятии присяги русскому императору.

Уже в мае 1840 года Владетель Абхазии сообщал, что Цвандрипские князья Омар, Бослам, Голам и Сосран Цумбаевы изъявили желание вступить в подданство России со всеми своими подвластными. Из князей Цумбаевых Омар приезжал для переговоров еще в 1839 году. Князья приняли присягу, выдали аманата – их брата Беслама, которого отдали на поручительство владетелю Абхазии. Русская администрация дала им в подарок 400 руб. серебром. Владетель Абхазии также их одарил.

В 1840 году самостоятельными приставствами становятся также селение Псху и Джигетия (Садзен). В 1841 г. Джигетия официально была подчинена Абхазскому княжеству.

Документы свидетельствуют, что политическая слабость джигетов происходила от распрей и кровной вражды, разделявшей не только главные дома Джигетии, но и членов одной и той же фамилии. Главных княжеских домов здесь было четыре: Аридбаевы, Гечи, Цанбаевы, Анчебадзе. Гечи враждовали с Анчебадзевыми и с Цанбаевыми, Цанбаевы – между собой. Племя Цвежское, которое являлось ветвью народа джигетского, находилось в сильной вражде с соседственным домом Аридбаевых и само раздиралось домашними распрями.

Русская администрация пыталась помирить джигетов и назначила переговоры в форте Святого Духа на 24 апреля 1852 года. Здесь и

обнаружилась сила вражды горцев – они не хотели в одном месте, в одно время собираться для совещания. Когда князь Гечи вошел в собрание, то вышел из оною князь Анчебадзе. За князем Анчебадзе ходил начальник 3-го отделения Черноморской береговой линии и привел его почти насильно.

В ходе переговоров полковник Колюбакин предложил условия: выдать в аманаты детей, для воспитания их в Сухум-Кале; назначить суды, для окончания всех споров как между домами, так и между членами одного и того же дома; выбрать старшин для наведения полицейского порядка.

Эти выбранные лица обязывались: ходатайствовать перед начальством о нуждах народа; передавать народу распоряжения, требования начальства и наблюдать за исполнением приказаний; собирать в случае необходимости по приказу начальства суды, советы, для решения внутренних дел и войско для отражения врагов внешних.

25 апреля джигеты согласились с этими предложениями. Вместе с тем высказали свои просьбы: несколько увеличить выдаваемое количество соли; позволить купцам, прибывающим по билетам с очищенными и оплаченными товарами, торговать в аулах; позволить кочермам очищенным (судам, проверенным на наличие контрабанды – А.Ч.), подвозить товары к Цанрипшу для населения, удаленного от Адлера; употребление людей хорошего дома на службу царскую, то есть прикомандирования их к отрядам за отличия; определение, если возможно, некоторого количества товаров для беспощинного ввоза, как это было прежде по особому разрешению начальства.

Тем не менее, дело на этом практически встало. Джигетский пристав сообщил полковнику Колюбакину, что предложение о выдаче аманатов успеха не имеет, ввиду вмешательства хаджи Керендука Берзека. Одни только князья Анчебадзе выдали аманата, который был доставлен в Сухум-Кале и определен в Азиатскую школу. Князья же Гечевы, Цамбаевы и Аридбаевы потребовали: «дозволения им свободного вывоза в Турцию девок и пропуска из Абхазии товаров, а также отпуска им соли в неограниченном количестве. При этом князья заявили, что ограничение по этим статьям они считают притеснением» (Документ 47).

Дом князей Анчебадзе остался непоколебим. Анчебадзевы изъявили желание переселиться в Абхазию.

Со всей очевидностью можно утверждать, что переселилась большая часть рода Анчебадзе, хотя были и такие, которые остались в Джигетии. Благодаря поддержке владетеля Абхазии князя Михаила Шервашидзе, род Анчабадзе быстро достиг высокого положения в Абхазии, став одним из наиболее влиятельных абхазских родов. Причинами такого возвышения стала общая нестабильная ситуация в Абхазии. Необходимо понимать, что со времени принятия Владетелями Абхазии христианства, Абхазия стала территорией для набегов исламизированных черкесских племен, например, горных убыхов.

Владетель Абхазии князь Михаил Шервашидзе в своей политике назначал князей Анчебадзе управителями своих имений и поручал им защиту своих

владений на случай вторжения извне. Если представить, что князя Анчабадзе были людьми не очень богатыми, то управление в имениях Владетеля Абхазии для них было делом чести.

Однако примерить всех джигетов так и не получилось. В марте 1854 года джигеты осуществляли помощь вьючными животными войскам Магомета Амина.

В 1864 году, после окончания Кавказской войны, часть населения Джигетии (имеется в виду ближайшая к убыхам) покинула свои земли и отбыла в Турцию. Другая часть, например Гагринское поселение, под предводительством своих князей, так и осталась на своих местах.

Ситуация изменилась коренным образом, когда на повестку дня в Абхазии встал вопрос об отмене крепостного права. Абхазия, и граничащая с ней Самурзакань, остались последними территориями, на которых крепостная зависимость и рабство еще не были отменены.

При этом в числе зависимых были не только абхазцы, но и некоторое число представителей других племен, а именно: убыхи, джигеты, псхувцы и другие.

В июле 1866 года в Бзыбском округе Абхазии, на фоне отмены крепостного права, сложилась взрывоопасная социально-экономическая ситуация. Начались брожения среди крестьян, которые требовали переговоров с русской администрацией. Русскую администрацию в Сухуме тогда возглавлял полковник Коньяр. Во время переговоров началось стихийное восстание, в ходе которого были убиты полковник Коньяр и больше 50 человек из его окружения (чиновники и конвой).

Восставшие сразу же попытались штурмовать Сухум. Ситуация складывалась весьма серьезно. 27 июля информация о начавшемся восстании дошла до Гагры. Однако прорусски настроенные джигетские старшины Гагринского поселения поклялись, что скорее сложат свои головы в реку Бзыбь, чем пропустят через нее хоть одного абхаза.

Сделав несколько безуспешных попыток взятия Сухума, восставшие разошлись по домам и вскоре, по требованию русской администрации, выдали зачинщиков.

Представленные в сборнике документы свидетельствуют, что 4 августа 1866 года джигетские старшины Гагринского поселения, прибыв к воинскому начальнику Гагринского укрепления Берта де Лагарда, объявили о своем решении выселиться в Турцию. Джигетов к переселению «в Турцию побудило объявление окружного начальника (полковника Коньяра – А.Ч.) о том, что у них отберут всех крестьян и рабов, а через это распоряжение они лишатся рабочих рук, а вместе с этим и средств к существованию. В Турции же хотя и плохо им будет, но все-таки у них останутся их крестьяне и рабы, которые трудами рук своих будут доставлять им пропитание».

В августе 1866 года в Гагринском поселении насчитывалось чуть более 600 человек (336 мужчин и 280 женщин). Население распределялось между четырьмя княжескими и одним дворянским родом. Так, род князя Якуба

Цамбаева вместе с подвластными и рабами насчитывал 220 человек, у князя Сесенгазе Анчабадзе – 183 человека, у князя Исляма Цамбаева – 104 человека, у поручика князя Эдербей Цамбаева – 99 человек, у дворянина Гусейна Абиша – 10 человек. Прорусски настроенные джигетские князья планировали выселиться в Турцию уже в начале осени. 6 апреля 1867 года отправились в Турцию 19 семейств джигетов и псхувцев. Всего 218 человек.

Рис. Карта Северо-восточного Причерноморья (составлено нами. – А.Ч.)

* * *

Публикуемые в сборнике документы отражают важный круг вопросов: 1. Религиозные верования джигетов до и после 1785 года; 2. Взаимодействие джигетов с соседями: убыхами и абхазами; 3. Влияние на джигетов наиба Шамиля Магомета Амина; 4. Внутренние противоречия в джигетском обществе; 5. Причины мухаджирства джигетов.

Документы извлечены из Государственного архива Краснодарского края, а также различных сборников документальных материалов и записок путешественников. Среди документальных сборников материалов необходимо назвать: «Акты Кавказской археографической комиссии», «документы по истории Грузии», «Материалы по истории Абхазии», «Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов», «Материалы по истории

Абхазского княжества». Основная масса документов взята из опубликованных источников.

Документы представляют собой официальные рапорты, предписания, письма, донесения военных властей, а также гражданских учреждений. Документы публикуются на языке оригинала. Документы датируются по старому стилю.

Среди записок путешественников необходимо назвать: М. Пейсонеля «Исследование торговли на черкеско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 годах», Дж. Белла «Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов», Э. Сперсера «Описание поездок по Западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию в 1836 году», А.Д. Нордмана «Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю», Т. Лапинского «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских».

Настоящий сборник составлен из 82 документов и подготовлен к печати под редакцией А.А. Черкасова.

List of abbreviations

Список допущенных в сборнике сокращений слов и выражений

АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии	кап.-л. – капитан-лейтинант
бар. – барон	кн. – князь
вр. – временно	кр. – крепость
в. с. – ваше сиятельство	к. с. – коллежский советник
г. – господин	м. – местечко
г. (после цифры) – год	м. г. – милостивый государь
г. и. – государь император	полк. - полковник
гор. – город	р. – река
гр. – граф	рр. - реки
дер. – деревня	руб. – рубль
д. с. с. – действительный статский советник	св. – святой
е. в. – его величество	сел. – селение
е. и. в. – его императорское величество	т. – тысяча
е. выс. – его высочество	т. с. – тайный советник
е. с. – его сиятельство	тит. с. – титулярный советник
е. св. – его светлость	укр. – укрепление
и. д. – исполняющий должность	унт.-о. – унтер-офицер
инж.-пор. – инженер-поручик	ур. – урочище
	ущ. – ущелье
	шт.-кап. – штабс-капитан

Documents

Документы

1. Из книги М. Пейсонеля «Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 годах».

Берег абазинцев

Абазы принадлежат к числу народов, населяющих пространство между Черкесией и Грузией. Они разделяются, как черкесы, на несколько племен, управляемых своими беями. Между племенами ведется постоянная война. Религия абазинцев представляет собою смесь христианства с пантеизмом; тем не менее народ признает себя благочестивыми христианами. Порта назначает в эту страну своего бея, называемого беем абазинцев, который, однако, пользуется только титулом начальника без всякой власти. Резиденция бея находится в Сухуме. Главное начальство в этой местности принадлежит паше Черноморского побережья, но абазинцы не повинуются ни ему, ни турецкому бее, и лишь одна сила может привести их к покорности и повиновению. Кубанский сераскир делает иногда на них набеги, отбирая у них мелкий скот, лошадей и рабов. В этой стране имеется два главных порта – Сухум и Кодош.

Сухум – небольшой городок, расположенный в бухте, на берегу Черного моря, куда пристают суда всякого размера, но зимовать там не могут. В Сухуме есть две мечети, баня и числится около 3 000 жителей; больших судов нет, но жители имеют около 20 маленьких, которые совершают рейсы по берегу моря. Бухта оберегается маленькой крепостью с четырьмя бастионами, вооруженными 50 пушками; гарнизон состоит из янычар под командою двухбунчужного паши...

Кодош – открытая бухта, не безопасная для стоянки больших судов; здесь нет ни города, ни деревни, но множество отдельных домов рассеяно на 3–4 мили в окружности. Там именно находится знаменитое дерево, называемое Кодош, которое абазинцы чтут так же, как черкесы почитают дерево *rangiassan*. Этимология слова Кодош происходит от еврейского слова «кодош», означающего «святой», так же, как «*rangiassan*» происходит от греческого слова «*panaghia*» – имя, которое греки дают святой деве. В Кодоше находится самый большой рынок абазинцев.

Начиная от Суджука и до Анаклии, где кончается берег абазинцев, существует еще несколько других бухт, куда пристают большие суда для торговли с абазями, именно: Геленджик – лиман, Баскало, *Dziebo*, Дуба, Субаши, Варвире, Мамай, Джуджи, Хош, Эрделер, Кетшилер, Безюиле, Бетшевенд, Севре, Арджи, Тангир и др. Все эти места обозначены на графической карте Черного моря, составленной моим отцом.

Ввозная торговля абазинцев

Большие суда, отправляющиеся в Абазу, нагружаются обыкновенно солью, которая составляет в этой стране самый важный предмет торговли. Соль покупается преимущественно в Крыму, на солеварнях в Геслеве и Керчи, где

можно нагружаться только по ханским фирманам. Сапа соли стоит от 4 до 6 пиастров (кебе равняется 100 сапам, сап = 80 кило, кило 17–18 ок.).

Прочие суда доставляют к абазинцам вино, приобретаемое в Синопе, Триполи и некоторых других местах Анатолийского берега.

К числу прочих товаров, имеющих наибольший сбыт у абазинцев и которыми дополняется нагрузка судов, принадлежат следующие: сафьян и крашенные овечьи кожи красного, желтого и черного цветов из Константинополя и Крыма, мелкие железные и медные вещи, ружья и пистолеты, ятаганы, называемые кинжалами и другие, называемые «akamas», персидские ситцы, астраские полотна, ситцы или окрашенные полотна и покрывала из Ямболи. Сухум – единственное место, где потребляют небольшое количество сукна, скиоских материй, мыло и некоторые другие предметы, которые продаются там в очень ограниченных размерах.

Вывозная торговля абазинцев

Самый значительный предмет вывозной торговли абазинцев составляет буксовое дерево (пальма), которое приобретается в обмен на соль, вес на вес, так что груз соли дает груз букса. Поэтому для успешного выполнения подобного рода операций требуются очень большие суда, чтобы иметь возможность взять, насколько возможно, большее количество букса. Обмен на вино производится не на вес, а на особых условиях, вполне зависящих от обстоятельств. Из Абазы вывозится громадное количество воску, приобретаемого по очень выгодной и крайне низкой цене. Купцы, производившие эту торговлю и обогатившиеся на ней, уверяли меня, что не раз покупали мед ниже 20 пара за ок. Воск продается неочищенным и при очистке его около 20% на 100 идет на убыль.

У абазинцев имеются также для сбыта запасы различных мехов, именно: рыси, называемой вашак, куницы, каменной куницы, беличьи.

Можно было бы произвести весьма выгодную торговую операцию в этой стране, нагрузив возвращающиеся оттуда суда свиным салом и ветчиною. Свины в Абхазии крайне дешевы, но для того, чтобы воспользоваться этим продуктом, необходимо отправить туда сведущих мастеров, умеющих солить и готовить свиное мясо в таком виде, чтобы можно было доставлять его оттуда в хорошем состоянии к христианским народам.

Торговля рабами также очень выгодна, потому что в Абазии цены на них очень низкие. Главный контингент рабов образуется из людей, попадающих к беям в плен во время междоусобиц и взаимных нападений, которые почти никогда не прекращаются в этой стране. Порода людей здесь гораздо хуже, чем в Черкесии и поэтому за раба абаза дают только половину того, что предлагается обыкновенно за рабов из Черкесии.

Определить с желаемой точностью цены ввозных и вывозных предметов нет никакой возможности, ибо здесь все продается на обмен. Я знаю только, что едва ли существует в целом мире страна, где торговля была бы настолько прибыльна, как в Абазии. О выгоде ее можно судить по буксу,

продаваемому в Константинополе по 3 пиастра за центнер, между тем соль, в обмен на которую приобретается это дерево, стоит в Крыму не дороже 10 пара за центнер.

Суда, направляющиеся к берегам Абазии, должны получить разрешение Порты, что, впрочем, не представляет никаких затруднений. Во избежание опасностей, которым нередко подвергаются лица, производя торговлю с Абазией, необходимо принимать много предосторожностей. Приставая к берегу, прежде всего следует обратиться к покровительству местного бея. Надобно добиться, чтобы он принял от вас хотя бы небольшой подарок и, заручившись таким образом расположением бея, можно считать себя совершенно обеспеченным от всяких неприятностей и обид не только со стороны его подданных, но даже и соседних беев. Когда дела окончены и судно нагружено, следует выждать хорошего попутного ветра, чтобы быть уверенным в возможности быстро выйти, по крайней мере, на 10–12 миль, ибо соседние беи стоят на стороже и вооружают свои лодки, чтобы взять на abordаж и ограбить судно, уходящее с товаром. Ввиду такого рода обстоятельств для торговых операций с Абазией надобно набирать большие хорошо вооруженные корабли и с надежным многочисленным экипажем; впрочем, больших судов требует и самый род торговли в этой стране, как уже говорено было выше. Если судно имело несчастье быть захваченным, то оно подвергается разграблению, а все находящиеся на нем люди обращаются в рабство. Абазы надевают козий мех на голову каждого пленника и ведут их в горы, чтобы они не могли найти потом дорогу, по которой пришли. Абазы заставляют пленников стеречь свиней, которых очень много в этой стране. Однако же избавиться от такого рабства не трудно. Сами абазы стараются получить выкуп за своих пленников и охотно предлагают их купцам, пристающим к берегам Абазии. Поэтому легко можно получить свободу за какую-нибудь сотню пиастров в товарах. Почти невозможно найти судно на фрахт для торговли с Абазией, вследствие этого плавание сюда производится отдельно, частично предпринимателями, по взаимному соглашению. В таких случаях поставщик товаров получает одну часть прибыли, хозяин судна другую, а третья – идет экипажу; так обыкновенно делится всякая прибыль за исключением издержек, которые всецело падают на поставщика товаров. Часть, причитающаяся экипажу, подразделяется следующим образом: рейс и хозяин имеет 3 части, кормчий – 2 части, письмоводитель – 2, хозяин шлюпки – 1½ и каждый матрос – 1. Путешествие к абазскому берегу совершается только раз в год; туда отправляются обыкновенно при открытии навигации на Черном море, т. е. в начале апреля и возвращаются оттуда в конце лета (П., ч. II, стр. 1-12).

Источник: Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 годах. Краснодар: Издание общества изучения Адыгейской автономной области, 1927. С. 29-31.

2. Из книги Дж. Белла «Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов».

...Далее у нас будет еще один достойный доверия свидетель, рассказывающий о прошлом с таким же сожалением, как этот – с умилением. Я могу лишь беспристрастно процитировать их свидетельства), лишь каких-то шестьдесят лет назад в этом крае была введена общая система религиозных правил и общественного порядка. До того времени раздоры и междоусобные войны постоянно раздирали его и единственная видимость религии заключалась в нескольких безликих обрядах, исполняемых перед крестом.

Говоря об их нынешней религиозной системе, он сослался на четыре книги, на которых основан ее авторитет, - 1. Библию, а значит, как о том я могу судить, часть Ветхого Завета; 2. Псалмы Давида; 3. Книги евангелистов; 4. Коран.

Источник: Белл Джеймс. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В 2 т. Т. 1. Нальчик, 2007. С. 191-192.

3. Письмо ген. Тормасова к кн. Георгию Шарвашидзе, от 11-го января 1811 года, № 30.

Касательно до покорения джихетцев, цебельдцев и прочих жителей всего берега Черного моря до Суджук-кале, то все соображения, до сего предмета относящиеся, поручены от меня правителю Имеретинской области ген.-м. Симоновичу, который и будет действовать согласно с флотом, прибывшим уже к Суджук-кале; в содействие же ему в св. по сему делу как владельца Абхазии и верноподанного Г.И. я нимало не сомневаюсь и прошу вас по сношению с ген.-м. Симоновичем употребить все ваши старания, чтобы сие народы покорены были и приведены в подданстве Е.И.В.

Успех, приобретенный вами к наклонению владельца кн. Левана Ценубая вступить со всем подвластным ему народом в подданство Е.И.В. и дать аманатов, я отношу единственно к усердию вашему на пользу службы и истинной преданности к России; а потому, приемля сие с должным уважением, я не премину о таком подвиге вашем довести до сведения все милостивейшего нашего Г.И. и вместе с тем буду всеподданнейше ходатайствовать о приличном награждении вашего приятеля кн. Цанубая, как скоро получу от вас подробное сведение о владении сего князя, в каком числе семейство оное состоит и с кем граничит...

Заботливость вашу о продовольствии ваших подвластных солью и другими потребностями я, признавая сколько похвальною, столько же и полезною, сделал уже все нужные распоряжения, чтобы в первую открывшуюся навигацию доставлены были на кораблях в Сухум и Зуфу соль, шерсть, железо и другие продукты, нужные для ваших подвластных...

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 4. Тифлис, 1870. С. 425-426. Документ 576.

4. Письмо ген. Торماسова к Джихетскому кн. Левану Цанубая, от 11-го января 1811 года, № 31.

Из письма в. с., которое я имел удовольствие получить, и также из письма владетельного Абхазского кн. Сефер-Али-бея усмотрел я, что вы, следуя благоразумию вашему, добровольно вступили со всеми вашими подвластными в сильное покровительство и подданство Е.И.В., моего великого и всемилостивейшего Г.И., приняли присягу на верность Е.И.В. и дали аманата. По чему, приветствуя вас ныне как подданного одного великого Г.И., мне весьма приятно уверить вас в истинном моем к вам благорасположении и дружбе, которую я надеюсь доказать вам на самом опыте через усердие мое к вашим пользам. Если, в. с., сохраните навсегда се доброе ваше расположение и пребудете в непоколебимой верности к России, в чем я и не сомневаюсь, то снищете для себя прочное спокойствие и счастье, во мне же найдете усердного в пользу вашу ходатая пред всемилостивейшем Г.И., коего щедроты неизречены к верным Его подданным. Между тем я ныне же доведу до Высочайшего сведения Е.И.В. о добровольном вступлении вашем в подданство России и вменю себе в приятный долг попросить вам от милосердия Монаршего прилично награды.

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 4. Тифлис, 1870. С. 426. Документ 578.

5. Приобретения, сделанные в подданство Российской Империи со времени занятия Грузии, с показанием населения оных и кем они управляемы.

Под командою ген. кн. Цицианова в 1803 году Джарская и Белканская Лезгинская провинция, управляемы своими старшинами, 16,000 семейств, 90,000 д.м.п.; владение Елисуйское, управляемо султаном полк. Ахмед-ханом, 4,000 семейств 20,000 д.м.п.; в 1804 году кр. Ганджа, что ныне Елисаветополь, с Ганджинским ханством причислены к Грузии и управляемы окружным начальником – 1,015 с 5,079 д.м.п.; Мингрельское княжество находится по трактату во владении ген.-м. кн. Левана Дадиани, 12,000 сем. 60,000 д.м.п. В 1805 году Карабагское ханство управляемо ген.-м. Мехти-Кули-ханом, 12,000 сем. 60,000 д.м.п.; Шекинское ханство управляемо ген.-л. Джафар-Кули-ханом, 15,000 сем. 75,000 д.м.п.; Шурагельское владение в управлении Будаг-султана, 524 сем. 2,773 д.м.п.; Ширванское ханство, управляемо ген.-л. Мустафа-ханом. 24,000 сем. 120,000 д.м.п. Итого 84,539 сем. 432,852 д.м.п.

Под командою ген.-фельд. гр. Гудовича в 1806 году кр. Дербент управляема комендантом полк. Адриано; кр. Баку управляема комендантом ген.-л. Репиным; в 1808 году Кубинское ханство приобретено в подданство России, а по возмущении вторично покорено оружием в 1810 году; управляемо комендантом майором Пономаревым, 5,260 сем. 63,000 д.м.п.

Под командою ген. Тормасова в 1809 году турецкая кр. Поти поручена до прибытия гарнизона полк. Мерлини. Лезгинские народы, ахтинцы, мискинджинцы и келегуринцы – у сих последних находится свинцовая руда, управляемы своими старшинами, – 8,100 сем. 40,500 д.м.п.; Лезгинская дер. Эрси, во владении у полк. Кадия Табасаранскаго, 200 сем. 1,000 д.м.п.; в 1810 году Имеретинское царство, управляемо правителем области ген.-м. Симоновичем, 40,000 сем. 200,000 д.м.п.; волости Мигринская и Гюнейская, принадлежащая Карабагскому ханству, и укрепленное местечко Мигри взяты силою оружия и поручены начальнику отряда, 800 сем. 4,000 д.м.п. Турецкая кр. Сухум, в ней комендант кап. Агарков; ханство Казикумухское, управляемо Сурхай-ханом-Хамбутаем, 8,000 сем. 40,000 д.м.п.; Лезгинская общества Балхальское, Карадское, Ансальтское, Шодротское, Рогенческое, Бижагадское, Калальское, Маалальское и Чугское, управляемы своими старшинами, 4,000 сем. 20,000 д.м.п.; жители Ахалцихского сел. Котели выведены и причислены к Грузии, поручены подполк. Хусейнаге Мачабелову, 112 сем. 560 д.м.п. Болнисские Армяне, бывшие бегах в Карабаге, выведены и причислены к Грузии, управляются Мелик-Багирбеком Бегляровым, 428 сем. 2,140 д.м.п.; 1811 году княжество Гуриельское, во владении по трактату у кн. Мамаи Гуриели, 5,000 сем. 25,000 д.м.п.; княжество Джихетское, во владении у кн. Левана Цанубая, 500 сем. 2,500 д.м.п. – Итого 72,140 сем. 360,700 д.м.п. А у всего народа приобретено 161,939 сем. 856,552 д.м.п.

Сверх того, состоят с давних времен в подданстве России дагестанские владельцы, которые в 1795 году возобновили присягу, хан Тарковский и Дербентский, хан Аварский, уцмий Каракайтахский и кадий Табасаранский; владения их не исчислены, а примерно полагать можно до 30,000 сем. 150,000 д.м.п.

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 4. Тифлис, 1870. С. 953-954. Документ 1447.

6. Письмо кн. Георгия Шарвашидзе к маркизу Паулуччи, от 8-го января 1812 года. – Зуфу.

(С грузинского, перевод новый).

Предместник ваш, главный правитель Грузии Александр Тормасов, просил меня, чрез посредство владетеля Леона Дадиани, чтобы я постарался ввести в подданство Е.И.В. геленджикского владельца Мамеда Калабат-оглу, ради чего владетель, свояк мой, Лео Дадиани, прислал ко мне доверенное и любезное ему лицо, которое есть вместе и духовный мой отец, – протопопа Иоанна Иосселиани. В бытность его у меня, я отправил своего верного раба, Алмаса Давидова, которому известно местоположение Геленджика, обстоятельства его владельца и всей тамошней земли, равно как и языки, – с приглашением Калабат-оглу прибыть ко мне, и я надеюсь, что он приедет; тогда я немедленно

прибуду к Дадиани и вместе повидаемся с правителем Имеретии, а когда эту предписанную мне службу всемилостивейшему нашему Государству приведем в исполнение, то донесем вам, м.г. о других же моих заслугах и желаниях к удовольствию вашему, сообщенных мне о. Иоанном и мною ему высказанных, ныне представляю вам. – Есть в Джизетии кн. Леон Цанубая, которого в прошлом году я вызвал к себе, привел к присяге на верность престолу самодержавнейшаго Государя нашего, по советам и указаниям сего же о. Иоанна и в его присутствии, и таким образом приготовил его к повиновению и усердной вам службе. Этот кн. Цанубая имеет жительство меж подошвы горы и морским берегом, где находится отличная пристань, над коей для наблюдения выстроена им каменная башня со стеною вокруг, но в ней никто теперь не живет. По моему мнению и по мысли Иоанна, означенное место стоит того, чтобы о нем представлено было Государю, так как, во-первых, там могут стоять и укрываться корабли: во-вторых, в тех местах растет множество корабельного лесу без цены, и, в-третьих, если войско Государя нашего расположится здесь, то можно будет привлечь и покорить все Джихетские общества. Указываемая мною местность и пристань называется Гагида. По сию сторону Гагиды начинается мое владение, а по ту – владение кн. Леона Цанубая, который приготовлен мною вступить в ваше подданство, м.г. Только ему необходимо Монаршее воззрение и милость, что уже зависит от вашего распоряжения.

По просьбе того же о. Иоанна Иосселиани указал я еще другую местность в моем княжестве, которая называется Лихаа; здесь в древности построена патриаршая церковь Бичвинта (Пицунда); в этом месте также есть прекрасная гавань, а на расстоянии 3-х верст горная подошва, на которой произрастает много корабельных дерев. Место это осмотрел лично о. Иоанн, и он в точности представит вам, как оно выгодно будет вашему правительству. Сверх того, пока я жив, всякое время буду стараться о пользах правительства и своевременно доносить вам. – Если хотите овладеть Батумом, то теперь пора. Пусть ваши войска наступающей весною придут на кораблях и войдут в Батумскую пристань силою, как в Сухум; но я не думаю, чтобы здесь понадобились такие силы, так как прибывшие было в нынешнем году Татарские войска, ослабленные во всех отношениях, ушли назад и вы до вторичного их прихода успеете расстроить все их приготовления и овладеть Батумом. Впрочем, всенижайше прошу не забывать меня, посылая мне приказания по службе, для чего и остаюсь с усердием и покорностью вашей высокой знаменитости, м.г.

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 5. Тифлис, 1873. С. 100-101. Документ 128.

7. Письмо маркиза Паулуччи к кн. Георгию Шарвашидзе, от 17-го января 1812 года, № 77.

Письмо в. св., от 10-го минувшего декабря, я имел честь получить и за поздравление меня со вступлением в главное начальствование всего здешнего края приношу вам чувствительную мою благодарность; равномерно признательно благодарю в. св. за усердное старание ваше о склонении Геленджикского владельца Мамеда Калабат-оглу ко вступлению в подданство Российской Империи, которого надеетесь скоро преклонить на сие благое дело, от коего зависит неожиданное им счастье. Из сего же письма в. св. усмотрел я, что неподалеку от Сухума, во владении Джихетского кн. Левана Цанубая, есть пристань с двумя каменными крепостцами, которые считаете весьма полезным занять Российским войском. Я предписал ген.-м. Симоновичу, чтобы он сходно предположению вашему учинил о сем надлежащее распоряжение; вас же признательно благодарю за оказываемые вами знаки истинного расположения вашего к России и старания на пользу службы Е.И.В. Относительно же самого кн. Цанубая, то он за преданность его к России представлен уже к обильной Высокомонаршей награде, которою он вскоре воспользуется. Наконец, должен сказать в. св., что я сколь ни расположен делать вам угодное, но по другому прошению вашей матери об определении ей пенсии, употребить моего ходатайства пред Г.И. никак не могу, потому что как щедроты Монаршия обильно уже изльяны на светлейший дом Шарвашидзе, то и следует в. св. по долгу сыновнему и как владельцу вся Абхазии призреть и сию неимущую мать свою.

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 5. Тифлис, 1873. С. 101. Документ 129.

8. Предписание маркиза Паулуччи ген.-м. Симоновичу, от 17-го января 1812 года, № 78.

Абхазский владетель Сефер-Али-бей в присланном ко мне чрез посредство в. пр. письме между прочим изъяснил, что во владении вступившего прошлом году в подданство России джихетского кн. Левана Цанубая неподалеку от Сухума есть хорошая приморская пристань с двумя каменными крепостцами и возле них имеется лес, годный на корабельное строение, которые крепостцы ныне никем не заняты и остаются впусе; он же, Сефер-Али-бей, пишет, что если сие место занято будет нашим войском, чем со стороны его оказано будет всякое содействие, то джихетский народ удобно склонится вступить в подданство России. Почему, препровождая у сего копию с помянутого письма на соображение в. пр. с местными обстоятельствами, предлагаю буде по рассмотрению вами сего обстоятельства признаете полезным для нас занятие вышеупомянутых крепостей нашим гарнизоном, то сделайте о сем надлежащее

распоряжение; однако же не прежде приступить к сему, как по тщательном удостоверении, что гарнизон наш в тех крепостцах не будет подвержен никакой опасности, также недостатку в нужном продовольствии.

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 5. Тифлис, 1873. С. 101. Документ 130.

9. Письмо кн. Левана Дадияни к ген. Ртищеву, от 3-го сентября 1813 года. – Стоянка у Набакеви.

(С грузинского, перевод новый)

Новые мои подвиги по всей Абхазии, совершенные с моим ополчением в соединении с вашими войсками, под главным управлением в. выс-а и с ведома правителя Имеретии, достойны того, чтобы доложить о них в подробности в. выс-у.

Беззаконный отцеубийца Арсдан-бей, по коварным побуждениям Турок, продолжая действовать в Абхазии, склонил к себе большую часть невежественного народа. Сведав о сем, я переправился чрез р. Ингур и после однодневного перехода достиг Татарского лагеря; но Арсдан-бей поспешно бежал в Джихетию, а ополчение его возвратилось в Поти. Тогда е. св. Георгий Шарвашидзе просил нас поправить его дело, так как подвластный ему народ ложными посулами Татар был соврращен на их сторону. Лживыя внушения их невежественному народу состояли в том, что будто бы оба государя помирились, причем Русский Государь якобы уступил Турецкому Имеретию, Одиши, Гурш и Абхазию; толкуя в преувеличенном виде мирный трактат и оказывая милость всем являющимся к ним, Турки не на шутку совратили народные умы. Видя это, я начал действовать: вступил во владение Шарвашидзе, взял аманатами двух его братьев, Сослан-бея и Аг-бея, привел на верность к присяге и примирил их с Георгием Шарвашидзе. Потом взял аманатов из живущих на горных подошвах и крепких местах Джгердского кн. Маршания, Чилеульского кн. Анчебадзе, Гупского кн. Маршания, Подгуельского кн. Зепис-швили и Морквилельского – Маргания. Двинувшись далее, мы переправились чрез р. Кодор и взяли аманатов с Цхабского азнаура Званбаиа и Швацкарского – Маргания; оттуда прибыли в Сухум и заставили раскаяться двух братьев, сыновей Келеш-бея, и мать Ребиа-ханум в том, что они имели сношения с братоубийцею, взяли и здесь аманатов и примирили их с Георгием Шарвашидзе; туда пригласили мы и Зуфских князей и дворян, потребовали с каждой области аманата и привели к присяге. Затем посоветовал я Георгию Шарвашидзе начать переговоры с Цебельдинскими областями, чтобы не разбойничали и разбойников к себе не пускали; в случае непослушания, от вашего лица предупредить, что разрушим разбойничий притон и совершенно его опустошим. Устроив таким образом дела, я возвратился благополучно, взяв аманатов и с Абхазии, лежащей на

противоположной стороне Галидзги, и забрав множество пленных, зашедших сюда со страха от голода и чумы; отряд же мой я послал для нападения на братоубийцу Бежана Шарвашидзе, который приглашал Татар овладеть Абхазиею; но он бежал одинокий, как волк, оставив в наших руках сына и двух дочерей своих, малюток.

Таковыя действия наши в приращение вашего управления со взятием аманатов и приведением к присяге происходили от границ Джихетии, где протекает р. Капети, до Ингура. В этой продолжительной службе моей и в трудах участвовал с большим благоразумием и прилежанием полк. Николай Дадиани, который заслужил, чтобы исходатайствовать ему Монаршую милость, в вознаграждение службы и трудов его, о чем и прошу вас покорнейше; также майор кн. Кутиев послужил и долго трудился в пользу правительства, за что прошу вас открыть ему двери Монаршаго милосердия, равно исходатайствовать награды и находящимся с ним офицерам.

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 5. Тифлис, 1873. С. 505-506. Документ 596.

10. 1833 г. марта 15. Из рапорта командира 3-й бригады 22-й пехотной дивизии генерал-майора Вакульского барону Розену о нападении черкесских полчищ на абхазские селения. № 666.

Командир 44 Егерского полка, полковник Пацовский, от 7 марта за № 24, донес мне, что 3 числа того же месяца на рассвете черкесы, в значительном количестве, напав на деревню Бзыбского округа Хопи, принадлежавшую поручику Кацо Маргания, состоявшую в числе девяти домов, расстоянием от сел. Соуксу в 18 верстах и в продолжение не более двух часов убили абхазцев – пять, взяли в плен мужского пола – 13 человек, женщин – 16, детей обоего пола – 8, сожжено домов – 6, угнано коз – сто штук, и при обратном следовании убит из ближайших к деревне Хопи селений абхазец один, ранены: трудно тавад Исмаила Емухвари (который уже умер), дворянин Соломон Маргания и абхазцев три человека. Из партии черкесов убито абхазцами два человека. По собранным сведениям от ближайших жителей дер. Хопи оказывается, что нападение было сделано под предводительством черкесского кн. Берзил-Аджи Дагваипа, который имеет свое пребывание в дер. Пехво, за укреплением Гаграми в горах, расстоянием от Гагр на четыре дня верховой езды. Люди, бывшие с ним, собраны были с разных окрестных деревень в числе от 800 до 1000 человек, проходили по снеговым горам выше Гагр на двухсуточное расстояние для пешеходца и должны были находиться в пути не менее восьми дней, имея отдых в двух деревнях – Аибога и Ачипсы, лежащих по следуемой ими дороге. Упомянутый черкесский кн. Берзил-Аджи Дагваипа и в прошлом 1830 году, при нападении на укрепление Гагры, августа в 16 день предводительствовал черкесами и был ранен нашими в грудь пулей навывлет.

О каковом происшествии честь имея почтительнейше донести в. в. пр-ву, долгом считаю присовокупить, что если и можно было бы при сем случае дать пособие со стороны наших войск из Пицунды или Бомбор, но, кроме того, что нападение сие сделано было черкесами внезапно, без всякого предварительного о сем сведения со стороны абхазцев, нельзя было бы к тому приступить по весьма ограниченному числу войск...

Источник: Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. (Сборник документальных материалов). Тбилиси, 1953. С. 36-37. Документ 41.

11. 1833 г. июля 28. Рапорт генерал-майора Вакульского Розену Г.В. о намерении черкесских полчищ напасть на Абхазию. № 196.

гор. Кутаис.

За отсутствием командира 44 Егерского полка майор Орел от 23 июня, № 91, согласно рапорта к нему находящегося в Пицунде штабс-капитана Ачкалова, донес мне о полученном им, Ачкаловым, известий от черкесского дворянина Уруса, прибывшего из Черкесии, что черкесы решительно хотят сделать нападение на всю Абхазию, для чего и намерены разделиться на три отряда: морем, горами и берегом. Вместе с сим донесением получено два рапорта и от командира 44 Егерского полка, полковника Пацовского, коими доносит: первым от 9 числа сего месяца, за № 97, что по прибытии его в Бомборы 8 числа сего же июля и при свидании с владельцем Абхазии, полковником кн. Шервашидзе, узнал от него следующее известие: что цебельдинский князь Хрипс Маршания, отправившийся в черкесские селения после случившихся неудовольствий между владельцем и подполковником кн. Гассан-беем по происшествии с сим последним в сел. Пукваших 3 марта, от имени кн. Гассан-бея склоняет черкесских тавадов, азнауров и народ к большому сбору войск и нападению на укрепления наши в Абхазии, уверяя, что подполковник кн. Гассан-бей явно уже отложился от нашего правительства, и уверяет черкесов, что цебельдинцы, народ абахазский, азнауры, тавады и даже сам владелец Абхазии, будучи недовольны пребыванием наших войск в Абхазии, примут участие в нападении черкесов; вследствие чего черкесский тавад Берзин-Аджи Дагвыпа, собрав в множественном числе черкесов в селении Птохи, от коего до Гагр для пешеходцев три перехода, приводил неоднократно к присяге и согласил¹ находиться под главным его предводительством, дабы сделать решительное нападение на Гагры, Пицунду, Бомборы и даже на всю Абхазию, к чему ожидает еще большего сорища черкесов из других мест в то же сел. Птохи с тем, чтобы оттуда сделать вдруг на все пункты нападение сухим путем и морем на галерах, коих имеет он в

¹ Так в тексте.

сборе во всей готовности не менее 30, из коих в каждой поместиться может до 60 человек и более.

Владелец Абхазии полковник князь Шервашидзе, получивши письменные известия о всем вышепрописанном от ближайших к укреплению Гаграм тавадов Белана и Джигва Ардбаевых, и Аслан-бея Гачбаева, и проживающих за Мамаем тавадов Берзин Гарандихва и Берзин Януа, и азнауров Ходжи Гассана, Хвинджа Османа и Джав Холдая, отправил в черкесские селения бзыбского тавада капитана Нарчука Иналишвили с тем, чтобы объявил известившим его тавадам и азнаурам, равно и другим, собирающимся напасть на Абхазию черкесам, что народ абхазский, азнауры, тавады и сам владелец не примут участия в предполагаемом черкесами нападении на наши укрепления и что, напротив, все они готовы встретить черкесов как неприятелей, в случае вторжения сих последних в Абхазию, будут питать к ним всегдашнюю вражду и прервут с ними всякое сношение; между тем, пока капитан Нарчук Иналишвили оттуда возвратится, владелец делает при сем при своем доме в сел. Соуксу укрепление с полисада и предполагает сделать на левом берегу р. Бзыбь завал для воспрепятствования вторжению черкесов в Абхазию сухим путем; также распространяет между народом слухи, что ожидаются в Абхазию войска наши в большом количестве. А для склонения князя Гассан-бея на свою сторону, если справедливо полученное известие, что он хочет быть соумышленником в предприятии черкесов, 10 числа сего июля имеет отправиться для свидания с Гассан-беем и, переговора в сел. Итиры, находящемся близ р. Гумисты, мать владельца, вдовствующая княгиня Тамара, и вслед за нею намерен отправиться и сам владелец, чтобы также видеться с кн. Гассан-беем в сел. Анухве и пригласить его к себе в Соуксу для общего совещания по предмету ожидаемого от черкесов нападения. И вторым от 14 сего же июля, № 100, по донесению к нему находящегося в Гаграх майора вверенного ему полка Малинского, что 10 сего июля, следуя из Черкесии в Абхазию, абхазский дворянин Гассан Маргания, житель сел. Джерфа, находящийся в Черкесии более двух месяцев для отыскания захваченных черкесами двух его крестьян, объявил, что черкесы, быв собраны во множественном числе в сел. Свеча (от коего ходу до Гагр пешему полтора дня), находятся под предводительством посланного к ним князем Гассаном-беем цебельдинского князя Маргания Херпиши, который 3 числа сего месяца, распустив их всех по домам, приказал собраться в том же сел. Свеча через 10 дней. Намерение черкесов есть сделать нападение прежде на Абхазию, а потом, когда удачно исполнится изх предприятие, то на Бомборы, Пицунду, Гагры, и что в сел. Свеча имеется до 30 галер, помещающих до 30 и до 40 человек.

О чем вашему высокопревосходительству почтеннейше донести честь имею. Генерал-майор Вакульский.

Источник: Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. (Сборник документальных материалов). Тбилиси, 1953. С. 37-39. Документ 43.

12. Из докладной записки Ф.Ф. Торнау командирующему абхазским отрядом полковнику А.Г. Пацовскому о князьях бзыбских Инал-Ипа и садзских (джигетских) Аредба и Цанба

Бамбора, 3 января 1835 г.

...Из того, что я досель мог узнать, оказалось, что некоторые абхазские фамилии не только что находятся в сношениях с джигетами, но между ними имеются их родственные связи, навещают друг друга часто и хранят свято между собой права гостеприимства, по обычаю существующие между всеми горцами.

В особенности Нарчоу, сын его Ростом и Долт-Мирза (пожалованный прапорщиком), князья Инал-ипа, проживая на Бзыби, по близкому соседству с джигетами, связаны с ними узами родства и более других абхазцев с ними сближены.

Сильнейшие фамилии из соседственных Абхазии джигетов – Ценба, в с. Цандрипш живущие, и братья Аредба, имеющие свое селение близ мыса Адлер... Они съезжаются с Инал-ипа и могут, если только захотят, меня провести до Геленджика. Остается склонить к сему кого-либо из них, надеюсь успеть в этом, познакомившись предварительно с ними, что я могу сделать посредством одного из Инал-ипа и с помощью прапорщика Шакрыла, абхазского уроженца, который кроме природного языка своего знает и турецкий и, служа в одно время и переводчиком по Абхазии, много может способствовать... Считал бы я нужным также назначить прапорщику Шакрылу во время поездок его со мною...казенное держание: бедность его семейства дает ему сие право...

Источник: Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). Сборник документальных материалов. Т. 1. Сухум, 2008. С. 178. Документ 84.

13. 1835 г. июля 16. Отношение Розена Г.В. Чернышеву А.И. о нападении черкесов на Гагры и оборонительных мероприятиях русского командования. № 457.

В отношении моем от 26 июня за № 407 я имел честь сообщить вашему сиятельству о нападении черкес на Гагры. Ныне генерал-майор Ахлестышев о происшествии сем доносит следующее:

Джигитцы и другие прибрежные горские племена, обитающие по ту сторону Гагр до сел. Мухушу, собрались в числе около 3-х тысяч человек с намерением овладеть Гаграми; разделяясь на две части, в 2 часа утра 10 июня подкрались они скрытно к самому укреплению: одна часть со стороны моря, а другая часть чрез ущелье, отстоящее на ружейный выстрел от Гагры и, сделав залп из ружей, бросились на штурм; одни рубили полисад, другие лезли на

туры и в амбразуры, но гарнизон, поспешно занявший банкет, штыками и прикладами поражал черкесов, стремившихся с отчаянием вторгнуться в укрепление и, очистив батарею, открыл по толпам неприятеля сильный картечный и ружейный огонь.

Изумленные столь мужественным сопротивлением, черкесы, отступив от укрепления на некоторое расстояние, прилегли к земле, потом опять с ужасным криком бросились на укрепление и таким образом возобновляли свои нападения, но всякий раз были мужественно отражаемы гарнизоном. Наконец, на рассвете они вовсе отступили, будучи пораженными из укрепления огнем артиллерии и ружейным. Потеря с нашей стороны при сем случае состоит из 2-х нижних чинов убитых и 7 раненых. Потеря же неприятеля, находившегося более двух часов под выстрелами, должна быть весьма чувствительна, в чем свидетельствуют во многих местах оставленные им кровавые следы; 4 князя из почтеннейших фамилий между джигитами заколоты штыками в амбразуре и два раненые черкеса взяты в плен.

Генерал-майор Ахлестышев, услышав сильную канонаду в стороне Гагр, поспешил туда с 6-ю ротами Грузинского гренадерского полка, но, прибыв на место, уже не застал неприятеля. Здесь он узнал о подробностях сего дела, а чрез преданных нам горцев – о числе неприятеля, наложившего на себя клятвенный обет непременно овладеть Гаграми. Генерал сей счел, однако, достаточным для усиления гарнизона оставить одну роту Грузинского гренадерского полка, а сам 11 числа возвратился с остальными ротами к отряду. Столь блистательное отражение многочисленного неприятеля, с ожесточением атаковавшего Гагринское укрепление, генерал-майор Ахлестышев приписывает благоразумной осторожности, храбрости и распорядительности командира Черноморского линейного № 5 батальона подполк. Малинского, а равно неустрашимости и отличной стойкости всех чинов сего батальона, составляющих гарнизон одного укрепления, имеющий под ружьем не более 220 человек, ибо полуразрушенные древние стены укрепления, весьма неглубокий ров и полисад не выше двух аршин с половиною, не могли представить значительного затруднения решительному и отчаянному нападению неприятеля.

Ночью с 11 на 12-е число черкесы возобновляли свои нападения на Гагры, но гораздо слабее, и как гарнизон был усилен, то не предстояло ему особой опасности.

Между тем, по совершенном окончании начатых в мае м-це обеим сторонам реки Бзыба укреплений и как нападение черкесов на Гагру показало необходимость приступить скорее к исправлению сего мало надежного укрепления, то генерал-майор Ахлестышев 13-го июня, перейдя со всем отрядом реку Бзыбь, остановился лагерем на реке Гагрипше, в двух с половиною верстах, не доходя Гагры, протекающей, расчистил близ лагеря лес и приступил к заготовлению материалов, потребных для исправления и в некоторых местах и совершенного возобновления гагринского укрепления.

Скорое устройство бзыбского укрепления, при значительных местных препятствиях, весьма ограниченных средствах и с малыми издержками, доказывает благоразумную распорядительность и деятельность генерал-майора Ахлестышева.

Все чины вверенного ему отряда, по свидетельству его, оказали при сем особенное усердие и неутомимость; милиции Мингрельская и Абхазская разделяли труд войск наших. Последняя в первый раз еще около месяца находилась при отряде нашем в постоянно значительном числе. Дабы от слишком продолжительного сбора не произвести ропота в абхазцах, не привыкших к сему, генерал-майор Ахлестышев по просьбе владетеля распустил их по домам; в случае же надобности полк. кн. Михаил² обещал без замедления вновь собрать их.

О чем для доведения до высочайшего государя императора сведения честь имею сообщить в. с. с присовокуплением плана укреплений, выстроенных на Бзыбе и окрестностях оных. Отличное мужество, оказанное Черноморским линейным № 5 батальоном 10-го прошедшего июня, при обороне слабого гагринского укрепления против столь превосходного неприятеля, постоянная храбрость всех чинов его батальона в частых перестрелках с соседними непокорными горцами, беспрестанная бодрость, в коей они должны находиться, и тяжкие, переносимые ими труды в сем отдаленном передовом пункте поставляют меня в обязанность повергнуть их все милостивейшему государю императору воззрению и в ознаменовании коего покорнейше прошу вашу светлость исходатайствовать от щедрот его императорского величества сему батальону георгиевские трубы.

Источник: Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. (Сборник документальных материалов). Тбилиси, 1953. С. 54-55. Документ 58.

14. Рапорт и. д. обер-квартирмейстера Отдельного Кавказского корпуса бар. фон-Дер-Ховена и. д. ген.-кварт. главного штаба Ф.Ф. Шуберту о деятельности Ф.Ф. Торнау по изучению горских племен, их присоединения к России

Тифлис, 24 июля 1835 г.

Как для проведения в исполнение выс. предначертания к прочному покорению всех горских кавказских племен, одно из главнейших стремлений наших действий для достижения сей цели, должно было быть продолжение сухопутного сообщения вдоль восточного берега Черного моря, от Редут-Кале до Анапы, дабы тем совершенно отрезать непокорных горских народов от всякого на них влияния иностранных держав.

² Михаил Шервашидзе – владетельный князь Абхазии.

В нынешнем году сухопутное сообщение сие до Гагры нашим абхазским отрядом будет проложено основательно, но дабы в будущее время можно было продолжать такое полезное предприятия от Гагры далее к Геленджику, то предварительно необходимо получить нам нужно топографических и статистических сведений о совершенно еще неизвестных нам сих стран, для приобретения каковых был избран известный уже своими способностями и предприимчивостью, оказанные во время экспедиции в 1832 году против Казимуллы, генерального штаба поручик барон Турнау³, который вследствие возложенного на него поручения по прибытии своем в Абхазию немедленно занялся изысканием способа к проезду от Гагр к Геленджику для осмотра дорог, пролегающих между сими местами, а 25-го февраля сего года доносил мне, что, сколько он мог узнать от людей бывших в тех местах, береговое сообщение между Гагрою и Геленджиком действительно существует, прерывается оно только в одном месте, несколько выше Гагры, скалами, вдавшимися в море, но тут и находится объезд по горе, проходимый только для конного.

Проехать по этой дороге русскому офицеру, хотя бы он был переодет, весьма трудно, по причине бдительности и недоверчивости живущих около нее горских племен, в особенности со стороны Абхазии, откуда они и ныне ожидают вторжения русских войск. Между тем бар. Турнау нашел средство осмотреть эту дорогу, проехав из Абхазии за снеговой хребет Кавказских гор и оттуда к мысу Адлеру или Геленджику, смотря по обстоятельствам и потом уже следуя вдоль Черного моря. При сем бар. Турнау излагает, что абхазский почетный дворянин Соломон Микамбай⁴, уважаемый в народе по старости лет и уму до сего времени, хотя и не вредил русским, но не сближался с ними. Неприступность места, в котором он живет, отдаленность его от занятых нами пунктов и зажиточность казались ему до сего времени достаточными причинами к сохранению совершенной независимости.

Бар. Турнау, видевшись с ним в Келасурах у Гассан-бея, родного дяди владетеля Абхазии, старался его привлечь лаской и обращением, приносившим к обычаям тамошнего народа. Старания его остались не без успеха. На другой день поутру он явился к бар. Турнау в Сухум-Кале с предложением ему услуг и с приглашением ехать к нему в деревню. Через несколько дней после того он приехал к бар. Турнау вторично в Бомборы и оттуда провел в дер. Акуача (место жительства его), лежавшую выше дер. Анухвы у входа в ущелье, по которому пролегают дороги в Псу, Ачипсу, на Кавказскую линию и в Цебельду. Дорога, ведущая через Псу на линию, проходима для конного и летом, и зимой. Обстоятельство сие заставляет обратить на нее внимание, тем более что от берега моря к дер. Акуача по горе, на которой построено укр. Анакопия, может быть устроена дорога, которая хотя и потребует сначала значительной разработки, но после уже по свойству каменистой почвы своей, будет всегда проходима без особенного поддержания.

³ Торнау.

⁴ Миканба.

Г. корпусный ком., обратив на сие предложение свое внимание, предписал нач. абхазского отряда еще в нынешнем году стараться устроить сей путь.

Деревня Акуача в Абхазии считается самым неприступным местом, и Соломон Микамбай, проводив бар. Турнау к себе, сделал это, убедившись, наконец, в необходимости сблизиться с русскими. Человек этот, имея родство у черкес и в Кабарде, может бар. Турнау много способствовать к выполнению возложенного на него поручения. Посредством его бар. Турнау полагал осмотреть дороги из Абхазии в Псху, Ачипсу и на линию ведущих. От него же он узнал о людях, которые могут его провести по береговой дороге от Гагры к Геленджику и по другим сообщениям в горах, и предлог к путешествиям сим русского в случае, чтобы Турнау был узнаван, они же ему могут доставить. Сии люди – суть три брата кабардинские князя Лоовы по имени Эдик, Магомет и Гирей, происходившие из первостепенных кабардинских узденей, кои в 1831 г., побуждаемые чувством оскорбленного самолюбия, убили известного преданностию подпоручика Ганартука, который, будучи их подвластным, впоследствии, как русский офицер, сделался старшим в ауле и сделал все по своей воле. После сего убийства они ушли в горы, откуда делали частные набеги в наши границы, и своею отважностью и предприимчивостью приобрели между горцами большое уважение, семейства же их находятся в наших руках, а дядя их по означенному убийству сослан в Сибирь. Сии князя Лоовы неоднократно обращались к командующему войсками на Кавказской линии ген.-л. Вельяминову с просьбою о прощении их преступления и дозволения им возвратиться к своим семействам, но ген.-л. Вельяминов требовал, чтобы они безусловно предались нашему правительству, на что они до сего времени, боясь строгого наказания, не решались, а между тем ищут случая загладить свое преступление.

Господин корпусной командир, усмотрев, что абреки Лоовы по уважению, коим они пользуются между горцами, могут быть действительно полезны для бар. Турнау при использовании возложенного на него поручения, особенно Магомет, более прославившийся своим удалством, который хорошо говорит по-русски и за усердие к нашему правительству имеет медаль, приказал объявить им прощение, если они проведут благополучно бар. Турнау, который поручил кабардинцу, виденному им в Акуаче, который недавно перешел горы и скоро воротится в Кабарду, вызвать одного из князей Лоовов, для узнания от него самого, что он в состоянии сделать для правительства в искупление совершенного им преступления. Когда бы князя Лоовы не были в состоянии провести бар. Турнау по береговой дороге вооруженного, не находя к тому предлога, он хотел им предложить, пригласив его к себе в аул, для сохранения тайны и перед людьми их, броситься на него, обезоружить и потом вести как пленного к мысу Адлер и далее берегом к Анапе на вымен семейства их, о котором они всегда могут сказать, что до них дошли слухи о нахождении его в Анапе, а оттуда на линию и обратно в Абхазию. Турнау, не находя содействия в владетеле Абхазии, который даже при желании ему способствовать, мало что может сделать в сем отношении, он находится в необходимости собственными

средствами отыскивать людей, могущих ему быть полезными и их располагать к содействию ему.

Бар. Турнау во время пребывания своего в Абхазии узнал, что некоторые абхазские фамилии не только что находятся в сношениях с джигетами, но между ними имеют и родственные связи, навещают друг друга часто и хранят между собою права гостеприимства по обычаям, существующим между всеми горцами. В особенности Нарчук, сын его Ростом и Долт-Мирза (пожалованный прапорщиком), князя Налиповы, проживая на Бзыбе по близкому соседству с джигетами, связаны с ними узами родства и более других абхазцев с ними сближены. Сильнейшие фамилии из соседственных Абхазии джигетов – Цумбаи, в сел. Цандрыпсе⁵ живущие, и братья Ардебаи, имеющие свое селение близ мыса Адлера, из них более уважаемы старший Ардебай Сосран и Хаджи-Солома Цумбаи. Они съезжаются с Налиповыми и могли бы тоже быть полезными бар. Турнау, который хотел их к тому склонить посредством одного из Налипов и с помощью прап. Шаκριлова, абхазского уроженца, который кроме природного языка своего знает и турецкий и, служа в одно время и переводчиком, и проводником по Абхазии, ему много мог способствовать в сем деле. Бар. Турнау при сем последнем предположении своем основывался на желании Ардебаев покориться русскому правительству, но, разведав впоследствии обстоятельнее об отношениях их к соседственным им убыхам, он узнал, что они едва ли на это могут решиться, будучи гораздо слабее своих соседей, которыми они непрерывно побуждаются к неприязненным действиям против русских, часто даже против собственного их желания.

Теснимые с одной стороны убыхами и, ожидая с другой стороны нападения русских, в чем их уверяет приближение действующего в Абхазии отряда, живущие от Гагры до мыса Адлера джигеты не раз изъявляли некоторым из абхазцев, находящимся с ними в сношениях, желание покориться русскому правительству. Один из братьев Ардебаевых, быв в Абхазии, говорил, что они это не могут сделать прежде занятия русскими мыса Адлера, ибо соседи их, узнав о том, что они покорились, поспешат разорением их деревень и что он даже сам готов указать русским место, на котором, поставив укрепление, они запрут убыхам вход в их земли. Занятие мыса Адлера при содействии Ардебаевых десантом доставит значительные выгоды, хотя оно и будет сопряжено с потерей, отрезав живущих до того места джигетов от убых, оно их отдает в руки правительства без кровопролития и немало послужит к обезопасению сухопутного сообщения Бомбор с Гагрою. Все сии замечания г. корпусного командира найдены заслуживающими внимания и взяты при соображении для дальнейшего предприятия наших действий вдоль восточного берега Черного моря.

Рапортом от 6 мая поруч. бар. Турнау мне доносит о следующих обстоятельствах подтверждения истины, полученных им сведений насчет желания живущих близ Гагр джигетов (асадзука, как называют себя сами) покориться русскому правительству. В последних числах апреля с. г. приезжал

⁵ Цандрыпше.

в Соуксу Соусран Мамарипа Цонбаи из сел. Цондрыпш с просьбою к владетелю Абхазии, когда русские войска пойдут за Гагры, испросить прощенья тем из князей, которые в чем-либо виновны против нас, и вместе с тем объявил ему, что народ у них в волнении и не может согласиться в мерах, которые он должен принять при появлении русских, на что теперь уже половина жителей Цондрипша, ближайшего к Гаграм селения, не желая лишиться своих пожитков, готова покориться. Владетель Абхазии, не имея никакого приказанья касательно примирения джигетов, отпустил Цонбаи с обещанием вызвать его в свое время для объявления ему воли начальства и советуя вместе с тем всем покориться и не подвергать себя безрассудно разорению, которое при неприязненных действиях против русских, неминуемо их постигнет. Изъявляя желание покориться русскому правительству джигеты Беслан Аред-бей – письмом к владетелю Мингрелии, братья его Соусран и Чугуа – находившемуся в Гаграх в 1830 г. подполк. Полянову и в разговорах с абхазцами в приезде и в с. Соуксу; Мамсерипа Соусран, Хаджи Салами Цонбаи и помянутые Ардебаиёвы – прап. Шакрилову во время нахождения его в Гаграх. Все они выставили невозможность этого шага до занятия войсками нашими мыса Адлера.

Бар. Турнау полагает, что подарками и деньгами тамошних жителей можно склонить всех и, вступив в тайное сношение с Ардебаиёвыми, Цонбаевыми и Геч, отыскать между ними людей, которые согласятся быть проводниками войскам и способствовать втайне видам правительства до того времени, что огражденные от мщенья сильных соседей, они в состоянии будут предаться нам явно. Главное затруднение к усмирению их – то, что ни один из тамошних владельцев не имеет первенства перед другими и силен только в своем владении, так что с каждым из них должно иметь дело и вести переговоры порознь, скрывая оные от ближайших его соседей. Один пример строгого наказания непокорных, после занятия мыса Адлера, устранит совершенно это препятствие.

Главнейшие лица между джигетами

<i>Беслан</i>	<i>Ардебаиёвы</i>	
<i>Соусран</i>		
<i>Чигуа</i>		<i>с. Арёда</i>
Асланбей Абатухуа		
Мсауст Абатухуа		
Эдир-Бей	Геч	
Салама		
Матирша	Цонбай	с. Цондрыпш
Мамсарипа Соусран		с. Хысха
Лаз	Анчабадзе	в с. Хамышляр
Хаджилы-чу		(Хамышыркуа)

Касательно положения мыса Адлер бар. Турнау узнал, что якорная стоянка для судов около него опасна, но что в 5-ти верстах выше, против с. Хамышляр, находится бухта, защищенная мысом от ветра, царствующего летом в Черном море. В бухту сию заходят обыкновенно турецкие суда, и прежде по берегу ее были выстроены балаганы для склада соли и других товаров, турками туда привозимых. Для высадки войск будто бы она удобна: близ самого берега лес, но, пройдя несколько сот шагов, открытое место, хлебопашество в хорошем состоянии, подножного корма достаточно, как и воды, добываемой из речки Худапс. Суда военные могут подходить так близко к берегу, что ядра с них несет в деревню. Господин корпусный командир, находя сии замечания весьма интересными, предписал 15 июля командующему абхазским отрядом ген.-м. Ахлестышеву, так как е. выс. пр. предназначил иметь в виду впоследствии занять мыс Адлер, по сему место при Хамышлярах как представляющее важные удобства к обеспечению предприятий наших при занятии Адлера, заслуживает особенного внимания, а потому предписывает ему при удобном случае на военном судне лично осмотреть Хамышляр и, что по сем обозрении найдено будет, немедленно донести.

Человек, посланный бар. Турнау с письмом князьям Лоовым (в чем способствовал Соломон Микамбай), возвратился к нему с ответом, что застал одного младшего брата, старшие 2 брата отправились на Кавказские Минеральные воды, куда их вызвал командующий Кубанскою линеею полк. Засс. Между тем младший Лоов, получив письмо от бар. Турнау, поехал вслед за братьями, чтобы их воротить и дал человеку Микамбая сроку 10 дней ожидать ответа. Обстоятельства заставили его выехать в Абхазию прежде истечения положенного ему времени. Соломон Микамбай предлагал бар. Турнау послать еще раз к князьям Лоовым, но затруднения, происходящие от вызовов и переговоров издали, в которых он никогда не может высказать того, что бы должны были знать те, к которым он имеет дело, то предпринимал ехать в сам аул князей Лоовых. Побудило бар. Турнау к тому, кроме всей вероятности в удаче, и твердая решимость испытать еще силы русского оружия; надеясь на многочисленность свою (считает его до 15000 семейств) и на крепость места, он хотя и предвидит, что русские наконец дойдут и до него, но не верит в удачу их действий. Стараясь посему собрать средства к защите своей, горцы тех мест вместе с тем заботятся и об ограждении себя от сношений с русскими.

Надежда на помощь извне немало их поддерживает. Турки-контрабандисты распускают между ними подобные слухи, что на суджукской бухте успели ссадить несколько людей, имевших свидание с туземцами и уговаривавших оных не падать духом и отражать нападения наших войск, с уверением, что тамошние берега не надолго останутся русским и что они опять перейдут, как прежде было, во власть турецкого султана. Сие сведение равномерно его высокопр. г. корпусной командир не оставил без внимания, но уже сделаны все распоряжения к недопущению к восточным берегам Черного

моря иностранных судов, которые по строжайшему освидетельствованию могут приставать только к тем местам, где установлены таможи и карантинны.

Владелец Абхазии предлагал тоже бар. Турнау проводником зятя своего Хенкурума⁶ Маршания, который в случае, что князя Лоовы не согласятся на его предложения или не в состоянии будут что-либо сделать по сему предмету, передать мог его, когда бы понадобилось, даже племянникам Джембулату, темиргойскому владельцу, вызванному в то же время в Абхазию, что ему дает возможность бар. Турнау провести по берегу Черного моря. Но е. выс. пр. не изъявил свое согласие, чтобы бар. Турнау для исполнения возложенного на него поручения отдался пленником темиргойскому владельцу кн. Джембулату, который по последним поступкам своим оказался подозрительным в неблагонамеренности нашему правительству, посему ввериться ему не только было бы бесполезно, но и даже весьма опасно.

От 20 мая бар. Турнау мне доносил, что 30 мая он отправляется в аул князей Лоов для предложения им ему содействовать к проезду по берегу Черного моря. Едет он с Соломоном Микамбаием, взявшимся его провести, кроме сего владелец Абхазии придал ему доверенного своего подвластного Муты Шакрилова (брата прап. Шакрилова) и слугу абхазца, знающего несколько по-русски. Поездка сия сопряжена с опасностью, и бар. Турнау принужден скрывать настоящее звание свое. Соломон Микамбай хотел его вести горами, опасаясь жителей Псу и Ачипсу, но он успел его склонить, когда будет малейшая возможность, ехать через сии места, дабы он мог обозреть оные. Проехать по берегу моря прямо из Абхазии по нынешним обстоятельствам, т.е. по причине приближения Абхазского действующего отряда к черкесским границам, сделалось совершенно невозможно. Ближайшие к Гаграм горские племена в раздоре между собою: одни желают изъявить покорность русскому правительству, другие противятся сему их намерению.

Убыхи, сведав о сем и о движении отряда к Бзыбу, собирались за Гаграми для защиты прохода и взяли с джигетских племен аманатов с тем намерением, чтобы их остановить в изъявлении покорности русским. 25 мая убит близ Гагр жителями деревни Хысха, засевшими в лесу, абхазский дворянин, посланный владельцем для переговоров с черкесами, имел он проводником джигетского кн. Мисоуста Геч и, несмотря на то, не избежал смерти. Происшествие сие явно доказывает, что черкесы приняли всевозможные меры к ограждению себя от сношений с русскими и приверженными нам абхазцами и к отнятию способов к вступлению в переговоры с желающими покориться русскому правительству. Сие приключение не могло, однако, остановить бар. Турнау и убить духом, оно напротив более подстрекало его испытать возможность проезда.

От июля до 8 дня бар. Турнау мне донес, что от 1 числа текущего июля месяца прибыл в Пятигорск после одномесечного пребывания в горах для свидания там с командующим Кубанской кордонною линиею полк. Зассом. Выехал он из Абхазии в сопровождении Соломона Микамбая и людей его, всего 5 человек, намерение его ехать через Псу и Ачипсу на другую сторону

⁶ Хикураса.

гор не могло выполниться, потому что оно через проводников же его сделалось известным жителям помянутых селений. Обстоятельство сие лишило его возможности обозреть дорогу, пролегающую чрез сии места, и он мог видеть только части оной. От с. Акуача бар. Турнау ехал хребтом горы вверх по течению Гумисты и, прибыв к верховьям Бзыба по трехдневному переходу через снеговой хребет, спустился в ущелье Онджиксу или маленького Зеленчуга, откуда поворотив на северо-запад по переправе чрез я. Кяфир, прибыл на речку Шенденту, впадающую в Уруп близ самого его истока. Ближайший сему месту – аул Башильбаевский кн. Магмета⁷ Кирея Сидова.

Не застав сего князя дома, бар. Турнау в продолжение восьми дней был принужден жить в лесу, дабы присутствием своим в оном не подвергнуть себя или аул нападению неприятельных нам абазех⁸, кроме того его заставляла решиться на сие и вражда бесленеевцев и абазех с проводниками его абхазцами, в земле которых в прошедшем году убиты хаджи первых. По возвращении кн. Магмета Кирея Сидова он переехал к нему в дом, и когда выехали туда вызванные им князя Лоовы, то он через аул кабардинского кн. Исмаила Исаева отправился на Кубань, которую переехал против станицы Батал-Пашинской. В ауле кн. Сидова явился к нему беглый казак Брагунов, находившийся поблизости тех мест с партией абазех, которых он скрыл за Урупом, сведав о местопребывании бар. Турнау от одного же из абхазцев-проводников его, ходившего в селение за пищею. Спрашивал он бар. Турнау о возможности заслужить прощение своих преступлений какими-либо услугами правительству, на что он получил совет прекратить разбой и отнестись по сему предмету к начальству.

Казак сей известил Турнау о неосторожности его проводника, вместе с тем предупредил и князей Лоов о намерении другой партии абазех под предводительством Хамурзина перерезать дорогу, что заставило их удвоить осторожность и принять меры к безопасному Турнау проезду на Кавказскую линию. По приказанию г. корпусного ком-ра предписано мною бар. Турнау, если он найдет средство опять встретиться с беглым казаком Брагуновым, то собрать все возможные о нем сведения и стараться убедить его к возвращению. Желание братьев Лоовов оказать услугу, жертвуя даже собственной жизнью, выразалось во всех их действиях, и в доброхотстве, и бесстрастии, с которыми они вели Турнау по весьма опасным местам от Сидова аула до Кубани. По предмету обзора берега Черного моря князя Лоовы изъявили желание покориться, мало в чем могут способствовать. Объяснили они Турнау, что до явления их русскому правительству они могли его провести только по пройденным им местам. Полк. Засс обнадежил бар. Турнау отыскать людей, которые будут иметь возможность его провести от Геленджика до Гагр, по чему бар. Турнау по излечении ног, которые в ранах от пеше ходьбы в больших горах, хотел отправиться в Невинный Мыс для узнания подробнее средства, которые на сие имеет полк. Засс.

⁷ Мамат.

⁸ Абадзехов.

Как некоторое время бар. Турнау необходимо для излечения ног и приготовления себя к дальнейшему пути, то оное хотел употребить на приведение в порядок и пополнение собранных им сведений на составление маршрута пройденной им дороги, местами он имел возможность снимать глазомерно.

От 9 июля бар. Турнау мне доносит, что полк. Засс упоминал о возможности отыскать проводников по берегу Черного моря, основывал надежды свои на беглых кабардинских князей Хамурзиных, из которых один был в Мекке, проезжал по дороге, обзор которой бар. Турнау поручен.

Полковник Засс виделся с одним из Хамурзиных, который обещает Турнау содействовать в выполнении его поручения, отдав на время его проезда сына своего аманатом, и что к 29 числу сего месяца придут тайно в Прочный Окоп князя Хамурзины для совещания по сему предмету. К тому времени бар. Турнау должен находиться в Прочном Окопе и отправиться немедленно, дабы не дать времени разойтись слуху о предпринимаемой им поездке, которой успех совершенно зависит от соблюдения тайны. Г. корпусной командир, усмотрев все старания и самоотвержение бар. Турнау в столь важных предприятиях, полезнейших для цели будущих наших действий, объявил ему свою совершенную признательность.

О сих похвальных трудных занятиях поруч. бар. Турнау, соединенных с непрерывным преодолением значительных препятствий, я приятнейшим моим долгом почту со всею подробностью представить на благоусмотрение вашего пр., прося всепокорнейше обратить ваше милостливое начальническое внимание на столь полезного офицера ген. штаба.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, 1835 г., лл. 1-12. Подлинник.

Источник: Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). Сборник документальных материалов. Т. 1. Сухум, 2008. С. 179-191. Документ 85.

15. 1836 г. января 16. «Выписка из отношения [корпусного командира] Военному министру о происшествиях за Кавказом» (относительно нападения «горцев» на абхазцев с целью угона скота). № 32.

3-го декабря партия горцев недалеко от укрепления Гагры напала на табун, пасшийся близ оного, но нижние чины Черноморского линейного № 5 батальона, находившиеся в прикрытии, вместе с высланным к ним из Гагры подкреплением отразили нападение и заставили горцев удалиться.

О чем для доведения до высочайшего государя императора сведения имею честь сообщить в.с.

Источник: Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. (Сборник документальных материалов). Тбилиси, 1953. С. 74-75. Документ 64.

16. Из книги Э. Спенсера «Описание поездок по Западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию в 1836 году»

1836 г.

После того как русские овладели старой церковью и монастырем в Вардане и укрепили их, мне сообщили, что абазинцы сровняли с землей несколько интересных античных развалин, таких как церкви и монастыри самых ранних христиан под предлогом, что захватчики могут превратить их в форты и тем самым поработить их. Это разрушение тем более вызывает сожаление, потому что имеется весьма веская причина предположить, что многие из этих древних сооружений содержали внутри себя ценные и очень древние памятники, а исходя из древних манускриптов, обнаруженных в Армении, Мингрелии и Грузии, известно, что некоторые рода, живущие в Абазии, произошли от ранних иудеев, обращенных в христианство, кои, будучи преследуемы своими соплеменниками и правителями Римской империи, бежали на Кавказ и здесь поселились, – мнение, подкрепленное тем обстоятельством, что черты лиц некоторых из этих родов все еще несут на себе печать их еврейского происхождения; а их религия по сей день является смешением иудаизма с христианством; так как среди прочих обрядов, как я узнал, празднование еврейской пасхи справляется с соблюдением многочисленных ритуалов, как и у евреев, когда те отмечают этот возвышенный праздник.

Источник: Спенсер Э. Описание поездок по Западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию в 1836 году. Нальчик, 2008. С. 159.

17. Из книги «Путешествие профессора Нордмана⁹ по Закавказскому краю».

1836 г.

Укрепление Сухум-Кале, построенное турками в 1724 году, состоит из четырех весьма небольших бастионов, одетых камнем, которые соединены между собою стенами в 55 саж. длины и в сажень толщины, составляя крутины с амбразурами. Одна сторона сего четырехугольного укрепления примыкает непосредственно к морю; прочие же стороны окружены болотом. Подобно прочим турецким крепостям, Сухум-Кале не имеет наружных укреплений; двое больших железных ворот составляют вход в крепость. Над входом одних ворот находится следующая высокопарная турецкая надпись¹⁰:

⁹ А.Д. Нордман – профессор Одесского рижельевского лицея.

¹⁰ Эта надпись в 1877 году, во время оккупации Абхазии турецкими войсками, была сорвана адъютантом султана и доставлена в Константинополь, где ее сдали в музей дворца Топкапы.

«В благополучное правление е.в. царя царей, великого султана, которого высочайший двор и держава ни мало не уступают державе Александра Македонского и Дария, – счастливого царя, блистающего на земле красотой, народами, славою и правосудием, и при любезном зяте сего царя, верховном визире государства, против всех врагов и злодеев, по высочайшей воле выстроена сия великая и неприступная крепость, твердостью подобная большой птице сунне, летающей высоко на Кавказской горе.

Господь бог да умножит благополучие на сем свете великого государя, коего священная особа служит залогом покоя и тишины на земле, да утвердит навсегда наместником его великого благоразумного визиря, как виновника народного благоденствия».

...Гагры или Гагра составляет границу между племенем джигет, иначе называемым саджуа и абхазцами...

Джигетская область разделяется на три округа.

1. Округ Цандрипш

Заключается между реками Жеу-адзеком и рекою Акску-ардзе. В нем находятся следующие селения:

№№ п/п	Деревни		Имеет дворов
1.	Бегева	–	35
2.	Яысха	–	60
3.	Азирипши	–	25
4.	Симайрипши	–	25
5.	Хыспата	–	40
6.	Арзака	–	50
7.	Хеква	–	25
8.	Бакитура	–	20
9.	Хыпат-ипа, Халили	–	40
10.	Быцыхра	–	20

2. Округ Гечь.

Между реками Акску-ардзе и Метзыштою. В нем селения следующие:

№№ п/п	Деревни		Имеет дворов
1.	Пшеуха	–	45
2.	Пешехурка	–	50
3.	Хысхорупши	–	25
4.	Беребирка	–	25
5.	Ламейрипши	–	20
6.	Багрипши	–	100
7.	Микельрипши	–	80
8.	Ахтыгуарта	–	15
9.	Абаавшта	–	25

3. Округ Ясхрипшь

Между реками Мезыштою и Соча. В нем селения следующие:

№№ п/п	Деревни		Имеет дворов
1.	Лиавшь	–	80
2.	Адвехапс	–	45
3.	Лшицхара	–	20
4.	Хозрипши	–	35
5.	Аринда-рицута	–	70
6.	Сомхурупши	–	70
7.	Азнагра	–	40
8.	Вицаа	–	40
9.	Хусхурупши	–	30
10.	Хамыша	–	10

В Цандрипшском округе первейшими и значительнейшими князьями считаются Цамбаевы (Цамбаа). В округе Гечь – князья Гечаа. В Ясхрипшском – князья Аридбаевы (Аридаа)...

Источник: Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). Сборник документальных материалов. Т. 1. Сухум, 2008. С. 215-217. Документ 90.

18. Отношение барона Розена к гр. Чернышеву, от 26-го июня 1837 года, № 224. – Анапа.

После отношения моего к в.с., от 11-го сего июня, № 138, о действиях отряда, состоящего под личным моим начальством, имею честь сообщить следующее 11-го июня войска продолжали расчистку леса и заготовление материалов и разных принадлежностей для предстоящих работ при укреплении и начали устраивать редут для обеспечения фронта позиции и прикрытия цепи, в продолжении 9-го и 10-го чисел подвергавшейся весьма сильному нападению неприятеля; для обеспечения же правого фланга лагеря, прилегающего к быстрому и глубокому рукаву р. Мдзымты, предпринято устройство моста на лесистом острове, на котором горцы начали появляться и могли нас беспокоить. Употребленные для сей работы с сухопутными командами матросы из сводного флотского батальона оказали здесь отличное усердие: они, следуя примеру командовавшего ими 37-го экипажа лейтенанта Безобразова, с опасностью жизни переплыли реку для укрепления на противном берегу канатов при начале работы.

12-го июня продолжались те же самые работы и начата, по утвержденному мной плану, трассировка крепости на очищенном от леса месте. Проходившая издали, впереди цепи, партия горцев, начинала перестрелку без всякой для нас

потери, но один артиллерист, самовольно удалившийся за цепь к р. Мдзымте за водой, был убит выстрелом из лесу с противоположного берега.

13-го июня воскресный день; людям был дан отдых поутру, но с 4-х часов пополудни они продолжали прежние работы.

В этот день возвратилась часть судов, посланных в Бомборы для доставления остальных войск и разных тяжестей отряда.

Сего же числа ночью возвратился Самурзаканский кн. Эмухвар из сел. Геча, лежащего по направлению Гагр в 8-ми верстах от лагеря. Князя сего я секретно посылал туда морем к родственнику его, одному из почетных тамошних старшин Ахмед-Аслан-бею Геча. Он по приказанию моему объяснил ему требования нашего правительства и старался склонить его действовать к убеждению здешних горцев изъявить покорность нашему правительству. Аслан-бей, со своей стороны, обещал употребить все старание для внушения соседственным своим единоплеменникам о необходимости покориться, но к склонению жителей самого Адлера находил затруднение. При сем он рассказывал, что многие старшины, пользовавшиеся особенным в народе уважением, погибли в делах 7-го, 9-го и 10-го июня. Здесь также узнал кн. Эмухвар, что горцы адлерские, осведомясь о движении части отряда сухопутно от Сухум-кале к Бомборам и полагая, что эти войска предпримут движение на Адлер через Гагры, собрав с собственными к ним племенами до 1500 чел, отправились для занятия Гагринского хребта; но, увидев с берега, что и последние войска следуют морем, предприняли обратное движение, и большая часть их разошлась по домам.

14-го числа возвращавшиеся от Гагр партиями горцы, проходя в отдалении мимо лагеря, заводили несколько раз перестрелку с нашей цепью без всякой с нашей стороны потери.

Убеждения посланного мною Эмухвара не остались без последствия. Около 2-х часов пополудни из толпы горцев подъехал один человек к цепи и просил выслать кого-либо, знающего кабардинский язык. Я послал к нему состоящего по кавалерии корнета Кундухова, через которого убыхский старшина Беярслан Берзеков и один из старшин здешних горцев изъявил желание явиться ко мне для личных объяснений. По прибытии старших, обласкав их, я объявил им требования наши от покоряющихся горцев; объяснил им выгоды, которыми пользуются покорные народы, сохранение неприкосновенными их религии, обычаев и собственности, бесполезность их сопротивления и пагубные для них последствия оного. Беярслан Берзеков, убежденный моими увещаниями, дал обещание немедленно отправить своих людей в дома и обнадеживал, что по возвращении своем он постарается склонить убыхов, обитающих в горах за р. Сочею, к изъявлению покорности. Он вместе с старшиною обещал также употребить старания к увещанию здешних жителей прекратить враждебные против нас действия и покориться; но между тем объявил, что они мало надеются на успех своих советов, и в особенности потому, что соседние горцы настаивают, чтобы они сопротивлялись нам до последней возможности.

15-го числа явился ко мне проживающий на мысе Адлер черкесский старшина Сулейман-Хасан, который был захвачен нашими крейсерами, находился несколько месяцев на службе в Финляндии и по ходатайству турецкого правительства возвращен на родину. Старшина сей прибыл ко мне с несколькими другими для узнания требований нашего правительства. Когда я ему объяснил Высочайше одобренные условия для горцев, он дал мне обещание стараться склонить своих соотечественников к изъявлению добровольной покорности, но на обещание его, равно как и на данное Беярсланом Берзековым, полагаться нельзя, и сие тем более, что на черкесском берегу находятся два английских агента, которые сильно подстрекают вражду к нам горцев и продолжают делать им нелепые внушения. В числе сих агентов известного Белля нет, но по сведениям, у меня имеющимся, он должен еще находиться где-либо на берегу близ Трепизонда, откуда и изыскивает средства прокрасться мимо наших крейсеров к берегам Черкесии. В сей день под вечер несколько горцев, приблизившихся к левому фалангу нашей цепи, завели с нею перестрелку без всякой с нашей стороны потери.

Сего числа кончен редут, устраиваемый пред центром позиции; прочие же работы продолжались своим порядком.

16-го июня продолжались работы, и к вечеру окончен мост через главный рукав Мдзымты.

17-го числа возвратился контр-адмирал Эсмонт из Сухум-кале с судами, туда посланными, и доставил последние войска действующего отряда, находившиеся в Абхазии, подвижной госпиталь и разные тяжести, принадлежащие войскам, некоторые строительные материалы, инструменты и значительное количество продовольственных припасов.

В этот день кончена разбивка и трассировка укрепления.

18-го июня по совершении молебствия в присутствии войск действующего отряда и части флотских экипажей я заложил, с приличной сему случаю церемонией, укрепление, наименовав оное укрепление Св. Духа, в память дня, в который сделан мною десант на мыс Адлер.

Утвердившись таким образом с полным успехом на мысе Адлер, заложив на оном укрепление, обеспечив действующий отряд продовольствием почти до сентября месяца и открыв даже некоторые сношения с горцами, я, признавая присутствие мое не столь нужным в отряде, отправился на пароходе «Язон» для обозрения всех укреплений наших к восточному берегу Черного моря; отряд же поручил ген.-м. Симборскому и предписал ему довершить Высочайше назначенные в нынешнем году предприятия против горцев.

Предприятия сии состояли

- 1) в решительном покорении Цебельды;
- 2) в усовершенствовании береговой дороги в Абхазии от Сухума до Бомборы и, если можно, то и до Гагр, и
- 3) в занятии на севере от Гагр одного или двух якорных мест.

Из сих предприятий первое, как известно в.с. из отношений моих о предприятиях в Цебельде, приведено мною с совершенным успехом в

исполнение. Разработкою дороги в Абхазии войска занимались по мере возможности до начатия действий против цебельдинцев. Мыс Адлер также мною занят. Посему я предписал ген.-м. Симборскому:

1) окончить заложенное мною укрепление с необходимыми для гарнизона помещениями и, если соседние горцы не изъявят покорности, то истребить ближайшиe аулы;

2) обозреть к северу от мыса Адлер берег Черного моря до р. Сочи для избрания на сем пространстве удобного пункта для укрепления. Обозрение это, для избежания потери в людях, я разрешил произвести морем, так как глубина оногo позволяет в хорошую погоду подходить к берегу на довольно близкое расстояние, и

3) по позднему времени, в которое может быть окончено укр. Св. Духа, находя весьма неудобным приступить к сооружению в нынешнем году второго укрепления за Гаграми и особенно к возведению в оном для помещения гарнизона зданий осенью, обыкновенно весьма дождливою у восточного берега Черного моря, я предписал ген.-м. Симборскому, по окончании укрепления на мысе Адлер, с отрядом отправиться морем в Сухум-кале или Бомборы и заняты разработкою дороги в Абхазии. При чем я вменил в обязанность ген.-м. Симборскому ко времени Высочайшего прибытия в Фанагорию всеподданнейше донести прямо Е.И.В. о том месте, где будет находиться действующий со стороны Абхазии отряд во время Высочайшего обозрения восточного берега Черного моря, но полагаю удобнейшим соединить оный при Сухум-кале, так как в Сухумской бухте осенью надежнее и удобнее приставать к берегу; на открытых же Бомборском и Адлерском рейдах не только при волнении моря, но и при небольшой зыби нельзя выйти на берег от сильного прибоя.

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 8. Тифлис, 1881. С. 874-876. Документ 751.

19. Из докладной записки цебельдинского пристава Ф.Я. Лисовского полк. Катенинсу о Псху и его жителях.

24 мая 1838 г.

О племени Псху, мнение о покорении оногo и меры для упрочнения покорности цебельдинцев

Из карты, составленной мною и представленной гос. Управляющему Имеретию при рапорте от 19-го апреля 1838 года, видеть можно местоположение племени Псху и окружающего оногo племени. На этой карте означены все главнейшие перевалы с южной на северную покатость гор от верховьев Ингур до реки Медзимта, все главные дороги как продольные, так и поперечные. На этой части станогo хребта все перевалы в зимнее время от

ноября до апреля непроходимы. Один только из них, перевал Мыды Псху служит в зимнее время единственным сообщением обеих покатоостей...

Климат, воды, почва, земли и лес

Климат Псху по высоте гор довольно острый, зима постоянная около 5-ти месяцев. В Псху одна только большая река Бзыб... Долина Псху изобилует превосходными сенокосами, произрастает здесь разного рода хлеб, и посевы могли бы хорошо удаваться при рачительном обрабатывании земли.

Народонаселенность, вооруженность, управление обществом и религия

Народонаселение в Псху состоит из туземцев и разного рода людей, бежавших из своих оседлостей в Абхазии и прочих местах, а потому невозможно сказать определенно о числе людей, здесь обитающих: по достоверным сведениям известно мне, что число жителей, имеющих постоянное пребывание в Псху, не превышает трехсот дворов.

Вооружение жителей бедное, имеют недостаток в порохе. Нет здесь общей власти, князь Темурква Масипа Маршания более прочих уважаем псхувцами по своему зажиточному состоянию и возрасту, но он и не пользуется общим влиянием на народ, самоуправный в полном значении этого слова. Псхувцы – идолопоклонники, они не исповедуют никакой религии, клятва их, подобно как у многих горцев, совершается в кузницах ударением молотка по наковальне и произношением слова шушурнис (да буду я проклят). Они поклоняются деревьям, рощам и прочим предметами, подлежащим чувствам.

Скотоводство, земледелие и промышленность

Псхувцы... мало заготавливают сена, хотя луга изобильны, и потому не держат много скота..., летом и зимою держат в своей долине...

Земледелие почти в руках женщин, которые, когда их мужчины занимаются грабежом, сеют в малом количестве кукурузу и фасоль на земле, вскопанной лопатками ими же самими. Женщинам предоставлена также и уборка хлеба, равно как и все прочие домашние работы.

Главный промысел псхувцев – грабительство, воровство и мена пленными.

Связи и отношения псхувцев с соседями

В теперешнее время связь, хотя тайную, но самую тесную, псхувцы имеют с жителями Бзыбского округа. Эти последние обеспечивают все потребности Псху, от них псхувцы имеют железо, соль, порох и прочее, даже хлеб, который они получают от бзыбцев на скот, отбитый в дальних местах. В Бзыбском округе псхувцы имеют к себе расположенными только жителей селений Гумы и Акапа по той причине, что селения эти лежат на одной из дорог с Псху в Цебельду. Псхувские и цебельдинские князья Маршани происходят от одного дома; кроме этого, прочие сословия цебельдинские связаны родством с псхувцами и потому живут между собою дружно...

Общее замечание о Псху

В продолжение десятилетнего пребывания моего в Абхазии, а более всего еще при исправлении настоящей должности моей в Цебельде, я удостоверился совершенно, что Псху есть удобнеее пристанище бесчинства. Это гнездо...представляет единственный и безопаснейший приют всякому, избегающему взыскания. Здесь всякий преступник находит свое безопасное убежище...

Мнение о покорении Псху и упрочнении покорности цебельдинцев

...2. Приказать строго карачаевцам и цебельдинцам не допускать псхувцев в свои границы...

6. Истребовать все русские семейства, оставленные начальством в Цебельде на жительство, и в месте пребывания пристава поселить их на общем положении о военном положении за Кавказом.

ИРК, ф. Е.Г.Вейденбаума, д. 1361/384, лл. 1-7.

Копия

Источник: Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). Сборник документальных материалов. Т. 1. Сухум, 2008. С. 232-235. Документ 94.

20. Из записки управляющего Имеретией ген.-м. Я.М. Эспехо «Об Абхазии и мерах, какие предполагается предпринять для прекращения набегов черкесов» (апрель) 1839 г.

Обитающие по северо-восточному берегу Черного моря выше Гагр горцы, в особенности племя абадзех, называемое нами джигетами, в соединении иногда с убыхами и другими мелкими племенами, какие-то: ахчипсы, айбга и псху, или каждое из них отдельно, с самого начала занятия нашими войсками прибрежных пунктов Абхазии в 1830 году неоднократно покушались делать нападения сухопутьем и морем на галерах на деревни абхазские, на команды, высылаемые с укреплений Гагр и Пицунды, на табуны наши и даже несколько раз на самые укрепления. Хотя покушения их на войска и пункты нами почти всегда отражались с успехом, но случалось, что поиски их бывали и для них удачны. В особенности крайние абхазские деревни много терпели от их хищничества, да разграбления Бомборского форштата в 1834 году и отбитие табуна почти целой казачьей сотни на Бзыби доказывают и решительность горцев и успехи противу нас там, где малейшая представлялась способность, которою они не пропустили пользоваться.

Покорение Цебельды в 1837 г., занятие тогда же Аридляра (мыса Константиновского) и Сочи в прошлом году и дела с нами на сих пунктах отвратили внимание их на собственную землю и прекратили набеги на места, в

полной зависимости нашей состоящие, хотя нельзя сказать, чтоб и в эти два года не было обычных тревог в абхазских укреплениях, заставляющих гарнизоны быть во всегдашней готовности на случай нападений: но я думаю, что это была только одна военная хитрость горцев, которые старались рассеивать подобные для сделания в пользу их диверсии.

В нынешнем году они начали разграблением абхазской деревни Друиши. Для наказания за это владетель кн. Михаил, собрав сильную партию своих, отправился к ним; но, по полученным мною теперь от приезжающих известиям, застал на границе их готовность к отражению, возвратился безуспешно и получил обещание горцев вскоре посетить его в Абхазии...

Гагры, лежащие по ту стороны Бзыби, – реки, которая при половодье удерживает их покушения, – не изъяты от нападений, не исключая сильной зимы, в остальные три части года, но та же самая река Бзыбь служит нам и абхазцам преградою противу горских галер, которые обыкновенно близ устья по правую сторону ее имеют притон. Сухопутные дороги от джигетов сходятся в Цандрипши, оттуда ведут – одна по берегу моря преграждена гагрскою тесниной и укреплением, другая – немного выше поперек отрогов, упирающихся в море в Гаграх, и третья – еще выше, встречающая одной главной ветвью верхнюю Бзыбь, а другая, выходящая противу абхазского селения Аджинхуне на равнину, лежащую на правую сторону нижней Бзыби 12–15 верстах от устья ее. По первой дороге они делают нападения на Гагры, по второй – на команды, оттуда и из Пицунды высылаемые, и на скот абхазцев, пасущийся за Бзыбью, по третьей – на деревни абхазские и скот, пасущийся в горах...

8. Из опыта известно, что когда бывала брандвахта в Гаграх, то горцы на галерах не осмеливались делать покушение на Абхазию, всегда пользовались отсутствием ее оттуда.

Почти до экспедиции предместника моего ген.-м. Ахлестышева в 1835 году для разработки дороги до Гагр и усиления укреплений той теснины брандвахта всегда там находилась, а в 1830 и в 1831 годах безотлучно и даже в зимнее время. Этим доказывается не столь опасная якорная стоянка в тамошней бухте, где только более страшные ветры от N и W весьма редко летом господствуют. Покойный ген.-м. Пацовский, весьма хорошо постигавший дела Абхазии, всегда настоятельно требовал от морского ведомства высылки брандвахты в Гагры и, как только это не исполнялось, не упускал доносить по команде, но в конце 1835 года, оставив Абхазию для управления Имеретией в поездку ген.-м. Ахлестышева в отпуск, не имел столько возможности, находясь в отдаленности, наблюдать ближе столь важный предмет. Заступивший в то время вместо его в Абхазии подполковник Малинский не был столько настоятелен в своих требованиях, а между тем по возвращении в исходе июля 1836 года в Абхазию ген.-м. Пацовского другие чрезвычайно важные дела по тогдашним происшествиям заняли его так, что он не всегда мог вполне наблюдать за нахождением брандвахты в Гаграх, да и изрядное состояние тогда Гагрского укрепления не внушало особенного опасения. Но, наконец, военные

действия в 1837 и в 1838 годах на восточном берегу Черного моря вовсе устранили надобность брандвахты в Гаграх во время пребывания эскадры севернее того укрепления. Таким образом, вышло из обыкновения ставить там военное судно, приносящее в том пункте неописанную пользу как для защиты самого укрепления, теперь подмытого волнением и весьма ветхого, так и для нанесения вреда горцам, приходящим в Абхазию по дороге немного выше Гагр, который не может быть значителен из самого укрепления по чрезвычайной близости крутых гор, на которые с весьма посредственным или даже малым успехом действует артиллерия из укрепления и, наконец, для воспрепятствования галерам прохода к Бзыби. В доказательство того, сколь необходима брандвахта в Гаграх и как горцы умеют пользоваться отсутствием ее, я из многих примеров поясню здесь только две самые значительные, которые дорого нам стоили. Первый – нападение черкес на галерах с 16 на 17 мая 1834 года на Бомборский форштат и разграбление оногo, и второй – нападение их же в весьма значительных силах с 9 на 10 июня 1835 года на ветхое укрепление Гагры, куда они успели уже ворваться и от овладения которым спасла только беспримерная храбрость малочисленного гарнизона и необыкновенный навык оногo быстро вставать в ружье, полученный во время частых тревог.

По обстоятельствам, здесь изложенным, я признаю крайне необходимым и теперь ввести прежнее обыкновение нахождения брандвахты на якоре в Гаграх. Но если за принятыми морским ведомством мерами вследствие несчастного крушения судов у абхазских берегов в мае прошлого 1838 года невозможно сего сделать, то, по крайней мере, необходимо, чтобы она была в крейсерстве и всегда на виду Гагр для того, чтобы могла подавать помощь им и не допускать к Бзыби галер.

9. Равномерно необходимы частые крейсеры за Гаграми для того, чтобы не позволять собираться галерам и выжидать благоприятствующих им случаев. При чем решаюсь сделать то замечание, что многие суда, назначаемые в крейсерство, чрезвычайно далеко плавают от берегов и, следовательно, не внушают того опасения горцам, которое могли бы, и сами находятся не в состоянии наблюдать ближе за их действиями.

10. В Абхазии теперь находится одна лодка азовских казаков и другая ожидается от г. ген.-лейт. Раевского; они с отменной пользою могут быть употребляемы для крейсерства между Бомборами и Гаграми и для защиты мелких укреплений около Бомбор. По чему нужно повторить предписание ген.-лейт. Раевскому о скорейшей высылке ожидаемой от него одной лодки.

В продовольствии войск не будет затруднения потому, что во всех абхазских магазинах достаточно провианта, в том числе и сухарей, но так как в батальонах № 10 и 11 не положено десятидневного провианта, то в Кутаиси заготовить нужно сухари для команд из них и артиллеристов на 500 человек, а казакам в Зугдиди на 6 дней. Гомия, нужная для милиции, имеется в Сухум-Кальском магазине. Продовольствие милиции назначить со дня выступления на

том самом основании, какое (было) в прошлых годах, а деньги, на то нужные, употребить заимообразно из других сумм, в ведении моем состоящих.

Боевые припасы и артиллерийские снаряды имеются в достаточном количестве в Сухум-Кальском артиллерийском гарнизоне.

Шанцевой инструмент имеется в батальонах и в случае нужды может быть употреблен из находящегося в Абхазии для разработки дороги. Заболевающие могут быть отправляемы в бомборский госпиталь и батальонные лазареты с возвратом денег за посторонних больных по положению. Батальонные подъемные лошади могут употребляться для возки больных, боевых снарядов и продовольственных припасов, инструментов и других вещей в облегчение и для надобности отряда...

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 117-119. Документ 148.

21. Из рапорта начальника 2-го отделения черноморской береговой линии М.М. Ольшевского начальнику черноморской береговой линии Н.Н. Раевскому об усердии владетеля Абхазии М.Г. Шервашидзе в «покорении» джигетских и убыхских князей.

Укр. Бомбора, 10 марта 1840 г.

В земле джигетов, в вершинах реки Хошупсе, впадающей в море между укреплениями Св. Духа и Гагрою лежит деревня Хышха. Она имеет около 200 дворов и принадлежит князьям Анчабадзевам. Доступ к этой деревне весьма труден. Конная тропа идет от укрепления Гагр по горе. По этой тропе от Гагры до Хышха считается 5 часов ходу.

Абхазцы захватили у князей Анчабадзевах двух крестьян. Когда эти Анчабадзевы прибыли к владетелю Абхазии для выкупа означенных крестьян, то е. св., выставивши им все выгоды, коими пользуются подданные г. и., успел уговорить князей Анчабадзевах покориться и вступить в подданство России со всеми принадлежащими им подвластными. Вследствие чего князь Состан-Газ (один из самых преданных и надежных), Кван, Лаз, Сосран, Хаджала, Шахиль, Решит-пана, Халил, Соломон и Шорахмед Анчабадзевы с несколькими почтенными своими подвластными присягнули в присутствии владетеля Абхазии и временно командировавшего вверенным мне отделением полковника Козловского на верность подданства г. и. и выдали четырех аманатов...

Покорению Анчабадзевах мы обязаны отличному усердию владетеля Абхазии, который все свое старание употребляет на пользу нашего правительства и, хотя имеет весьма ограниченное состояние, не щадит своих собственных издержек...

Усердие владетеля этим не ограничивалось. Общество убухов есть одно из самых злейших нам врагов. Главный старшина Аджи Берзек есть из первых представителей партий, собираемых для действий против нас. Владетель Абхазии воспитывался в доме Аджи Берзека, старался через посланных уговорить его покориться нашему правительству...

Несмотря на отказ Аджи Берзека и его племянника Генартука (одного из самых храбрых предводителей) стараться уговорить убухов покориться, они оказали нам следующую услугу: убухи, узнавши, что князя Анчабадзеви покорились нашему правительству, вознамерились их разорить. Но Аджи Берзек и Генартук удержали их от сего...

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 125-126. Документ 155.

22. Рапорт ген. Головина гр. Чернышеву, от 30-го мая 1840 года, № 566.

Бывший начальник 2-го отделения Черноморской береговой линии, ген.-м. Ольшевский доносит, от 11-го мая, что по убеждению кн. Михаила Шарвашидзе, цандрипшские князья Омар, Беслан и Ислам Цанбеевы вступили в подданство России и дали в том клятвенное обещание.

Означенные князья Цанбеевы имеют до 150-ти дворов и живут на р. Хошупсе, в земле джигетов, называемой по имени урочища Цандрипш. Хотя не весь род князей Цанбеевых покорился и князья, принявшие подданство России, не многочисленны, но пример их может иметь хорошее влияние на цандрипшских князей, сильнейших между джигетами. Владетель Абхазии старается склонить их вступить в подданство России. Тогда укр. Гагры и Абхазия не будут подвержены опасности нападения со стороны джигетов. Покорность князей Цанбеевых тем более заслуживает внимания, что она случилась в то время, когда все горцы, живущие между устьем Кубани и Абхазией, восстали против нас и, ободренные своими успехами, не перестают угрожать нашим укреплениям.

Ген.-м. Ольшевский доносит также об изъявлении покорности псхувским кн. Пшемако с подвластными ему дворянами и крестьянами в числе 100 дворов, составляющих третью часть всего народонаселения.

С самого вступления моего в управление Кавказским краем я обращал особенное внимание на приведение к покорности племени Псху, но разные обстоятельства заставляли отложить это предприятие. Приведение к покорности этого небольшого племени, сопредельного с Цебельдою и Абхазией с одной стороны, а с другой – с горными черкесскими племенами, тем важно, что оно после покорения цебельдинцев только одно из племен, обитающих по сю сторону Гагринского хребта, не признает нашей власти, открыто производит

торг пленными, дает убежище разбойникам и другим преступникам из соседних к ним наших провинций. Покорение одного кн. Пшемако, хотя не ведет к обладанию всем племенем Псху, но некоторым образом обеспечивает Абхазию от вторжения непокорных горцев, всегда в этом случае проходящих через землю псхувцев. Кн. Пшемако один не воспретил им вторгаться, но, уведомляя нас заблаговременно о следовании горцев, дает возможность отражать их набег в самом начале.

При том же можно надеяться, что пример его увлечет за собою и прочих князей псхувских, из одной фамилии происходящих, чему много будут способствовать постоянные убеждения владетеля Абхазии.

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 9. Тифлис, 1884. С. 448-449. Документ 389.

23. Рапорт ген. Головина гр. Чернышеву, от 20-го июня 1840 года, № 671.

При покорении в 1837 году Цебельды четыре брата одной из главных тамошних княжеских фамилий Маршания разделены были на две партии: одна, главою коей были князья Шабат и Эсшау Маршания, противилась принять покорность и действовала против нас; другая – под влиянием Ханкероса и Батал-бея Маршания и родственника их; Засхана Маршания, известного Г. И. по служению своему в гвардейском горском полу-эскадроне, приняла присягу подданства. Для проведения всей Цебельды в покорность барон Розен видел необходимость схватить кн. Шабата. Братья его, Ханкерос и Батал-бей, рожденные от другой матери, находившейся в давней с ним вражде, заарестовали Шабата и представили барону Розену. После сего Цебельда успокоилась и приняла подданство, Шабат был отвезен в Тифлис и посажен в Метехский замок, где я его нашел по прибытши моем в Закавказье.

Во время заточения Шабата, более года продолжавшегося, почетные князья Цебельдинские, и даже сами Ханкерос и Батал-бей, непрерывно просили меня об освобождении его. Местное начальство в Абхазии также свидетельствовало, что водворившееся спокойствие в Цебельде не нарушится присутствием Шабата и что освобождение его не будет иметь невыгодных последствий для края.

По этим удостоверениям кн. Шабат Маршания был освобожден и в порывах чувства благодарности просил дозволения участвовать в одной из экспедиций, дабы кровью омыть свой необдуманый поступок. Он был послан в отряд, действовавший в 1838 году в Дагестане, под командою ген.-л. Фезе, где заслужил всеобщее удивление подвигами необыкновенной храбрости и самого блистательного мужества, за что и был награжден чином прапорщика.

Возвратясь в Цебельду, Шабат хотя не предпринимал ничего против правительства, но вражда и ненависть к братьям Ханкеросу и Батал-бею им

вновь овладела, и он постепенно начал опять собирать своих приверженцев на истребление братьев.

В прошлом году вспыхнула между ними ссора, но пристав благоразумными мерами, с приверженными нам цебельдинским князьями прекратил междоусобие и остановил кровопролитие.

Ныне я получил донесение от и. д. начальника 2-го отделения Черноморской береговой линии, подполк. Козловскаго, что несогласие братьев Маршаниа, имевшее в начале вид междоусобия, обнаружилось теперь возмущением против правительства, что Шабат, склонив на свою сторону всю Нагорную Цебельду и призвав к себе на помощь непокорных псхувцев, при посредстве сванетскаго кн. Михаила, находящегося с ним в родстве, напал на братьев своих, нам преданных, Батал-бея и Ханкероса. Первого успели обманом схватить, а второго осадили в укрепленном доме его, требуя, чтобы он так же отложился от подданства и выдал им в заложники родного своего сына и племянника, сына Батал-бея. Ханкерос решительно отказал и, запершись в крепком своем доме, защищается. В то же время другая шайка этих разбойников, состоявшая из 60-ти чел., напала ночью 9-го числа июня на жилие нашего пристава Черноморскаго линейнаго батальона подпор. Лисовскаго, который, хотя мужественно защищался с 6-ю донскими казакамн и 5-ю семействами освобожденных русских пленных при покорении Цебельды, находившихся при нем, но раненый в голову пулею и двумя ударами шашкою в щеку и в нижнюю челюсть, непременно бы погиб, если бы на помощь ему не подоспели цебельдинские князья пор. Засхан н прап. Мисоуст. Жилие пристава сожжено, и все имущество разграблено, три человека из русских пленных убиты, один спасен с приставом. После сего дерзкого поступка мятежники уничтожили мосты на р. Кодоре, чем прервали сообщение Нижней Цебельды с возмущившеюся Нагорною.

Семь цебельдинских князей, оставшихся нам верными, в том числе пор. кн. Засхан, более всех действующий в пользу нашу, присягали на Алкоране не изменять данной ими присяге Г. И. и по вызову подполк. Козловскаго явились в Сухум, где объявили ему о намерении своем вооружиться против мятежников, если только Козловский с отрядом войск наших двинется к ним на помощь.

Вследствие всего он составил один сводный батальон – 130 чел – из двух рот от батальона, в Бомборах расположенного, других двух из числа трех, в Сухуме находящихся, присоединил к ним одно полевое орудие, два горных и несколько кегорновых мортир. Абхазский владетель, всегда ревностный и готовый на деле показать свое усердие, собрал 2280 чел. милиции и выступает с подполк. Козловским.

Получив о сем происшествии донесение, я направил чрез Сванетию в возмущившуюся Цебельду с нагорной ея стороны 600 чел. милиций Имеретинской и Мингрельской, к коим должна присоединиться милиция сванетских князей Михаила и Николая. Отряд этот я поручил состоящему при мне по особым поручениям подполк. Зорину. Кроме того, для подкрепления подполк. Козловскаго ген. Эспехо отправил в Абхазию только что высаженные

в Редут-кале из фортов Навагинского и Св. Духа две роты Мингрельского егерского полка. Хотя отряд подполк. Козловского весьма слаб, но надеяться можно, что с пособием цебельдинских князей, оставшихся нам верными, и владетеля Абхазии, Цебельда будет приведена в повиновение, так как, по моему мнению, источник этих волнений проистекает от кровной вражды четырех братьев г. Маршаниевых; в противном случае столь незначительного числа войск было бы недостаточно для приведения в покорность возмущившихся горцев, обитающих в вертепах, едва доступных. Этот случай вновь убеждает в необходимости иметь в Абхазии более войск, не только для подкрепления гарнизонов на Черноморской береговой линии, но собственно для Абхазии и полупокорных ее соседей. Теперь мы благодарны контр-адм. Юрьеву, что подполк. Козловский нашелся в возможности собрать хотя 439 чел., ибо он высадил с двух фрегатов, находящихся в Сухуме, 150 матросов для занятия караулов.

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 9. Тифлис, 1885. С. 490-491. Документ 424.

24. Обзор политического состояния Кавказа 1840 года 6 июня 1840 г. горские народы, обитающие на Западном Кавказе по Черноморской прибрежной линии противу правого фланга и центра Кавказской линии.

Наименование владений, племен и обществ	Места, ими занимаемые	Народонаселение				Вера, политическое состояние, степень покорности и образ правления
		Покорных	Пок.	Кор.	Всего	
Садзень или джики	Обитают по берегу Черного моря от укрепления Гагр до реки Сочи.			200	200	Садзень или Саша непокорны, и в настоящее время с упорством защищают свою независимость, - народ воинственный. Дабы положить начало покорению и прекратить сообщение их с турками и неблагонамеренным и иностранцами, в 1837 году воздвигнуты на мысе

						<p>Адлер укр. Св. Духа, в 1838 году на реке Соче – форт Александровский, наименованный в 1839 году Навагинским. Небольшое число Садзень магометане, остальные идолопоклонники. В Саше строгие последователи исламизма. В 1840 году князя Анчабадзе, владетели дер. Хамыш племени садзень, с подвластными своими до 600 хорошо вооруженных, покорились.</p>
--	--	--	--	--	--	--

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 127-128. Документ 157.

25. Из рапорта начальника черноморской береговой линии Н.Н. Раевского военному министру А.И. Чернышеву о готовности джигетов принять подданство России.

16 июля 1840 г.
Секретно.

... На пространстве, составляющем 2-е отделение Черноморской береговой линии, обитает пять племен одного происхождения и говорящих одним языком: Самурзакань, Цебельда, Абхазия, Джигеты и Убыхи. Абхазия и Самурзакань покорены в 1810 году, Цебельда в 1837-м. Земля джигетов делится на две части: горную и береговую. Первая включает в себе Псху, Аибгу и Ахчипсоу. Сие последнее племя имеет в своей земле несколько перевалов чрез Кавказ, часто спускается для грабежей на северную покатость и известно на Кавказской

линии под именем медовеевцев. Береговая часть джигетов включает в себе Цвиджа, Бага, Ареда, Гечи и Цандрипш. Тесные связи родства соединяют джигетов с Абхазией. Пользуясь сим и влиянием владельца Абхазии, я имею большие сношения с береговыми джигетами, которые все готовы к покорности, но опасаются убыхов и ахчипсоу...

Народонаселение убыхов состоит из тринадцати тысяч семейств, население джигетов из семи тысяч семейств. Абхазия имеет только восемь тысяч семейств...

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6411. л. 14-15. Копия.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 136. Документ 160.

26. Клятвенное обещание джигетов в верности Николаю I 25 апреля 1841 г.

Мы, джигетские жители, князья: Зураб Хамыш и Гечь Гасан, дворяне Осман Чуу, Омар Осван, Омар Цвамбая, Яков Цвамбая, Хуссеин Чуу, крестьяне Болихуху Авздахва, Мустаф Абада, Жи Хуссеин, Бгазв Мусва, Взда Жусуф, Чани Согуш, Очиба Еслам, Терим Кваташа, Цвей Тахуху, Тигней Наурза, Хвинапши Болихуху, Инагу Мусса, Абгажаа Жусуф и Абаш клянемся перед всемогущим богом, святым его пророком и алкораном за нас самих, за наших подвластных крестьян и потомков наших, в том, что мы:

1) признаем себя на вечные времена верноподданными великого г. и. Николая Павловича, самодержца всероссийского, и его и. в. всероссийского престола наследника его и. выс. цесаревича вел. кн. Александра Николаевича;

2) клянемся его и. в. великому нашему государю быть верными и нелицемерными, о всех злонамеренных предприятиях противу правительства немедленно объявлять и повиноваться постановленными над нами властям;

3) клянемся не участвовать ни в каких разбоях и хищничествах и не давать у себя пристанища разбойникам и преступникам, кои будут преследуемы российским правительством;

4) пленных и беглых клянемся не покупать, не продавать, у себя не держать, но представлять к русскому начальству, за что нам будет выдаваемо за каждого солдата по 10 руб. сер.;

5) для прекращения несогласий и обид, случающихся между нами и соседними подданными г. и., не употреблять оружия и самоупорства, но обращаться для разбирательства к русскому начальству. Если же кто из нас нарушит эту клятву, то да постигнет его страшный гнев бога в сей и будущей жизни, да обратятся на главу его все несчастья, да восстанут против него братья его, родной сын да поднимет меч на главу его, и чтобы все родные и соотечественники чуждались такового клятвопреступника и бегали от него, как

от позора. В подтверждение сей нашей клятвы целуем священные слова алкорана 1841 г. апреля 25 дня.

По сему клятвенному обещанию князя: Зураб Хамыш и Хасан Гейчабая, дворяне: Осман Чуу, Омар Осван, Омар Цвамбая, Яков Цвамбая, Хуссеин Чуу, крестьяне: Болихуху Авздахва, Мустаф Абада, Жи Хуссеин, Бгазв Мусва, Взеда Жусуф, Чани Согуш, Очаба Еслам, Терим Кваташа, Цвей Тахуху, Тигней Наурза, Хвинапши Болихуху, Инагу Мусса, Абгажаа Жусуф и Абаш присягу выполнили, а за неумением их грамоте порукоданной их просьбе руку приложил и к присяге приводил Омар Ефендий. При приводе вышеозначенных лиц к присяге присутствовал владетель Абхазии ген.-майор кн. Шервашидзе.

Верно: ген.-майор Коцебу.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6435, 1841 г., лл. 5-6 об.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 144-145. Документ 170.

27. Рапорт и. д. начальника черноморской береговой линии И.Р. Анрепа командиру Отдельного Кавказского корпуса Е.А. Головину о присяге князей и дворян джигетского племени Хамыш на верноподданство России.

6 мая 1841 г.

С древних времен находившиеся под влиянием владетеля Абхазии князя, дворяне и народы хамышские, одно из племен джигетских, обитающие недалеко от берега моря между укреплениями Св. Духа и Навагинское, со времени общего разрыва между всеми горскими племенами, по ту сторону Гагринского ущелья обитающими, и Абхазиею, отторглись из-под ведения владетеля Абхазии и вместе с тем сделались враждебными нашему правительству, подобно всем своим соседям джигетам и убыхам.

Преследуя врагов нашего правительства везде, где только обстоятельства и случай тому способствуют, ген.-майор кн. Шервашидзе с жителями своего владения делал неоднократные нападения, с согласием и содействием местного начальства, на прибрежные неприязненные к нам селения и между прочим в 1839 г. сделал нечаянное и весьма удачное нападение на племя хамышское. В. выс-во изволите уже знать, что непокорные джигеты изъявили с некоторого времени общую склонность покориться, недели 3 тому назад, значительнейшие князя, дворяне и жители хамышские, как бывшие в прежние времена по влиянием владетеля Абхазии и наиболее устрашаемые наказанием, ими уже испытанным, первые из всех джигетов прибегли к представительству кн. Михаила для принятия их в верноподданство государя нашего и под могучее его покровительство. По совещании об этом с и. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полк. Муравьевым, находя такой

пример принесения покорности жителей хамышских весьма полезным для всех их соседей, кн. Михаил привел их к присяге и взял в аманаты сына кн. Зураба Хамыша, главнейшего из тамошних князей.

Представляя в. выс-ву клятвенное обещание, данное племенем хамышским, имею честь присовокупить, что ген.-майор кн. Шервашидзе, одарив по обычаям народным князей и дворян хамышских, по совещанию с полк. Муравьевым, к которому они являлись как к местному их нач-ку, отпустил их обратно на место жительство, оставив у себя выданного ими аманата.

Донося об этом событии, имею честь представить вниманию вашего выс-ва сие новое доказательство постоянного усердия владетеля Абхазии, ген.-майора кн. Михаила Шервашидзе к пользам нашего правительства.

На препроводительной бумаге помета рукой А.И. Чернышева: е. и. изволил читать 2 июня.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6435, 1841 г., лл. 2-4. Копия.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 145. Документ 171.

28. Рапорт и. д. начальника Черноморской береговой линии И.Р. Анрепа командиру Отдельного Кавказского корпуса Е.А. Головину о присяге на верность джигетских и убыхских дворян.

25 мая 1841 г.

От 6 мая за № 133 я имел честь доносить вашему высокопр-ву об изъявлении покорности джигетским обществом Хамыш. Теперь имею честь донести, что все приморские джигеты и часть убыхов присягнули на вечные времена на подданство его и. вел. и выдали аманатов.

Считая себя особенно счастливым, что могу донести вашему высокопр-ву о таком событии, прошу позволения представить подробности и ход этого дела, обещающего весьма важные последствия.

Народ, живущий на пространстве между убыхами и Абхазиею, называется Саадзен, а у грузинских племен известен под именем джигетов.

Джигеты говорят абхазским языком, и в обычаях более сходны с абхазцами, чем с другими соседями своими, убыхами. С древних времен владетели Абхазии имели на них влияние и пользовались большим уважением этого народа. Главные княжеские и дворянские фамилии Абхазии в родстве с джигетскими. Самое общественное устройство обоих народов одинаково: княжеские и дворянские фамилии составляют сильную партию, в руках которой находится власть, никем не оспариваемая.

Со времени покорения Абхазии союз между сею землею и джигетами уничтожился, а в последние годы обратился во вражду. Джигеты, столь же

воинственные, как и убыхи, соединились с теми последними и участвовали с ними во всех движениях против Абхазии или против наших укреплений. Джигетов можно разделить на две главные части: на горных, т.е. Ахчипсоу, Аибга и Псху, и на приморских, т.е. Хишха, Цвандрипш, Геча, Арета и Хамыш.

Первых можно считать до 2 тыс., вторых до 3 тыс. домов.

Горные джигеты живут в верховьях рек Мдзымты, Псоу и Бзыба, в крае бедном и доступном только по немногим трудным путям. С давнего времени эти места сделались убежищем всех людей беспокойных и преследуемых нашим правительством или мщением своих одноземцев. Между окрестными народами горные джигеты не пользуются славою храбрости и особенной воинственностью, но они самые неутомимые и предприимчивые разбойники. На северной покатости Кавказа они известны своими хищничествами под именем медовеевцев.

Земля приморских джигетов пересечена высокими отраслями гор, особенно на пространстве между реками Бзыб и Псоу, но между этими горами много долин, удобных для хлебопашества, и вообще этот край богатый и весьма населенный. Близость моря и торговля приучили приморских джигетов к некоторым удобствам жизни, а потому занятие нами берега и усиленное крейсерство имели на них непосредственное действие. С другой стороны укр. Гагры заграждало лучший путь в Абхазию, и для всех предприятий против сего края джигеты должны были идти чрез снеговые горы, путем трудным и ненадежным.

Несколько лет тому назад Хаджи-Берзек, потеряв там 700 человек, занесенных метелью, дал клятву никогда не ходить горами в Абхазию. Между тем мы имели все средства к вторжению в землю джигетов, нередко грозили этим, а иногда по возможности и выполняли свои угрозы. Еще в 1838 г. собиралась экспедиция для покорения Псху – общества, имеющего 300 дворов, разбросанных по верховьям р. Бзыба. Обстоятельства помешали этому движению, но в 1839 г. псхувцы покорились сами. Вслед за этим в начале 1840 г. покорилось общество Хишха (150 дворов), принадлежащее князьям Анчабадзе, и несколько деревень в Цвандрипше, ближайших к Абхазии. Эта покорность, хотя была искренняя, но совсем ненадежна, пока остальные джигеты не только не были покорены, но, возбуждаемые слабостью тогда наших гарнизонов, вместе с убыхами были главными виновниками общего восстания черкесских племен. Осенью прошлого года покорившиеся деревни в Цвандрипше и Хишха, были ограблены партией Хаджи Берзека, который, кроме штрафа, взял с них присягу не входить в сношение с русскими.

Между тем в конце 1840 г. дела наши на восточном берегу приняли другой вид: укрепления приведены в лучшее оборонительное состояние, гарнизоны усилены, в Абхазии образован резерв, двухкратное движение в Цебельду и особенно уничтожение Дала, считавшегося недоступным, заставили джигетов подумать о своей безопасности, а как приморские жители, первые подверглись действиям войны и сверх того более других терпели от настоящего положения дел, то естественно, что они сделали первый шаг к покорности.

Но я спешу доложить вашему высокопр-ву, что главным виновником покорения джигетов был владетель Абхазии ген.-майор кн. Михаил Шервашидзе, которого ревность к пользам нашего правительства превосходит всякую похвалу. В последние годы он не упускал никакого случая, чтобы действовать на джигетов или силою оружия, или убеждениями. Удачные внезапные высадки его на неприязненный берег, при содействии местного начальства, распространили страх между прибрежными жителями, а в то же время он не щадил никаких издержек, чтобы склонить на нашу сторону самых значительных людей между джигетами.

Совершенное знание обычаев и языка, издревле сохранившееся почтение к дому владетелей Абхазии и, наконец, личные достоинства кн. Михаила давали особенную силу его убеждениям. Притом же он мог, в подтверждение своих слов, указывать на пример Абхазии, которая в подданстве е. и. в., сохранив все свои права и обычаи, достигла небывалого прежде благосостояния.

Прибыв в Бомборы, я получил донесение кн. Михаила от 29 апреля за № 67 о принесении покорности джигетским обществом Хамыш (250 дворов), живущим на границе убыхов, и в то же время узнал, что джигеты, и даже убыхи, приглашают владетеля Абхазии в укр. Св. Духа для переговоров о мире. Я воспользовался этим случаем и, посетив все абхазские укрепления и Марамбу, отправился с нач-ком 3-го отделения полк. Муравьевым в укр. Св. Духа, взяв с собою на пароход кн. Михаила, подполк. Каци Маргани и несколько других почетных дворян абхазских.

На другой день после нашего прибытия, т. е. 9 мая, начали собираться в большом количестве князья и дворяне джигетские и убыхские, с последними прибыл Хаджи Берзек Догумоко и племянник его Берзек-Керентух, человек лет 35-ти, известный предводитель партий во всех предприятиях против Абхазии, наших береговых укреплений и на северной покатости Кавказа. Владетель Абхазии немедленно вошел с ними в переговоры, которые производились на картечный выстрел от укрепления. Кн. Михаил, по общему обычаю в сем крае, воспитывался в доме Хаджи Берзека, где жил до 9-летнего возраста; эти связи у горцев столь же священные, как кровное родство, кн. Михаил с особенною пользою употребил, чтобы склонить на нашу сторону своего старого воспитателя. В обоих Берзеках не видно было никакого ожесточения, но тут были другие убыхи, с Вардане и из окрестностей укр. Головинского, которые поддерживали закоренелую вражду своих соплеменников и противились всякой мысли о миролюбивых сношениях.

Переговоры длились еще 2 дня, в продолжение которых многие счастливые обстоятельства имели влияние на расположение горцев. В Гаграх собрался отряд, в то время как одни высаживали там войска, другие доставили 14-й резервный батальон в Сухум и укомплектование в укрепления Вельяминовское, Лазарева, Навагинское и Св. Духа. Суда военные и купеческие двигались беспрестанно, азовские ладьи переезжали из одного укрепления в другие, я имел честь доносить вашему высокопр-ву о недавних отважных предприятиях этих деятельных крейсеров. Вообще горцы видели

большое движение на море, усиление гарнизонов, сбор войск, и особенно джигеты, боялись экспедиции в их землю, чем распространил слух полк. Муравьев. После долгих переговоров все остальные джигетские приморские общества, как то: Цандрипш, Геча и Арета (2500 дворов) единодушно согласились покориться, а к ним пристал и убыхский кн. Аубла-Ахмет, которого владения простираются между устьями рек Мыца, Соче и Псаха и состоят из 700 дворов. Это родило в сборище раздоры, многие убыхи говорили о нарушении общественной клятвы и грозили наказать изменников силою оружия, но джигетские князья и Аубла-Ахмет со своей стороны обязались соединиться между собою для взаимной защиты в случае неприязненных действий убыхов против кого-либо из них. Берзеки не предпринимали ничего решительного. Старый Хаджи, опасаясь потерять все свое влияние на народ, говорил в собрании против мирных сношений с русскими, но с другой стороны, выслушав все обещания владетеля, тайно дал ему слово, что не будет противиться покорности убыхов, если они на оную решатся. Хаджи Берзек в тот же день уехал со своими дворянами из собрания, не согласившись даже со мною видеться. Племянник его Керентук сделал гораздо более: зная, что он с дядей в большой дружбе, джигеты и убыхи спрашивали его совета или почти позволения принести покорность и получили знак, из которого могли заключить, что он не будет тому противиться. Он был у меня в укреплении и дал мне и владетелю Абхазии слово за себя и за дядю, что у убыхов не будет такого сборища, которое бы могло быть опасно покорившимся. Вообще Керентук показался мне человеком замечательным и могущим впоследствии быть для нас весьма полезным. Я не нашел в этом человеке ожесточения против русских, но, к сожалению, увидел чрезмерную недоверчивость, рожденную опасением измены, которой, говорят, были примеры. Большого труда стоило мне уверить его, что никогда русский царь не одобрит того, что в 1839 г. голова Хаджи Берзека была оценена. Между тем видно, что эта ошибочная мера имела дурное влияние на наши отношения с горцами.

12 мая убыхский кн. Аубла Ахмет первый принес торжественную присягу за себя и за всех подвластных ему дворян и простолюдинов на вечное подданство его и. в. Государю всероссийскому и обязался выдать в аманаты сына своего и 2-х сыновей значительнейших дворян своих. За ним следовали все джигетские князья и дворяне приморских обществ: Цвандрипш, Геча и Арета. Присяга совершена на Коране, под открытым небом близ укрепления, в присутствии большого стечения народа. Каждое из 3-х обществ обязалось выдать по 3 аманата из малолетних детей главных князей и дворян.

Присяга джигетов и их покорность имели весь вид искренности, ее прочность будет зависеть от того, останутся ли в покое убыхи, абадзехи и шапсуги, или всеми силами будут немедленно действовать против покорившихся. Между тем важный шаг уже сделан, и теперь от нас зависит не только удержать приобретенное, но и заставить других непокорных последовать тому же примеру. Для этого сильная сухопутная экспедиция в земле убыхов в сем году еще более нужна, чем прежде, с тою только разницею,

что покорение джигетов подвинуло нас на целый год к цели и дозволит располагать способами этого края при действии непосредственно в земле убыхов, т.е. в центре силы враждебных нам племен. Горные джигетские общества, т. е. Ахчипсоу и Аибга (до 1700 дворов), если не покорятся до движения отряда в их земли, то по крайней мере это покорение силою оружия не составит никакого затруднения.

Между тем для заведывания покорившимися джигетами и убыхами я назначил им приставом состоящего при мне по особым поручениям Гусарского его величества короля Витембергского полка поручика кн. Александра Шервашидзе. Как брат владетеля Абхазии, знающий язык и обычай народа, этот офицер вместе с тем весьма приятен и джигетам, которых князья приходили меня за оный благодарить.

По окончании таким образом всех дел владетель Абхазии ген.-майор кн. Михаил Шервашидзе с полк. Муравьевым и несколькими офицерами в сопровождении князей и дворян джигетских, отправились сухим путем из укр. Св. Духа в Гагры по дороге, где доселе еще никогда не были русские.

Всем присягавшим князьям и дворянам я дал подарки вещами и деньгами, не в виде награды, но чтобы сообразоваться с обычаями этого народа, жадного к корысти. Я полагаю такую раздачу потому важною, чтобы привлечь других непокорных горцев последовать тому же примеру. Сумма, розданная мною, в сложности простирается до 39-ти червонцев и 2311-ти руб. сер., но из представляемого при сем подробного списка, ваше высокопр-во, изволите усмотреть, что, в частности, эти подарки были весьма малы. По неимению у меня на это денег, я занял их из казенных сумм Черноморского линейного № 8 батальона и осмеливаюсь покорнейше просить ваше высокопр-во о приказании возвратить мне эти деньги или о дозволении вывести их расходами из сумм, ассигнованных мне в сем году на инженерные постройки по береговой линии, из коих я надеюсь сделать некоторые сбережения.

Вместе с сим имею честь представить вашему высокопр-ву список князей и дворян убыхских и джигетских, кои при настоящем случае и прежде того оказывали особенную ревность к пользам нашего правительства. Вообще это люди, имеющие наиболее влияние в своем народе, чины, которые я осмеливаюсь им ходатайствовать, будут служить видимым знаком их обязанностей в отношении к правительству и возбудят в них полезное соревнование. Я с намерением ходатайствую о назначении им весьма малого жалованья, дабы иметь случай входить с представлениями об увеличении оною тем, кои окажут впоследствии особенные услуги.

Я уже докладывал вашему высокопр-ву выше, что главный виновник этого счастливого события есть владетель Абхазии ген.-майор кн. Шервашидзе, коему принадлежит весь успех сего дела. Во всем, что может относиться к пользам нашего правительства, в нем всегда можно найти самого ревностного и полезного сотрудника. Осмеливаюсь покорнейше просить ваше высокопр-во ходатайствовать о пожаловании ему ордена св. Анны I-й степени.

При этом долгом считаю обратить внимание вашего высокопр-ва на заслуги и нач-ка 3-го отделения полк. Муравьева, достоинства этого отличного штаб-офицера вам лично известны, и я могу только сказать, что он исправляет ныне свою должность, несмотря на расстроенное от раны здоровье, с тою же неутомимою деятельностью, которая его всегда отличала. Полк. Муравьев предшествовавшими распоряжениями и сношениями своими имел весьма важное влияние на настоящую покорность джигетов и убухов.

Вообще я не могу иметь лучшего себе помощника в этом крае, требующем большой деятельности и разнообразных способностей.

Мне остается только просить милостивого ходатайства вашего высокопр-ва о награде абхазского жителя подполк. Каца Маргани. Несмотря на престарелые лета свои, он беспрестанно находится на службе при владельце Абхазии и при нач-ке 3-го отделения. При всех движениях в Цебельду и Дал подполк. Каца Маргани был с полк. Муравьевым и командовал милициями. Ваше высокопр-во изволите знать, какой вес имеет этот старик не только между абхазцами, но и между окрестными непокорными племенами. При настоящем случае он был самым деятельным помощником владельца Абхазии и во все время оказывал самое похвальное усердие и деятельность, несоразмерную с его престарелыми летами.

Имею честь почтительнейше просить ходатайства вашего высокопр-ва о производстве подполк. Каца Маргани в следующий чин с состоянием по кавалерии при Отдельном Кавказском корпусе.

Верно: Генит. полк. Филиппсон.

На препроводительной бумаге (л. 7) резолюция Николая I: «Слава Богу! Преважное дело и лучше всякой победы оружием. На все просимое согласен; ген. Анрепу объявить рескриптом совершенное удовольствие за благоразумные действия, а полк. Муравьева в ген.-майоры». Помета рукой А.И. Чернышева: «Немедленно заготовить исполнение, уведомив ген. Головина, что е. в. угодно было при чтении копии с донесения ген. Анрепа к нему собственноручно отметить эти награды; то же самое написать и ген. Анрепу. О производстве Муравьева сообщить немедленно дежурному генералу. Весьма нужное».

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6435, 1841 г., лл. 8-10 об. Копия.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 146-150. Документ 172.

29. Рапорт ген. Анрепа гр. Чернышеву, от 30-го мая 1841 года, № 170.

Вчера получил я рапорт начальника 3-го отделения полк. Муравьева о происшествиях в земле убухов и джигетов.

Покорные джигетские князья 20-го мая дали знать полк. Муравьеву, что убыхи, собравшись в значительном числе, арестовали покорившихся князей Аубла-Ахмеда и Зураба Хамыша и сверх того нескольких других лиц из убыхов, имевших с нами переговоры в бытность мою в укр. Св. Духа. Между сими последними были Хаджи-Берзек, племянник его Керентук и Мурад, житель долины Вардане, известный между убыхами своею храбростью. Князья Аубла-Ахмед и Зураб Хамыш были вынуждены отречься от принесенной ими присяги и тогда только освобождены из-под стражи. Задержание Хаджи-Берзека продолжалось недолго, и он тотчас же начал делать распоряжения о сборе всех убыхов для действия против покорившихся джигетов.

Все эти известия были тотчас же сообщены полк. Муравьеву воинскими начальниками укр. Навагинского и Св. Духа, а между тем покорные джигетские князья убедительно просили дать им помощь в угрожающей им опасности. Видя, с одной стороны, усердное их желание остаться верными принесенной ими присяге, а с другой – будучи убежден, что отказ в помощи мог бы заставить их последовать примеру князей Аубла-Ахмеда и Зураба Хамыша, полк. Муравьев немедленно двинулся в укр. Св. Духа из Гагр, где оставил гарнизон и для безостановочного продолжения работ два полка черноморских казаков. Князьям джигетским полк. Муравьев приказал собраться поголовно для защиты своих жилищ, а сам в 5-ть часов утра 22-го мая выступил из Гагр с 2-мя батальонами Тенгинского полка, 2-мя ротами Гагринского гарнизона, командою сапер (25 чел.) и 50-ю пластунами 6-го и 7-го наших казачьих полков.

Движение отряда по земле джигетов было торжественным шествием, князья и старшины различных обществ встречали его на пути с величайшей радостью. 5 азовских ладей с тяжестями войск и с 2-мя горными единорогами сопутствовали отряду в этом переходе.

В 6 часов пополудни полк. Муравьев прибыл с отрядом в долину р. Мдызмты и расположился лагерем впереди укр. Св. Духа. Чрезвычайная трудность дорог и переправы вброд чрез глубокие и быстрые рывки нисколько не изнуряли войск; отсталых не было; усталых по прибытии на место оказалось только 5 чел. из всего отряда.

Так совершено первое движение войск наших по берегу Черного моря от заветной границы – Гагр. Не говоря уже об обстоятельствах, бывших тому причиною, самое это движение произведет для нас весьма выгодное влияние на племена, еще не покорные.

Для усиления отряда, при укр. Св. Духа расположенного, полк. Муравьев присоединил к нему две роты Мингрельского егерского полка, здесь находящиеся, и еще 4 горных единорога и перевез из Сухума несколько артиллерийских лошадей. Вместе с тем он просил владельца Абхазии собрать, сколько можно в короткое время, милиций и прибыть с ними также к Адлеру, а командующего крейсирующею эскадрою просил выслать, сколько можно, военных судов для перевозки войск в Сочи или обратно в Гагры.

Командир транспорта береговой линии, Кодос, привезший это донесение, рассказывает, что, когда он снимался с Адлерского рейда, там бросили якорь фрегат, корвет, два тендера, транспорт Адлер и было 8 азовских ладей; долина р. Мдзымты вокруг укр. Св. Духа кипела народом; джигеты собрались поголовно и вместе с нашими войсками представляли грозную силу. Слышно было, что владетель идет с абхазцами.

Полк. Муравьев доносит мне, что в укр. Св. Духа он приведет к присяге некоторых цандрипшских князей, еще не присягнувших и изъявляющих к тому полную готовность и желание; а может быть, должен будет заставить покориться силою оружия некоторые джигетские селения, доселе еще не покорившиеся, о чем его просят убедительно князя Гечь, Аридбаевы и Цанбаевы.

Пароход «Могучий» готов был отправиться по линии, когда я получил эти известия и потому вчера же написал полк. Муравьеву, чтобы он не предпринимал ничего важного против убыхов, потому что в настоящее время всякая неудача может иметь дурное влияние на успех предполагаемой в землю убыхов сильной сухопутной экспедиции. Впрочем, вполне хваля кипучую деятельность и распорядительность полк. Муравьева, я уверен, что он не пустится необдуманно ни на какое предприятие, превышающее его способности.

Новое доказательство верности и искренности покорившихся джигетов заслуживает особенного внимания и должно быть принято в соображение при всех предстоящих действиях. Я доносил в. с., что на время летних жаров, т.е. июль и август месяцы, отряд из Гагр должен быть переведен в Цебельду, преимущественно для сбережения войск. Корпусный командир изволил одобрить вполне мое предложение и приказал мне привести его в исполнение. Теперь представляется к тому весьма важное затруднение, когда резервный № 14-й батальон и весь действующий отряд будут переведены в Цебельду, т.е. за 170 верст от долины Мдзымты, то в продолжение 2-х месяцев джигеты будут, так сказать, в руках убыхов. Таким образом мы можем опять потерять плоды последних счастливых событий и, вероятно, даже отказаться от надежды на важные последствия предполагаемой против убыхов сильной экспедиции.

Поэтому, если только в сем крае не произойдет какой-либо коренной перемены в нашу невыгоду, я на время летних жаров отправлю Гагринский отряд не в Цебельду, а вверх по р. Мдзымте, верст на 25 от укр. Св. Духа. Продовольствие этого отряда я легко устрою, а перевозку от моря до предполагаемого лагеря легко производить под прикрытием части нашей пехоты с джигетскою милициею. Между тем войска могут быть исподволь заняты разработкою дороги по р. Мдзымте и к стороне убыхов – дороги, по которой пойдет в сентябре месяце главный отряд, по соединении, в сем же месте, со всеми нашими милициями. Влияние этого 2-х-месячного пребывания войск наших на границе Ахчипсоу будет неисчислимо как на непокорных джигетов, так и на большее утверждение покорившихся, которые, видя у нас готовую силу, отбросят последние опасения от убыхов и будут действовать против них со всею решимостью.

При рапорте в. с., от 25-го мая, № 143, я представил копию донесения моего корпусному командиру, № 142, в коем ходатайствовал, между прочим, о наградах знатнейшим джигетским князьям и дворянам, бывшим главными виновниками принесенной этим народом покорности. В настоящих обстоятельствах я осмеливаюсь обратить милостливое внимание в. с. на это ходатайство и почтительнейше докладываю, что Всемиловейшее дарование сих наград немедленно было бы чрезвычайно важно для большего укрепления джигетских князей в покорности и преданности Русскому правительству и для привлечения обществ, еще не покорившихся, последовать их примеру. Я тем смелее ходатайствую об этих наградах, что эти лица их действительно вполне заслужили, как то можно видеть и из поведения их в последних обстоятельствах.

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 9. Тифлис, 1884. С. 505-507. Документ 435.

**30. Записка директора канцелярии Военного министерства
М.М. Брискорна заведующему инспекторским департаментом
Военного министерства П.А. Клейнмихелю о пожаловании знамени
джигетскому народу.**

12 июня 1841 г.

Г. и. в изъявлении монаршего благоволения ко вновь покорившемуся джигетскому народу, оказавшему особенную преданность нашему правительству, всемиловейше соизволил пожаловать этому горскому племени знамя.

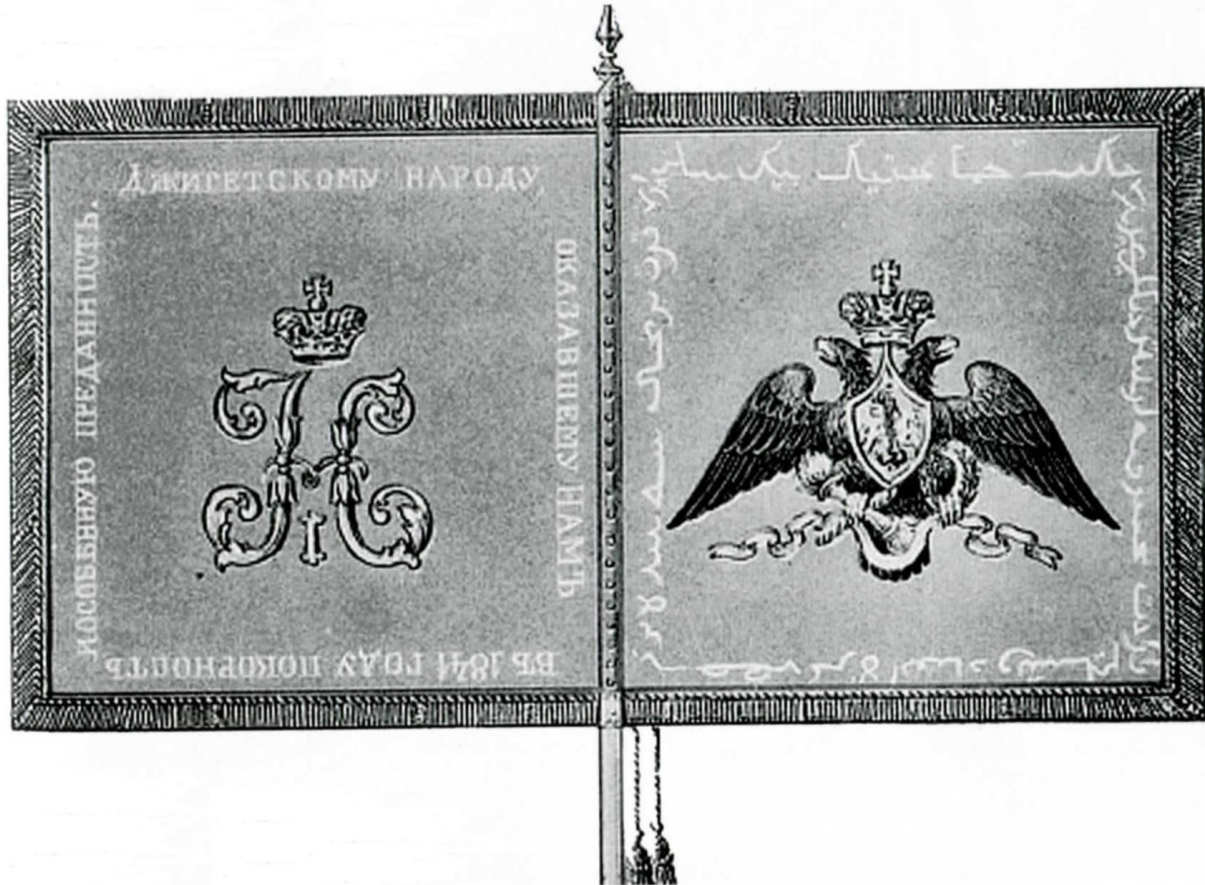
Директор канцелярии Военного мин-ва, по приказанию мин-ра, имеет честь уведомить о сем с-во гр. Петра Андреевича для зависящих распоряжений к изготовлению этого знамя, согласно выс. воле, сколь можно скорее и отправления оно к и. д. нач-ка Черноморской береговой линии ген.-майору Анрепу, который предварен об этой милости его вел.

Подписал статс-секретарь Брискорн.

Верно: секретарь Петров.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6435, 1841 г., лл.48-48 об. Копия

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 153. Документ 176.

Флаг, изготовленный в знак изъявления покорности джигетами русскому царю в 1841 году.

Источник: Джигетский сборник. Вып. 1. М., 2012. Фоточасть

31. Приказ военного министра А.И. Чернышева о награждении джигетских и убыхских князей.

г. Петергоф, 13 июня 1841 г.

Г. и. в награду усердия и услуг, оказанных правительству, всемилостивейше соизволил произвести убыхского кн. Аубла Ахмата в капитаны, джигетских князей Сосрана Аридбаева и Цан Омара – в подпоручики, Хамыш Зураба, Пата Аридбаева, Ислама Аридбаева, Гечь Алтхуа Асланбея, Гечь Эдырбея, Гечь Гасана, Цан Батыршаха, Цан Якуба, Учай-Ипа Мисоуста, Учан-Ипа Беслана, Состангаза Анчибадзе, Лазу Анчибадзе и джигетского дворянина Дишануха Аридба – в прапорщики.

О таковой монаршей милости объявляю по военному ведомству к сведению и должному исполнению.

Подписал: ген.-адъют. кн. Чернышев.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6435, 1841 г., лл. 49-49 об.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 153. Документ 177.

32. Выписка из журнала военных действий отряда, расположенного при укр. Гагры с 16 мая по 1 июня 1841 г., составленного и. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии Н.Н. Муравьевым.

15 июня 1841 г.

Покорившиеся правительству нашему джигетские князья дали мне знать 20 числа сего месяца, что убыхи, собравшиеся в значительном числе, арестовали присягнувших также на верноподданство сочинских князей Аубла Ахмета и Зураба Хамыша и сверх того несколько лиц из их племени, имевших переговоры с нами в укр. Св. Духа. Между арестованными были Мурад, Герендук и даже Хаджи Берзек. Князья Аубла Ахмет и Хамыш Зураб были вынуждены отречься от принесенной ими присяги правительству и тогда только освобождены от аресту. Причина же арестования Гаджи Берзека весьма сомнительна, и надо полагать это притворством с его стороны, тем более что он не только был немедленно освобожден от ареста, но тотчас же начал делать распоряжения о сборе всех убыхов для действий против покорившихся джигетов.

Все эти известия подтверждены были и донесениями воинских начальников форта Навагинского и укрепления Св. Духа, а между тем покорные нам джигетские князья убедительно меня просили дать помощь в угрожающей им опасности.

Видя, с одной стороны, усердное их желание остаться верными принесенной присяге, а с другой – будучи убежден, что отказ в помощи мог бы заставить их последовать примеру князей Аубла Ахмета и Хамыша, я решился, не теряя времени, двинуть часть войск, в Гаграх расположенных, к укр. Св. Духа. Князьям джигетским приказал собраться поголовно для защиты своих жилищ, и, оставив в укр. Гагры для занятия караулов и производства работ 2 черноморские казачьи 6-й и 7-й пешие полки в распоряжении и. д. дежурного штаб-офицера кап. Осипова, сам с двумя батальонами Тенгинского пехотного полка, 2-мя ротами гагринского гарнизона, командою сапер 25 человек, 50-ю пластунами из Черноморских казачьих пеших полков и 2-мя горными орудиями, прибыл в укр. Св. Духа и вблизи ононого расположился лагерем.

Для усиления отряда, при укр. Св. Духа расположенного, присоединил я к оному 2 роты Мингрельского егерского полка, там находящиеся, и 2 горных единорга. На днях доставлены ко мне будут из Сухум-Кале артиллерийские лошади и еще 2 горные орудия, так что я буду здесь иметь 6 запряженных орудия с вьючными лошадьми для зарядки ящиков.

Владетеля Абхазии я просил собрать, сколько можно в короткое время, милиции и прибыть с ними к Адлеру, а контр-адмирала Захарьина – выслать сюда же, сколько можно, военных судов для перевозки войск в случае надобности к Соче или обратно в Гагры.

Присутствием войск при укр. Св. Духа 5 числа я склонил убыхов согласиться на следующие условия:

1) я им назначаю трехмесячный срок для размышления, чтобы последовать джигетам – покориться правительству и принести присягу в верности;

2) в течение этого срока они не должны не только действовать силою против покорных нам джигетов, но и не проходить чрез их землю для набегов на Абхазию;

3) они немедленно должны возвратить джигетам аманатов, издавна у них находящихся;

4) джигеты в замену этого не будут делать набегов на землю убыхов.

Усмирение убыхов имело следствием и то, что хамышские князья и дворяне, того же числа прибыв ко мне, объявили, что, хотя убыхами и был взят с них штраф, но они принесенной присяге правительству не изменяют и во всем будут исполнять распоряжения начальства.

Устроив так дела джигетов и обеспечив их спокойствие, я готов был 6 числа выступить к Гаграм, но дурная погода и сильный с моря прибой препятствовали этому движению, наконец 9 числа я двинул отряд от укрепления Св. Духа и ввечеру прибыл к Гаграм.

Верно: помощник секретаря Богомолов.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6435, 1841 г., лл. 65-66.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 154-155. Документ 178.

33. Рапорт ген. Анрепа гр. Чернышеву, от 18-го июня 1841 года, № 197.

Со времени последних донесений моих в земле Натухайцев ничего не произошло. Горцы делали несколько частных сборов и отложили общий до окончания полевых работ, коими теперь они занимаются. Между тем меновая торговля идет с большим успехом. В Анапе она сделалась, наконец, отяготительною для гарнизона, занятого постройками и прикрытием полевых работ. Анапский комендант вынужден был вместо ежедневного торга назначить только по вторникам и пятницам, а потом, на время сенокоса, только по воскресеньям. Несмотря на то, количество прибывающих для торга беспрестанно увеличивается. Из ведомости, извлеченной из еженедельных отчетов анапского коменданта, о вымене строевого леса и дров, в. с. позволите

усмотреть, что в течение месяца в Анапу привезено лесного материала на 5,128-ми арбах, за которые отдано 14,996 пудов соли. Я уже не говорю о том, что, получая дрова и лес, годный для хозяйственных поделок, за такую низкую цену, гарнизон, жители Анапы и в особенности поселяне вышли из прежнего жалкого положения своего, но я осмеливаюсь обратить внимание в. с. на другой весьма важный предмет. До учреждения крейсерства по восточному берегу Черного моря горцы имели, говорят, весьма значительную торговлю с Турциею, но сия торговля почти исключительно состояла в том, что анатолийские турки привозили соль, порох, свинец и грубые мануфактурные изделия своей земли, а взамен их брали у черкес невольников, мальчиков и девиц; кроме этого, они вывозили иногда другие товары, состоявшие в сырых произведениях сего края, не имеющего ни малейшей промышленности. Конечно, в торговле невольниками могли участвовать только дворяне и немногие простолюдины, имевшие своих крестьян. Это сословие, составляющее значительную часть народонаселения, есть вместе с тем и самое чуждое всякого труда и занятия. Нужды горца чрезвычайно ограничены; имея же легкий способ добыть все нужное продажей невольников, естественно, что дворяне и люди свободного сословия не занимались никакою промышленностью, требующей хотя бы самого малого труда и усилия. Но как эта праздность не свойственна жителям горных стран, то дворяне и вообще люди свободного состояния между черкесами обращали деятельность свою на военные предприятия и к этому же подстрекала их и корысть, потому что взятые при таких набегах служили товаром, за который с избытком горец удовлетворял всем своим потребностям.

Таким образом, прежняя торговля на восточном берегу не только не приносила пользы жителям онаго, но делала существенным вред, поощряя праздность и уничтожая всякую промышленность, основанную на труде и усилиях, для нас же она вредна была особенно тем, что поддерживала воинственный дух горских племен.

Теперь можно сказать, что торговля горцев с Турциею почти не существует, потому что несколько контрабандистов, которым удастся пристать к восточному берегу, ничего не значат. Но взамен этого является мало-помалу другая торговля, которая основана на началах нравственных, совершенно противоположных прежним.

Рубка леса и дров и доставка в наши укрепления на далекое расстояние составляет уже значительный труд, а судя по низкой цене этого продукта, сомнительно, чтобы за эту работу взялись в таких местах, где труд есть основание промышленности. При том же дрова и лес выменены исключительно на соль, которой выдано 14,996 пудов. Это количество далеко превышает потребление жителей ближайших к Анапе аулов и, следовательно, лишнее количество было передано далее и употреблено на приобретение хлеба от дальнейших горцев, у коих был в прошлом году лучший урожай.

Из этого я вывожу следующий фактор чрезвычайной важности: у натухайцев начала образовываться настоящая промышленность и они испытали

пользу труда. Направление, взятое этою промышленностью, сохранится, без сомнения, и после причины, его произведшей; а благодетельные следствия этого будут неисчислимы: сбыт продуктов, составляющих эту новую отрасль промышленности, поставит горцев в прямую и исключительную от нас зависимость; у них явятся новые нужды, коих удовлетворение заставит горцев извлекать трудом более пользы из их богатого края; труд и честно добываемый хлеб будут иметь хорошее влияние на нравственность этого народа и из полукочевых разбойников сделает оседлых хлебопашцев, ослабя настоящий воинственный дух и обратя деятельность их на предметы житейского благосостояния.

Вот важные результаты настоящей торговли, которая не ограничивается одною Анапою и распространяется во всей земле Натухайцев. В Новороссийске в течение мая месяца выпущено горцам 3,500 пудов соли. В Геленджике и Ново-Троицком мена была не велика по недостатку соли. Я отправил туда 12 т. пудов и пошлю при первой возможности еще большее количество. В укреплениях Тенгинском, Вельяминовском, Лазарева, Головинском и Навагинском никакой мены доселе не было, и окрестные горцы оставались в прежнем враждебном расположении. Я послал, однако же, 2 т. пудов соли в укр. Навагинское для открытия мены с окрестными убыхами, недавно покорившимися.

В 3-м отделении произошли события особенной важности.

В рапорте от 30-го мая № 170 я имел честь донести в. с., что для защиты джигетов от убыхов войска наши прибыли из Гагр сухим путем в укр. Св. Духа. Возвратившийся пароход привез мне донесение ген.-м. Муравьева от 5-го июня № 181, в коем он излагает важные последствия сего движения.

С прибытием отряда в укр. Св. Духа дела джигетов приняли самое выгодное для них и для нас направление. Убыхи стали опасаться, что угрозы, которые они делали джигетам, могут обратиться на них самих.

Вскоре после прибытия отряда доставлены из Бомбор в укр. Св. Духа сухим путем артиллерийские лошади под прикрытием нескольких донских казаков; на рейде укр. Св. Духа собралась значительная эскадра, и, наконец, владетели Абхазии на 11-ти галерах прибыли с 500 своих милиционеров; джигеты собирались поголовно и ждали только приказа двинуться на неприятеля.

Все эти сборы и приготовления заставили убыхов переводить семейства свои от берегов моря в горы и вместе с тем обратиться к джигетам с предложением устранить возникшее между ними недоразумение мирным образом. Ген.-м. Муравьев дозволил трем из почтейших джигетов отправиться в укрепление Навагинское для свидания вблизи оною со старшинами убыхскими в присутствии посланного с ними офицера и переводчика. Джигеты объявили посланного с ними офицера и переводчика. Джигеты объявили там убыхам, что они без начальства ни в какие сношения и переговоры входить не могут, а потому приглашают их послать чрез трое суток своих старшин на

половину пути между Сочео и Адлером, куда и они, испрося дозволения и приказания своего начальства, для свидания с ними прибудут.

Ген.-м. Муравьев дозволил убыхским старшинам прибыть на назначенное им джигетами место и объявил им, что сам туда отправится.

4-го июня, в день, назначенный для этого свидания, ген.-м. Муравьев поехал на это место, лежащее на половине расстояния от Навагинского до укр. Св. Духа, с офицерами своего штаба, адъютантом моим, прап. Коллюбакиным, адъютантом ген. Коцебу, шт.-к. Коллюбакиным, шестью донскими казаками и со всеми джигетовскими старшинами. Толпа убыхов ожидала в назначенном месте. По обычаям горцев с обеих сторон высланы были переговорщики, а ген.-м. Муравьев приказал объявить убыхам:

1) что назначает им 3-х-месячный срок для принесения добровольной покорности, подобно джигетам;

2) что течение этого времени они не только не должны действовать силою против покорных нам джигетов, но и не переходить через их землю для набегов на Абхазию;

3) что они должны немедленно возвратить джигетам аманатов, издавна у них находившихся;

4) что джигеты не будут в продолжение этого времени делать набег на землю убыхов и, наконец,

5) что условие это должно быть утверждено по народному обычаю присягою между ними.

Если они не согласятся на вышесказанное, ген.-м. Муравьев грозил немедленно выступить для истребления их жилищ, и, дабы придать более веса своим словам, он приказал пароходу и пяти азовским баркасам стать против места переговоров; одному батальону Тенгинского полка с двумя горными орудиями выступить из лагеря версты на четыре вперед, а всему отряду быть готовым к движению.

Полный успех увенчал все эти распоряжения. Убыхи присягнули во всем, что от них требовалось. Вечером, возвратясь к укр. Св. Духа, джигеты торжествовали заключение этого условия как победу. Ахавшские князья и дворяне, прибыв на другой день, объявили ген.-м. Муравьеву, что, хотя убыхами и взят был с них штраф, но они принесенной ими правительству присяге не изменят и во всем будут исполнять распоряжения начальства. Сочинский кн. Аубла-Ахмед прислал сказать, что при первом появлении русских войск в земле убыхов он присоединился к нам со всеми своими подвластными.

5-го числа ген.-м. Муравьев отправился с отрядом обратно в Гагры, а владетель со своими милициями – в Абхазию.

Из этого, в. с., изволите видеть, что покорение джигетов не только можно считать совершенно прочным, но и нельзя довольно похвалить преданности и ревности этого народа, торжествующего как бы избавление свое от ига убыхов; они считают себя счастливыми, что покорились правительству, которое защищает их от общего врага и во всех случаях изъясляет о них свою

заботливость. Можно представить себе, какой восторг произведут награды, Всемилостивейше дарованные их князьям и дворянам. Теперь самый старший и малый поголовно готовы будут идти против убыхов, которые всегда считали джигетов в некоторой от себя зависимости.

С другой стороны, гордость и уверенность убыхов в своих силах заметно уменьшилась. Они чувствуют, что с покорением джигетов потеряли сильных союзников и вдруг сделались для нас во всякое время доступны. Через связи джигетов с убыхами, у сих последних составляется партия людей, склонных к покорности, но эта партия не имеет ни голоса, ни единства; она может обозначиться только тогда, когда наши войска вступят в их землю. С другой стороны, убыхи будут сильно поддержаны шапсугами и абадзхами, если сие последние не будут отвлечены действиями ген. Засса, но без единства и всегда опасаясь за свои границы, убыхи уже не будут теми непримиримыми и отчаянными врагами, которые безнаказанно поднимали против нас все племена в этой части Кавказа.

Покорение джигетов есть событие неожиданное, которым мы обязаны стечению весьма многих счастливых обстоятельств, кои едва ли когда-нибудь представятся вместе в другое время. Мы имели в Гаграх отряд и в нем два батальона хорошего войска, с которыми можно было идти на защиту покорившихся. Если бы в обыкновенное время в Гаграх не было ничего, а в Абхазии один резервный линейный батальон за непереходимым Бзыбом, естественно, что покорность джигетов была бы подавлена убыхами в самом начале. Впрочем, и теперь опасность не миновалась. Уход отряда из Гагр отдаст джигетов в руки убыхам, если против сих последних не будет предпринята решительная экспедиция. Настоящее положение дел представляет много ручательств в успехе этого предприятия. Всемилостивейшие награды, щедро дарованные владельцу Абхазии подполк. Кази Маргани и джигетским князьям и дворянам, произведут во всем этом крае восторг, которым надобно воспользоваться. Самоуверенность убыхов начала колебаться; не надобно давать им время усилиться от какого-либо неожиданного неблагоприятного для нас оборота дел. Все предприятия против убыхов в нынешнем году будут в связи со всеми предшествовавшими счастливыми событиями сего года. Это обстоятельство чрезвычайно важно, особливо при действиях с большим числом милиционеров, идущих с уверенностью и наэлектризованных предшествовавшими удачами, будут стоить двойного числа милиционеров, которые в другое время пойдут по наряду. К тому же для этого предприятия мы можем ныне употребить 4 батальона Тенгинского полка, которые не всегда будут свободны и, главное, не всегда будут в распоряжении начальника береговой линии.

На этих соображениях основано мое полное и совершенное убеждение, что Высочайше одобренная сухопутная экспедиция к убыхам непременно должна быть произведена в нынешнем году, отложить же ее до будущего года – значит несравненно увеличить все затруднения, а может быть, потерять то, что ныне приобретено.

В. с. в повелении от 3-го июня № 437 изволили мне, между прочим, сообщить Высочайшую волю, чтобы экспедицию против убыхов начать в первых числах августа месяца, дабы не встретить особенного затруднения при обратном перевозе войск 5-го Корпуса в Крым позднюю осенью.

Вследствие сего имею честь почтительнейше донести в. с., что я полагал начать экспедицию в первых числах сентября месяца по следующим причинам:

1) к этому времени можно собрать милиционеров из дальнейших даже мест, не отвлекая их от летних полевых работ и, следовательно, без особенного отягощения;

2) в сентябре и октябре месяцах в том крае, по миновании летних жаров, большею частью продолжается самое лучшее время для сухопутных движений;

3) в то же время там посевают гоми и кукурузу, составляющие единственный посев у горцев, и потому вторжение в землю убыхов и враждебные действия могут быть для них более чувствительны и страшны;

4) к тому времени легко могли бы быть заготовлены и доставлены на места сухопутные перевозочные способы, составляющие главное затруднение в снаряжении сей экспедиции, потому что перевоз войск и их снабжение всеми предметами потребности могут сделаны без всякого затруднения и весьма скоро; и наконец,

5) возвращение войск 12-й дивизии в Крым не представит, кажется, особенных затруднений, если их высаживать в Севастополе, имеющим бухту, никогда не замерзающую. Амбаркация этих войск в осеннее время с восточного берега Черного моря может только замедлиться, но будет всегда возможна, хотя не с одинаковым удобством. Если во время посадки войск будет дуть сильный ветер с моря, то флот снимется с якоря до минования онаго, покинув при укреплении остальную часть войск. Следовательно, разница может быть только в нескольких днях.

Новые события требуют, однако же, изменения моих прежних предположений касательно сбора отряда на восточном берегу и вместе с тем дают возможность исполнить в точности указание в. с. по сему предмету.

В рапорте от 30-го мая № 170 я имел честь доносить в. с., что полезно было бы отряд, перестраивающий теперь Гагры, на время летних жаров отправить не в Цебельду, как предполагалось, а расположить на р. Мдзымте, верстах в 20-ти от укр. Св. Духа, находящегося при устьи сей реки. При настоящем положении дел я нахожу такое распоряжение совершенно необходимым, чтобы, прикрыв покорных джигетов и угрожая убыхам, кончить дела с Ахчипсоу и Аигба, прежде начатых главных военных действий. Расположение сильного отряда на Мдзымте, близ границ Ахчипсоу, будет иметь первым следствием покорение горных джигетов и открытие переговоров с убыхами – переговоров искренних, потому что они будут производиться в присутствии грозной военной силы. Отряд, находящийся ныне в Гаграх, отправится туда сухим путем в начале июля, а между тем я сделаю все распоряжения, чтобы 4 батальона 5-го Корпуса и остальные батальоны Тенгинского полка были высажены в первых числах августа в укр. Св. Духа и

немедленно соединились с остальным отрядом в общем лагере на границе Ахчипсоу. В ожидании прибытия всех милиций и вьючного транспорта для начатия главного движения в землю убыхов отряд может производить частные поиски в земли Ачипсоу или Аибга, если бы, сверх чаяния, это оказалось нужным, а между тем это движение и даже самое непрерывное сообщение с укр. Св. Духа для конвоирования оттуда всех снабжений, приучит войска, неопытные к здешнему роду войны, и позволит их с большею пользою употребить для настоящих военных действий против неприятеля, которым отнюдь нельзя пренебрегать. Я уверен даже, что если главное движение в землю убыхов начнется и в первых числах сентября, то время не будет потеряно, потому что в продолжение августа месяца одно присутствие сильного отряда устранил многие затруднения, которые замедлили бы все наши действия, если бы мы их начали с самого прибытия отряда в укр. Св. Духа.

Мы еще не пробовали в сем крае вести с горцами переговоры в виду 7-ми т. штыков с 4-мя т. милиционеров, конных и пеших, собранных не для того, чтобы с огнем и мечом проникнуть в самое сердце враждебного края и не оставить в нем камня на камне в случае сопротивления. Следствия такого небывалого, но уже более года ожидаемого убыхами предприятия трудно определить заранее; возможно, что с Божью помощью мы даже успеем избежать тяжкой необходимости принудить убыхов к покорности опустошением их края; но и в таком случае, на что, впрочем, нельзя надеяться, я полагаю необходимым хотя мирно пройти с отрядом через их землю и, удовольствовавшись на сей год этим важным успехом, не идти далее отыскивать племен враждебных, а заняться упрочнением приобретенного и устройством покорившегося края.

Согласно с вышеизложенными соображениями я отнесся с просьбою к ген.-л. Лидерсу об изготовлении 4-х батальонов 13-й пехотной дивизии к отправлению 1-го августа на восточный берег и, уведомив обо все начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса, сделал все зависящее от меня распоряжения к обеспечению продовольствием действующего отряда на р. Мдзымте, прибавив к требуемой пропорции в укр. Св. Духа число собственных припасов сообразно новому предположению. 20-го числа сего месяца я отправляюсь снова по укреплениям и сделаю окончательными распоряжения; в начале июля переведу Гагринский отряд на р. Мдзымту и расположу его лагерем верстах в 20-ти от укр. Св. Духа. Я надеюсь возвратиться в Керчь не ранее 15-го числа июля.

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 9. Тифлис, 1884. С. 507-511. Документ 436.

34. Рапорт ген. Анрепа гр. Чернышеву, от 9-го августа 1841 года, № 243.

22-го числа июля ген.-м. Муравьев получил от джигетских князей известие, что сборище черкес в окрестностях Сочи беспрестанно увеличивается и что они намерены будто бы напасть на собранный там отряд. Джигетские князья, не доверяя, чтобы при движении в их землю неприятель ограничился одним только нападением на войска наши, просили ген.-м. Муравьева двинуться с отрядом вперед по берегу Черного моря и стать в 4-х верстах от укр. Св. Духа, на р. Хороте, где весьма удобно закрыть неприятелю лучший путь в долину р. Мдзымты, обещаясь сами не пропустить неприятеля лесными тропами. Ген.-м. Муравьев, желая исполнить просьбу джигетских князей, а вместе с тем движением сим к стороне убыхов отвлечь сих последних, по возможности, от укр. Навагинского, против коего через два дня они должны были открыть действия, 23-го того же месяца двинул все 4 батальона Тенгинского и две роты Мингрельского егерского полков с 6-ю горными единорогами к устью р. Хороты и расположился лагерем на месте, возвышенном и осененном большими деревьями.

Поутру 24-го числа сделаны были по цепи из-за р. Хороты несколько выстрелов, из коих двумя убит рядовой Тенгинского полка; это показало, что уже движение нашего отряда известно на Сочи. Ген. Муравьев приказал расчищать место, чтобы стать там постоянным лагерем. Но большое число вдруг заболевших в отряде в полторы суток нижних чинов, затруднения без перевозочных способов довольствоваться отряд за 4 версты от магазина и известие, что горцы отложили до тридцатого числа действие против укр. Навагинского, заставили ген. Муравьева оставить это место и перевести отряд на возвышенную долину Мдзымты, где он расположился постоянным лагерем 25-го числа июля. Число больных в отряде, особенно лихорадками, значительно увеличилось после 15-го числа июля; но, как сравнительно, в Гаграх больных гораздо меньше, то ген. Муравьев оставил там два казачьих полка, которые продолжают исподволь крепостные работы.

27-го июля, получив сведение о большом сборе горцев близ укр. Навагинского, я отправил пароход «Могучий» в распоряжение ген.-м. Муравьева на случай, если бы оказалось нужным подкрепить гарнизон сего укрепления. Посланный на пароходе адъютант мой, прап. Колюбакин, донес ген. Муравьеву 28-го июля, что на горе, командуемый укр. Навагинским, горцы устроили несколько амбразур, а по возвышенностям видны значительные толпы; а поутру 29-го июля услышана была сильная канонада в укр. Навагинском. Видя, что пароход прошел к отряду, неприятель начал действие двумя днями ранее, нежели было положено.

Ген. Муравьев в полдень 29-го июля прибыл на пароходе к укр. Навагинскому и привез с собою 150 тенгинцев, которые вошли в крепость под ядрами и гранатами с песенниками и барабанным боем.

Военный начальник встретил ген. Муравьева обыкновенным порядком, представил гарнизон в щегольском виде, почетный караул и ординарцев, а

между тем крепостная артиллерия продолжала действовать и в короткое время заставила замолчать одно из четырех неприятельских орудий.

Канонада открылась еще 28-го числа перед вечером; но горцы, вероятно, еще не готовые, сделали в тот день только одиннадцать выстрелов; 29-го огонь их был уже довольно силен. Ни одно ядро, ни одна граната не пролетали мимо крепости.

Ген.-м. Муравьев послал пароход в укр. Св. Духа и приказал перевезти оттуда на пароходе и на купеческом судне еще 600 чел. Это исполнено на рассвете 30-го числа. Ожидаемого приступа не было, но неприятель из трех орудий усилил огонь, большую часть гранатами. Верх переднего блокгауза взлетел на воздух от гранаты, лопнувшей в самих зарядных ящиках бывшей там артиллерии; а вслед за тем от другой гранаты загорелись покрытые рогожами провиантские склады. Двойной пожар под усиленным неприятельским огнем и вблизи порохового погреба был скоро потушен без малейшей суматохи и с достойным русских войск хладнокровием. Радостные крики на горе прекратились вместе с прекращением пожара.

На горе в виду крепости разредели толпы неприятельские, но пушечный огонь не умолкал; ядра и гранаты, пробивая здания насквозь, вредили гарнизону повсюду, в лазарете был ранен один больной и контужен штаб-лекарь Потоцкий. Метким огнем нашей артиллерии щęki неприятельских амбразур были также повреждены, что с полудня выстрелы стали реже и, наконец, умолкли, видно было, что неприятель поправляет амбразуры.

По всем соображениям находившихся с ген. Муравьевым в форте джигетских князей, совершенно знакомых с родом войны и обычаями горцев, должно было ожидать приступа перед рассветом с 30-го на 31-е число; гарнизон ожидал его с нетерпением. Ген. Муравьев приказал высадить на берегу с судов 250 чел., заготовить заряды, заложить бревнами пороховой погреб и ожидал с нетерпением известия из укр. Св. Духа. Прибывший оттуда корвет дал знать, что, по донесениям джигетских князей, подпор. Созрона Аридбаева, прап. Аслан-бея Геча и Мисоуста Геча, охранявших со своими подвластными берег моря и лесные тропинки впереди укр. Св. Духа, в ночь с 30-го на 31-е июля там ожидалось нападение черкес. На рассвете 31-го числа лазутчик дал знать в укр. Навагинское, что сборище разошлось в разные стороны, свезя орудия в глубокие овраги, отдаленные от крепости.

Ген.-м. Муравьев, оставив в укр. Навагинском 90 чел. Мингельского егерского полка, а на рейд – корвет и тендер, посадил приведенные войска обратно на суда и на пароход и возвратился после полудня в укр. Св. Духа. Там узнал он, что джигетские князья семейства свои отсылали в Цандрипш, опасаясь неприятеля, коего сборище на Сочи, по словам их, было так велико, как никогда еще прежде. Теперь они возвращают домой свои семейства.

Во все время бомбардировки укр. Навагинского мы потеряли 8 чел. убитыми и 14 ранеными; сверх того, несколько офицеров контужено.

Представляя вниманию в. с. заслуги и отличия лиц, выставляемых ген. Муравьевым, я считаю моею приятною обязанностью дополнить это донесение

новым свидетельством о главном виновнике сего нового подвига. Я не боюсь оскорбить храбрых защитников укр. Навагинского, сказав, что с таким начальником, как ген. Муравьев, всякое войском сделает то же самое.

В рапорте ко мне ген. Муравьев говорит: «Так, с Божью помощью, окончились благополучно для нас все, можно сказать, грозные и, конечно, последние усилия убыхов против форта Навагинского и джигетов».

Это требует некоторого объяснения. Предприятия сего рода против укр. Навагинского кончатся, когда будет построена башня на ближайшей горе, это будет сделано осенью нынешнего года. Враждебные усилия убыхов против джигетов могут кончиться только покорением убыхов. Успех собирающейся экспедиции в воле Божией; но сильные и безотлагательные действия в сердце земли сего враждебного и сильного племени становятся тем более необходимыми, что долг справедливости требует, чтобы мы защитили джигетов. Надобно видеть на месте, чтобы оценить важность покорения этого народа, отдавшего в наши руки почти непроходимую теснину, на десять верст между Гаграми и укр. Св. Духа, где 300 чел. могут не пропустить десятитысячный отряд. Потеря джигетов не только отбросит нас опять за эту преграду, но уничтожит всякое к нам доверие горцев.

При рапорте от 26-го июля ген.-м. Муравьев представил мне присяжные листы, выданные вновь покорившимся джигетским обществам: Сумхарипш, Банчерипш и Хохрухты. Эти общества находятся между покорившимися прибрежными и непокорными нагорными джигетскими обществами – Ахчипсоу и Аигба. Замечательно, что они принесли присягу на верноподданство Е.И.В. в то время, когда за день до езды от их жилищ было собрание 16-ти т. убыхов, абадзехов и шапсугов, блокировавших укр. Навагинское. Это доказывает, до какой степени джигеты верят нашей силе и защите.

Наконец, общее положение дел наших на восточном берегу требует сильных мер для упрочнения этого неверного существования наших укреплений и для того, чтобы не допустить враждебной партии уничтожить начала покорности, обнаруженные натухайцами и джигетами.

В нынешнем году уже второе укрепление подвергается бомбардированию. Местность позволяет сделать это в большей части береговых фортов. По осколкам неприятельских гранат, собранных в укр. Навагинском, видно, что они были полупудовые, а расстояние до горы – менее 300 сажень. Поэтому, хваля мужество гарнизона, более всего нужно благодарить Бога, что эта канонада так благополучно кончилась.

Настоящее усилие убыхов совсем не служит доказательством, что они будут упорствовать до последней крайности весьма часто: усталость и упадок духа следует за напряжением сил. Во всяком случае, однако же, если бы против ожидания, экспедицию в сем году убыхи не были покорены по каким-бы то ни было причинам, надобно продолжать начатое в будущем году, возобновляя усилия до тех пор, пока цель не будет достигнута.

Предлагая действие оружием, я усерднейше прошу в. с. верить, что прибегаю к этой тягостной мысли совершенно против желания, и потому только, что всякая другая, при настоящем положении дел в сем крае, повела бы только к большим и бесполезным потерям людей, времени и денег.

Окончив здесь все распоряжения, я отправляюсь сегодня на пароходе «Боец», по укреплениям вверенной мне линии и, вероятно, останусь в действующем отряде до окончания военных действий.

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 9. Тифлис, 1884. С. 511-513. Документ 437.

35. Приказ военного министра А.И. Чернышева о награждении джигетских князей.

Петергоф, 13 августа 1841 г.

Г. и. в награду услуг, оказанных при сухопутном движении отряда нашего из Гагр к укр. Св. Духа, всемилостивейше соизволил произвести джигетских князей Гечь Алтхуа Мисоуста, Хаджетли Арзакана-Ипа Цамбаева, Джамлет Хилат-Ипа Цамбаева и Созран Масыр-ипа Цамбаева в прапорщики.

О таковой монаршей милости объявляю по военному ведомству к сведению и должному исполнению.

Ген.-адъют. кн. Чернышев.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6435, 1841 г., л. 77. Подлинник.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 155. Документ 180.

36. Выписка из рапорта начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии К.К. Врангеля начальнику Черноморской береговой линии А.И. Будбергу о голоде среди джигетов и убыхов.

5 мая 1845 г.

Получив в Бомборах с разных сторон известия об увеличивающемся между джигетами и убыхами голоде, которому и самые пожилые жители сей страны подобного жесткостию не запомнят, я решился прибыть в Св. Дух без малейшего отлагательства...

Пригласив сюда князей Аслам-бея Гечь, Керендуха Берзека и нескольких других значительных лиц из джигетов и убыхов, я объявил Керендуху, к величайшему его удовольствию, о всемилостивейшем ему пожалованном пансионе и собрал от них следующие сведения...

ГАКК, ф. 260. оп. 1, д. 558, лл. 11-14. Копия.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 175. Документ 194.

37. Выписка из рапорта начальника Черноморской береговой линии А.И. Будберга главнокомандующему Отдельного Кавказского корпуса А.И. Нейдарту о привлечении убыхов и джигетов к земляным работам в укр. Св. Духа.

Керчь, июнь 1845 г.

Желая доставить хотя некоторым из джигетов способы к пропитанию, сколько это зависит от собственных моих средств, я приказал склонить их производить за дешевую плату земляные работы в укрепление Св. Духа по отводу реки Мдзымты и насыпке отмытого ею бастиона. Нужды и голод заставили джигетов преодолеть отвращение свое к наемному труду и в день приезда моего в это укрепление нанялось их 18 человек, а несколько спустя, на обратном проезде в Керчь, я увидел, к полному моему удовольствию, что работою занималось уже до 200 человек...

В Сухум-Кале работы по осушению болота продолжаются с посредственным успехом, по непривычке к делу работающих туземцев...

ГАКК, ф. 260, д. 560, лл.32-33. Копия.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 175. Документ 195.

38. Из рапорта и. д. военного начальника укр. Св. Духа майора С.Т. Званба начальнику 3-го отделения Черноморской береговой линии ген.-и. К.К. Врангелю о суеверии джигетов.

Укр. Св. Духа, 14 июня 1845 г.

В джигетской земле ныне почти в течение двух месяцев не было дождей: хлеба, засеянные, в особенности в низменных местах, почти выгорели. Пользуясь сим обстоятельством, какой-то нам недоброжелатель уверил джигетов, что русские в укреплении Св. Духа, чтоб истребить голодом джигетов, зарыли кусок какого-то металла под названием абырлаш, сила

которого удерживать идти дождю с неба, отчего сделалась засуха. Народ, поверив этой нелепости, начал гласно роптать на нас. Услышав я об этом, начал уверять, что это вздор, вероятно, кто-нибудь смеялся, и они поверили этому; напротив, русские стараются доставить им случай, чтобы они достали себе пропитание и при том же нам самим необходимо нужно, чтоб шел дождь, ибо у нас на покосе трава и на огороде овощи выгорели. Сими доводами я успел совершенно уверить в нелепости претензии их и тем успокоил.

После того, во время бытности моей с в. пр. в форте Навагинском, к джигетам явился из убыхской земли мулла Азат, который объявил им, что он по силе Алкорана может выбросить с неба дождь и собрал народ 6 числа сего месяца на берегу реки Мдзымты, приказал набрать 1000 камешков с реки и насыпать оными корзинку вместе с несколькими лоскутками бумаги, исписанных по-арабски и прочитал несколько стихов из Алкорана, опустил корзинку в воду. После, с 7 на 8 числа, был сильный дождь, через что на реке Мдзымте прибыла вода и, вероятно, от сильного течения воды корзина унесена. На счет этого кто-то уверил их, что русские подкупили одного джигета за 15 р. с., который украл корзину с камнями и доставил русским, которые оную сожгли, отчего и перестал дождь. Народ, уверившись в этой нелепости, ропщет на нас сильно, хотя и стараюсь уверить их в несправедливости этого, но видно, что они сильно убеждены в справедливости нелепой выдумки и остаются в своем мнении, особенно чернь.

Несмотря на все эти нелепые уверения, вчера было на работе горцев до 200 человек и к 9 часу утра кузнец подметал кузницу, вынес сор за укрепление и выбросил около работающих горцев. Вдруг горцы, увидев выброшенный кузнечный сор, бросили лопаты и мешки и с криком бросились бежать от работы, я тотчас выбежал на их крик и застал у ворот укрепления только человек 20 горцев, которые объявили, что их хотели отравить, бросив около них ядовитое вещество, но я начал уверять их, что это совершенно вздор, чтоб они не верили подобным нелепостям, и к этому времени подъехали ко мне джигетские князья, подпоручик Якуб Цанбаев, прапорщик Сусоип Анчабадзе и Асланбей Тапдалипа Арыдбаев, с помощью которых я успокоил этих 20 человек, которые остались на работе, а остальные побежали по своим домам. После этого я узнал, что кто-то им говорил, что кузнец каждый день выбрасывает около них зловредное вещество, через что они могут получить вред, но, кто именно это им говорил, они не могли объяснить мне...

ГАКК, ф. 260, д. 558.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 175-176. Документ 196.

**39. Выписка из рапорта начальника Черноморской береговой линии
А.И. Будберга главнокомандующему Отдельного Кавказского корпуса
А.И. Нейдгарту о поездке по линии.**

Керчь, 16 августа 1845 г.

В земле джигетов князья неоднократно жаловались мне на простых джигетов, нанимающихся для работ в укр. Св. Духа, что по возвращении из укрепления ночью по домам они портят засеянные поля. Для отвращения таких жалоб положено было принимать рабочих не из разных аулов одновременно, а по очереди, с распределением, в какие дни и из каких аулов могут они наниматься, чем, в случае порчи посевов, скорее можно было бы открыть виновных. Беспорядки от этого уменьшились, но не прекращались совершенно. В последний объезд мой береговой линии поспевала кукуруза и я почел необходимым уступить убедительной просьбе князей отказать джигетам в работе на несколько времени, объявив им, что они сами причиною лишения этого средства к приобретению денег на пропитание...

Работа по осушке болот в Сухум-Кале прекращена на время, потому что работавшие мингрельцы не согласились продолжать ее летом и возвратились по домам. Устройство водопровода продолжается с посредственным успехом, чему причиною болезнь большей части нанявшихся для положения водопроводных труб греков, опытных в этой работе.

ГАКК, ф. 260, д. 560, лл. 113-114. Копия.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 178. Документ 198.

**40. Извлечение из рапорта ген.-адъют. Будберга кн. Воронцову,
от 23-го августа 1849 года, № 61 – Секретно.**

...Черкесское народонаселение прибрежного края, по вызову Мухаммед-Эмина, положило отправить избранных старшин на народное собрание, которое он назначил в половине этого месяца в Адагуме или Псифе. Между тем в ожидании постановлений будущего собрания никаких общих движений в народе не заметно, торговля продолжается с успехом, и все сношения с почетными лицами и фамилиями остаются в прежнем хорошем положении. У убыхов происходят кровопролитные междоусобия между фамилиями Берзек и Чизма. В Цебельде продолжаются беспокойства. Кн. Эшау Маршания, собрав на северной покатости хребта шайку до 400 чел., перешел горы и расположился в верхних частях Цебельды в ожидании благоприятного времени для нападения на своих противников и имеет намерение выселить за горы всех своих подвластных, которые остались в Цебельде после его бегства и выдали нам аманатов в обеспечение, что не будут к нему присоединяться.

Для предупреждения замыслов Эсшау, пор. кн. Батал-бей Маршания и двоюродный брат его, кн. Ширин-бей, подкрепленные прибывшими к ним абадзехами, заняли отрядами все теснины и переправы, которых Эсшау не может миновать при дальнейшем вторжении в Цебельду. Гренадерская рота Черноморского линейного № 11-го батальона, бывшая по моему распоряжению в Цебельде, для содействия Батал-бею Маршания возвратилась потом в Сухум, где присутствие одной лишней роты много облегчает гарнизон в исправлении службы и в инженерных работах. Но в последнюю бытность мою в Сухуме, узнав о переходе Эсшау с партией через горы, я приказал вновь двинуть в Цебельду одну роту и на всякий случай иметь в готовности резервный Черноморский линейный № 16-го батальон. Между тем псхувские владельцы из фамилии князей Маршания, принимая в этой семейной вражде сторону Эсшау, старались составить ему партию в Цебельде против кн. Батал-бея. После смерти кн. Ростом-хана, умершего от раны, полученной им в укр. Марамбе во время сопротивления, распоряжение военного пристава к арестованию его, псхувские Маршания, обвиняя кн. Батал-бея в доносе на Ростом-хана и призывая на него кровомщение ближайших родственников умершего князя, надеялись усилить ими партию Эсшау, но не имели в том никакого успеха кн. Ширин-бей Маршания – тот самый, который во время восстания Цебельды с 1842-го по 1845 год нанес поражение на горе Апианче одной нашей роте, а теперь вполне преданный правительству, отклонил, несмотря на близкие узы родства с Ростом-ханом и на обычаи края, всех родственников от кровомщения. После того псхувские Маршания, мстя Ширин-бею и его родным, вторглись 20-го июля в Цебельду и отбили принадлежавших им 8 т. штук баранов. При этом случае псхувцы потеряли убитыми 2-х и ранеными 3-х чел, а у цебельдинцев убит один человек. Междоусобная брань в фамилии князей Маршания началась, как я уже имел честь донести в. с., от раздоров между княжескими фамилиями Маршания и Анчибадзе после убиения Беслан-гура Маршания, в котором принимали участие однофамильцы его вместе с князьями Анчибадзе. Раздор между этими двумя фамилиями продолжается везде, где они только расселились. Таким образом, с половины июля анчипсхоуские Маршания вторглись в Цандрипш, составляющий часть края джигетов, и отбили у живущих там князей Анчибадзе 3 т. штук овец, при чем был убит один цандрипшский житель и было ранено два анчипсхоуца.

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 10. Тифлис, 1885. С. 678-679. Документ 628.

41. Из рапорта начальника Черноморской береговой линии**А.И. Будберга заместителю Кавказа М.С. Воронцову об опасениях джигетов в связи с появлением Магомета Амина у убыхов.**

22 ноября 1850 г.

Появление Магомета Амина у убыхов произвело тревожные опасения между джигетами. Они обратились к джигетскому приставу с просьбой поддержать их войсками и объявили, что без того не в состоянии будут защищать себя сами против наиба и убыхов, тем более что после кровавой вражды, происходившей в последние годы между главнейшими джигетскими фамилиями, все они стали между собой врагами и не могут быть соглашены на общее предприятие. Я имел в виду в случае надобности поддержать джигетов двумя или тремя ротами сверх гарнизона укр. Св. Духа и абхазскою милициею, но в настоящее время года чрезвычайно трудно перевозить войска морем и невозможно за разлитием больших рек, как Бзыбь и Мдзымта, провести сухим путем милицию. Кроме того, встретится большое затруднение в продовольствии этих войск. Неизвестно еще, какой оборот примут дела Магомета Амина у убыхов, которые созвали по случаю его прибытия большое народное собрание в Вордане. Впрочем, почти нельзя сомневаться, что Магомет Амин, имея много деятельных поборников в народе из значительных лиц, которым с новым устройством открываются пути к честолюбию, будет иметь полный успех между убыхами. Осторожность его во всем, что касается до народных и частных интересов, и основание всех его действий – религия – легко склоняют к нему народ при внушениях честолюбивых людей.

Дворянство и сильнейшие фамилии из свободного сословия, приведенные сначала в справедливое опасение за последствия для них учения наиба, имеющее скрытым основанием духовное самовластие, уничтожение наследственных властей и прав и провозглашения мусульманского равенства, успокоились потом, когда Магомет Амин не коснулся их прав, конечно, до времени, и начал давать им почетные поручения. Нет надобности говорить о необходимости подать возможную помощь джигетам. Кроме невыгодного влияния от оставления беззащитными покорного нам племени, успехи Магомета Амина между джигетами принесли бы тот большой вред, что из этого абхазского племени мюридизм легко мог бы постепенно распространиться во владении абхазском, которого народонаселение наполовину состоит из мусульман. Если будет возможно что-нибудь предпринять в настоящее время года для защиты джигетов, то я приму свои меры, но одно усиление гарнизона укр. Св. Духа не может принести пользу в этом деле...

Верно: Заведывающий штабом Генштаба полк. Карлгоф.

АВПР, оп. 272, 1850 г., св. 126, д. 206/11, лл. 115-116 об. Копия.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 198. Документ 230.

**42. Из рапорта начальника Черноморской береговой линии
А.И. Будберга заместнику Кавказа М.С. Воронцову об удержании
джигетов от связей с Магометом Амином.**

Керчь, 18 декабря 1850 г.

Копия.

... Магомет Амин приводит к присяге убыхов и намерен перейти от них к джигетам. Он требовал к себе джигетских старшин, и некоторые отправились к нему для переговоров.

Верность правительству в большей части джигетского народонаселения сомнительна по страху, наведенному на них Магометом Амином, и по мусульманским понятиям. Более твердые в своих правилах и в данной правительству присяге отправляют семейства свои и имущество далее в горы и говорят, что если придет к ним Магомет Амин, то они сами зажгут свои дома и станут под защиту укрепления. Раздоры сильнейших джигетских фамилий, поставившие их в такое положение, что они находятся одни к другим в отношениях кровомщения, не допускают им созвать общее народное собрание, необходимое в таких важных обстоятельствах, но совершенно невозможное, потому что встреча врагов неизбежно поведет за собою кровопролитие. В последние 3 года я употреблял напрасные усилия, чтобы помирить их, много раз разбирались они между собою судом посредников, который у горцев составляет единственное установление для положения предела фамильным кровомщениям. Посредники, избираемые по соглашению обеих сторон, определяют пеню за кровь, по уплате которой честь фамилии признается удовлетворенною и не налагает на них более обязанности продолжать мщение. Но на всех сходах джигетских фамилий посредники не могли согласить их своими решениями, и ни одна из них оканчивалась кровопролитием, подававшим новый повод к кровомщениям. При таких неблагоприятных обстоятельствах нельзя ожидать, чтобы джигеты соединились против Магомета Амина, а потому недостаточно поддержать их слабым отрядом, как поступил я в 1843 г. весною, когда угрожала та же опасность от предшественника Магомета Амина, Хаджи Магомета, а только сильный и самостоятельный отряд, независимый от джигетской милиции, был бы в состоянии их защитить.

В прошлом донесении я излагал все затруднения для сбора такого отряда, по продовольствию его, перевозке войск морем и по системе медления, принятой Магометом Амином, которая не оставляет другого выбора, как предприятия сильной экспедиции в страну убыхов для защиты джигетов. Может быть, даже одной экспедиции недостаточно будет для того, чтобы склонить убыхов в недоступных их вертепах и остановить между ними сильное религиозное движение. Бесплезность сбора малого отряда в укр. Св. Духа при разногласии и сомнительном расположении умов джигетов и крайние затруднения в перевозке войск морем в нынешнее бурное время года поставили меня в печальную необходимость предоставить дело джигетов до весны будущего года естественному ходу обстоятельства...

Верно: заведывающий штабом, Ген. штаба полк. Карлгоф.

*Помета на сопроводительной бумаге: г. и. соизволил читать.
кн. А. Чернышев.*

АВПР, оп. 272, 1850 г., св. 126, д. 206/11, лл. 121-122 об. Подлинник.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859).
Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 199-200.
Документ 232.

**43. Письмо владетеля Абхазии М.Г. Шервашидзе
главнокомандующему на Кавказе М.С. Воронцову о планах Магомета
Амина вторгнуться в Абхазию и необходимости воспрепятствовать этому.**

24 марта 1851 г.

Агент Шамиля Мегмет Амин намерен, как слухи носят, вторгнуться чрез Карачай в Цебельду или же чрез землю джигетов в Абхазию. Вторжение это при настоящем состоянии сих наших войск, расположенных по восточному берегу Черного моря, в особенности 3-го Отделения, может иметь весьма вредное влияние на горские племена, покорные нашему правительству. Из ниже следующих обстоятельств Ваше сиятельство усмотреть изволит, в каком затруднительном положении находятся эти племена в отношении внешней защиты своей от неприятеля.

Непокорное убыхское племя, которое до настоящего времени, хотя по величине и силе своей заставляло обращать на себя внимание соседственных покорных нам племен, но как во всем этом племени было основано много враждующих между собою партий, то это обстоятельство и служило безопасностью соседственным племенам, а как в бытность свою в земле убыхов Мегмет Амин успел примирить эти партии и обязать их послушными его приказаниям, то в таком виде убыхи являются самостоятельным и сильным племенем.

Мысль Мегмет Амина основать там свое местопребывание, если только приведена будет в исполнение, то повлечет за собою большие труды в отношении защиты покорных нам племен и усугубит трудность привести в покорность враждующих против нас горцев, обитающих на покатосях гор восточного берега Черного моря. С водворением власти Мегмет Амина в земле убыхов он намерен покорить землю джигетов, что не составит ему большого труда, если джигеты будут оставлены нами на произвол судьбы. Племя это по малочисленности народонаселения и по положению местности своего края решительно не в состоянии сопротивляться и вынуждено будет или оставить край, или же, что всего вернее, покориться безусловно власти Амина. Таким образом, имея на своей стороне сильное племя убыхов и покорную землю

джигетов, он без труда может составить значительный отряд и, сосредоточив силы в джигетском селении Цандрипша, предпримет движение в Абхазию.

Хотя подвластный мне край и в состоянии будет отстоять свою независимость, но эта независимость купится дорогой ценою. По местности своей Абхазия представляет весьма удобный спуск неприятеля в пределы края по всему пространству гор, окружающих ее; при ожидании вторжения неприятеля обыкновенно занимают сильнейшими отрядами те места, которые более удобны для прохода неприятеля, а в местах, менее удобопроходимых, располагаются секреты или пикеты, величина которых зависит от важности пунктов, занимаемых ими. Но если только неприятель атакует край в нескольких местах, то при таком раздроблении сил защита его будет весьма затруднительна.

Поэтому я предлагал бы в предупреждение подобного вторжения в Абхазию необходимым поддержать джигетов. С моей стороны я во всякое время могу служить от 1500 до 3000 милиции, если к этому присоединить имеретинскую или гурийскую милиции и дать небольшой отряд русских войск с четырьмя горными орудиями, тогда можно будет надеяться на успешное отражение неприятеля; помощь, данная джигетам, усугубит преданность их к нам, а успешное отражение сил Мегмета Амина поколеблет преданность горцев к нему.

В предупреждении же на будущее время от подобных тревог, возникающих чрез пришельцев, как Мегмет Амин, который у нас на восточном берегу не первый и, вероятно, не последний, я весьма важным нахожу в местах, которые служат как бы ключом для сообщения народов, обитающих по ту сторону Кавказских гор с горцами, живущими на покатости восточного берега Черного моря, основать два укрепления, места эти находятся в земле абадзехов, между реками Большая и Малая Лаба, а именно: Пстилия и Чегерия Лаба.

Если в этих пунктах основать по одному укреплению или по крайней мере одно укрепление в Псамш, то этим совершенно прекратится путь тамошних горцев к восточному берегу и это послужит к совершенному благосостоянию племен, покорных нашему правительству, и будет служить большим успехом к скорейшему приводу в покорность враждующих противу нас горцев. Места эти на кавказской карте не обозначены, но если Вашему сиятельству угодно будет принять в уважение мой проект, то я могу дать средства к указанию этих мест.

Представляя на благоусмотрение Вашего сиятельства настоящее мое письмо, я льщу себя надеждой, что Вы обратите внимание на обстоятельства, здесь изложенные, руководством которым была одна только мысль – быть сколько-нибудь полезным правительству. Будучи наслышан; что Ваше сиятельство намерены быть в Ахалцихе, на минеральных водах, я с особенным нетерпением ожидаю этого времени, чтобы иметь удовольствие видеть Вас и лично переговорить об этом предположении.

Подлинное подписал владетель Абхазии генерал-адъютант князь Шервашидзе.

ГАКК, ф. 260, оп. 1 д. 1202, св. 151, лл. 2-4.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 200-201. Документ 233.

**44. Отношение начальника Черноморской береговой линии
А.И. Будберга начальнику Главного штаба Отдельного
Кавказского корпуса П.Е. Коцебу.**

Керчь, 29 апреля 1851 г.

На отзыв в. пр-ва от 10-го апреля № 541 имею честь уведомить, что еще в прошлом году я доносил г-ну главнокомандующему о необходимости защитить джигетов от влияния Магомета Амина, просил и получил разрешение е. св. на сбор абхазской милиции. Тем более необходимо не допустить наива вторгнуться в Абхазию. Но, по мнению моему, он не решится войти открытою силою в этот край, населенный наполовину христианами и имеющий феодальное устройство общества, не составив прежде в нем достаточно сильной для себя партии единомышленников. В Абхазии есть три главных доступа: 1) из земли джигетов в обход укрепления Гагры по трудным горным тропам, неудобным для конных; 2) через Псху в Абхазский округ к селениям Гуммы и Акапы и 3) через Цебельду.

Последние два пути, и менее важные промежуточные между ними, ведут через высокие и неудобнопроходимые горные хребты. По ним могут пройти конные партии, а пешее ополчение должно быть чрезвычайно сильно, чтобы отважиться открытою силою вступить в вооруженный край и не опасаться совершенного истребления в случае неудачи при отступлении. При том же такое решительное и отважное действие открытою силою не в духе системы действий Магомета Амина. Если Абхазии может угрожать действительная опасность, то это от постепенного распространения учения мюридизма в мусульманской части ея народонаселения. Учение это доставит Магомету Амину ревностных поборников и тогда только он в состоянии будет войти в край, но не открытою силою с ополчением, а с небольшим числом телохранителей. Для успеха такого действия нужно время довольно продолжительное.

Из трех путей, ведущих в Абхазию, самый опасный, по моему мнению, Псхувский. Непокорное нам общество жителей Псху управляется в форме аристократической республики князьями Маршани. Абхазского округа селение Акапы принадлежит другим князьям Маршани, родственникам псхувских и связанных с ними фамильным союзом по обычаям края. Сомнительный дух

жителей этого селения, тайные их притязания на независимость от владельца Абхазии, положение селения в центре Абхазии и, наконец, родство владельцев ее с псхувскими Маршани составляют основания моего убеждения, что отсюда может угрожать опасность Абхазии, но не от близкого вторжения, а от внесения в нее учения мюридизма. Из Псху можно также спуститься в Бзыбский округ несколькими путями. Вообще, если псхувцы признают над собою власть Магомета Амина, то Псху будет на южной покатости Кавказа притоном его, опасным для спокойствия Абхазии. В таком случае необходимо будет предпринять экспедицию против Псху. На владельцев Цебельды из рода князей Маршани, покорных правительству, в настоящее время можно совершенно положиться. С этой стороны только происки абрека князя Эшсау Маршани и его партии нарушают спокойствие Цебельды и Абхазии. Для охранения Абхазии от внесения в нее учения мюридизма лучшее средство – распространение в ней христианства, и в этом смысле возобновление Пицундского храма и монастыря с учреждением духовной при них миссии обещает большую пользу.

По изложенным выше соображениям я не вижу близкой опасности для Абхазии от Магомета Амина. Во всяком случае нам надобно быть на все готовые, особенно на защиту края джигетов, которому угрожала действительная опасность еще в прошлом году. Мне не известно, достоверно ли сообщение г-ну главнокомандующему владельцем Абхазии, что Магомет Амин намерен основать постоянное местопребывание в земле убыхов. Если это справедливо, то будет чрезвычайно трудно охранить джигетов, которые занимают край, открытый для вторжения убыхов. Невозможно же будет содержать постоянно при укреплении Св. Духа отряд, достаточный для защиты всего края. Тогда останется только один возможный способ охранения этого края от власти Магомета Амина: сильная экспедиция в страну убыхов. Но для такого предприятия отряд не может быть менее 8–10 тысяч человек. Впрочем, я сомневаюсь, чтобы наиб решил перенести постоянное свое местопребывание с северной покатости Кавказского хребта, которая для него важнее земли убыхов по превосходству ее народонаселения и обширности края. При временных же появлениях наиба в стране убыхов защита джигетов небольшими силами для нас легче.

Весной 1843 года я подкрепил джигетов двумя ротами, и с помощью этого небольшого отряда они не допустили Хаджи Магомета вторгнуться в их край. Главное дело будет состоять в том, чтобы своевременно доставить им подкрепление...

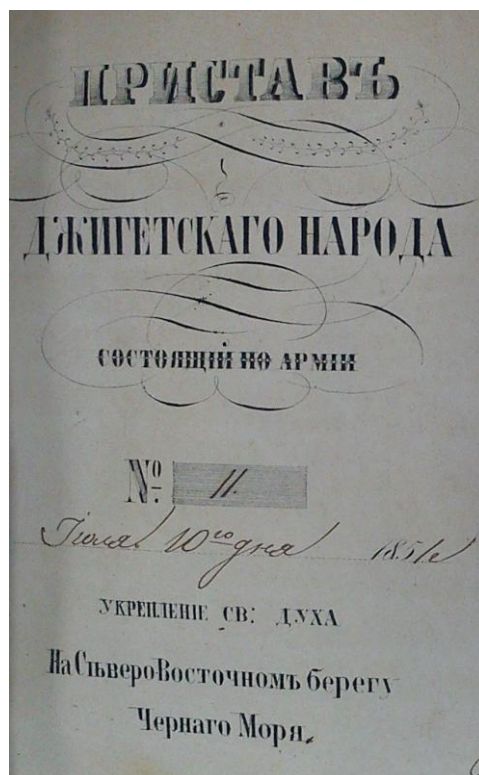
Примите уверение...

А. Будберг.

ГАКК, ф. 260, оп. 1 д. 1202, св. 151, лл. 8-11. Подлинник.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 201–203. Документ 234.

Бланк пристава джигетского народа

Источник: фонды ГАКК.

45. Начальнику Черноморской береговой линии, господину вице-адмиралу и кавалеру Серебрякову.

Исправляющего должность начальника
3-го отделения Черноморской береговой
линии полковника Колюбакина

Рапорт

Есть сомнения, что Берзеки, предводители убыхов, чтобы не лишиться первенства в народе, первенства, приобретенного многолетними военными удачами, попытаются смыть с себя срам последнего предприятия против Абхазии – и действительно, в этот раз счастье жестоко изменило им: собралось ополчение, не тайно, а во всеуслышание и видение друзей, соседей, русских гарнизонов и самой угрожаемой Абхазии – несколько тысячное войско, предводительствуемое Берзеками, смелыми, опытными и постоянно счастливыми, идет не на неверный бой, а на верную добычу, на опустошение... и что же?... После продолжительного и утомительного похода, на заре 16-го дня, при спуске с гор в виду обреченных населений, черкесы, как бы ослепленные внезапным блеском наших штыков, обращают тыл, бегут без

оглядки, толпяся в узких горных проходах, тонут в глубоких снегах, поражаются стужею, злою оспою... И, изнеможенные, обессиленные, возвращаются в дома свои, неся на плечах не обещанную добычу, а носилки с ранеными, недужными, искалеченными. В роде, который живет без нравственных и гражданских связей, увлекаются страстями, легки к обольщению, слабы и несправедливы в несчастии. Убыхи сложили вину малодушия своего на предводителей и обвинили в измене Хаджи Керендуха Берзека, который почти один хотел не отступить, а идти вперед.

Я напомнил об этих событиях только потому, что они служат верным доказательством, что Берзеки, побуждаемые как положительными выгодами, так и страстями, из которых самые сильные в сердце Азгытца, есть мщение, не могут оставаться спокойными, а должны искать случая для оправдания себя перед народом и для восстановления военной славы своей. А как они храбры, в чем нет сомнения, то предпочтут случай, обещающий им оправдание, наиболее громкое и блистательное.

Это заключение уже подтверждается некоторыми данными. Владелец Абхазии, которому хорошо известны дела и намерения Берзеков, предостерег меня, что они непременно с понижением воды в реках нападут или на Пицунду, или на укрепление Св. Духа. Известно тоже, что они пригласили к себе Магомета Эмина и что уже строятся некоторые и другие общественные дома, предназначенные для введения его системы управления. Наконец, сам Хаджи Керендух Берзек приезжал в землю джигетскую, испытывал верность старшин и намекал, что летом Магомет Эмин придет с сильным войском, чтобы оторвать их от России.

Так и несомненные признаки враждебных замыслов, которые, чтобы обнаружиться, ждут только благоприятного времени, определяли ясно род мер противодействующих.

Если убыхи хотят напасть на наши слабые укрепления, то мы должны усилить оборону оных.

Если убыхи хотят посредством Магомета Эмина, являющегося со своей теорией гражданского устройства, разорвать слабую зависимость джигетов от России, то мы, со своей стороны, должны предупредить Магомет Эмина, подчинив скорее политический и гражданский быт джигетов условиям, которые упрочили бы и усилили бы влияние наше на этот народ.

Такие то были основания дальнейших действий моих.

8-го числа этого месяца в Пицунде я еще раз удостоверился, что батареи в старой ограде не обстреливают достаточным огнем ни казенных зданий, расположенных вне ограды, ни местности, по которой неприятелю удобнее приближаться. Кроме того, из опытов произведенных инженером капитаном Баранским совместно с артиллерийским офицером, оказалось, что некоторые стоявшие на подмостках орудия едва ли в состоянии действовать продолжительно, как по тесноте мест, которых размеры не соответствуют откату, так по тому, что от частых выстрелов из-за древних стен, очень слабых, часть стены могла упасть и увлечь самые орудия.

Не теряя времени, я приступил к устройству, так сказать домашними средствами, двух каменных батарей, которые с двух противоположных углов старой ограды будут полным артиллерийским вооружением обстреливать самую ограду, местность перед оною и фланкировать казенные строения, стоящие вне ограды, как то: казармы, лазарет, дом воинского начальника и флигель офицерский. Эти самые батареи, пристроенные к старой ограде, будут некоторым образом служить ей контрфорсами. В то самое время снесены и предположено снять некоторые старые строения и балаганы, которые, маскируя артиллерию, могли служить прикрытием для наступающего неприятеля.

Не буду говорить о форте Св. Духа, где с нетерпением должно ожидать упразднения старых построек и занятие нового замка.

Обратимся к джигетам.

По расчету благоразумной осторожности и по чувству долга к народу, который если не вполне под властью, то сильно под влиянием России, мы обязаны были, при настоящих обстоятельствах, во-первых, испытать образ мыслей джигетов и определить степень зависимости их; во-вторых, устранить по мере возможности те обстоятельства, которые делали их слабыми как против внушений, так и против оружия предприимчивых соседей. Слабость же эта происходит от распрей и кровной вражды, разделяющей не только главные дома джигетов, но и членов одной и той же фамилии. Главных княжеских домов здесь четыре: Арадбаевы, Гечи, Цанбаевы и Анчебадзе. Гечи враждуют с Анчебадзевыми и с Цанбаевыми; Цанбаевы враждуют между собою. Считаю, что не лишним заметить, что племя цвезское, которое есть не что иное, как отрасль народа джигетского, в сильной вражде с соседственным домом Аридбаевых и, наконец, само раздирается домашними распрями.

Приняв все это в соображение, в Гаграх 19-го, 20 и 21 числа, я переговорил с князьями Гагрипша – Анчебадзевыми и Цандрипши – Цанбаевыми. Выказав мнение свое о необходимости подменить их быт новым условием, я пригласил их прибыть в Адлер для переговоров с прочими князьями о делах края 22 числа, я прибыл в укрепление Св. Духа и здесь, после частых переговоров то с теми, то с другими из влиятельных людей, назначено было 24-го числа общее собрание всех представителей народа.

Они собрались, и при этом случае обнаружилась сила вражды, их разделяющей.

Они не хотели в одно время, в одном месте собраться для совещания. Когда князь Геч вошел в собрание, то вышел из оного его брат князь Анчебадзе. Я тотчас пошел за Анчебадзе и привел его почти насильно. Наконец я настоял, чтобы они все вместе выслушали меня и чтобы, по крайней мере на несколько часов, утих ропот страстей враждебных перед голосом дружеским, говорящим им о пользах общих.

Приготовив их краткою речью, в которой были изложены причины настоящего собрания, руководствуясь мнениями и целями Вашего Превосходительства, я предложил следующие условия:

- 1) выдать в аманаты адыгей для воспитания в Сухум;

2) назначить суды для окончания всех споров как между домами, так и между членами одного и того же дома;

3) выбрать старшин для полицейского порядка, то есть людей влиятельных, которые будут:

а) ходатайствовать перед начальством о нуждах народа;

б) передавать народу распоряжения, требования начальства и наблюдать за исполнением оных;

г) собирать в случае необходимости, по приказанию начальства, суды и советы для решения дел внутренних и войско для отражения врагов внешних.

Напрасно было бы рассказывать весь ход переговоров. Скажу только, что 25 числа они изъявили готовность исполнить все мои требования. В этот же день, чтобы показать полную доверенность мою к джигетам, я поехал обедать в аул, к князю Сосрану Гечу. Туда были приведены горнисты и барабанщики батальона. Звуки нашей военной музыки, огласив долины, возвестила народу и неугомонным врагам спокойствие, что никогда сношения джигетов с русскими не были более прочны и хороши, что никогда не должно было менее рассчитывать на разрыв этих отношений. После обеда, окруженный джигетующими князьями, я осмотрел местность, занятую аулами Аридбаевых.

От Вашего Превосходительства будет зависеть утвердить вышеположенные условия и новый порядок вещей. В ожидании такого утверждения оставлены здесь и представляются Вам представители главных домов.

Если Вашему Превосходительству будет угодно одобрить все положенное, то в таком случае об этом немедленно объявится народу и будет предложено приставу следующее: заняться назначением аманатов, составом судов и выбором старшин для полицейского порядка.

Мне кажется, что большая часть джигетов исконно желает исполнить все, что обещали, они желают, чтобы был положен конец беспорядкам и недоразумениям, которые препятствуют развитию благосостояния и делают их слабыми против буйных убухов.

С другой стороны, они имеют к нам некоторые просьбы и отвергнут те, которые, мне известно, решительно не согласны с правилами Вашего Превосходительства, я взялся быть ходатаем по следующим:

1) некоторое увеличение количества выдаваемой им соли;

2) позволение купцам, прибывающим по билетам, с очищенными, оплаченными товарами, торговать в аулах;

3) позволение кочермам, очищенным, имеющим гвардионов, подвозить товары к Цандрипшу для поселений, удаленных от Адлера;

4) употребление людей хорошего дома на службу царскую, то есть прикомандирование их к отрядам для отличия;

5) определение, если возможно, некоторого количества товаров для безопасного ввоза, как это водилось прежде по особому разрешению начальства.

Считаю обязанным себя доложить Вашему Превосходительству по совести и крайнему разумению, что эти просьбы не кажутся мне преувеличенными и что, не рассчитывая на сочувствие или на любовь бескорыстную, должно выгодами положительными упрочить покорность джигетов и тем предупредить успех приближающегося учения Магомета Эмина.

Вот краткий обзор всего мною сделанного в виду намерений и приготовлений убухов.

В заключении скажу, что хамышевцы, живущие по дороге в Сочу, равно племя цвежское, прислали людей для переговоров о принятии тех условий, то я не нашел прибывших людей довольно уполномоченными и приказом старшине цвежского племени – человек впрочем очень почтенный и который будет иметь честь явиться Вашему Превосходительству – идти на родину, устроить там некоторые дела, между прочим, кончить спор с Аридбаевыми и возвратиться к нам с поручительствами, более полными.

Что же касается до значительного населения хамышевцев, то устроить их на основаниях, общих всему джигетскому народу, будет предоставлено приставу.

Полковник Колюбакин

№ 243

2 мая 1852 года

г. Сухум

Источник: ГАКК. Ф. 260. Оп.1. Д. 1415. Л. 1-5.

**46. Из рапорта начальника Черноморской береговой линии
Л.М. Серебрякова главнокомандующему Отдельным Кавказским
корпусом М.С. Воронцову о необходимости оказания помощи джигетам
против убухов.**

Керчь, 20 июня 1852 г.

... На Черноморской береговой линии одни убухи вновь обратились к наибу и приглашают его прибыть к ним для введения между ними благоустройства. Такая решимость убухов встревожила джигетов. Племя это само по себе слабое, раздираемое внутренними раздорами и населяющее край, доступный для убухов и по положению своему неудобный как для постоянного содержания в нем такого числа войск, какое необходимо для его защиты, так и для подания во всякое время скорой помощи из других мест, легко могло бы сделаться жертвою убухов, управляемых волею одного человека при первом пребывании между ними – Магомета Амина, если бы убухи сами не отклонили того с целью сохранить для себя в укр. Св. Духа торговый пункт. Но в

настоящее время убыхи, озлобленные неудачами во всех своих действиях против нас и стесненные в торговом отношении, может быть, не удержатся прежним расчетом и будут содействовать Магомету Амину в подчинении его власти джигетов. Для отвращения этой опасности важнее всего было примирить между собой враждующие джигетские фамилии и предложить им ввести порядок, способный к предупреждению на будущее время внутренних беспокойств, чтобы сделать их самостоятельными для собственной обороны и отвратить внушения тайных приверженцев наиба между джигетами, что только одна твердая власть Магомета Амина может водворить в крае спокойствие. Для этой цели и. д. начальника 3-го отделения полк. Коллюбакин вызвал в укр. Св. Духа депутатов от джигетского племени и предложил им собрать суды и назначить постоянных старшин для надзора за полицейским порядком, а для обеспечения верности правительству всего племени требовал выдачи аманатов из малолетних, с тем, чтобы определить их в открытое уже в Сухуме училище для обучения детей туземцев. Депутаты, хотя и согласились на все эти предложения, но дело это еще не окончено...

Верно: Заведывающий штабом, Ген. штаба полк. Карлгоф.

Помета на сопроводительной бумаге: г. и. изволили читать 20 июля 1852 г. кн. Долгоруков.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35-692, лл. 76-77. Копия.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 208-209. Документ 239.

47. Начальнику Черноморской береговой линии, господину вице-адмиралу и кавалеру Серебрякову.

Исправляющего должность начальника 3 отделения
Черноморской береговой линии
полковника Коллюбакина

Рапорт

Джигетский пристав от 16-го настоящего июня №89 доносит мне, что дело о выдаче нам джигетами аманатов не имеет успеха по случаю вмешательства Хаджи Керендука Берзека. Одни только князя Анчебадзе, не участвующие в народных собраниях по случаю спора о происхождении их, выдали нам аманата, который доставлен в г. Сухум-кале и помещен в Азиатской школе; князя же Гечевы, Цамбаевы и Аридбаевы требуют дозволения им свободного вывоза в Турцию девок, пропуска из Абхазии товаров и отпуска соли в

неограниченном количестве. Ограничение по всем вышедоложенным статьям они считают притеснениями.

Дом Князей Анчебадзевых остался непоколебим в намерениях своих. Анчебадзевы изъявили мне желание переселиться в Абхазию, и я одобряю это желание, ибо поселение их в известных местах, на известных путях будет самым действительным охранением страны и наших квартирований; об их переселении будет решено по возвращении владельца.

Полковник Коллюбакин

№ 430

27 июня 1852 г.

Г. Сухум

Послание 4 Июля в Канцелярию главного начальника гражданского Управления на Северо-Восточном берегу Черного моря №676 и 26 июля Главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом №754 и во 2-е Отделение сухопутного дежурства штаба начальника Черноморской береговой линии №755

Источник: ГАКК. Ф. 260. Оп.1. Д. 1415. Л. 9-9об.

**48. Из рапорта начальника Черноморской береговой линии
Л.М. Серебрякова главнокомандующему Отдельным Кавказским
корпусом М.С. Воронцову об удержании джигетов в покорности и защите
их от убыхов и о событиях в селе Акапа.**

Керчь, 8 июля 1852 г.

После донесения моего от 20 июня 1857 № 91 я получил сведение в бытность мою на береговой линии, что Магомет Амин уже прибыл к убыхам по их приглашению и находится в 25-ти вер. от форта Навагинского. До прибытия наиба было возобновлено жителями укрепленное судилище в Вордане (мягкаме), разрушенное ими во время всеобщего восстания прибрежных жителей против власти Магомета Амина. Джигеты показали мне весьма сомнительными. Они просят об отпуске им соли в неограниченном количестве, о дозволении свободной торговли невольниками и о пересмотре условий, на которых покорились они правительству, приводя должные доводы, что пересмотр этот необходим по прошествии довольно значительного времени, протекшего после изъявления джигетами покорности правительству, в которое многие из лиц, участвовавших в переговорах, умерли...

Джигеты понесли невознаградимую потерю смертью одного почетного и здравомыслящего старшины кап. Аслана бея Геча, который умел удерживать их своим влиянием от неблагоприятных поступков, направлять полудиких своих соотечественников к исполнению долга к правительству и прекращать

междоусобные их распри. За ним умерло небольшое число других достойных уважения старшин, и народ остался теперь без хороших руководителей. Последствия этих потерь не замедлили обнаружиться возникшими фамильными раздорами, которые до того разъединили и ослабили народ, что он не в состоянии противопоставить и сопротивление сильнейшему соседу своему, убыхам. Убыхи, всегдашние противники джигетской покорности, в последнее время терпели ее по личным расчетам...

Убыхи, считая джигетов для себя необходимыми, не только терпели покорность их правительству, но и не допустили в 1850 г. Магомета Амина подчинить их власти своей из опасения потерять последний торговый пункт в укр. Св. Духа, в котором после отложения джигетов необходимо прекратилось бы торговля. Не подлежит никакому сомнению, что только одна эта причина удержала наиба от покорения джигетов и что многие из них находились в тайных сношениях с ним. Теперь этой причины уже не существует.

Воспрещение вашей светлости продажи соли непокорным и ограничение отпуска этой потребности мирным и покорным горцам, усиление строгого надзора за джигетами для прекращения торговли невольниками и оказываемого ими содействия убыхам во всяком роде торговли, равно и другие меры совершенно стеснили убыхов...

Говоря вообще о джигетах, я должен, однако же, отдать справедливость некоторым из них, действительно преданным правительству. К числу последних должно отнести князей Анчибадзе, которые одни только исполнили требование и. д. нач-ка 3-го отделения: выдали аманата, помещенного теперь в Сухумскую школу, а сверх того просят дозволения переселиться в Абхазию...

Владельцы абхазского сел. Акапы, отстоящего от Сухума в 15-ти вер., князя Моршани, почти не признавали над собою власть владетеля и с подвластными своими не исполняли обязанностей в отношении к нему всех абхазских князей. Нынешний владелец, кн. Кизильбек Моршани, был во вражде с некоторыми из цебельдинских князей и, недавно устроив засаду, напал и убил подвластного кн. Ширинбея Моршани. Как этот случай, так и некоторые другие, вынудили, наконец, владетеля решительно требовать, чтобы он подчинился общему порядку. В Абхазии и Цебельде враги общественного спокойствия удаляются в глубину гор, когда им приходится худо и действуют оттуда неприятельски с тем, чтобы вынудить жителей войти с ними в миролюбивые сношения и получить дозволение возвратиться на свои земли, что у нас известно под названием «удалиться в абреки». Кн. Кизильбек Моршани таким же образом бежал в горы и намерен был увести с собою всех своих подвластных, но он не был до того допущен. Ротмистр кн. Дмитрий Шервашидзе, собрав милицию своего округа и подкрепленный цебельдинцами под начальством подпоручика кн. Ширинбея Моршани, преследовал Кизильбека, и хотя не мог его настичь, но удержал его подвластных от бегства, истребил дома, собственно владельцам принадлежащие, и принял меры для подчинения общему порядку жителей Акапы. Кн. Дмитрий, действуя с быстротою, исполнив это поручение владетеля в виду Кизельбека и сыновей

его, а потом далеко преследовал их по горам и имел с ними перестрелку, в которой 2 человека с его стороны ранены. Для поддержания кн. Дмитрия полк. Коллюбакин вышел из Сухума с 3-мя ротами и одним горным орудием, прошел через Гуммы и Акапы, провел там ночь и на другой день возвратился в Сухум. Жители непокорного общества Псху, опасаясь угроз наших, не приняли Кизильбека, который вследствие того должен был перейти на северную покатость главного хребта, соединился с известным цебельдинским абреком кн. Эшсоу Моршани и намерен, собрав поболее единоплеменников, поселиться с ними на другой стороне Псху в ущелье Заадам. Кн. Эшсоу Моршани вошел в сношение с Магометом Амином и, как носят слухи, получил от него приглашение принять начальство над сильною партией, в замышляемом наибом предприятии овладеть Карачаем. Уверяют, что наиб объявил, будто бы это предприятие необходимо для открытия Шамилю свободной дороги к Абхазии, а также для предварительного распространения влияния своего на этот край...

Верно: Заведывающий штабом, полк. Карлгоф.

Помета на сопроводительной бумаге: Доложено е. в. 26 июля 1852 г. кн. Долгоруков.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35-692, лл. 89-92 об., 96-97 об. Копия.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 209-210. Документ 240.

**49. Рапорт начальника Черноморской береговой линии
Л.М. Серебрякова главнокомандующему Отдельным Кавказским
корпусом М.С. Воронцову о переговорах с джигетами относительно их
защиты от убыхов.**

Керчь, 4 сентября 1852 г.

После донесения моего от 12 августа № 117 Магомет Амин продолжал приводить в такое же устройство внутреннее управление в земле убыхов, какое введено Шамилем в Дагестане, и собирал штрафы с лиц, обвиненных в сношениях с нами, в разных преступлениях и в противодействии новому порядку вещей. Большинство народа показывает большую преданность наibu, но есть и партия недовольных. Люди, присужденные к уплате штрафов, тайно поджигают сено и строения у лиц, облеченных властью Магометом Амином. Не довольствуясь властью над одними убыхами, наиб старается распространить ее и над другими соседственными племенами воззванием к религиозному чувству мусульман и страхом оружия. К северу подчинилась ему часть шапсугов почти до форта Лазарева и устроила мягкеме в ущелье Чухухе, находящемся между фортами Лазаревым и Головинским, но далее он встретил

решительное сопротивление от жителей. Даже на этом пространстве общество Кишмей, живущее в горах против форта Головинского на реке того же наименования, впадающей в р. Шахе, и состоящее из 600 дворов, объявило, что не примет его и будет драться с убыхами. К югу от земли убыхов подчинились наибу племена абхазского происхождения Хамыш, Цужа, Аибга, Ахчипсоу до самых джигетов, на которых наиб также имеет виды.

В таком положении нашел я дела по прибытии моем 18 августа в укр. Св. Духа. Часть джигетов, по-видимому, колебалась и медленно выполняла требование о выдаче аманатов, исполнение которого поставлено было им непременным условием падения им с нашей стороны помощи. Джигеты живут на обоих берегах р. Мдзымты, впадающей в море при укр. Св. Духа. На левом берегу этой реки до укр. Гагры живут 3 джигетских фамилии – Геч и Цанбай при реке и князь Анчибадзе между ними и укр. Гагры. Правый берег населяет ближе к укр. Св. Духа четвертая джигетская фамилия Аридбай и выше непокорное общество Цужа, которое еще недавно вело с нами переговоры о желании своем покориться правительству, но после прибытия к убыхам Магомета Амина прекратило переговоры и, наконец, подчинилось ему. На верховье Мдзымты в малодоступных горах находится общество Ахчипсоу и смежено с ним на верховье р. Псху, впадающей в море между укр. Св. Духа и Гагры, общество Аибга.

По географическому положению 4-х джигетских фамилий более всех подвергается опасности от убыхов фамилия Аридбай, не прикрытая никаким естественным препятствием, живущая на расстоянии одного перехода от убыхов и окруженная непокорными обществами Хамыш, Цужи и Ахчипсоу, подвластными наибу. Фамилии Геч и Цанбай имеют естественное прикрытие, хотя и слабое, в р. Мдзымте, которая при обыкновенном состоянии вод во многих местах проходима вброд, но при полноводии стремится разрушительным потоком. Наконец, фамилия князей Анчибадзе находится пока вне круга настоящих действий.

Рассеянный образ населения джигетов, живущих в одиночных домах, а не селениями, и кровавые раздоры между фамилиями ставили их в положение, ненадежное для сопротивления воинственному племени убыхов, особенно при том единстве последних, которое должно быть следствием подчинения их власти Магомета Амина. Чувствуя грозящую опасность, три джигетские фамилии примирились между собою, а четвертая, Аридбай, не могла или не хотела согласиться с прочими и склонилась на сторону убыхов.

Старшины ее, страшась ли подпасть под первые удары убыхов, или по религиозному убеждению сами призывали к себе Магомета Амина.

Верно: Заведывающий штабом генерального штаба полк Карлгоф.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35-692, лл. 115-122. Копия.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 212-213. Документ 243.

50. Из донесения начальника Черноморской береговой линии Л.М. Серебрякова главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом М.С. Воронцову о переходе джигетских князей на сторону Магомета Амина.

Керчь, 10 ноября 1852 г.

... Магомет Амин требовал также и от джигетов определенного числа всадников по соразмерности народонаселения для движения в землю прибрежных шапсугов. Отложившая от нас фамилия Аредбей выставила всадников, но внезапная смерть одного из первостепенных старшин их, участвовавшего в описанном ниже деле при форте Лазаревском 27 октября, вызвала их обратно в свой край для предания его тела земле с обычною у них торжественностью. Из других фамилий только в небольшом числе князя Цанбай отправились к Магамету Амину, а прочие не обнаруживают еще открыто образа своих мыслей...

Верно: Заведывающий штабом генерального штаба полк. Карлгоф.

Помета на сопроводительной бумаге: Доложено е. в. 29 ноября 1852 г. кн. Долгоруков.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35-692, лл. 171 об. -172. Копия.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 214. Документ 246.

51. Выписка из рапорта и. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии Н.П. Колюбакина начальнику Черноморской береговой линии Л.М. Серебрякову о необходимости нововведений у джигетов.

4 декабря 1852 г.

Что же касается до джигетов, то между отложившимися заметно раскаяние и многие просят считать их по-прежнему подданными России; но, мне кажется, что нам не должно принимать покорностей частных, а со временем можно будет склониться к принятию покорности общей, не иначе как на условиях, которые были бы основаниями порядка прочного; одним из этих условий было бы конечно, во-первых, предварительное окончание междоусобных распрей, разделяющих народ на партии и, во-вторых, соединение если не всего народонаселения в деревни, то хотя устройства некоторых больших деревень на известных пунктах. Надеюсь, что основания этого нововведения будет положено преданным нам князем Рашид Гечем, который склонился убеждением нашим поселиться, для примера другим, поблизости укрепления, и для того я приказал теперь же перевести туда для него два досчатые духана, принадлежавшие турку Аридбаевых; когда же он склонит к переселению

некоторое число людей своих, то я сам прибуду в Адлер для распланирования деревни.

Верно: Старший адъютант подполковник (подпись).

ГАКК, ф. 260, оп. 1 д. 1417, л. 4. Копия.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 214–215. Документ 247.

52. Записка вице-адм. Серебрякова. От 11-го декабря 1852 года, № 2133.

Кавказское духовенство имеет обширный круг святой деятельности для выполнения высокого призвания своего просветить словом Божиим племена полудикие. Русское оружие, проникнув в недра Кавказа и водрузив вместе с победоносным знаменем животворящий крест в местах пустынных и в горных вертепах, посреди враждебного народонаселения, состоящего из поклонников Мухамеда, открыло путь для поборников Христовой веры. Каждый частный начальник, поставленный для управления краем, должен иметь в виду, что, кроме чести и славы оружия, лежит на нем священный долг способствовать духовенству в святом деле его.

Побуждаемый собственными чувствами и своею обязанностью, я поставлю себе долгом представить положение управляемого мною края в религиозном отношении, изложить мысли мои о средствах к распространению истинной веры между здешними племенами.

В прибрежном крае восточного берега Черного моря, собственно в пределах Черноморской береговой линии, начиная от Анапы и почти до р. Ингура, откуда начинается уже Кутаисская губерния, обитают три племени черкесы (адиге), убыхи и абхазцы. Первые два племени имеют демократическое устройство и следуют учению Мухаммеда. Абхазцы, как подвластные владетелю Абхазии, так и не зависимые от него, – а именно цебельдинцы, самурзаканцы, псхувцы, ахчипсхувцы, Аибга и джигеты имеют аристократическое устройство, и небольшая часть жителей, собственно во владении Абхазском, исповедывает христианскую веру, а большая часть – мухаммедане. В местах более диких, горных, в разных частях восточного побережья Черного моря, есть общества, которых верования должно причислить к язычеству, хотя они и не поклоняются идолам.

Распределив племена по религиям в общем виде, я должен объяснить, что в сущности нет здесь ни одной религии в настоящем виде, а каждая из них более или менее смешана с другими, отчего происходят различные оттенки верований. Все племена перешли сначала через язычество, потом проник к ним свет христианского учения от греков и грузин; впоследствии, надолго предоставленные сами себе, они обратились большею частью опять к

язычеству, и, наконец, прибрежные жители, попав частью под власть и частью под влияние турок, приняли от них мухаммеданство, а к жителям северной покатости хребта перешла та же вера от ногайских татар, кабардинцев и других соседственных племен.

Начало появления исламизма в крае Черноморской береговой линии должно отнести к исходу XVII столетия. Но, несмотря на эту давность появления, она распространялась между жителями весьма медленно, и даже в начале нынешнего столетия мухаммедан было между ними немного. К числу их принадлежали почти исключительно одни уздени и люди с влиянием, имевшие частые отношения с турками и татарами. В 1826 году турецкий начальник в Анапе Чечен-оглу-Хаги-Хасан-паша для утверждения владычества Турции над горцами прибег к религиозной пропаганде. Он послал в горы 24 эфендия, из которых в начале сороковых годов были еще живы 8 или 10 человек. Впоследствии число мулл увеличилось прибывшими из Кабарды и Дагестана, и, наконец, Хаджи-Мухаммед, Сулейман-эфенди и Муххамед-Эмин внесли в край учение мюридизма.

Хасан-паша не щадил ни трудов, ни издержек и даже два раза прибегал к вооруженной силе для обращения жителей к исламизму. В первый раз он двинул турецкий отряд к Мескаге (при верховье которой построен форт Раевский), а во второй – в Псебепсе; но в оба раза турки, не достигнув цели, встречены были со стороны горцев таким сильным отпором, что принуждены были отступить в совершенном расстройстве, доходившем до бегства.

Несмотря, однако же, на сопротивление, которое оказывали в первое время горцы против усилий обратить их к исламизму, вера эта постепенно распространялась. Успехам ее способствовали частные торговые отношения жителей с турками, связи и родство с ними, в том числе с первыми государственными сановниками Турции, бракам их с черкешенками, которые ежегодно вывозились в значительном числе на продажу в Турцию, всесильное время и тот перевес, который всегда имеет у непросвещенных народов вновь распространяемая вера с духом исключительности и фанатизма над старыми верованиями, ослабевшими от времени и не имеющими пылких поборников, а более всего – мюридизм, соединивший религию с понятием о противодействии владычеству нашему на Кавказе. Последование исламизму узденими и людьми с влиянием было причиною, что вера эта сделалась как бы отличительным признаком высшего сословия и порядочных людей, а потому многие, без всякого убеждения, присоединились к ней, чтобы отделиться от толпы. От слияния религии с политикою произошло то, что имя мусульманина стало уже решительным выражением политического образа мыслей и независимости горцев от Русского правительства, при верховном господстве над ними турецкого султана как главы веры и священном долге вести непримиримую войну с христианами. Мюридизм еще более развил этот образ мыслей, присоединив к имени султана имя имама Шамиля как заместника его.

Каждая вновь распространявшаяся между черкесами вера не проникала во всю массу народонаселения и, заменяя старую, смешивалась с ее остатками;

таким образом составились смешанные религии. Населяющие край береговой линии черкесы и убыхи называют себя все мусульманами, за исключением небольших обществ в городах, преданных язычеству, из которых наиболее многочисленное племя гуаис, живущее между укреплениями Вельяминовским и Лазаревым. Но, называясь мусульманами, они мало знакомы с догматами этой веры, многие не исполняют ее обрядов и придерживаются более или менее прежних верований. От язычества остались у них поклонение священным рощам, жертвоприношения и некоторые празднества, а от христианства – несомненные признаки, свидетельствующие, что христианская вера была здесь некогда господствующею.

Во многих местах прибрежного края поставлены кресты, редко каменные, а большею частью деревянные, сколоченные из досок, составляющие предмет почитания жителей. Деревянные кресты до последнего времени всегда возобновлялись первыми, когда приходили в ветхость, а остатки прежних сохранялись на месте неприкосновенными до совершенного истления. Кресты эти поставлены в священных рощах, до которых с незапамятных времен не прикасался топор жителей и в которых срубить дерево считается святотатством. Жители приписывают кресту чудотворную силу исцеления и в благодарность приносят дары. Поклонение крестам происходит в виде Богослужения, напоминающего обряды св. Причастия. В праздничные дни сходятся к кресту все окрестные жители, мужчины, старухи и девушки, за исключением одних молодых замужних женщин, не допускаемых в общенародные собрания по восточному обычаю. Обряды Богослужения совершает старец, избираемый обществом на два или на три года, из людей уважаемых за благонравие и честность. Доле этого срока никто не остается единственно по той причине, что на него падают некоторые издержки Богослужения, которые для одного и того же лица бывают убыточны. В помощь ему избирают иногда одного или двух человек для содействия в отправлении обрядов. Самое Богослужение исполняется следующим образом: к кресту ставят зажженные восковые свечи; старец, совершающий Богослужение, омывает себе лицо и руки, надевает бурку, берет в руки наполненную вином и бузою (крепкий напиток из проса) с небольшими кусочками пресного хлеба деревянную чашу, которая имеет форму, совершенно сходную с священной утварью христианской Церкви для святых даров, и громогласно читает молитвы, в которых, призывая Мариам-Тхапши (Богоматерь), Тхашхо (Спасителя) и святых, просит их благословения на изобилие хлеба, плодов и стад и покровительства против неприятеля, заразы и всякого рода бедствий. Все присутствующие стоят около креста с открытыми головами, а старцы преклоняют колена. По окончании молитвы старец, вкусив из чаши, передает ее ближайшему к нему человеку, который исполняет то же самое, и таким образом чаша обходит всех присутствующих. Если у старца, совершающего Богослужение, есть помощники, то последние во время чтения молитв держат чашу и хлеб. После того присутствующие три раза обходят крест, иногда с плясками. Богослужение заканчивается, как в первые времена христианства,

общую трапезою, для которой каждый приносит с собою, по своим средствам, запас и складывает у подножия креста. Тут же режут волов и ягнят и приготавливают из них пищу. Празднество оканчивается плясками и военными играми.

Праздники, сохранившиеся у жителей от христианства и язычества, суть следующие:

1) *Годыж* – совпадает с праздником св. Пасхи и исчисляется по Луне. За сорок дней до этого праздника жители не едят яиц, собирают их и частью красят, а в самый праздник употребляют в пищу.

2) *Жега* – празднуется спустя сорок дней после Годыж. Хотя она совпадает с Вознесением Господним, но празднуется как св. Троица и Сошествие святого Духа, дома убираются деревьями и цветами.

3) *Кхлепсаги* – слово, обозначающее громовой день, бывает в половине сентября.

4) *Хуешта* – в переводе сырное время, бывает около половины октября и совпадает с праздником Покрова Пресвятой Богородицы

5) *Ихесь* и спустя 8 дней *Созрех* – соответствуют Святкам и Новому году.

6) *Кордесех* – день близкий к празднику св. Крещения. В этот день жители берут в море воду и опрыскивают ею один другого.

7) *Пиштаго* – в переводе величественный, празднуется спустя 8 дней после св. Пасхи.

Мариам-Тхапши состоит из трех слов, которые в переводе значат Мариам – Мария, Тха – Бог, пши – князь или старший. Тхашхо составлено из двух слов Тха – Бог, шхо – великий. Верующие в эти остатки христианства признают Тхашхо сыном Мариам-Тхапши и в одном лице всемогущего Бога три лица, не давая, впрочем, ясного отчета себе в значении св. Троицы и не сохранив никакого понятия об искуплении рода человеческого страданием и смертью Бога, сошедшего на землю в образе человеческого. Понятие о св. Троице у них перепутано; три лица, которых они чтят в едином Боге, суть Мариам-Тхапши, Тхашхо и Шергупс.

Те из вышеозначенных черкесских слов, которые не переведены, не имеют перевода либо взяты с другого языка и искажены в произношении или смысл их утрачен от изменений в черкесском языке.

Проживающий между закубанскими племенами лжеучитель Мухаммед-Эмин, последователь учения мюридизма и наиба Шамиля, в бытность свою 1850 году в пределах края Черноморской береговой линии нисповерг все кресты, и, хотя впоследствии жители возобновили их во многих местах, разрушили мечети и с большим торжеством праздновали Мариам-Тхапши, поучения Мухаммед-Эмина оставили в народе глубокие следы. Вообще нельзя выводить заключения по этим остаткам св. веры, чтобы жители были склонны обратиться вновь к Божественному учению. Дух мусульманства уже так сильно проник в эти племена, что он взял решительный верх над всеми верованиями, и жители, не сохранив в памяти народной, что предки их некогда принадлежали к

святой пастве Христовой, и не подозревая, что они чтят памятники ея, отвращаются от христианства и зовут себя мусульманами, а нас – неверными (гяур).

Все, что изложено выше о верованиях черкесов и убыхов, относится преимущественно к той части народонаселения закубанских племен, которая обитает по южную сторону Кавказского хребта, между ним и восточным берегом Черного моря. Хребет этот идет параллельно с восточным берегом, в близком от него расстоянии, и отбрасывает от себя высокие, крутые и трудно проходимые горные ветви, которые, упираясь в море, пересекают всю местность. Жители, населяющие долины между этими горными ветвями, не имеют между собою удобных сообщений и составляют в каждой долине отдельное общество, окруженное с трех сторон почти недоступными горами и с четвертой – морем. В эти вертепы не легко проникает все новое, и в них более сохраняются старые обычаи и поверья. Совсем в другом положении находятся жители северной покатости Кавказского хребта, населяющие край между ними и реками Кубанью, Лабою и Белою. Там местность большею частью мало-гористая, сообщения удобны и народонаселение многочисленно. Все перевероты в политическом устройстве, в умственном развитии и в духовном образовании между закубанскими племенами начинаются обыкновенно у жителей северной покатости Кавказского хребта, быстро распространяются между ними от частных и легких между ними сношений и гораздо позже, с трудом, проникают к жителям южной покатости.

В последние восемь лет на северную покатость Кавказского хребта Мухаммед-Эмин и предшественники его Хаджи-Мухаммед и Сулейман-эфенди внесли учение мюридизма. Это учение, сколько религиозное, столько же и политическое, развивалось между жителями в двойном своем характере с переменным успехом и проникло на южную покатость хребта только в 1850 году. Основания этого учения состоят в том, чтобы следовать вере Мухаммеда; вести непримиримую священную войну (казават) против всех народов и племен, не верующих в Мухаммеда; признавать власть над собою только одного мухаммеданского духовенства, предоставить ему правление народом, суд и расправу по смыслу корана, на том основании, что лжепророк Мухаммед был духовное лицо и передал власть свою духовным же лицам; уничтожить все светские и наследственные власти; уравнивать между собою всех мусульман, освободив от зависимости подвластных и рабов, и уничтожить все те народные постановления и обычаи, которыми теперь управляется народ и которые, с введением духовного управления, сделались бы лишними. Мухаммеданское духовенство, принимая на себя политическую власть над народом, предполагает завести и сообразное тому общественное устройство, сосредоточить всю власть в руках одного наиба, разделить народонаселение на округа, учредить в каждом округе судилище из кадиев и мулл, которое было бы подчинено главному наibu, управляло округом, разбирало тяжбы, судило преступления и призывало к суду всех противников духовного управления, и устроить в каждом округе духовное училище для воспитания юношества в

правилах веры Мухаммеда и нового порядка вещей. Из этого краткого очерка учения мюридизма видно, что оно стремится к двойной цели: к распространению мухаммеданской веры и к полновластию мухаммеданского духовенства. Не отделяя религии от политической цели, оно возбуждает фанатизм и вводит самые крайние демократические начала, чтобы подчинить народ духовенству именем религии и для религии и образовать в народе только два сословия – деспотически властвующее духовенство с помощью избранной им и слепо ему повинующейся военной силы мюридов и покорный народ. Уничтожение прав княжеских и дворянских фамилий, светских и наследственных властей, освобождение подвластных и рабов, расторжение всякого рода союзов и отмена прежнего порядка внутреннего управления и суда – все эти крайне демократические преобразования имеют одну цель – разрушить значение всякого частного лица и силу фамилий, разъединить народ, составить из него толпу без связи, руководителей, силы общественного духа и довести народ до того, чтобы у него была только одна возможная и необходимая власть – духовная.

Это вредное учение, распространяемое духом фанатизма, встречает противодействие только в политическом устройстве племен. Хотя у черкесов и убыхов князья и дворяне давно потеряли свои права и уравнились со средним сословием, но как они, так и последние, владеют рабами, освободить которых не имеют никакого желания. Племена эти, раздробленные на фамилии, которые управляются сами собою, не привыкли ни к какой власти и, принимая религиозную сторону учения мюридизма, отвергают политическую, опасаясь попасть под иго мухаммеданского духовенства. Приверженные к старому внутреннему своему порядку и обычаям, существовавшим много веков, они неохотно променяют их на другие, даже менее стеснительные, чем те, которые предполагает учение мюридизма. Наконец, они не желали бы лишиться и торговли с нами, доставляющей им единственное средство к приобретению многих из первых потребностей жизни, и последование учению мюридизма неминуемо повело бы их к прекращению всяких отношений с нами. Эти причины до такой степени препятствуют распространению мюридизма, что когда закубанские племена, последовав временному увлечению фанатизмом, покорились Мухаммед-Эмину в 1850 году, то не прошло после того и полугода, как они свергли его власть.

В то время как поборники учения Мухаммеда прибегали к сильным мерам для распространения веры лжепророка, со стороны святой Церкви оставляемы были эти племена в забвении. Было время, когда святое дело просвещения закубанских племен словом Божиим не могло встретить столько сильных препятствий, как теперь. За тридцать лет назад закубанские горцы не имели еще других мулл, кроме турок и татар. И было у них весьма много мечетей. Можно сказать, что у них не укоренилось совершенно мусульманство с тех пор, пока не появились муллы из горцев. Но время это, к сожалению, упущено: теперь каждое ущелье имеет по несколько мечетей, есть много мулл из горцев,

и – что всего хуже – ревностных и фанатических последователей мюридизма, а остатки христианства с каждым днем быстро исчезают.

Переходя к абхазскому племени, мы находим у него положение дел более благоприятное для успехов христианства. Абхазское племя, как выше сказано, составляет собственно владение Абхазское под наследственным управлением владетельного дома князей Шарвашидзе и независимые от владетеля и между собою отдельные области Сумарзакан, Цебельду, Псху, Ахчипсхоу и джигетов. В первом и в Самурзакани часть народонаселения исповедует христианскую веру, прочие все жители – мухаммедане. Собственно во владении Абхазском святое учение прямо владетельным домом и низшими сословиями, а прочие аристократические фамилии, за весьма редким исключением небольшого числа дворян, преданы мусульманству. Если принять в соображение, что в абхазском племени князья и дворяне управляют народом на правах наследственных властей и что между первыми есть весьма сильные фамилии князей Маршаниа и Анчибадзе, особенно Маршаниа, которые частью подвластны владетелю и частью независимо от него владеют Цебельдою, Псху и Ахчипсхоу, то последование мухаммеданскому учению всем господствующим классом жителей, за исключением князей Шарвашидзе, составляет обстоятельство неблагоприятное для успехов христианства. Сколько ни важно это обстоятельство, но оно умеряется тем, что самая знаменитая из всех фамилий, князей Шарвашидзе, проникнута светом истинной веры и что в абхазском племени мусульмане не имеют духа фанатизма и отличаются веротерпимостью. Веротерпимость там обоюдная между христианами и мусульманами. Те и другие вступают в брачные союзы без различия веры, и, хотя впоследствии жена почти всегда принимает веру своего мужа, это бывает добровольно. В некоторых семействах одни дети следуют христианству, другие – мухаммеданскому учению, без всяких семейных раздоров, и именно в тех, в которых муж и жена не одной веры. Хотя в строгом смысле соединение браком христиан с мусульманами не дозволяется Церковью; но эти брачные союзы приносят ту пользу, что посредством их христианство вносится в мусульманские семейства и что без этой веротерпимости составилось бы резкое разделение между христианами и мусульманами, от которого не замедлил бы у последних образоваться дух фанатизма. Правда, что те же самые союзы производят и обратное действие: мусульмане вносят свою веру в христианские семейства. Зло это следует истреблять с терпением и постепенно, без всяких резких и насильственных мер, которые, повторяю, имели бы неизбежным последствием возбуждение фанатизма, столько опасного при распространении в соседственных племенах учения мюридизма. Зло это должно даже уничтожиться само собою, если вновь открытая епархия будет с успехом действовать в Абхазии. Необходимо только предохранить Абхазию от внесения в нее вредного учения мюридизма. Святая Церковь должна предупредить действия фанатических последователей лжепророка, идущих к своей цели с лживыми обещаниями, с силою и упорством, не упускать благоприятного времени, как оно было упущено между черкесскими племенами, и стараться

как можно скорее оплодотворить ту почву, на которой уже с успехом и в изобилии посеяны семена христианства. Необходимо не допустить Абхазию до того, чтобы она сделалась поприщем борьбы между христианством и мюридизмом, – борьбы, которая, при невежестве абхазцев, может быть продолжительною, упорною и кровопролитною. Отсюда видна вся важность открытия Абхазской епархии, возобновления древнего Пицундского храма и учреждения при нем монастыря и духовной миссии на пределах последователей лжепророка. Какой святой и великий подвиг ожидает новую епархию.

Веротерпимость абхазских христиан, проявляющаяся в такой сильной степени, что они даже не чуждаются браков с мусульманами, показывает, однако же, что они не имеют горячего усердия к своей вере. Скажу еще более, что они не соблюдают св. веры во всей чистоте ея, перемешивая ее с остатками грубого язычества. В пример можно привести один существующий в Абхазии годовой языческий праздник, которому одинаково следуют христиане и мусульмане. В назначенный для этого праздника день стекается со всей Абхазии многочисленный народ к священному месту в окрестности Плоры и с тревожным волнением ожидает чудотворного появления священного быка. Место, в котором он должен появиться, обнесено каменной оградой, которую стерегут со всех сторон для избежания подлога. Вблизи ограды сидит на дереве часовой и наблюдает внутренность ея, чтобы известить собравшийся народ о радостном событии. Не каждый год появляется бык и, по мнению абхазцев, он ниспосылается Богом в знак благоволения своего к народу; появление его предзнаменует всегда обильный урожай хлеба и плодов, а противное тому – неурожай. Как только бык появится, то его выводят, и пред восторженным народом один из князей должен облобызать его, и потом бык приносится в жертву, разрезается на части и куски его раздаются значительнейшим лицам Абхазии, которые долго сохраняют их и уверяют, что они по полугоду не портятся. Это грубое заблуждение, поддерживаемое обманом, пользуется до такой степени популярностью в Абхазии, что владетель и семейство его не могут уволить себя от того, чтобы не присутствовать на праздниках. Для полного понятия о состоянии христианства в Абхазии должно еще прибавить, что церкви в этом крае, за исключением возобновленной нынешним владетелем ген.-адъют. кн. Михаилом Шарвашидзе в месте пребывания его Соуксу, из развалин древней Греческой церкви, лишены всякого благолепия, духовенство по большей части невежественно, народ не сохраняет в церквах благочиния, входит в церковь в шапках, закуривает трубки у лампад, теплящихся при образах, многие из христиан никогда не бывают на исповеди и у св. причастия и пр. Такое грубое и неочищенное от заблуждений состояние христианства извинительно для народа невежественного, не имеющего до сих пор никаких средств к образованию. Главное дело в том, что семена христианства уже брошены и попечительное правительство и православная Церковь принимают меры к тому, чтобы просветить ум абхазцев и тем способствовать к очищению их понятий от грубых заблуждений.

Правительство устроило в Сухуме школу для воспитания детей туземцев, которая в нынешнем году уже открыта, и назначило сумму на постройку здания в Соуксу для духовного училища, в котором предполагается обучать детей, приготавлиющихся и не для духовного звания. Из этого обозрения религиозного состояния племен, населяющих край Черноморской береговой линии и сопредельных с ним стран до рр. Кубани, Лабы и Белой, видно, что них есть две господствующие веры, христианская и мухаммеданская, из которых сосредоточие первой находится в Абхазии, а второй – на северной покатости Кавказского хребта, или, определяя точнее, в стране черкесского племени абадзехов, но число мухаммедан стократно превосходит число христиан. Открытие Абхазской епархии и возобновление Пицундского храма с монастырем, миссией и духовным училищем должно придать движение и развитие христианству. Мухаммеданство, преобразованное в фанатическую секту мюридов, начало уже проявлять усиленные действия на пространстве более обширном, чем круг действий христианства. Абхазия отделяется от земли абадзехов главным снеговым хребтом и от убыхов – едва проходимыми хребтами, образующими нагорную долину Псху и подходящими к самому морю при укр. Гагры. Чрез эти пределы еще не преступало учение мюридизма в страну абхазского племени, и только джигеты и жители Ахчипсоу, находящиеся вне этих пределов, со стороны убыхов, подвергались влиянию соприкосновения с этою сектою. Первый круг действия предоставляется христианству в стране, окруженной этими недоступными горами, и в народе, хотя и большею частью мусульманском, но более по имени, мало знающем догматы своей веры и имеющем аристократическое устройство, несовместное с последователями мюридизма, тогда как христианство не касается до общественных постановлений. Мюридизм, напротив, действует между демократическими племенами и, стремясь к политическому перевороту, старается разрушить все остатки от прежних аристократических учреждений и от религий, христианской и языческой, сохранившихся преимущественно на южной покатости хребта.

Противоположность в образе действий двух религий и в свойствах тех племен, на которые они действуют, указывает, какими средствами может пользоваться для успеха своего христианство. Главное из них состоит в том, чтобы противопоставить крайнему демократическому направлению мюридизма ту охранительную политическую систему, которой следует христианство, но противопоставить сознательно, чтобы было ясно видно различие в образе действий двух религий. Для достижения этой цели должно избрать из духовенства способных людей, которые совершенно поняли бы эту мысль и искусно ею пользовались, действуя преимущественно на высшее сословие и объяснив ему, что мусульманство на Кавказе обращается в секту мюридов, что мюридизм клонится к уничтожению наследственных властей и прав княжеских и дворянских фамилий, к уравниванию всех сословий и к освобождению подвластных и рабов, что секта эта легко находит поборников в низшем сословии мусульманских племен и когда успеет приобрести достаточное число своих последователей, то высшие

сословия не в состоянии уже бывают удержать мусульманскую веру в одном духовном ее значении и остановить революцию, приготавливаемую властолюбивым мухаммеданским духовенством, не по усердию к вере, а по личным видам, и что, наконец, христианство не только касается общественных установлений, но поддерживает их. Я знаю, что нелегко вразумить мусульман полудиких племен в святых истинах и в угрожающей им от развития мусульманства в секту мюридизма действительной опасности, до таковой степени, чтобы князья и дворяне, если не по убеждению, то по крайней мере, из политических видов содействовали к распространению христианства в народе, а тем более подали собою пример в обращение к истинной вере. Чаще всего поучает горький опыт; но, не менее того, постоянное и настоятельное следование одной системе, время, терпение и искусство преодолевают величайшие затруднения, и чем труднее это дело, тем важнее хороший выбор для него людей. Если мюридизм, не устрасаясь неудач и препятствий, с упорством стремится к своей цели, то может ли остановиться перед затруднениями святая Церковь, напутствуемая благословениями свыше. В Абхазии может непосредственно действовать на жителей епархия и, по мере успехов, продолжать свои действия далее. Обращение черкесов и убыхов в христианскую веру несравненно труднее; с первого взгляда оно кажется даже недоступным и может иметь успех только в течение продолжительного времени. Достигнуть этой святой цели можно только посредством миссионеров умных и хорошо знающих язык и народные обычаи жителей, преимущественно из туземцев, воспитанных в правилах христианской веры. В настоящее время у них нашлись бы миссионеры, как выше объяснено, также некоторые политические и религиозные начала, угрожаемые мюридизмом, на которые они могли бы опираться, преимущественно на южной покатости Кавказского хребта, в прибрежных местах. После ниспровержения власти Мухаммед-Эмина береговые жители с торжеством воздвигли кресты и праздновали день Богоматери. Но недолго могут оставаться в народе эти остатки божественной веры, если мюридизм будет действовать с тою же настоятельностью, как теперь; обращение же черкесов и убыхов к христианской вере есть дело вековое. Религиозный мусульманский фанатизм проник в эти племена и делает быстрые успехи. Секта мюридов действует хитро, не открывая вдруг всех сторон политического своего направления. В доказательство тому можно привести, что князья и дворяне, думающие о возвращении своих прав, должны были бы сделаться единственными противниками мюридизма, но совершенно напротив они первые присоединились к Мухаммед-Эмину в надежде возвратит через него свои права и значение, и хитрый наиб оставлял их в этом заблуждении, не объявляя никаких намерений своих прямо.

Изложив мысли мои о средствах к распространению христианской веры между племенами, населяющими восточный берег Черного моря, и глубоко проникнутый желанием видеть торжество истинной веры между племенами, никогда не читавшими ее, я приношу посильную жертву на алтарь Церкви.

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 10. Тифлис, 1885. С. 233-239. Документ 240.

53. Приказ кн. Воронцова по Отдельному Кавказскому корпусу, от 10-го ноября 1853 года, № 184.

3-го октября Мухаммед-Эмин со скопищем до 2-х т. чел. вторгнулся в землю джигетов.

Начальник Черноморской береговой линии, извещенный об этом, в то же время прибыл с резервом в укр. Св. Духа и 4-го октября выслал вверх по р. Мдзымте отряд под командою майора Бибикова, в числе 742-х чел. с 2-мя орудиями; 5-го числа войска эти, встретившись с неприятелем в 4-х верстах от укрепления, вступили с ним в упорный бой. Многочисленные толпы убыхов, осыпая отряд градом пуль, бросались отчаянно в шашки и подскакивали почти под самое дуло орудий, но, встречая постоянно мужественную стойкость войск и живой огонь из орудий и ружей, обращали тыл всякий раз с большою потерей. Майор Бибиков, в течение 3-х часов хладнокровно отбивая атаки неприятеля, в стройном порядке возвратился в укрепление. Убыхи лишились в этих схватках более 20-ти чел. убитыми, несколько ранеными из лучших фамилий и на другой день, еще до рассвета, разошлись по домам.

С нашей стороны убит 1 унтер-офицер; ранено 19 нижних чинов и контужен командовавший отрядом майор Бибиков.

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 10. Тифлис, 1885. С. 626. Документ 576.

54. Извлечение из рапорта ген.-адъют. Будберга кн. Воронцову, от 23-го августа 1849 года, № 61 – Секретно.

... Черкесское народонаселение прибрежного края по вызову Мухаммед-Эмина положило отправить избранных старшин на народное собрание, которое он назначил в половине этого месяца в Адагуме или Псифе. Между тем в ожидании постановлений будущего собрания никаких общих движений в народе не заметно, торговля продолжается с успехом, и все сношения с почетными лицами и фамилиями остаются в прежнем хорошем положении. У убыхов происходят кровопролитные междоусобия между фамилиями Берзек и Чизма. В Цебельде продолжаются беспокойства. Кн. Эсшау Маршания, собрав на северной покатости хребта шайку до 400 чел., перешел горы и расположился в верхних частях Цебельды в ожидании благоприятного времени для нападения на своих противников и имеет намерение выселить за горы всех своих подвластных, которые остались в Цебельде после его бегства и выдали нам аманатов в обеспечение, что не будут к нему присоединяться. Для предупреждения замыслов Эсшау, пор. кн. Батал-бей Маршания и двоюродный брат его, кн. Ширин-бей, подкрепленные прибывшими к ним абадзехами, заняли отрядами все теснины и переправы, которых Эсшау не может миновать при дальнейшем вторжении в Цебельду. Гренадерская рота

Черноморского линейного № 11-го батальона, бывшая по моему распоряжению в Цебельде для содействия Батал-бею Маршаниа, возвратилась потом в Сухум, где присутствие одной лишней роты много облегчает гарнизон в исправлении службы и в инженерных работах. Но в последнюю бытность мою в Сухуме, узнав о переходе Эсшау с партией через горы, я приказал вновь двинуть в Цебельду одну роту и на всякий случай иметь в готовности резервный Черноморский линейный № 16-го батальон. Между тем псхувские владельцы из фамилии князей Маршаниа, принимая в этой фамильной вражде сторону Эсшау, старались составить ему партию в Цебельде против кн. Батал-бея. После смерти кн. Ростом-хана, умершего от раны, полученной им в укр. Марамб во время сопротивления распоряжению военного пристава к арестованию его, псхувский Маршаниа, обвиняя кн. Батал-бея в доносе на Ростом-хана и призывая на него кровомщение ближайших родственников умершего князя, надеялись усилить ими партию Эсшау, но не имели в том никакого успеха. Кн. Ширен-бей Маршаниа – тот самый, который во время восстания Цебельды с 1842 по 1845 год нанес поражение на горе Апианч одной нашей роте, а теперь вполне преданный правительству отклонил, несмотря на близкие узы родства с Ростом-ханом и на обычаи края, всех родственников от кровомщения. После того псхувские Маршаниа, мстя Ширин-бею и его родным, вторглись 20-го июля в Цебельду и отбили принадлежащие им 8 тыс. штук баранов. При этом случае псхувцы потеряли убитыми 2-х и ранеными 3-х человек. Междоусобная брань в фамилии князей Маршаниа началась, как я уже имел честь донести в. с., от раздоров между княжескими фамилиями Маршаниа и Анчибадзе, после убийства Беслан-гура Маршаниа, в котором принимали участие однофамильцы его вместе с князьями Анчибадзе. Раздор между этими двумя фамилиями продолжается везде, где они только расселились. Таким образом, с половины июля анчипсхоуские Маршаниа вторглись в Цандрипш, составляющий часть края джигетов, и отбили у живущих там князей Анчибадзе 3 тыс. штук овец, при чем был убит один цандрипшский житель и было ранено два анчипсхоусца.

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 10. Тифлис, 1885. С. 678-679. Документ 628.

55. Начальнику 1-го отделения Черноморской береговой линии господину генерал-майору и кавалеру Дебу (11 марта 1854 г.).

Воинского начальника
Кабардинского укрепления
подпоручика Псарскаго

Рапорт

Вчерашнего числа (10 марта) с самого утра замечено было из вверенного мне Укрепления, как неприязненные нам горцы спускались с окрестных высот

и пешие шайки бродили в разных направлениях; это шатательство имело целью высмотреть все и с вечера добраться к Форштату и поджечь таковой, но попытка не удалась; бдительность гарнизона и несколько орудийных выстрелов уничтожили хищный замысел горцев. Сего же числа пополудни шайка конных дерзнула приблизиться к острой батарее на полуружейный выстрел, но встреча картечью заставила неприятеля спасаться бегством.

О чем Вашему Превосходительству донести честь имею, почтительнейше докладывая, что, по полученным из гор сведениям, на пространство между креп. Геленджиком и вверенным мне Укреплением горцы стекаются с дальних даже мест и в окрестных аулах имеют свое пристанище.

Подпоручик Псарский

Источник: ГАКК. Ф. 260. Оп.1. Д. 1415. Л. 20.

**56. От начальника отд. №42. 11 марта 1854 г.
Господину начальнику Черноморской береговой линии.**

Рапорт

Имею честь при сем представить Вашему Превосходительству записку о полученных из гор сведениях в дополнение представленном при рапорте моем от 24-го прошлого февраля за №34. Подписал генерал-майор Дебу
г. Новороссийск

5-го числа сего месяца видны были близ г. Новороссийска два больших размеров неприятельские парохода, повернувшие отсель за мыс Хак.

По удалению этих пароходов показались в море еще два парохода.

На днях и, кажется 6-го числа этого месяца, два неприятельских парохода приставали в Пшаду на довольно близкое расстояние.

Горцы встретили их ружейными выстрелами, после этого будто бы на пароходах был поднят турецкий флаг, и, горцы прекратив перестрелку, вступили в переговоры. Главный начальник над этими пароходами объявил им, что он прислан сюда для защиты, и при этом заверял, что не далее 20 дней вступит сюда флот и совершенно очистит здешнее побережье от русских. Потом речь зашла о съестных припасах, и горцы будто бы дали несколько коз на эти пароходы.

Воинский начальник Кабардинского укрепления от 9 и настоящего числа сего месяца №№ 94...95, доносит мне, что окрестные горцы с прибытия наших пароходов на Новороссийский рейд заняли пикетами все возвышения, господствующие над Укреплением и с 4 числа сего месяца начали в близком расстоянии показываться их партии, в довольно значимых силах покушавшиеся 10-го числа зажечь форштадт, но бдительность гарнизона и несколько

орудийных выстрелов уничтожили эти замыслы. В ночь с 10 по настоящее число партия конных горцев подсакивала на ружейный выстрел к Укреплению, но картечь заставила их удалиться.

Магомет Амин, как есть сведения, находится в окрестностях снятого укр. Св. Духа. Он взял штрафы со всех джигетов и сверх всего собрал 1000 лошадей для подъема ожидаемой им из Турции артиллерии и 2000 пар волов для своза продовольствия для тоже ожидаемых им десантных войск. Лошадей и волов дали ему джигеты, убыхи, абадзехи и шапсуги. – Подписал Начальник 1-го Отделения; генерал-майор Дебу

Верно: Производитель дел, майор

Источник: ГАКК. Ф. 260. Оп.1. Д. 1415. Л. 18-19.

57. Отношение ген. Муравьева к кн. Долгорукову, от 26-го апреля 1856 года, № 192. – гор. Ставрополь.

После отношения моего к в. с. от 21-го апреля № 161 я получил два рапорта начальника Гурийского отряда, заключающее в себе следующие известия.

В первом из этих рапортов, от 3-го апреля, ген.-л. Вагнер доносит, что, по получении сведений о заключении между воевавшими державами мира, он сделал немедленно распоряжение к уменьшению еще Гурийской и Мингрельской милиции после получения ген.-л. Вагнером известия о продолжении перемирия.

В Гурии ген.-л. Вагнер оставил в сборе 9 сотен милиции и расположил их так, чтобы препятствовать провозу контрабанды и самовольному проходу людей из-за границы, а в Мингрелии расположил нашу милицию в составе трех сотен, в Чалодидах, по обоим берегам р. Хопи и на р. Джурии, через что оцепляются все дороги, ведущие из Редут-кале во внутрь края. По Ингуру расположены по-прежнему караулы из джаварских жителей.

Во втором рапорте, от 13-го апреля, ген.-л. Вагнер доносит, что прибывшие из Абхазии лазутчики показали, что многие джигетские и абхазские князья, получив известие о заключении мира между воевавшими державами, прибыли к владетелю Абхазии для совещания о том, как действовать им, дабы вновь быть принятыми под власть Русского правительства, не подвергаясь наказанию за прошедшее. Это совещание ничем не кончилось, но предложено было 15-го апреля вновь всем съехаться в Очемчиры, для рассуждения о том же предмете под председательством кн. Михаила Шарвашидзе.

В Самурзакани все спокойно; народ единодушно желает возвращения русского пристава. Одни лишь князья Анчабадзе, усерднее всех служившие туркам и обнаружившие особую к ним преданность, опасаются строгого наказания со стороны нашего правительства. Недавно ездили они в Редут-кале

и там, как говорят, громко выражали свои упреки за то, что турецкие паши, подвигнув их к измене, теперь отдают их на произвол судьбы. О введении прежнего нашего пристава в управление Самузарканью распоряжение сделано.

Обеспечение войск Гурийского отряда провиантом было всегда сопряжено с большими затруднениями как потому, что в районе того отряда не имеется возможности приобретать значительное количество хлеба для продовольствия войск, так и потому, что подвоз туда провианта из Грузии, Карталинии и Душета всегда было крайне затруднительным по трудности сообщения между Сурамом и Кутаисом. Затруднения эти увеличились с наступившею весеннею распутицею до того, что можно было опасаться невозможности обеспечить войска Гурийского отряда провиантом до восстановления более удобного сообщения. Как притом уже нет надобности иметь в сборе всех войск, входящих в состав Гурийского отряда, то для облегчения продовольствия тех, которые еще нужно оставить там, сделано распоряжение о передвижении из помянутого отряда к Сураму 1-го и 2-го батальонов Белостокского пехотного полка, которые должны были прибыть в Сурам 17-го сего апреля и присоединиться к остальным двум батальонам того же полка, размещенным там по квартирам в окрестных деревнях; Брестского пехотного и Литовского егерского полков и легкой № 1-й батареи 13-й артиллерийской бригады, которым назначено расположиться лагерем в окрестности Сурама, около Куры, куда они должны прибыть между 25-м и 3-м апреля, и двух соборных сотен Кавказского линейного казачьего войска, которые направляются из Гурийского отряда через Сурам, Душет и Владикавказ обратно в свои полки на Кавказскую линию. Затем остаются в районе Гурийского отряда Черноморские линейные батальоны №№ 9-й, 10-й, 11-й, 12-й, 14-й и 16-й, Грузинский линейный № 1-й батальон, рота 3-го резервного саперного батальона, батарейная № 1-й батареи 13-й и горная № 1-й батареи Кавказской гренадерской артиллерийской бригады, полурота № 5-й, подвижных четыре орудия, Донской казачий № 2-й полк и вышеозначенные местные милиции.

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 11. Тифлис, 1888. С. 279-280. Документ 260.

58. Отношение начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса к директору Канцелярии заместника Кавказского от 13-го сентября 1856 года № 1815.

В отзыве от 12-го сентября № 6686, в. пр., между прочим, изволите просить доставить вам сведения, какие именно земли, области и владения входили в состав бывшего 3-го отделения Черноморской береговой линии и в каких отношениях поставлены были начальники сего отделения, а также начальники всей линии к тем владельческим особам, коих владения находились в черте управляемого им края.

На вопрос этот имею честь уведомить в. пр., что перед упразднением Черноморской береговой линии 3-е отделение ее простиралось от форта Навагинского до турецкой границы; но на этом пространстве подчинен был край обоим вышеозначенным начальникам только от форта Навагинского до границы между Абхазией и Самузарканью; к югу же от сей границы начинается Кутаисская губерния, в которой состояли в ведении начальника линии и начальника 3-го отделения той же линии только некоторые войска, а именно, Черноморский линейный № 12 батальон и Азовские казачьи команды, а также по распоряжению начальника линии проводилось и крейсерство вдоль берега Мингрели и Гурии. Пункты, которые занимал Черноморский линейный батальон – Озургеты, пост св. Николая и Редут, – не зависели от начальника линии, и даже воинский начальник в Редуте подчинен был прямо Кутаисскому военному губернатору, состоя только в косвенной зависимости от начальника береговой линии.

Край, зависевший от начальника Черноморской береговой линии и начальника 3-го ее отделения, состоял из следующих частей:

- 1) Абхазии, 2) Цебельды и 3) земли джигетов.

К северу и северо-востоку от земли джигетов в пределах бывшего 3-го отделения береговой линии обитают непокорные правительству жители – убыхи, натухайские переселенцы и племена абхазского происхождения, из которых последние занимают Псху, Ахчипсхоу, Аибгу, Багагу и Цвиджу.

По изъявлении покорности Абхазией, в августе месяце 1808 года, Всемилостивейше дарована роду князей Шервашидзе Монаршая грамота, от 17-го февраля 1810 года, по которой представлено им внутреннее управление Абхазией наследственно, с Высочайшего утверждения каждого вновь вступающего владетеля по смерти его предшественника. Копии со всеподданнейшего прощения первого владетеля, покорившегося России, кн. Георгия Шервашидзе от 12-го августа 1808 года и с Высочайшей грамоты 17-го февраля 1810 года при сем прилагаются.

На основании 4-го из просительных пунктов кн. Георгия Шервашидзе, утвержденных Высочайшею грамотою 1810 года, начальник Черноморской береговой линии и 3-го отделения ее не имели права вмешиваться во внутреннее управление в Абхазии. Как начальники войск, расположенных в том крае, они были обязаны иметь политический надзор за Абхазией и имели право употребления, в случае необходимости, силы оружия. В этом смысле они позволяли себе вмешиваться во внутренние дела такого рода, которые могли вести к нарушению спокойствия в Абхазии или в сопредельных с нею покорных племенах, в каком случае они обращались к владетелю с просьбами о принятии мер к прекращению беспорядков, но не распоряжались сами.

Цебельда и джигеты управлялись русскими военными приставами по народным обычаям, которые предоставлено было им сохранить при изъявлении ими покорности правительству. В том и другом крае жители составляют аристократические республики. По свойству народных учреждений их пристава были более посредниками между правительствами и народом, а также

посредниками между аристократическими фамилиями и их подразделениями, чем правителями края. Последние годы в Цебельде был устроен народный суд, в котором члены избирались народом на определенный срок и получали содержание от правительства.

(Арх. Канц. Главной граж. ч. на Кавк., связ. 2384, дело № 279-1190)

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 239-240. Документ 162.

59. Из статьи А.П. Берже «Краткий обзор горских племен на Кавказе» 1857 г.

Название племен	Число душ
Садзен (Джигеты): а) Псху; б) Ахчипсоу; в) Айбуга; г) Цандрипш; д) Кечьба; е) Аредба; ё) Цвиджа; ж) Бага	16,923

... САДЗЕН (садзуа или джигеты). Земля их граничит на восток с р. Бзыб, на з. и ю. – Черным морем, на с. – Кавказским хребтом.

Джигетов составляют:

а) Псху. Племя это обитает на верховьях р. Бзыба и Меджиты. Оно весьма склонно к хищничеству и производит торг пленными, забираемыми преимущественно в Абхазии.

Часть его в 1840 году покорилась, выдала аманатов и приняла к себе пристава. Другая часть общества Садзуа (Джигетов), живущая в окрестностях укреплений Св. Духа, в 1841 году изъявила тоже покорность и отказалась от содействия убыхам в набегах на наши пределы.

Впрочем, во время возмущения цебельдинцев в 1840 году племена эти оставались совершенно спокойными, что и подает надежду на их покорность.

б) Ахчипсоу, живут по верховьям рр. Псху и Мдзымта. Никому непокорные, они отличаются духом воинственным, отважным и находятся в тесной связи с убыхами. Крайне гористая местность, при значительном народонаселении, затрудняет их покорение.

Единственная выючная дорога к этому племени идет через землю Псху, со стороны же моря к нему нет доступа. Покорением Ахчипсоу может быть решен вопрос о покорности всего племени Садзуа и откроется путь в землю убыхов.

в) Айбуга, обитают между обществами Ахчипсоу, Псху, Цандрипш, на пространстве между рр. Псху и Бзыбом и выше верховья реки Хашупсе.

Это небольшое разбойничье общество, производящее преимущественно грабежи в Абхазии.

Все упомянутые три общества: Псху, Ахчипсоу и Айбуга – известны у черкесов, живущих на северной стороне Кавказских гор, под общим именем медовеевцев, которые ведут с ними открытую вражду.

г) Цандрипш, живут по берегу Черного моря от устья реки Бзыба до устья реки Хашупсе, во внутрь же края простираются до Ахчипсоу и Айбуга.

Общество Цандрипш составляет владение князей Цан и Цанбеев; часть Цандрипша и небольшое общество Хышха (в верховьях Хашупсе), принадлежащее князьям Анчабадзе, покорилось в 1840 году и выдало аманатов; но покорность эта ненадежна по влиянию на это общество беспокойных соседей – убыхов, которые в конце 1840 года разорили князей Цанбеевых за преданность их нашему Правительству.

д) Кечьба, владение князей Кечь, лежащее между рр. Мдзимта и Хашупса; и е) Аредба, владение князей Аред, находящееся между рр. Мдзимта и Хоста, на берегу Черного моря до границ убыхского общества Саше.

Два эти общества, как и вообще приморская Джигетская, расположены к покорности, но удерживаются страхом убыхов и ахчипсоу, покорение сего последнего повлекло бы за собою и покорность всех приморских обществ.

ё) Цвиджа и ж) Бага, между реками Хоста и Мдзимта и обществами Ахчипсоу и Аредба.

Два небольшие общества, не имеющие самостоятельности, потому что состоят из пришельцев и людей свободного состояния. Они находятся под сильным влиянием убыхов, а в особенности князей Берзековых.

Кавказский календарь на 1858 год, Тифлис, 1857, с. 259, 272-275.

Источник: Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 252-254. Документ 294.

60. Из книги Т. Лапинского «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских».

1857–1858 гг.

...Духовенство в стране адыгов (имеется ввиду и Джигетия. – А.Ч.) можно разделить на два класса. К первому относится старое христианско-языческое, называемое джиур, которое, как неграмотное, никогда не пользовалось большим уважением и вследствие этого не могло соперничать с магометанским, выступившим с таинственным, полным мудрости Кораном, который, как рассказывают адыгам, написал сам великий Тха. Эти старые священники совершают открыто свое богослужение и обряды только в некоторых местностях по берегу Черного моря; большей же частью они молятся тайком; новое магометанское духовенство их ненавидит и преследует.

Источник: Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 103.

61. Записка свиты Его Величества ген.-м. Милютина, от 14-го февраля 1858 года, № 3. О дозволении свободной торговли покоряющимся нам горским народам на западном Кавказе.

Последняя война совершенно изменила положение наше на восточном берегу Черного моря, и между тем как прежняя система наших действий в том крае рушилась невозвратно, мы еще не составили себе нового плана для дальнейшей нашей деятельности, не определили даже целей, к которым должны стремиться в этой части Кавказа. Однако же многие причины, не требующие даже разъяснения, заставляют нас желать скорее выйти из того неопределенного положения, в котором мы находимся на восточном берегу Черного моря. Необходимо принять меры к обеспечению Кавказа от вредных для нас сношений и контрабандной торговли иностранцев с горцами. Восстановить прежнее устройство Черноморской береговой линии уже невозможно с потерью исключительного господства нашего на Черном море. Из прежних средств остаются у нас только крейсерство и высадка, но, при настоящем положении морских сил наших на Черном море, нельзя надеяться посредством крейсерства совершенно прекратить контрабандную торговлю, высадки же могли иметь успех только в первое время, когда горцы полагали еще, что они признаны по мирному трактату независимыми от нас и состоят под покровительством Европейских держав, а потому не опасались с нашей стороны нападений и беззаботно устраивали на берегу свои торговые заведения.

Притом одно крейсерство, если бы оно и вполне достигало своей цели, принесет только одностороннюю пользу и не выполнит других целей, к которым мы стремимся на Кавказе. Из всех частей этого края восточный берег Черного моря представляет собой более всего препятствий к покорению местных жителей и, если мы будем против них действовать одним крейсерством, то, отнимая у жителей все средства к приобретению необходимых потребностей жизни и, между прочим, соли и не предоставляя им взамен никаких других средств, мы сделаем из них непримиримых для себя врагов, беспокойных в мирное время и усердных союзников наших неприятелей в случае морской войны. Употребление такого жесткого средства без всякого участия к нуждам народонаселения могло бы еще оправдаться государственною необходимостью, но трехлетний опыт прекращения торговли с горцами солью достаточно доказал, что такими средствами мы не достигнем покорения их.

Между тем, крайнее стеснение жителей восточного берега может восстановить против нас общественное мнение в Европе, которым не всегда можно пренебрегать. Одним из условий Парижского трактата положено, чтобы торговля на Черном море была освобождена от всех стеснительных мер и, хотя до сего времени европейская дипломатия не применяла еще этого условия к восточному берегу, не отвергая нашего права принимать в этом крае строгие полицейские меры, однако же домогательства о дозволении расширить

торговлю на этом берегу время от времени уже возникают при каждой жалобе какого-нибудь пройдохи, ведущего там контрабандную торговлю; объяснения эти могут рано или поздно повести к неприятным столкновениям с иностранными кабинетами.

Изложенные соображения ведут нас к заключению, что на восточном берегу Черного моря необходимо, кроме крейсерства, принять и другие меры относительно туземного населения, которое привлечь к себе мы можем преимущественно выгодами торговых сношений.

Во время существования Черноморской береговой линии мы следовали относительно торговли горцев двум правилам: 1) старались поставить горцев в такое положение, чтобы они, получая все необходимые потребности в жизни от нас или через нас, подпали через то под нашу зависимость и 2) не позволяли торговли невольниками, которая, легко доставляя средства к приобретению необходимого, делает излишним труд и навсегда удерживает в полудиком состоянии тот народ, который основывает исключительно на ней свои средства.

Но правила эти применимы к делу в таком только случае, если на берегу находится ряд укреплений.

В настоящее время мы не можем завести собственно нашу торговлю во всех тех местах берега, которые не заняты нашими укреплениями, и потому должны, по необходимости, уступить ее иностранцам на длинном протяжении берега между Новороссийском (а впоследствии Геленджиком) и Гаграми. Допуская же иностранную торговлю, мы впадаем в другую необходимость – дозволить горцам продавать женщин и обоюбого пола детей, сколько потому, что они имеют у себя мало предметов для сбыта, столько же и еще более по той причине, что без строгого надзора, возможного только при укреплениях, воспрещение этого рода торговли не имело бы никакого успеха, а между тем все стеснительные меры, которые принимались бы для достижения означенной цели, подавали бы частые поводы к неприятным столкновениям между нами и иностранцами.

Пока существовала береговая линия, до тех пор горцы находили у нас постоянный сбыт скота, домашней птицы, другой живности и предметов сельского хозяйства для удовлетворения потребностей гарнизонов укреплений, и сбыт леса, хлеба, кожи, воска, меда, пиявок и разных сырых произведений русским торговцам для вывоза в Крым и в порты Черного и Азовского морей. Все это вместе составляло довольно значительную ценность, превышавшую в год при 7-ми средних укреплениях (от Ново-Троицкого до укр. Св. Духа исключительно) 100 т. р. с., что было весьма достаточно для удовлетворения нужд жителей. Торговля эта с году на год принимала все более обширные размеры, Турки, вынужденные прекратить контрабандную торговлю, начали приходить к укреплениям и вывозили сырые произведения и пальму. Контрабандная торговля заменилась законною, горцы могли уже обходиться без продажи людей и поневоле обратились к труду. Ныне же, не имея никакого целого ряда укреплений на берегу, возобновить прежний порядок невозможно, а от постройки укреплений мы должны решительно отказаться. Хотя турки и

будут еще покупать пальмовый лес и при неурожае у себя – хлеб, но преимущественно обратятся к торговле более для них прибыльной – людьми, в обмен на свои товары низкого достоинства.

С другой стороны, прежние наши намерения клонились к тому, чтобы произвести нравственный переворот в горцах и, сделав их способными через два или три поколения к принятию начал гражданственности, приготовить к покорности правительству. В этих видах торговля людьми не могла быть дозволена, потому что она прямо противодействовала нашим намерениям. Если и теперь интересы наши заставляют нас желать преобразования нравов береговых горцев, то мы уже не имеем средств сами заняться этим благим делом и должны предоставить его времени и благоприятным обстоятельствам. Мы и прежде не смешивали продажи горцами женщин и детей с африканскою торговлею невольниками, с которою она не имеет никакого сходства, и допускали даже вывоз их в небольшом числе на продажу в Турцию, но только не путем торговли, а с горцами, отправившимися за границу под предлогом путешествия в Мекку. С уничтожением же главной причины запрещения торговли этого рода мы не имеем теперь побуждения ей препятствовать. Прибавим к тому, что, по невозможности принять на себя попечение о преобразовании нравов горцев средней части восточного берега, мы, по крайней мере, будем иметь ту же пользу от торговли людьми, что она уменьшает народонаселение.

Таким образом, рассмотрение нынешнего положения наших дел на восточном берегу Черного моря приводит к заключению, что необходимость и собственная наша польза требуют, чтобы мы дозволили иностранцам торговать с горцами и не препятствовали вывозу с этого берега на продажу в Турцию женщин и детей. Но, как всякая торговля горцев с иностранцами скрывает в себе враждебные против нас начала, то нам остается приискать средства сделать ее по возможности безвредною. Ген.-л. Филипсон, на заключение которого предложен был этот вопрос, указывает следующие способы:

- 1) дозволить беспрепятственно приход из-за границы судов к нашим укреплениям;
- 2) судам этим не делать в укреплениях никакого таможенного досмотра и только удостовериться, что нет на них военной котрабанды и что все пассажиры имеют паспорта, или записаны в судовых бумагах;
- 3) судам, желающим идти для торговли в дозволенные пункты черкесского берега, тотчас давать письменные дозволения, которые могут быть действительными в течение одного месяца;
- 4) судам, желающим отойти от черкесского берега за границу, тотчас, по предъявлении словесной просьбы о том воинскому начальнику одного из наших прибрежных заведений, выдавать имена пассажиров, это дозволение должно иметь действие не более двух месяцев;
- 5) при всех выдачах и досмотрах не брать никаких пошлин, под каким бы то ни было наименованием, а сверх того, местному начальству должно было

быть поставлено в обязанность исполнять все эти действия скоро и отклоняя все поводы к неудовольстию;

б) крейсерам и местному начальству поставить в обязанность осматривать всякое встречаемое в море близ черкесского берега судно и удостоверяться: а) не имеет ли оно военной контрабанды, б) все ли лица, экипаж и пассажиры соответствуют описанию в судовых бумагах и в) если судно имело уже сообщение с черкесским берегом, то есть ли у него вид от нашего начальства и не просрочен ли этот вид;

7) в случаях, наводящих явное сомнение в незаконных сношениях остановленного судна, крейсер обязан отводить его в ближайший порт для полного исследования. При этом случае местное начальство должно стараться устранять по возможности все мелочные придирки, довольствуясь только преследованием явных злоупотреблений или недопущением исполнения какого-либо вредного замысла;

8) иностранным судам дозволить на вышеизложенных условиях беспрепятственно приставать для торговли с горцами к следующим местам а) устью р. Пшады, б) устью р. Чюэпсен (Вулан), в) устью р. Шаспуха, г) устью р. Туапсе, д) устью р. Псезуае, е) устью р. Шахе, ж) устью р. Саше (Сочи), з) р. Мзымты. При устьях всех этих рек были наши укрепления, и потому местность открыта и нам известна, а леса вырублены;

9) само собою разумеется, что суда могут приставать и в местах, занятых нашими заведениями, и торговать там дозволенными предметами с горцами и с нашими гарнизонами. В этих же местах должна быть допущена и меновая торговля наших обывателей с горцами;

10) во всех остальных местах черкесского берега, здесь не поименованных, приставание иностранных судов решительно воспретить, крейсерам же и местному начальству поставить в обязанность истреблять эти суда без всякого снисхождения, причем, если будут взяты экипаж или пассажиры этих судов, то на основании прежних правил, ссылать их в арестантские роты навсегда ¹¹ и

11) за выдачею судам свидетельств в наших прибрежных заведениях (как сказано в пунктах 3 и 4) не предстоит надобности в назначении на эти суда гвардионов, которые, не имея средств препятствовать незаконным действиям, сделались бы бесполезною жертвою вероломства горцев и иностранных торговцев.

Ген.-л Филипсон полагает, что, если и не вдруг последуют плоды такой широкой меры и если сначала горцы даже не поймут ее, то недоумение продолжится недолго: очевидные выгоды материального их состояния не только ослабят враждебные к нам чувства, но поселят сочувствие к нашему попечительному об их благе правительству; мы же, с своей стороны, допустим на выгодных условиях только то, чему воспрепятствовать не можем.

Вместе с этим вопросом ген.-л. Филипсон соединил и другой, имеющий к первому близкое отношение – об увольнении горцев за границу. Он полагает:

¹¹ Предположение это ген.-л. Филипсона было бы неупотребимо к европейцам.

1) дозволить безусловную выдачу заграничных паспортов горцам, мирным и немирным, для поездки в Мекку или для других надобностей отправляющихся за границу;

2) при этом освободить немирных горцев от всяких формальностей, в том числе и платы 50-ти к. за паспорт ¹²;

3) паспорта выдавать в наших портах и береговых укреплениях;

4) воинские начальники береговых укреплений должны быть снабжены бланками заграничных паспортов, им должно быть поставлено в обязанность прописывать в паспортах имена и приметы, отправляющиеся за границу лиц, со слов просящего паспорт, не домогаясь удостовериться, действительно ли проситель едет в Мекку для поклонения гробу Магомета и точно ли лица, с ним едущие, принадлежат к его семейству, и

5) затруднение в выдаче паспортов может быть делано только по прямым предписаниям главного начальства об известных лицах, которых признано будет нужным не пропускать за границу.

Изложенные ген. Филипсоном предположения имеют неоспоримые достоинства во многих отношениях; однако же они представляют и важные затруднения. Если бы мы объявили торговлю с горцами в такой степени свободною во время господства нашего на Черном море или даже если бы мы в то время дозволили им только продавать женщин и детей при укреплениях, то эти сомнения, что горцы поняли бы наше великодушие и враждебные их чувства к нам заменились бы сочувствием. Теперь же они припишут такое облегчение торговли единственно нашему бессилию и покровительству им иностранных держав, тем более что большей части горцев будут неизвестны формальности, которые должны выполнять приходящие и отходящие суда и которых они, впрочем, могут избегать под разными предлогами, легко находимыми за выполнением этих формальностей, и частные примеры строгости, не помогая делу, будут только подавать повод к неприятной дипломатической переписке, а иногда, может быть, и к уплате судохозяевам за убытки, со временем же они должны совершенно выйти из употребления. Самые основания этих формальностей могут быть приняты иностранцами за излишние и бесполезные стеснения для торговли, придуманные только для удовлетворения нашего тщеславия, а горцы, привыкшие судить о праве господства по уплате пошлин или поднесению подарков на своем берегу людям сильным или влиятельным за покровительство, и, увидя совершенное освобождение от пошлин приходящих и отходящих судов, не будут иметь высокого мнения о нашем праве.

Дозволение торговать только в таких местах, где были прежде наши укрепления, может иметь место целью облегчение высадки в случае надобности, но, открыв уже раз свободную торговлю, мы будем поставлены в большее затруднение предпринимать высадки, которые неизбежно будут навлекать на нас самые неприятные столкновения с иностранною дипломатиею. Выбор этих пунктов и необыкновенная строгость против судов и

¹² В таком случае несправедливо было бы брать пошлину с мирных и покорных горцев.

экипажей, пристающих к другим недозволенным местам, придуманы для предупреждения ввоза в край военной контрабанды, но едва ли будут применимы к делу строгие меры рядом с свободными, и, если бы мы даже и достигли ими того, чтобы иностранные суда не приставали к недозволенным местам, то в торговле, производимой на берегу не под нашим надзором, военная контрабанда всегда может быть выгружена, если доставившие ее судно избегало встречи с крейсером; тогда и высадка не поможет, потому что контрабанда может быть перевезена далее от берега, к чему особенно способствуют реки, находящиеся в избранных местах для дозволенной торговли, а между тем высадки в таких местах не обойдутся без больших неприятностей с иностранцами. В таких случаях лучшим средством для наказания жителей, принявших военную контрабанду, было бы закрытие у них торговли, но и в этом представилось бы мало дипломатических затруднений, потому что в местах, дозволенных для торговли, устроились бы с течением времени не только базары, но и значительные местечки, которые, по самому ходу вещей, были бы под особым покровительством иностранных держав.

Предположение о совершенном освобождении судов от платежа пошлин за товары на всем восточном берегу встретит неодолимое сопротивление в Министерстве финансов; а если бы для охранения общей нашей таможенной системы предложено было изъять из означенной беспошлинной торговли те места, откуда удобнее провозить контрабанду в наши пределы, то подобное исключение пало бы только на укрепления наши, т.е. на пункты, где торговля могла бы еще производиться под нашим надзором, и, следовательно, было бы явны покровительством торговле, производимой вне нашего наблюдения.

Наконец, самая важная невыгода, которая произошла бы от применения предположенной ген.-л. Филипсоном системы, состояла бы в том, что вся средняя часть восточного берега Черного моря вышла бы совершенно из-под нашей зависимости и подверглась бы сильному влиянию иностранных держав, что в сущности было бы тождественно объявлению независимости этого берега от России. Пока мы еще имеем за собою право признавать горцев в восстании против правительства и считать незаконным все торговые сношения с иностранцами, до тех пор мы можем когда-нибудь, при благоприятных обстоятельствах, принять меры к совершенному прекращению этих сношений; если же раз объявим свободную торговлю горцев с иностранцами, то потеряем немедленно и самое право распоряжаться на этом берегу. Здесь, наверное, заведутся иностранные фактории, которые скоро примут размеры городов, может быть даже укреплений, а впоследствии разовьются в постоянные колонии, и в течение короткого времени в глазах целой Европы кавказский берег перестанет быть достоянием России.

Изложенные невыгоды предположения ген.-л. Филипсона могут быть избегнуты несколько иным применением общей мысли, развитой в начале настоящей записки, и ныне представляется к тому весьма благоприятный случай, которым мы должны воспользоваться неотлагательно.

Случай этот состоит в том, что джигеты изъявляют желание восстановить прежние отношения покорности к Русскому правительству, просят снова поставить к ним пристава, а для прикрытия их от убыхов и других непокорных племен – построить укрепление при устье р. Хоста. По словам самих джигетов, береговая теснина на этом месте совершенно сходна с гагринскою, так что укрепление в этом месте будто бы может совершенно обеспечить их от враждебных соседей. Однако же сомнительно, чтобы убыхи не могли обойти по горам такое укрепление, если они проникают зимою и в саму Абхазию. Но если бы даже показание их и было справедливо, то учреждение приставства и постройка укрепления были бы возвращением к прежнему порядку береговой линии, возобновление которой вовсе и не входит в наши расчеты. Приставство имело и прежде только именовательное значение, постройка же новых укреплений на восточном берегу с тем, чтобы при первой морской войне бросить их, была бы напрасною тратою денег, трудов и времени.

Тем не менее предлагаемую джигетами покорность не следует отвергать, но можно принять ее на других основаниях. Постоянная их верность в прежнее время и добровольное ныне предложение дают им право на некоторое доверие с нашей стороны. Конечно, и прежняя их привязанность к нам, и настоящая покорность имеют главным основанием материальные выгоды, но тем прочнее может быть связь с нами. И прежде, во время существования Черноморской береговой линии, когда мы старались вообще привлечь к себе все прибрежные племена выгодами торговли, джигеты пользовались некоторыми исключительными преимуществами пред другими племенами. Важнейшие из их князей имели чины и получали пенсии, самое же главное преимущество джигетов состояло в получении от нас заграничных паспортов и в разных облегчениях заграничной торговли. Под предлогом поездки в Мекку с семействами они вывозили в Турцию женщин и детей на продажу и, возвращаясь назад, привозили приобретенные этою продажей товары, за которые освобождены были от уплаты пошлин, не превышающих 300 р. по каждому особо заграничному паспорту, а вместо них вносились пошлины в таможенную казну из особых сумм. Не только сами они пользовались заграничными паспортами, но иногда выпрашивали их под своим именем и для убыхов или брали от них женщин и детей для вывоза в Турцию. Этих выгод было достаточно, чтобы обогатить джигетов и сделать из этого племени, прежде ничтожного и постоянно угнетаемого убыхами (которым они даже платили дань), народ известный и влиятельный. Новое положение, принятое ими тогда между собственными племенами, обеспечило их и от притеснения убыхов, которые не только сами перестали нападать на них, но под разными предлогами отклонили от этого намерения и Мухаммед Эмина. Такое положение продолжалось до тех пор, пока джигеты получали без затруднения заграничные паспорта, когда же начальство Черноморской береговой линии начало ограничивать выдачу паспортов и, наконец, совершенно их прекратило, то преимущества джигетов пред другими племенами уничтожились, и убыхи,

более не нуждаясь в них, сами предложили Мухаммед-Эмину покорить джигетов.

Обстоятельства эти приводят к двум заключениям: во-первых, что разными преимуществами можно обеспечить джигетов от воинственных и беспокойных их соседей и без постройки укрепления при устье р. Хоста и, во-вторых, что исключительное предоставление покорным племенам выгод торговли, особливо людьми, может дать нам могущественное средство для покорения прибрежных жителей. Торговля, сосредоточенная первоначально в земле джигетов, даст им такие преимущества и разовьет до такой степени их благосостояние, что подобный пример послужит потом приманкою и для других непокорных обитателей восточного берега.

Кроме того, открывая свободную торговлю покорному племени и строго преследуя все суда, пристающие к враждебным племенам, мы достигнем еще и той важной выгоды, что удержим за собою полное владычество на восточном берегу. Сохранив право стеснять с моря племена, признаваемые нами в восстании, дозволять или прекращать, по нашему произволу, иностранную торговлю в разных частях берега, смотря по поведению таких племен, мы явственно покажем горцам, что дозволение свободной торговли будет с нашей стороны добровольное, а не вынужденное обстоятельствами и что для получения этого дозволения они должны искать покровительства нашего, а не иностранцев.

Остается еще рассмотреть, на каких основаниях может быть признана покорность джигетов, равно как и всякого другого племени, которое впоследствии последует их примеру.

1) Первым условием должна быть присяга на верноподданство Государю Императору старшин и депутатов, избранных обществами, и выдача аманатов из тех семейств, из которых мы потребуем.

2) Учреждение приставства, требуя значительных издержек, не всегда приносит существенную пользу. От нас будет зависеть учреждать или не учреждать приставство, смотря по обстоятельствам; но в условиях непременно должно быть выговорено, что покорившееся племя обязано принять от нас того пристава, которого мы назначим, и во всем ему повиноваться.

3) Неприкосновенность веры и сохранение внутреннего порядка по народным обычаям должны быть обещаны по необходимости, в том внимании, что, не имея возможности действительно управлять народом в малодоступном крае восточного берега, мы можем довольствоваться даже именовательною покорностью до другого более благоприятного времени.

4) Воспрещения принимать и признавать над собою власть Мухаммед-Эмина, Сефер-бея и других подобных им возмутителей, а также и агентов их, заключать союзы с непокорными племенами, содействовать им во враждебных против нас предприятиях, принимать военную контрабанду, делать набеги на покорных нам жителей и тем более действовать против нас враждебно, составлять такие условия, которые сами себе подразумеваются под

покорностью правительству, но для избежания всяких недоразумений должны быть выражены в условиях покорности.

5) Для поддержания значения и власти правительства в торговле иностранцев с горцами необходимо, чтобы она производилась под постоянным нашим надзором на самом берегу. С этой целью надобно вводить в условия, что суда могут приставать только к тем местам, в которых мы учредим заставы карантинно-таможенного ведомства. Заставы эти будут действовать, по принятому порядку, с такими облегчениями для торговли, какие правительство найдет возможным допустить. Если оплата пошлин за товары признана будет необходимою, то с товаров, привозимых местными жителями, можно брать пошлину не деньгами, а товарами. Все проходящие суда будут осматриваемы, и те из них, на которых найдется военная контрабанда, подвергнутся конфискации со всеми товарами, кому бы они не принадлежали, хотя бы и местным жителям; отговорки со стороны последних, что они не причастны привозу военной контрабанды, не будут приниматься с уважением. Что же касается до экипажа и пассажиров, то они должны предъявлять карантинно-таможенной заставе паспорта, визированные нашим консулом, и тем, кто таковых не представит, съезд на берег и сношение с горцами следует воспретить.

б) Для помещения карантинно-таможенной заставы достаточно будет построить на берегу небольшое здание, в виде замка.

7) При заставах должны постоянно находиться азовские лодки с командами казаков для преследования контрабандистов и для того, чтобы карантинно-таможенные чины имели возможность, в случае угрожающей им опасности, уйти морем в ближайшее безопасное место. Пароходы могут приходить к заставам срочными рейсами или оставаться при них более или менее продолжительное время, смотря по надобности, по состоянию погоды в море, по времени года и по качеству рейда для безопасной якорной стоянки.

8) За безопасность чиновников и команд казаков и нижних чинов на берегу должны поручиться князья и старшины, для чего они обязаны назначить стражу из местных жителей или милицию в таком числе, в каком мы потребуем. В случае нападения на заставу, умерщвления, взятия в плен или оскорбления кого-либо из чиновников или нижних чинов заставы, ответственность надеть на поручителей и на ближайших местных жителей. Смотри по важности нарушения безопасности заставы и ее чинов, последует с нашей стороны наказание или потребуетсь удовлетворение. Наказания могут состоять в возмездии против аманатов, во временном или совершенном закрытии торговли и в действии силою оружия против всего племени. Удовлетворение может заключаться в уплате убытков, в выдаче виновного и в платеже за кровь убитого в пользу его семейства ¹³, в немедленном освобождении пленного и т.п.

¹³ Этому обычаю горцев мы до сих пор не следовали, считая неприличным брать плату за кровь, но как горцы никогда не выдают виновных, соглашаясь скорее подвергнуться всем бедствиям против них оружием, то мы лишаем сами себя средства к получению

9) Для отвращения морских разбоев следует воспретить местным жителям содержать галеры и, если они будут появляться, то азовские лодки должны их преследовать и истреблять, но, по трудности сухопутных сообщений в крае, можно дозволить содержать при карантинно-таможенной заставе известным нам благонадежным лицам, в виде особой с нашей стороны милости, баркасы и фелюги для перевозки товаров морем в другие прибрежные места с тем, однако же, условием, что они, после доставки грузов на назначенные места, не оставались там, а возвращались каждый раз к заставе.

10) При заставах дозволяется строить лавки, амбары для склада товаров и дома для местных жителей; но воспрещается на всем берегу селиться иностранцам.

Джигетам на первый раз достаточно дозволить иметь только одно торговое место при устье р. Мзымты, впоследствии же можно увеличить и число застав, если это окажется для нас полезным и возможным.

На таких основаниях можно надеяться достигнуть предположенной цели, не подвергаясь исчисленным выше неудобствам общего дозволения горцам совершенно свободной торговли. Если переговоры с джигетами, на объясненных выше основаниях, увенчаются успехом, то следует, сколь можно гласнее, объявить целой Европе, что мы открываем доступ для торговли с этим покорным племенем не иначе, как на назначенном нами месте и на установленных правилах; что в случае нарушения условий со стороны горцев мы опять воспретим торговлю и будем действовать против них враждебно, равно, как и против таких европейцев, которые будут участниками воспрещенной нами торговли или нарушителями установленных правил, что в том или другом случаях иностранные купцы не вправе будут жаловаться на убытки и просить вознаграждения, потому что государственное право внутренних распоряжений в собственных пределах государства не может быть подчинено частным интересам купцов, которые должны принимать на свой риск все неблагоприятные случайности, с коими сопряжены торговые их обороты.

(Арх. штаба Кавк. воен. окр., дело 1857, № 27-34)

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 502-506. Документ 429.

удовлетворения в тех случаях, в которых не находим расчета или возможности прибегать к оружию. Для правительства, конечно, неприлично брать плату за кровь своих солдат, но взыскания денег в пользу семейств убитых не касается до правительства, а между тем, обращаясь по обычаю горцев, на фамилию убийцы, поставляют каждую фамилию в ответственность за поведение всех лиц, к ним принадлежащих, и вынудят иметь надзор за неблагонамеренными людьми.

62. Записка начальника войск в Абхазии, ген.-м. Лорис-Меликова, относительно свободной торговли в Абхазии и далее по восточному берегу Черного моря, от 3-го октября 1858 года.

По возвращении на родину пленных убыхских дворян, взятых в плен в июле нынешнего года на корчме близ укр. Гагр, старшины этого племени стали приезжать в Сухум и в продолжение сентября месяца перебивали у меня почти все, кто только пользуется каким-либо влиянием. Каждый из них, отдельно принятый мною, изъявляет готовность вступить в мирные и близкие сношения с нами, и это обстоятельство дало мысль поручить некоторым из них согласить всех старшин собраться вместе в Гаграх либо в Сухуме с той целью, чтобы объявить им те условия, на основании которых правительство наше может вступить в переговоры и признать их под свое покровительство. Мне обещали исполнить поручение это через 2 или 3 недели, а о времени приезда старшины хотели предварительно дать знать в Сухум.

Изыявленное убыхами желание сблизиться с нами заслуживает, при настоящих обстоятельствах, особенного внимания, и потому я считаю необходимым изложить причины, способствовавшие этому обстоятельству, и те несомненные выгоды, кои предстоят нам, ежели успеем действительно склонить их к мирным сношениям. Как бы поверхностны ни были первоначальные условия, польза при успешном окончании этого предприятия не подлежит никакому сомнению.

Воинственное и предприимчивое племя убыхов, обитающее по юго-западному склону Кавказских гор на пространстве между реками Мзымта и Псеуапе, пользовалось всегда особым значением у прочих соседей своих. У горцев существует и поныне поверие, чтобы быть храбрым, надо пожить и поучиться у убыхов. Между ними война против русских не развита до размеров, каких достигла у непокорных племен в других подразделениях Кавказа. Бездействие наше может вовлечь и убыхов в такую же ожесточенную войну, и меры, кои необходимо будет предпринять нам тогда, разумеется, будут стоить огромных потерь и издержек. Отстранение этой необходимости должно составлять предмет усиленных стараний наших, тем более что слабое и немногочисленное племя джигетов, прилегающее к нашей границе со стороны Гагринского укрепления не может ни в каком случае явно пристать к нам до того времени, пока не определится положение грозных для них убыхов.

К склонению убыхов в нашу сторону старались разновременно еще до войны бывшие начальники береговой линии, и из них в 1841 году ген. Муравьев, хотя и не довершил начатого предприятия, но, действуя через владетеля Абхазии, успел более других, и убыхи даже соглашались было принять к себе пристава.

Основываясь на том исключительном стремлении к приобретению, коим более прочих горцев отличаются убыхи, казалось бы, что мы не должны встречать особенных затруднений к примирению с ними, но два подобные обстоятельства всегда служили препятствием к осуществлению наших видов:

1) Турецкий элемент сильно развит между убыхами, у редкого из них нет сестры либо дочери, проданной в Турцию; многие из этих невольниц сделались женами тамошних сановников, большинство убыхов перебивало в Трепизонде и Константинополе, и все они, возвращаясь оттуда, остаются под влиянием ложного убеждения, что султан есть главный властелин их и рано или поздно подаст им руку помощи. Впрочем, последняя война значительно охладила веру в могущество турок. Убыхам сулили свободу, высылку денег, назначили даже многим жалованье, но все это ограничивалось лишь одними обещаниями. Поэтому, можно думать, что в отстранении турецкого влияния теперь, после войны, мы не встретим уже больших затруднений. 2) Затем главнейшей помехой для нас к примирению с убыхами всегда служила ложная политика и непонятное убеждение, существующее в фамилии князей Шервашидзе: все они, почти без изъятия, уверены в том, что непосредственно вслед за подчинением России земель, окружающих Абхазию, значение их и почет, коим пользуются от нашего правительства, должны будут прекратиться. Убеждение это до того вкоренилось в князьях Шервашидзе, что всякое желание уверить их в противном сопряжено с огромными затруднениями и даже, может быть, с совершенно бесплодными стараниями¹⁴. Владетель Абхазии – воспитанник убыхов, пользуется в этом племени популярностью и влиянием совершенно исключительным. Что он у убыхов сильнее Магомет-Амина и прочих проповедников, в том нет сомнения, и при искреннем желании его дело совершенного подчинения власти нашей джигетов, убыхов, ахчипсухцев и псхувцев потребовало бы никак не более 3-х лет времени¹⁵. К прискорбию, кажется, владетель еще более, чем прочие члены его фамилии, вкоренил в понятии своем вышесказанное убеждение и потому влияния свое на горцев употребляет лишь в видах личного интереса. Таким образом, когда сильные княжеские фамилии в Абхазии, составляя отдельные оппозиции против владетельного дома, угрожали ниспровержением власти или восстанием части абхазского населения, тогда кн. Михаил, в числе прочих мер, оставался сам в стороне, направлял партии убыхов для разорения наиболее сильных вассалов своих, и этой системою дошел до того, что в настоящее время в Абхазии нет князя, который был бы в состоянии поднять голос, либо предпринять что-либо против деспотической власти владетеля. Из этого не следует, однако же, заключать, чтобы домогательства кн. Михаила Шервашидзе клонились к возбуждению горцев против нас, напротив того, более или менее успешные действия местных начальников здешних в сношениях с соседними племенами всегда зависели от личных сношений их с владетелем Абхазии. Стремление же сего последнего заключается лишь в том, чтобы держатель горцев в отношении

¹⁴ Распри и неудовольствия, существовавшие между владетелем и князем Дмитрием Шервашидзе, побуждали сего последнего действовать в пользу нашу, дабы этой услугой упрочить за собою содействие правительства.

¹⁵ Псхувцы, боясь наказаний за хищничества, произведенные летом в окрестностях Сухума, являлись недавно к владетелю с изъявлением покорности и соглашались дать аманатов, но, чем окончились переговоры эти, им еще неизвестно.

к правительству, ежели можно так выразиться, в двусмысленном положении и старается, чтобы всякое начинание наше, предпринятое без посредничества его, оканчивалось безуспешно. Но, ежели только владетель начинает замечать в горцах намерение к серьезному сбору или предприятию, могущему угрожать безопасности всей Абхазии, то спешит тотчас принять меры к расстройству их планов. Так, в нынешнем году, когда наиб Магомет-Амин прибыл к убыхам, стал вводить у них народный суд, убеждая племена северо-восточного берега соединиться в одно целое, владетель не замедлил принять меры противодействия, и старания мои склонить его к содействию не сопровождались усиленными просьбами; он видел ясно, что упрочнение власти Магомет-Амина произойдет в ущерб его собственного влияния и что тогда защищать Абхазию, в случае вторжения горцев, как по малочисленности имеющихся регулярных войск, так и по самой ненадежности абхазцев, будет невозможно. Небольших трудов стоило владетелю убедить горцев остерегаться найба и даже не принимать его, вследствие этого Магомет-Амин, встреченный весьма неласково и опасаясь за свою целость, поспешил обратным уходом, угрожая прийти к ним снова со сборищем абадзехов.

Ясно, что такая зависимость положения войск наших от произвольного взгляда и действий владетеля не может быть терпима, тем еще более, что при недостаточности имеющихся в Абхазии батальонов, сильное вторжение горцев в пределы наши будет иметь самые неблагоприятные для нас последствия¹⁶. При отсутствии дорог и неимении необходимого числа судов мы должны будем стоять в Сухуме в неподвижно-оборонительном положении. Между тем оборона Сухума, открытого со всех сторон при растянутом расположении его, представляет огромные невыгоды. Все это приводит к тому убеждению, что необходимо принять самые решительные меры к склонению владетеля действовать положительно в пользу нашу, удостоверив его, что оказанная им услуга возвысит и почет, и прочность продолжения владетельных прав семейства его. Здесь необходимо сознаться, что только слово Царского Наместника может отклонить владетеля от принятой им и глубоко вкоренившейся системы политики.

Кн. Михаил в последнее время стал часто болеть и вести жизнь более уединенную. Такое бездействие его и стремление с нашей стороны расположить убыхов к мирным сношениям, полагаю, были причинами к настоящему вступлению их как бы в прямые сношения с нами. Легко может быть, что на этот раз старшины по каким-либо причинам и не выполнят данного ими обещания собраться для переговоров, но это обстоятельство отнюдь не должно и не может остановить предприятия нашего. Созвать старшин, вступив с ними в сношения, есть дело всегда возможное, ежели только старания наши в этом случае не будут парализованы противодействующею и невидною для нас политикою владетеля.

¹⁶ В августе и сентябре настоящего года в случае вторжения горцев я, с особенными усилиями, мог бы выставить для встречи неприятеля из всех наличных нижних чинов, ослабевших эпидемическою лихорадкою, никак не более 800 штыков.

С отстранением же этого препятствия, нам не трудно будет войти в переговоры с убыхами. Само собою разумеется, что первоначальные требования наши не должны быть стеснительны, в этом и заключается весь успех предприятия как относительно соглашения убыхов, так и содействия владельца.

На первый раз я полагал бы ограничиться следующими мерами:

1) Обязать убыхов не предпринимать ничего враждебного против нас и границ наших.

2) Учредить отдельные народные суды (у джигетов и у убыхов), существующие в прочих подразделениях Кавказа. Членам суда определить содержание, число их, по многолюдству убыхов, должно быть более. При каждом суде назначить по 25-ти есаулов с милиционерским содержанием. Первое время за получением жалования предоставить им приезжать в Гагры, затем от сметливости и умения офицера, назначенного для этой цели в Гаграх, зависеть будет повести дело так, чтобы он сам отвозил содержание в Сочи и Адлер, проверяя наличный состав есаулов.

3) Предоставить право свободно приставать кочермам с товарами к джигетским и убыхским берегам, воспретить лишь подвоз военной контрабанды (порох, свинец и оружие). Крейсер, встретив в море либо у самого берега кочерму, осматривает только, нет ли на ней военной контрабанды и билет шкипера, а затем пропускает ее к берегу.

4) Не воспрещать убыхам, отдельно и семействами, отправляться в Турцию для свидания с родственниками. Они охотно согласятся брать у нас билеты. С этой-то целью должен быть избран особый расторопный и дельный офицер либо чиновник, который, имея пребывание в Гаграх, заведовал бы всеми вообще делами по сношениям нашим с джигетами и убыхами. Выбор этого лица должен быть произведен с крайнею осмотрительностью.

В обеспечении точного исполнения данного убыхами обязательства – не предпринимать против нас ничего враждебного – аманатов, по мнению моему, брать не следует. Мера эта покажется для них на первый раз резкою. При этом, рассчитывая на характер горцев вообще и убыхов в особенности, надо полагать, что содержание, отпускаемое членам суда, будет более верным ручательством к сохранению спокойствия, и надо будет только постановить правилом прекращать выдачу содержания при всяком враждебном предприятии с их стороны. Необходимо также ассигновать особую ежегодную сумму для подарков, кои выдавать по требованиям и указаниям владельца Абхазии. Наконец, все старание наше должно быть сосредоточено на усилении крейсерства, особенно в первое время. Это убедило бы горцев в возможности прекратить доступ кочермам к берегам их, на случай невыполнения данных ими обязательств.

Изложенные мною меры считаю за более удобные к первоначальному открытию сношений наших тем еще более, что владелец Абхазии для выполнения их, полагаю, не затруднится изъявить согласие.

Нет сомнения, что предлагаемую мною систему найдут многие как бы вкрадчивою, не вполне решительною, а содержание членам суда выкупом

спокойствия предлогов наших. Но, рассматривая вопрос этот глубже и соображаясь со средствами, имеющимися у нас под рукою в Абхазии, невольно придем к заключению, что система эта соответствует настоящему положению дел. Она должна служить вступлением к дальнейшим, более решительным действиям нашим в то время, когда войска Кавказской Армии, окончив предпринятое в прочих отделах, будут свободны для действий в этой части.

Кроме упрека в нерешительности, предлагаемый мною образ действий может встретить другое возражение – значительность расходов, необходимых на учреждение судов и на подарки влиятельным лицам, вознаграждаются ли выгодами, какие приобретаются от мирных сношений с племенами, которые почти не ведут войны с нами? Не говоря о важности уменьшения числа племен, которые могут содействовать Магомет-Амину, необходимость мирного положения убыхов для спокойствия Абхазии так очевидна, что не может быть подвержена какому-либо сомнению. Содержание же народных судов и подарки, при самой щедрой раздаче их, не превзойдут расходов, потребных для увеличения даже батальоном числа войск в Абхазии. Между тем, если будет пропущено настоящее благоприятное время и мы вовлечемся в продолжительную войну с предприимчивыми убыхами, то конечно, кроме потери в людях, нас ожидает несравненно больший расход и в деньгах. Рассчитывать, что владетель, в видах личного интереса, будет успевать постоянно расстраивать намерения убыхов, нам невозможно. Тайные происки иностранных держав, присутствие между горцами нескольких европейцев и почти гласные подстрекательства Оттоманской Порты могут ослабить влияние владетеля и вывести убыхов из бездействия. Между тем войска, занимающие Абхазию, при всяком слухе о больших скопищах и намерении горцев вторгнуться в пределы наши, ставятся в самое ложное положение.

Нет сомнения, что принятие предлагаемой мной системы и приведение ее в действие может встретить в начале затруднения, тем более что успех в сношениях с горскими племенами всегда будет зависеть от искусства исполнителей, но неудачи, неизбежные при всяком начинании, не должны, как мне кажется, служить поводом для признания неприменимости самой системы, а напротив, указанием к облегчению дальнейших действий наших.

(Арх. штаба Кавк. воен. округа. Дело Главн. штаба Кавк. Армии по Ген. штабу, 2-го Отд., по описи 1857 года № 27)

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 796-797. Документ 666.

63. Отношение Кутаисского ген.-губернатора к начальнику Главного Управления наместника Кавказского, от 25-го апреля 1859 года, № 1048. – гор. Кутаис.

Консул наш в Трепизонде, в отзыве к начальнику войск в Абхазии, от 15-го декабря 1858 года за № 692, при сем в подлиннике прилагаемом,

спрашивает его мнения, может ли консульство выдать билеты горцам на пароходы Русского Общества пароходства и торговли для отвоза их в черкесские гавани и, если бы пароходам невозможно было приставать к черкесским берегам, то не представляется ли возможности отправлять горцев из Сухума к местам их следования, ежели они будут доставляемы из Турции на пароходах. Ген.-м. Лорис-Меликов, не считая себя вправе дать г. консулу ответ в столь важном деле, от 11-го числа февраля сего года, за № 56, донес мне: на пароходах Русского Общества имеют право переезжать только те горцы, которые будут снабжены от нас установленными видами. В настоящее время, при слабом надзоре за черкесским берегом, горцы не имеют надобности обращаться к нам о выдаче им заграничных паспортов, да хотя бы крейсерство у черкесских берегов и было в полной силе, то, при настоящей системе снабжения горцев заграничными паспортами, мы более бы стеснили их, чем сближались с ними. По отдаленности Сухума от джигетов и убыхов переезд горцев из этих племен в Сухум-Кале за получением паспортов составляет большое для них затруднение, тем более что многие из них, имея по дороге врагов, при переездах сухим путем рискуют своею жизнью, ответы же на их просьбы, что будет испрошено разрешение на выдачу паспорта, заставляют их поневоле не обращаться к начальнику войск в Абхазии впредь с подобными вопросами, и потому, дабы выйти из этого стеснительного положения, ген.-м. Лорис-Меликов полагает учредить следующий порядок: 1) дозволить пароходам Русского Общества приставать в Гаграх как для принятия горцев, следующих в Турцию, так и для выгрузки тех, которые будут следовать из-за границы. Этим распоряжением выигралось бы правильное сообщение Гагринского гарнизона с Сухумом; 2) снабдить Гагринского воинского начальника бланкетами заграничных паспортов с тем, чтобы он выдавал их горцам по разрешениям начальника войск в Абхазии, и обязать его установленную по этому предмету отчетностью.

Соглашаясь с таковым предположение ген.-м. Лорис-Меликова, я имею честь покорнейше просить в. пр. не оставить испросить разрешение г. наместника Кавказского о предоставлении Гагринскому воинскому начальнику выдавать заграничные паспорта горцам на точном основании правил, одобренных кн. Александром Ивановичем и изложенных в отзыве ген.-м. Филипсона от 17-го июня 1858 года за № 3054, препровожденном ко мне в копии при отношении г. начальника Главного штаба Кавказской Армии от 4-го июля того года за № 1729.

(Арх. Канц. Главной граж. Ч. Кавк., связ. 2996, дело № 40-448)

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 246-247. Документ 170.

64. Отношение начальника Главного штаба Кавказской Армии к начальнику Главного Управления наместника Кавказского, от 12-го июня 1859 года, № 1337 – гор. Тифлис.

Вследствие отношения вашего от 23-го истекшаго мая за № 3381 имею честь уведомить в. пр., что по предположению ген.-м. Лорис-Меликова относительно дозволения горцам отправляться на пароходах компании в Турцию нельзя сделать никакого положительного заключения, по необъяснению, какие основания предполагается принять при увольнении непокорных горцев и какая цель имеется в виду при этом.

Горцы отправляются в Турцию большею частью по торговым делам и для свидания с родственниками и лишь немногие – для следования оттуда в Мекку. Все сношения их с турками имеют враждебное против нас направление, в последнее же время они начали входить в тайные политические сношения с некоторыми из верховных сановников Порты. Торговля горцев почти исключительно основана на продаже ими невольников. Отсюда следует, что всякое облегчение в сношении непокорных горцев с турками должно обратиться нам во вред и будет способствовать к развитию торговли людьми; при этом же компанейские пароходы могут подвергнуться опасности от принятия пассажирами большого числа вооруженных людей. Если же предполагается ограничить число увольняемых, то необходимо определить систему ограничения.

Ограничивание в увольнении горцев может быть двух родов: или посредством исключения тех из них, которые известны враждебным к нам расположением, или выбором только так называемых преданных нам людей. В первом случае по возможности отличить в массе береговых жителей всех особенно враждебных нам людей, исключение может пасть только на немногих более влиятельных лиц из ближайших к нам племен джигетов и убыхов; жители же средней части берега, шапсуги, не имеют теперь с нами почти никаких отношений, а следовательно, дозволение отправляться на пароходах распространялось бы почти на всех береговых жителей. Во втором же случае мы встретили бы еще более затруднений в определении преданных нам, чем вредных людей. Только в одном племени джигетов, которое было покорно правительству до последней войны, может быть отыщется несколько человек, имеющих к нам расположение, хотя и не без своекорыстных видов; в прочих же племенах не может быть никаких побуждений, чтобы почувствовать к нам безотчетную преданность. Ограничивая выбор только людьми, оказывающими нам услуги, мы остановимся на таком незначительном числе, для которого компанейским пароходам не стоит приставать к укр. Гагры. Кроме людей, занимающихся за деньги ремеслом лазутчиков, которые не заслуживают особых отличий, услуги могут нам оказывать одни только лица, имеющие влияние в народе; но весьма немногие имеют столько силы, чтобы в состоянии были что-нибудь сделать в нашу пользу у непокорных племен, а еще менее таких, которые желали бы нам пользы. Некоторые из убыхских старшин для

получения от нас пенсий явились к нам с предложением услуг и в то же время подписали адрес к одному из верховных сановников Порты, заключающий в себе просьбу о посредничестве Турецкого правительства у европейских держав для объявления восточного берега Черного моря независимым от России.

Затем можно еще указать на немногочисленный класс людей торговых, равнодушных к политике своей родины. Если бы облегчением торговли горцев пароходным путем можно было надеяться направить всю торговлю их через наши порты и совершенно подавить контрабандную торговлю, то мы не могли бы ничего лучшего желать при настоящих отношениях наших к непокорным горцам. Но, с одной стороны, трудно узнать, для торговой или другой цели отправляются горцы в Турцию, особливо из мест, более удаленных от наших укреплений, и легко может случиться, что мы сами отправим на пароходе депутацию, посланную от народа к Турецкому правительству, а с другой – нельзя и надеяться на прекращение прихода контрабандных судов к восточному берегу, если мы будем воспрещать провоз людей для продажи в Турцию, что, однако, никак нельзя допустить на наших пароходах, даже и безгласно.

По вышеизложенным причинам не видно цели, по которой предполагается позволять горцам отправляться на наших пароходах и даже способствовать к тому нарочным направлением компанейских пароходов в Гагры.

Что же касается до вопроса нашего трепизондского консула, можно ли выдавать билеты горцам для следования на компанейских пароходах в черкесские гавани и, в случае невозможности, нельзя ли прибывающих на пароходах в Сухум отправлять далее до места их следования, то само собою разумеется, что в черкесские гавани пароходы ходить не могут; выдавать же билеты до Сухума, по мнению моему, можно только тем горцам, которые имеют наши заграничные паспорта и прибыли из Турции не на контрабандных кочермах. Из Сухума они должны быть направляемы до места своего следования сухопутно, если не получают дозволения от местного начальства отправиться на военном пароходе до Гагр.

(Арх. Канц. Главной граж. Ч. на Кавк., связ. 2996, дело № 40-448)

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 247-248. Документ 171.

65. Журнал военных происшествий в Кутаисском ген.-губернаторстве с 19-го по 26-е июля 1859 года.

Начальник войск в Абхазии доносит, что 10-го июля, в 2 часа пополуночи, в совершенной темноте и во время сильного дождя скрывшимся хищником сделан выстрел из винтовки по нижним чинам, работавшим у известковой печи; этим выстрелом тяжело ранен рядовой Кавказского линейного № 37-го батальона в правую руку, с раздроблением кости.

13-го июля воинскому начальнику укр. Гагры преданные лица из туземцев дали знать, что в ночь с 12-го на 13-е число партия горцев до 500 чел. напала на Цандрыпских жителей, отбила у них почти все табуны и удалилась к Адлеру, с потерю 20-ти чел убитыми.

В других частях вверенного мне края никаких военных происшествий не было.

(Арх. Шт. Кавк. Воен. Окр. Дело Гл. Шт. Кавк. Арм., по Ген. шт. 2-го Отд., по описи 1859 г. № 2, стр. 58).

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 823. Документ 695.

66. Журнал военных происшествий в Кутаисском ген.-губернаторстве с 26-го июля по 4-е августа 1859 года.

Начальник войск в Абхазии доносит, что 20-го июля джигетский кн. Сомех Цамбаев и дворянин Сомех Абиц со своими приверженцами встретили недалеко от укр. Гагр, близ присяги (большое дерево, у которого горцы принимают присягу), партию горцев, намеревавшихся прорваться в Абхазию, завязали сильную перестрелку, заставили хищников возвратиться в горы с потерю и без добычи.

21-го июля воинский начальник укр. Гагры получил известие от преданных туземцев, что партии горцев, в числе 200 чел., намерена 22-го июля напасть на Гагринский форштадт или табун. Для предупреждения нападения на табун, майор Стражец послал ночью с 21-го на 22-е число своих чапаров к Гагрибшскому ущелью, приказав им залечь в балке, и, если заметят хищников, то, подпустив их близко, встретить залпом из ружей и потом отступать к укреплению. До 6-ти часов утра хищники не показывались, и чапары уже намерены были возвратиться в крепость, но как только табун вышел из крепости и расположился на пастьбе, партия горцев тотчас бросилась на него, встреченные ружейным залпом скрытно засевших чапар, горцы сначала смешались, но, оправившись, бросились на чапар, опрокинули их и кинулись к табуну; там их встретил батальонный огонь прикрытия табуна и подоспевшего к этому месту резерва под командою шт.-кап. Сезеневского. После этой вторичной неудачной попытки хищники поспешно отступили, преследуемые до непроходимых мест, и в замешательстве растеряли оружие и другие вещи.

В этой стычке с нашей стороны ранен только один чапар; выпущено патронов из нарезанных ружей 336 и из гладкоствольных 1,255.

Ген.-м. Бартоломей свидетельствует о примерной распорядительности и мужестве шт.-кап. Сезеневского, командовавшего резервом, и унт.-оф. Манилова, бывшего в табуне с прикрытием, а также о храбрости чапар, абхазских жителей Усалипа-Пара-Торба, раненого в схватке, Шама-Шама-Шач и джигетского жителя Кишма-Маца.

В других частях вверенного мне края военных происшествий не было.

(Арх. штаба Кавк. Воен. Окp. Дело Гл. Шт. Кавк. Арм., по Ген. Шт. 2-го Отд., по описи 1859 года № 2, стр. 61)

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 823. Документ 696.

67. Журнал военных происшествий в Кутаисском ген.-губернаторстве с 1-го по 12-е августа 1859 года.

Войска Сванетского отряда продолжали разработку дороги по правому берегу р. Ингура и занимались заготовлением лесных материалов для устройства моста через р. Ингур.

Начальник войск в Абхазии доносит, что партия горцев, напавшая 22-го июля на гагринский табун и отброшенная в глубь Гагрипшского ущелья, оставалась там в течение пяти суток, потому что все выходы из ущелья были заняты Гагринским гарнизоном. Истошив все продовольственные запасы, партия разошлась и поодиночке с величайшими затруднениями вернулась в свои дома по едва допустимым тропам.

В ночь с 29-го на 30-е июля джигетские старшины Солов Цамбаев и Сомех Абиц привезли в укр. Гагры взятый ими у горцев чугунный фалконет малого калибра.

При проходе в прошлом месяце неприятельских партий для нападения на табун Гагринского гарнизона и вообще для неприязненных действий против этого гарнизона проводником был адлерский житель кн. Метаа-бей Аридбай, на земле которого, за бывшим укр. Св. Духа и прежней оборонительной башней, шагах в 600 от берега, устроено было деревянное здание, обнесенное коротким двойным частоколом, увенчанное колючкою, здание это служило складом для привозимых турками пороха, оружия и других контрабандных товаров. По просьбе воинского начальника укр. Гагр, ген.-м. Бартоломей разрешил ему сделать нечаянное нападение на неприятельский берег и уничтожить этот склад.

Вместе с тем, для содействия майору Стражецу в этом поиске, он послал стоящего при вверенных ему войсках Генерального штаба шт.-кап. Рамковского с одним азовским баркасом.

В ночь с 11-го на 12-е августа майор Стражец, посадив на два азовские баркаса и одну ротную фелюгу (надлежащим образом для этого случая снаряженную) из лучших охотников Кавказского линейного № 33-го батальона 30 рядовых, при 4-х унт.-о. и еще одном офицере, кроме шт.-кап. Рамковского, высадился с ними на рассвете 12-го числа у бывшего укр. Св. Духа; пробился под ружейным огнем в вышеозначенный склад, зажег его краицами, захватил в плен двух турок и после удачной перестрелки с набежавшими толпами горцев благополучно отчалил от берега, имея только одного раненого рядового.

При обратном отплытии майор Стражец успел еще отбить у горцев фелюгу, на которой они, в виду баркасов, под защитою выстрелов с берега, старались пробраться в устье р. Мзымты.

По слухам, потеря неприятеля доходит до трех убитых (в том числе хозяин склада турок) и до 7-ми раненых горцев. С нашей стороны тяжело ранен только один рядовой Кавказского линейного №33-го батальона.

Доставшееся в малом числе оружие оставлено нижним чинам; захваченную же фелюгу предписано майору Стражецу продать с аукционного торга и вырученные деньги разделить между нижними чинами, участвовавшими в этом поиске.

В других частях вверенного мне края военных происшествий не было.

(Арх. Шт. Кавк. Воен. Окр. Дело Гл. Шт. Кавк. Арм., по Ген. Шт. 2-го Отд., по описи 1859 года № 2, стр. 70)

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 824. Документ 698.

68. Письмо начальника войск в Абхазии, ген.-м. Корганова, к Кутаисскому ген.-губернатору, ген.-л. кн. Эривому от 26-го февраля 1860 года № 3.

В. с. угодно было поручить мне отправиться в укр. Гагры для получения тех ответов, которые убыхи обещались сообщить чрез месяц, вследствие переговоров с ними в. с. в январе сего года.

Приступая к исполнению настоящего поручения, я имел в виду получить ответы убыхов преимущественно от тех лиц, которые участвовали, по избранию в. с., в бывших переговорах и до отправления своего в Гагры сделал предварительные распоряжения о сборе в укреплении ко дню моего приезда, хотя некоторых из присутствовавших прежде лиц.

19-го февраля я прибыл в Гагры, где не застал еще никого в сборе. Гагринский воинский начальник словесно донес мне, что в земле джигетов были беспокойства, дошедшие до кровопролития и что в бывшей перестрелке ранено и убито с обеих враждующих сторон до 10-ти чел.

Вместе со мною прибыл в Гагры джигетский князь Якуб Цамбаев, которого я послал в Адлер нарочным с поручением просить Решида Гочь прибыть ко мне и вместе с тем дать знать Хаджи-Керендуху Берзеку, что я желаю видеть его и, если можно, то и с некоторыми лицами, бывшими с ним на переговорах; если же он приехать не может, то чтобы прислал письменный ответ по тем пунктам объяснений своих с убыхами, которые были обещаны им в. с.

20-го февраля явился ко мне джигетский дворянин Сомех-Абич и доставил первые сведения об убыхах. По его словам, все народонаселение за Адлером в волнении; против Хаджи-Керендуха и бывших с ним на переговорах убыхов

составилась партия недовольных. Она обвиняет их в том, что они были на переговорах и, не имея согласия от всех, обещали примирение от имени всего убыхского племени. В особенности были недовольны Хаджи-Керендухом все составившее себе убеждение, что он из корыстолюбия дал обещание примирения, за что и получил большие подарки, не уделив ничего другим, не принимавшим в этом деле участие.

21-го февраля возвратился из Адлера кн. Якуб Цамбаев; он подтвердил сведения о положении убыхов. Относительно Хаджи-Керендуха он объяснил, что единомышленники его, бывшие на переговорах, и теперь не отказываются присягнуть на подданство; что Керендух все-таки лично готов отправиться к г. главнокомандующему, но что он ничего не может сделать с остальным обществом, в особенности по случаю противодействия неприязненных ему и неблагонамеренных людей. По поводу предложения о примирении враги Керендуха воспользовались письмом из Константинополя варданского жителя Измаил-бея-Баракай-ипа-Дзиаша, который еще недавно извещал, что скоро Турция и Англия опять объявят России войну и потому убыхи должны продолжать борьбу и не покоряться хотя в течение настоящей зимы.

22-го числа прибыл ко мне в Гагры Решид Гочь и уведомил, что им послано письмо, по моему желанию, к Хаджи-Керендуху с особым нарочным.

Из объяснений моих с Решидом Гочь я удостоверился в следующем.

По отъезде в. с. из Гагр своевольная молодежь из фамилии Гочей претендовала на Решида за то, что он, принимая участие в переговорах в. с. с убыхами, не исходатайствовал своим однофамильцам никаких подарков, а напротив того представил много наград убыхским представителям. Недовольные, в числе 15-ти сем. фамилии Гочь, собрали своих подвластных дворян и напали на Решида вооруженною рукою. В завязавшейся с подвластными Решида перестрелке со стороны нападавших убит 1 и ранен 1 чел.; со стороны защищавших ранено 6 чел. В этой схватке были князья и дворяне. Крестьяне той и другой стороны не принимали никакого участия в ссоре своих князей.

В настоящее время враги Решида скрываются со своими семействами в лесах и, ненавидя его за преданность к нам, готовы воспользоваться первым случаем вновь сделать нападение не только на него, но, если бы удалось, то и на русских. Число их, по словам Решида, доходит до 200 чел.

Вообще, Решид Гочь считает свое положение до того опасным, что не иначе берется отвечать за спокойствие своего края, как только при содействии наших войск.

Что же касается до убыхов, то в ожидании ответов по содержанию переговоров Решид Гочь посылал еще до приезда моего в Гагры два письма к Хаджи-Керендуху, но никаких ответов не получил. Вообще разноречия убыхов утвердили его в мнении о враждебном к нам расположении всего народонаселения за Адлером, и потому он полагает, что покорение убыхов при настоящих обстоятельствах возможно только вооруженною силою; все же

попытка наши кончить это дело путем мирных переговоров он считает бесполезными.

23-го февраля, вечером, возвратился в Гагры от Керендуха нарочный, возивший письмо Решида с предложением приехать самому или дать ответы, по обещанию, на пункты переговоров.

Хаджи-Керендух поручил нарочному сказать Решиду Гочь, что он болен, не может сам приехать и что на вопросы его никакого, ни письменного, ни словесного ответа дать не может.

При передаче мне Решидом полученного ответа от Хаджи-Керендуха я заметил в нем совершенное расстройство и даже смущение, тем более странное, что я объяснялся с ним с глазу на глаз на турецком языке. После всех вышеизложенных сведений и, не имея разрешения вмешаться в переговоры с убыхами, но, считая дело это по последствиям своим первостепенной важности для нашего края, я решился предложить Решиду Гочь испытать еще одну меру, а именно. Так как он не получил от Хаджи-Керендуха никакого ответа на посланное, по моему поручению, письмо, то потому должен принять это за обиду, лично ему сделанную, отправиться к Хаджи-Керендуху и объяснить ему:

1) Что, согласившись на посредничество Решида Гочь, он допустил вмешательство его в убыхские дела, сделавши его соучастником данного г. Кутаисскому ген.-губернатору обещания доставить через месяц положительные ответы на все пункты переговоров и потом, когда наступил условленный срок, он, Хаджи-Керендух, не условленный никаким ответом, поставил его, Решида Гочь, в самое невыгодное пред глазами русских положение и может лишить его всякого со стороны их доверия.

2) Что за вмешательство свое в дела убыхов Решид Гочь, уже потерпев разорение от своих однофамильцев, должен после поступка Хаджи-Керендуха ждать в будущем усиления вражды и не только своих родственников, но всех остальных джигетов и прочих соседей и не может ни от кого ожидать защиты.

И, наконец, что при таких обстоятельствах, угрожаемый разорением и потерю всякого веса и значения пред русским начальством, он вправе требовать от Хаджи-Керендуха, как от главы бывших на переговорах, чтобы он дал ему положительные по всем вопросам ответы, обещанные в. с., и отправился с ним в Сухум и в Кутаис или же обеспечил бы его опасное и невыгодное положение как у джигетов, так и пред русскими.

Решид Гочь, сколько я мог заметить, с неподдельным желанием согласился на мое предложение и обещался лично сообщить мне о последствиях оногo к 10-му или 13-му марта.

Меру подобного сделанного мною Решиду Гочь предложения я решился предпринять, во-первых, так как он пользуется популярностью у убыхов и, возможно, лучшим доверием у нас, во-вторых, потому что только при таком объяснении цели приезда его к убыхам предвидится возможность узнать действительное направление их умов, рассчитать будущий успех переговоров и сделать выбор необходимых для покорения мер.

Представляя все обстоятельства эти на благоусмотрение в. с., долгом считаю присовокупить, что, еще до отправления своего в Гагры, я поручил цебельдинскому князю Ширимбею Маршани послать самым секретным образом в землю убыхов лазутчика для получения этим путем достоверных сведений о направлении их умов.

25-го числа возвратился посланный и доставил следующие сведения:

1) После переговоров в Гаграх, когда Хаджи-Керендух объявил убыхам о содержании оных, все единогласно протестовали и не признали права его говорить с русскими от имени общества, объясняя, что общество убыхов настолько надеется на свои собственные силы, что всегда готово дать отпор русским.

2) Убыхи полагают необходимым провести в мирных переговорах зиму, рассчитывая с весны, когда деревья оденутся листом, скрыть семейства в лесах и быть готовыми к бою.

3) Признавая над собою покровительство турецкаго султана, они скорее готовы переселиться в Турцию, чем изъявить покорность русским и

4) Хаджи-Керендух, в ответ на протестации убыхов, оправдывался тем, что, благодаря его поведению русские не предпринимают ничего в течение всей зимы, что он, получив со всеми своими людьми подарки, не передал в русские руки ни одного аманата и не сделал ответственным ни одно лицо, которое бы обязало его дать верные ответы на сделанные предложения.

(Арх. Шт. Кавк. Воен. Окр. Дело. Гл. шт. Кавк. Арм., по Ген. Шт. 2-го Отд., по описи 1857 г. № 27)

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 836-838. Документ 717.

69. Письмо начальника Главного Штаба Кавказской Армии, ген.-адъют. Милютина, Кутаисскому ген.-губернатору, ген.-л. кн. Эристову, от 2-го марта 1860 года, № 90.

Г. главнокомандующий, внимательно прочитав письмо ко мне в. с. от 30-го января № 33, изволил одобрить в главных чертах предложенные вами убыхам и обществам Ахчипсоу и Аибга условия покорности и разрешает вам ныне же вступить с ними в окончательные переговоры с некоторыми, однако же, изменениями и дополнениями в условиях; а именно:

1) Все жители обязаны принести присягу в покорности и верноподданстве Государю Императору на коране по магометанскому закону, старшины и избранные народом депутаты в таком числе, сколько мы потребуем, в присутствии русских начальников на назначенном нами месте, а прочие жители в присутствии старшин и депутатов, которые должны представить потом письменное удостоверение в приведении всех жителей к присяге.

Примечание: По приводе к присяге старшин и депутатов, должно, по принятому на Кавказе порядку, потребовать, чтобы они подписались, приложили свои печати или сделали рукоприкладство на присяжном листе.

2) Как верноподданные Государя Императора, жители обязываются не входить в сношения с враждебными племенами, а тем более не принимать участия в неприятельских их действиях против русских укреплений, станиц и покорных нам жителей, выдавать нам возмутителей и беглых нижних чинов и ныне же возратить без выкупа всех находящихся у них русских пленных и беглых.

3) Жители обязаны повиноваться тому начальнику из русских или туземцев, которого правительство назначит для управления народом.

4) Жители обязаны вести у себя внутренний порядок и надзор за хищными и неблагонамеренными людьми, учредить у себя народный суд, под председательством того начальника, который будет управлять народом, из депутатов, избранных обществами на определенный срок для разбирательства внутренних несогласий и для тех дел, по которым жители сами будут изъявлять желание обращаться в этот суд, а также для суждения людей, занимающихся хищничеством и воровством как внутри края, так и в землях других покорных племен и занятых русскими поселениями; преступники эти должны быть высылаемы по требованию управляющего народом начальника в народный суд. Народный суд должен находиться в том месте, которое изберет для него правительство.

5) Правительство предоставляет себе строить укрепления, пролагает дороги и рубит во всех лесах просеки везде, где найдет необходимым.

6) В знак особенного благоволения к покоряющимся племенам правительство со своей стороны обещает им:

а) Свободное навсегда отправление их религии.

б) Беспрепятственное управление в Мекку на поклонение гробу Магомета и в Турцию, как по торговым и частным делам, так и для переселения на всегдашнее жительство в подданство Турции.

в) Предоставить им внутреннее управление, суд и расправу по народным обычаям, исключая измены, возмущения, действия вооруженною рукою против начальствующих лиц и войск, нападений на покорные племена и русские поселения и явного неповиновения начальству; за эти преступления виноватые будут подвергаемы военному суду и наказанию законам Империи.

г) Утвердить за ними право поземельной собственности на ту землю, которою они в настоящее время владеют с тем, однако, что если правительству понадобится в каком-либо месте земля для постройки, как выше сказано, укрепления, то жители обязаны продать ту землю по справедливой оценке правительства, исключая тех мест, где будут пролагать дороги, которые, составляя предмет общественной пользы, должны быть пролагаемы без платы за места, через которые будут проходить

и д) дозволить приморскую торговлю с иностранными судами, но не по всему берегу, а только в тех местах, где будут устроены правительством карантинно-таможенные заставы с факториями; в других же местах жители обязаны не принимать иностранных судов. Чиновники и нижние чины карантинно-таможенных застав будут помещены на берегу моря в замках, которые выстроятся на счет правительства. Местные старшины обязаны поручиться за безопасность чиновников, нижних чинов и команд азовских казачков и назначить к ним стражу в таком числе, сколько окажется необходимым. В случае нападения на заставу, умерщвления, взятия в плен или оскорбления кого-либо из чиновников или нижних чинов заставы, ответственность падет на поручителей и на ближайших местных жителей. За нападения на заставу местные жители будут лишены права приморской торговли и наказаны оружием, за убийство кого-либо из чиновников и нижних чинов, за нанесение им ран и за оскорбление их вменяется в обязанность жителям выдать виновного для наказания по русским законам и, сверх того, за убитого или умершего от ран уплатить пеню в пользу семейства погибшего и, наконец, если кто-нибудь будет захвачен в плен или взят в неволю, то жители обязаны выручить его и представить нам виновных, если они находятся на их земле, и соучастников их из местных жителей. При карантинно-таможенных заставах дозволяется жителям строить дома и лавки, а для доставления из факторий товаров водою по всему протяжению берега заводить баркасы и фелюги, но не иначе, как с разрешения управляющего народом начальника, который будет выдавать на каждую из них особый билет; те же баркасы и фелюги, на которые не будет предоставлено билета, подвергнутся конфискации в казну. Карантинно-таможенные заставы назначаются, во-первых, для наблюдения за тем, чтобы не провозилась военная контрабанда и чтобы не приезжали злонамеренные люди, могущие нарушить спокойствие и мир горского населения; во-вторых, для принятия карантинных мер в случае появления в иностранных портах чумы и, в-третьих, для взимания с иностранных судов умеренных пошлин, если правительство сочтет нужным собирать их, преимущественно для употребления выручаемой суммы на предметы, полезные для народа, как-то на содержание факторий, народного суда и проч.

Изложенное в последнем пункте предположение об устройстве на восточном берегу Черного моря факторий было сообщено в. с. в подробной записке, препровожденной к вам при предписании г. главнокомандующего от 11-го февраля 1858 года № 1. Его с. не получил от вас на означенное предписание никакого ответа, но, находя в этом предположении, при настоящих обстоятельствах и морских силах наших на Черном море, единственное средство войдет действительное, необходимое для нас и близкое сношение с народонаселением восточного берега, изволить признавать, что не должно упускать наставшего ныне самого благоприятного времени для приведения этого предположения в исполнение на тех основаниях, которые объяснены в упомянутой записке и повторены вкратце в последнем пункте вышеизложенных условий покорности. Г. главнокомандующий предполагает

войти по этому предмету в сношение с нашим посольством в Константинополе, которое, без сомнения, окажет нам свое содействие, обратив к нашим факториям тех промышленников, которые занимались до сих пор контрабандною торговлею. При постоянном поощрении торговли в факториях дело может быть поведено таким образом, что горцы сами будут просить об увеличении числа факторий, подобно тому, как до минувшей войны джигеты неоднократно просили о постройке на берегу их другого укрепления, чтобы жители, отдаленные от укр. Св. Духа, могли бы с таким же удобством, как и ближние, пользоваться выгодами торговли.

По этому предположению главнокомандующий будет ожидать от вас подробного соображения, сколько возможно в кратчайшие срок, и если бы в чем-либо встретили вы недоумение или сомнение, то его с. разрешает вам прибыть в Тифлис для личных с ним объяснений, так как дело это кн. Александр Иванович считает весьма важным.

Обращаясь затем к другим предположениям вашим, я имею честь уведомить в. с., что относительно высадки 3-х батал. на убыхский берег для приведения жителей к присяге г. главнокомандующий находит, что он едва ли принесет существенную пользу, так как, по вашему же предположению, представится необходимость снова отвести батальоны по той причине, что мы не имеем никаких средств ныне же занять окончательно какой-либо приморский пункт в земле убыхов. Если это народонаселение действительно все и искренно покорится, то прибытие означенных 3-х батал. не имеет цели; если же среди убыхов будет равномыслие (что весьма вероятно и подтверждается связанными вам словами старшин), то войска наши могут быть встречены враждебно и тогда отступление этих батальонов и амбаркация их будут сопряжены с затруднениями и потерями и во всяком случае произведут самое невыгодное для нас влияние на весь ход дела. Принимая при том во внимание недостаточность морских наших средств для перевозки войск, г. главнокомандующий предполагает, что лучше и не предпринимать высадки до тех пор, пока не будет признано возможным и полезным окончательно утвердиться на каком-либо пункте берега. Впрочем, его с. предоставляет вам самим обсудить ближе все обстоятельства вашего предположения и вполне доверяет вашей опытности и благоразумию.

Относительно помещения пристава и народного суда в укр. Гаграх г. главнокомандующий сомневается, чтобы управление, находящееся в отдаленном пункте от управляемого народа, могло иметь действительное значение и полагает, что с устройством факторий оно может быть помещено в одной из них.

Что же касается до расположения в Гаграх особого резерва из одного батальона, то не угодно ли вам будет предварительно сообщить мне, для доклада г. главнокомандующему, ваши мысли о том, какое именно название должен иметь этот резерв, ибо расположение батальона в Гаграх собственно только для усиления гарнизона этого укрепления представляло бы многие невыгоды; самое продовольствие войск здесь затруднительнее, чем в Сухуме.

Даже и в том случае, если бы этот батальон предназначался для перевозки на какой-нибудь другой пункт берега, амбаркация его в Сухум гораздо удобнее, чем в Гаграх.

В заключение имею честь уведомить в. с., что г. главнокомандующий разрешает вам войти с предоставлением о награждении тех лиц, которые полезным содействием будут способствовать вам к успешному окончанию переговоров.

(Арх. Шт. Кавк. Воен. Окp. Дело Гл. Шт. Кавк. Арм., по Ген. Шт. 2-го Отд., по описи 1857 года № 27)

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 840-843. Документ 721.

70. Рапорт Кутаисского ген.-губернатора, ген.-л., кн. Эрнстова, ген.-фельдм. кн. Барятинскому, от 19-го марта 1860 года, № 193.

Со времени последнего донесения моего, в котором я имел честь доложить в. с. о нападении джигетов на наши пикеты близ укр. Гагры, горцы имели частые сборы и, подстрекаемые тайными агентами, притон которых есть земля убыхов, употребляют все усилия к подавлению преданной нам партии. Многие важные лица, пользовавшиеся некогда большим влиянием в народе, ныне утратили свою силу и между прочим, как доносит начальник войск в Абхазии, Хаджи-Керендух Берзек, который имеет положительное намерение с семейством и с некоторыми родственниками и подвластными своими выселиться в Турцию. Слабое племя джигетов, находящееся постоянно под гнетом сильных своих соседей, убыхов, открыто высказывает нам свою неприязнь, и ночью 29-го февраля партия джигетов, пробравшись через гагринские высоты, отбила в гагринском ущелье отару джигетского же дворянина Сомеха-Абича, вполне нам преданного.

Вообще горцы беспрестанно появляются на высотах, прилегающих к укр. Гаграм, и, как видно, следят за действиями гарнизона с намерением воспользоваться малейшею нашей оплошностью.

Воинский начальник укр. Гагр доносит, что в Сочи горцы снаряжают до двадцати пяти галер, или кочерм, с целью сделать десант между Гаграми и Пицундою.

Не могу сказать, в какой степени вероятно это известие, но во всяком случае имею честь доложить в. с., что снаряжение убыхами значительного числа кочерм может быть весьма опасно для наших коммерческих парусных судов, тем более что бывали и прежде примеры, что убыхи захватывали наши купеческие суда и предпринимали дерзкие и весьма отважные набеги на берега Абхазии и часто с большим успехом.

Хотя и предписал г. начальнику войск в Абхазии узнать, в какой степени верны сведения, сообщенные майором Стражецом, и, в случае справедливости

их, употребить все усилия к истреблению неприятельских галер, но долгом считаю почтительнейше доложить в. с., что ныне в распоряжении Сухумской морской станции находится только судно под военным флагом, именно корвет «Удав», которое с января месяца, т.е. с прибытия на Сухумский рейд, было только один раз в крейсерстве и в настоящее время стоит на рейде, оснащенное для исправления повреждений. При таком состоянии морских судов нет возможности прекратить весьма деятельных сношений турецких агентов и контрабандистов с неприязненным нам прибрежным населением, и я принимаю на себя смелость почтительнейше испрашивать приказания в. с. об откомандировании в мое распоряжение хотя одного вполне исправного военного судна из числа судов, находящихся в составе северной станции.

Вместе с сим я предписал начальнику войск принять самые усиленные меры к предупреждению нападений горцев на берега Абхазии.

В заключение имею честь почтительнейше доложить в. с., что в Абхазии продолжительная болезнь владетеля имела следствием расстройство внутреннего управления. Ничем не ограничиваемая вражда вообще всех влиятельных лиц в Абхазии служит поводом к беспрестанным беспорядкам и убийствам, которые отражаются и в Цебельде, вследствие самых тесных родственных связей этого народа с абхазцами.

Настоящее состояние здоровья владетеля Абхазии может быть названо критически трудным. Совершенное изнурение его сил, развитие лихорадочных припадков, как отзываются доктора, делают его положение безнадежным.

Никого из членов его фамилии и даже их абхазцев нет при нем и он остается только на попечении тестя своего, кн. Г. Дадиани, и жены своей.

В половине апреля я предполагаю быть в Абхазии, и тогда я буду иметь честь почтительнейше представить в. ч. подробное донесение о положении дел в крае.

(Арх. Шт. Кавк. Воен. Окр. Дело Гл. Шт. Кав. Арм., по описи 1859 г., № 8, ч. 5, стр. 92-94)

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 843-844. Документ 722.

71. Письмо ген.-фельд. кн. Барятинского военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, от 21-го марта 1860 года, № 24.

В ответе на письмо ваше от 3-го марта № 1694 по предмету поданного в Константинополе Русской Императорской Миссии прошения находящимися там 26-ю черкесами имею честь препроводить при сем к в. выс.-пр. копию с отзыва моего по тому предмету к кн. Добанову-Ростовскому, присовокупляя, что подобное прошение, поданное за границу людьми неизвестными, не объясняющими даже, к какому племени они принадлежат и от имени кого считают себя праве делать предложения, не может иметь никакого значения в

глазах Русского правительства. Впрочем, если бы даже люди эти и были действительно уполномочены от своих соплеменников, то, при настоящем положении дел, между народонаселением, остающимся непокорным, именно между шапсугами и убыхами, не может быть никакой надежды на единодушное всего народа признание покорности, изъявляемой несколькими выходцами за границую.

В подтверждение этого заключения считаю нужным сказать несколько слов о нынешнем состоянии народонаселения в западной части Кавказа и внутреннем его быте.

Прекращение войны в восточной половине края, конечно, имело сильный отголосок и среди племен закубанских: оно преимущественно было причиною покорности, принесенной абадзехами и натухайцами. Однако же опасно было бы для нас слишком доверяться такому, по-видимому, благоприятному настроению умов в этом крае, и я поставлю себе долгом выразить откровенно, что здесь далеко еще нельзя считать дело наше оконченным. Между народами восточной и западной половины Кавказа есть огромная разница: в Дагестане мы нашли уже глубоко вкорененные начала гражданственности и привычку к повиновению властям, даже к самовластному и тяжкому игу; на западе, напротив того, народы раздроблены на мелкие общины или семейные союзы, не управляемые никакой связью гражданской. Племена эти издревле привыкли к необузданной свободе. Если до сих пор Сефер-Бей и Магомет-Амин еще пользовались у известной части народа некоторою властью или, лучше сказать, влиянием нравственным, то преимущественно потому, что в них олицетворялась бы общая всего народа вражда против нас. Каждый из них был в своем кругу как бы знаменем, около которого группировались разрозненные общины и племена для отчаянной борьбы с угрожавшим им русским господством. Но и Сефер-Бей, и Магомет-Амин постоянно чувствовали шаткость и непрочность своего положения между легкомысленными горцами. С падением Шамиля, предвидя и свой неминуемый конец, Магомет-Амин поспешил воспользоваться тем влиянием, какое сохранил еще над абадзехами, чтобы явиться к нам с покорностью не одному, а с целым народом. В то же время натухайцы, стесненные окончательно между морем и устроенною нами Адагумскою линиею, убедившись опытом нескольких предшествующих зим о неминуемом своем разорении от наших войск, обложивших их грозным кругом, предались искренно и безусловно великодушию Русского Императора. Затем осталось между абадзехами, натухайцами и морем еще воинственное и многочисленное население шапсугов и убыхов, доселе никогда не подчинявшееся никакому владычеству, не испытывавшее никогда ужасов войны, чуждое всяких уз гражданского благоустройства. С этими-то племенами еще остается нам справиться, чтобы довершить окончательно покорение Кавказа, и здесь мы должны ожидать главное затруднение именно от совершенного отсутствия между ними не только власти общественной, но даже и отдельных личностей, которые могли бы связывать массу рассеянного народа и увлечь ее к единодушному признанию русского господства.

Относительно шапсугов в. выс.-пр. уже известно из последних военных журналов, доставленных ген.-л. Филипсоном, что народ этот далек еще от покорности; шапсуги с ожесточением дрались при движении в их земли отряда ген.-м. Бабича, который принужден был разорить сию полосу земли, прилегающей к Агадумской линии, шириною до 25-ти верст. Что же касается до убыхов, то недавно еще мы имели новый случай испытать степень готовности их покориться.

В январе нынешнего года кутаисский ген.-губернатор выехал было в Гагры на свидание с убыхскими старшинами, съезжавшими туда, в числе до 300 человек, для переговоров. Старшины эти, выслушав предложенные им условия покорности, казались весьма довольными и обещали дать окончательный ответ через месяц; но едва только возвратились они домой для объявления соплеменникам своим предложенных нами условий, как все народонаселение пришло в сильное волнение и обратилось против старшин с укорами в том, что они вступили с нами в переговоры без согласия народа, а только по личным своим расчетам. Один из джигетских князей, участвовавший в переговорах, подвергся даже нападению вооруженною силою, при котором несколько человек были ранены. В назначенный срок старшины не могли уже прибыть в Гагры с отчетом, не подвергаясь опасности со стороны народа, и, хотя они уверили через посланного, что не теряют еще надежды склонить народ к покорности, дело это ясно показывает недостаток у них не только власти, но даже и влияния для уничтожения враждебного расположения к нам народа, поддерживаемого тайными происками политических противников России. В числе причин неуспешного исхода этих переговоров было также полученное из Турции письмо от одного из убыхских выходцев, который уверял своих единоплеменников, что в скором времени Англия, Франция и Турция опять объявят войну России для защиты своих интересов

Объяснив настоящее положения дела в том крае, я надеюсь, что в. выс.-пр. согласитесь вполне с выражаемым мною мнением относительно значения присланного константинопольского акта. Я, со своей стороны, убежден, что истинной покорности от шапсугов нельзя ожидать прежде, чем мы успеем привести в исполнение предначертанные меры к утверждению нашему среди этого народонаселения. Сбор значительных сил, направленных мною для устройства в нынешнем году крепости в земле шапсугов и для продолжения там дороги, укажет, чего можно действительно ожидать в том крае в настоящее время.

Сообщив вышеизложенное на сообщение в. выс.-пр., могу в заключение сказать, что много чего предстоит нам работать лопатами и топорами, чтобы стать в то положение, когда присяга шапсугов, убыхов и даже абадзехов может быть признана фактом действительным и благонадежным.

(Арх. Шт. Кав. Воен. Окр. Дело Гл. Шт. Кавк. Арм., по Ген. Шт. 2-го Отд., по описи 1857 года № 27)

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 844-845. Документ 723.

72. Отношение ген.-квартирмейстера Кавказской Армии, ген.-м. Карлгофа, к Кутаисскому ген-губернатору, ген.-л. кн. Эрстову, от 10-го апреля 1860 года, № 947. – Секретно.

Г. главнокомандующий, усматривая из получаемых от в. с. донесений, что у джигетов и убыхов враждебное к нам расположение постоянно усиливается и, узнав из доходящих до его с. частных известий, что в Абхазии мусульманство приобретает заметный успех над христианскою верою, что в Цебельде устроенным нами народный суд уже не существует и что общество Псху опять от нас отложилось, а аманаты, взятые от него и розданные на поруки, постепенно разошлись, изволил поручить мне покорнейше просить в. с.:

1) Доставить список абхазцев, цебельдинцев, псхувцев, джигетов и убыхов, получавших пенсии, с показанием, которым из них и с которого времени прекращены пенсии и в каком количестве ныне состоит остаточная сумма от денег, ассигнуемых на производство пенсий во вверенном вам округе, были ли производимы из нее какие-либо расходы и какие именно.

2) Донести его с. о причинах успехов в Абхазии исламизма.

3) Донести его с., с какого времени прекратился народный суд в Цебельде, какие были тому причины и почему не были приняты строгие меры к восстановлению учреждения, один раз уже нами установленного, и

4) отчего не были приняты меры к недопущению аманатов псхувских возвратиться на родину и не было донесения о явном неповиновении псхувцев, которых старшины не являются по нашему требованию.

Сообщая в. с. означенные приказания г. главнокомандующего, имею честь присовокупить, что кн. Александр Иванович желает получить более частые и подробные известия о положении дел во вверенном вам крае.

(Арх. Канц. Главной граж. ч. на Кавк, связ. 7120 – Секретное дело № 6-40)

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 846. Документ 726.

73. Записка Лапинского¹⁷ (доставленная начальнику Главного Штаба Кавказской Армии состоящим при Императорской Миссии в Константинополе лейб-гвардии конной артиллерии кап. Франкини), мая, 1860 года.

(Перевод с немецкого)

С некоторых пор стали появляться в печати статьи об окончательном покорении Кавказа. Прибыв из земли черкесов в Европу, мы были удивлены,

¹⁷ Уроженец Галиции, флибустьер, называющий себя полковником, первоначально служивший прапорщиком австрийской артиллерии, а потом с 1856–1860 года состоявший при Сефер-Бее и исполнявший его поручения в Закубанском крае.

узнав, что там полагают участь горцев решенною, что до нас касается, мы пришли к совершенно противоположному мнению, для этого стоит вникнуть ближе в дела тамошнего края, а мы принимали в них более или менее деятельное участие в течение трех лет.

Мы вполне ценим успехи русского оружия, еще более успехи русской политики в последнем году. Главнокомандующий Кавказскою Армиею достиг в короткое время больших результатов, чем его предшественники.

Но уверять, что Кавказ покорен, главное сделано, немного остается лишь сделать, кажется, слишком рискованно. О положении дела на Чеченской и Кумыкской линиях мы не можем говорить, полосу эту мы не посещали, но были в сношениях с народом ея посредством переписки и посылаемыми нами людей. Мы, однако, уверены, что пленение Шамиля будет для них жестоким ударом и что Дагестан, окруженный со всех сторон русскими владениями, со временем окончательно будет во власти русских. Мы можем только представить обзор земель, занятых черкесским народом (адыге), живущим между Кубанью, Лабою и Черным морем от Анапы до Гагр, и высказать наше мнение о покорении этих народов власти России так, как мы понимаем слово «покорение». Племя адыге или абзе, называемое обыкновенно черкесами, делится на три народа. Шапсуги заселяют равнины от впадения Кубани в Черное море до реки Догая и горы вдоль берега Черного моря, от Анапы до земли убыхов, абздехи от р. Догая и до р. Лабы, убыхи от хребта гор, занимаемого на юге шапсугами, до Гагр. Мы займемся более шапсугами, народом самым воинственным, непокорным и многочисленным из племени адыге, впрочем, что будет сказано об этом народе, относится и до других, одного с ним племени. Шапсуги делятся обыкновенно на три участка, которые при общих собраниях составляют три отдельные группы: натухайцы от устьев Кубани до р. Адагума, шапсуги на плоскости от Адагума до р. Догая и горные шапсуги от Новороссийска до убыхов. Шапсуги делятся на 8 обществ, из которых каждое распадается в свою очередь на неопределенное число семейств, обыкновенно от 30 до 40. Наибольшее из шапсугских обществ – Кебле, наименьше общество – Натшо. Семейство составляют все близкие родственники, смотря потому, много или мало их, такое семейство занимает 40, 100 и более дворов. Однако ни общество, ни семейства не живут все вместе, так, например, один брат живет, положим, у Анапы, другой у Туапсе, но они знают друг друга и сносятся между собою. Каждые сто дворов имеют свой участок земли, свою мечеть и кадия, который с двумя старшинами (тамата) составляют суд. В суде участвуют еще по два депутата от каждого общества. Так как в участке из 100 дворов есть обыкновенно представители различных обществ, то решительный перевес голоса (в 100 дор) на стороне того общества, которое имеет большее число представителей. При собрании нескольких сот или тысяч дворов и при собраниях, совещаниях целого народа образуется большой совет (цилле-цауц). Заседают по два старшины (тамата) от каждого общества (16), а от всего народа два имама (кади), наиболее сведущие в коране. Итак, большой совет состоит из 18-ти лиц, при решении тяжб у горцев он

служит последнею инстанцией, что же касается до интересов всей страны, то решения его не имеют силы без согласия народа. Оба представителя общества совещаются со старшими своего общества, эти с народом и только согласие всего народа обращает предложение в закон. Не было еще примера, чтобы целое общество было одного мнения; принудить же 100 двор. либо целое общество силою нет никакой возможности, каждый боится кровомщения, а потому черкесские собрания обыкновенно кончаются ничем. Бесчисленные участки из 100 дворов представляют столько же маленьких республик, не признающих над собою никакой власти. Вот причина, почему страна не может прийти к благоустройству и почему русское правительство не может полагаться на присягу черкесских посланных. Они не служат отголоском всего народа, а обыкновенно выдают себя за приверженцев России, чтобы получить какой-нибудь подарок (застир); подарок этот они делят потом с друзьями и смеются над неверными, вдающимися так легко в обман. Впрочем, даже при лучшем желании старшины (тамата) не в состоянии ручаться за выполнение того, чему присягали.

В земле шапсугов князей (пши) нет, за исключением одного Занок-Карабатыр-Ибрагима, сына покойного Сефер-Паши. Бездарный, менее лукавый, нежели его отец, который был обязан своим влиянием не княжескому званию, а титулу турецкого паши, Занок-Карабатыр-Ибрагим не пользуется ни малейшим весом между своими соотечественниками, однако, не мешало бы склонить его на свою сторону и отослать во внутрь России, иначе отвергнутый Россией, он может поддерживать вредное волнение в крае при содействии Турции. Дворян (ворк) в земле шапсугов не более 100 двор., разбросанных по всей земле их. Все дворяне шапсугов, абадзехов и убыхов образуют особое общество – Эзден-Флако. Дворянство утратило всякое значение вследствие ненависти к нему мусульманского духовенства, так что ворка не допускают в совещание старшин (тамата). Ворки почти все желают русского владычества, поэтому следовало бы обещать им привилегии, ежели они будут содействовать замирению края.

Мусульманская вера не признает сословий между правоверными и проклинает дворянство, большая часть ворков готова принять христианство, ежели этим возвратит старые свои преимущества. Самый многочисленный класс – это свободные жители (тхвохотль), составляющие собственно народ. Дворяне (ворк) и свободные жители (тхвохотль) владеют, смотря по состоянию, рабами (пшитль). Пока Шамиль не был еще в сношениях с черкесами через своих мюридов и наибов, самая небольшая часть народа адыге была предана мусульманству, но со времени наиба Магомет-Амина вера эта сделала огромные успехи и ныне она господствует во всей равнине, занятой абадзехами и шапсугами; в горах же она менее распространилась; здесь даже в мае месяце в 1859 г, когда саранча опустошила поля, жители между Псцатом (Пшадой?) и Цубой (Джубой?) сожгли мечети и прогнали имамов и кадиев.

Обряды горных жителей частью христианские, частью языческие. У шапсугов, живущих на плоскости, заведено в последние 12 лет множество

школ, где истолковывается коран. Весьма многие посещают эти школы, и, кто успеет выучиться хотя немного читать и писать, тот делается защитником и распространителем мусульманской веры и принимает звание эфенди. Духовенство – заклятый враг России; оно могло бы быть весьма опасным, ежели бы не утратило в последнее время за жадность и обманы доверия народа. Наиб Магомет-Амин нажил себе много врагов лихоимством, совершаемым под личиною святошества и был вынужден начать переговоры из опасения быть убитым черкесами. Все вообще, что только принес коран в горы племени адыге, способствовало упадку народного духа, а потому нет непреодолимых препятствий обратить народы эти к христианству, которое исповедовали их отцы. Ошибочна политика для христиан оказывать наружное почтение мусульманской вере; мусульмане не понимают тонкости такого поведения, они думают, что мы обязаны почитать их веру, ибо она лучше нашей. Черкесы сами не знают, почему они перешли к магометанству; хорошо, ежели бы правительство (Кавказа) выполнило благородную задачу обратить снова племя адыге к христианству. Мы уже выше заметили, что шапсуги и убыхи занимают морской берег от Анапы до Гагр. Покуда побережье не в руках России, спокойствие и обладание кавказскими провинциями не обеспечено и они открыты неприятельскому вторжению. Правительство Русское может почтеть себя счастливым, что союзники не сумели лучше оценить и воспользоваться важностью земли черкесов в минувшую войну. Кто может ручаться, что в случае новой войны ошибка эта снова не повторится? Поэтому мы полагаем, что Россия должна во что бы то ни стало покорить земли шапсугов и убыхов, ежели она желает спокойно владеть кавказскими провинциями. Дагестан можно смирно и тихо подвигаться вперед. Отдельный от Европы, он своим восстанием не может быть опасен. Внешний враг не найдет себе помощи в Дагестане. Пока не покорят, обезоружат или изгонят шапсугов и убыхов, можно оставить в покое абадзехов и усыплять их надеждами. С убыхами же и шапсугами мир ни к чему не поведет, разве мирные отношения России с Европой будут обеспечены лет на 40. Поэтому мы убеждены, что необходимо приложить все усилия, дабы обезоружить эти два народа, а что еще лучше, изгнать их из прибрежной полосы Черного моря. Мы считаем за собою право дать следующий совет. Пусть Русское правительство предложит на выбор убыхам и шапсугам следующие 4 пункта: 1) возвратиться к христианской религии, которую исповедовали их отцы и которую они вероломно оставили, в этом случае оставляется им оружие и вводятся законы казаков, 2) переселиться во внутрь России с сохранением оружия, 3) сложить оружие и оставаться в своей земле в неприязненном к нам отношении, 4) переселиться во владение турецкого султана. Конечно, в начале никто не захочет слышать о таких предложениях, а посему единственное средство – силы.

Ген. Филипсон показал, как заставляют горных жителей бросать свои жилища. Он отрезал участок натухайцев крепостями Анапою, Новороссийском, Баканом, Адагумом, Гастагаем и Коркун и перервал сообщения жителей с шапсугами, вследствие чего в марте 1859 года осталось в земле натухайцев из

5900 двор только 800; остальные же бежали в земли шапсугов, полагали, что нынешнюю зиму не останется в земле натухайцев ни одного черкеса. Ежели ген. Филипсон заключил с натухайцами условия (как мы это слышали) и оставил им оружие, полагаясь на их клятву, то он потерял плоды своих 3-х-летних экспедиций. Может быть, командующий русскими войсками хочет сначала стать твердою ногою в землю шапсугов, оставить натухайцев нейтральными. Но нейтралитет натухайцев не важен, это напрасный труд, ибо возведя предположенные укрепления, заняв их и открыв сообщения, нужно же будет приступить к обезоружению, а тогда действия снова начнутся. Пока народы эти не обезоружены, они не покорены, и высадись неприятельский отряд 2,000 чел. регулярных войск, поддержанных черкесами, это может засвидетельствовать любой офицер Генерального штаба Кавказской Армии. Поэтому нашим советом было бы заставить оставшихся натухайцев принять один их 4-х предложенных выше пунктов, при первой возможности перейти в марте месяце Кубань с сильным отрядом и построить одно укрепление в 3–4-х часовом переходе от р. Кубани на р. Хабле, другое – в горах между источниками рр. Хабли и Азипса и от этого укрепления проложить дорогу в Пшаду чрез голые по большей части горы. Нужно возобновить укр. Геленджик и Пшаду и занять на летнее время оба упраздненные укрепления на р. Абине, каждое 2-я батальонами, очистить затем окрестную местность от черкесских аулов и от Малого Абина проложить дорогу через лес Адербн в Геленджик, а отсюда в Пшаду. Так как существующая ныне дорога из Геленджика в Пшаду довольно изрядна и нуждается только в незначительных исправлениях, а дорога от Геленджика на Малый Абин не потребует также больших работ, то вся задача будет состоять в действиях на р. Хабле и в проложении дороги от р. Хабли в Пшаду. Укр. в Пшаде следовало бы занять примерно 3 тыс. чел., чтобы быть в силах устоять против всякого покушения горцев и иметь самим возможность предпринимать самостоятельные экспедиции для разорения находящихся еще в горах аулов. Укрепление в горах между источниками рр. Хабл и Азипса нужно занять гарнизоном в 2 батал.; укрепление же, находящееся на ранине, на р. Хабле, одним батальоном. В Геленджике достаточно иметь гарнизон в один батальон.

Вследствие этих мер половина шапсугского народа, живущего на равнине, и все горные жители от Новороссийска до Пшады будут вынуждены покориться либо выселиться, подобно натухайцам, принужденным к тому учреждением 6-ти вышеозначенных укреплений.

Сакли черкес, встречаемые русскими войсками, должны быть сожигаемы, а экспедиции, предпринимаемые из лагерей и укреплений, должны производиться чаще и с большею энергией, чем это делалось до настоящего времени. Вот задача для русских войск в течение весны, но для выполнения ее потребен, кроме гарнизонов, находящихся в прежних укреплениях, корпус в 25 тыс. чел., потому что со средствами, которые имел в своем распоряжении ген. Филипсон в последние три года, вышеизложенного выполнить невозможно. Так как против дагестанцев и абадзехов не нужно более таких сил,

как прежде, то войска, до сих пор там действовавшие, могли бы усилить корпус ген. Филипсона. Коль скоро черкесское население будет оттиснуто в равнине до р. Иль, а в горах – до Пшады, то следует заселить землю натухайцев казачьими станицами, этим населением не будет угрожать нападение черкес, слишком далеко живущих. Выполнив операцию нынешнего года, следует употребить зиму 1860–1861 г. на экспедицию в равнине до р. Доная, а в горах до Хепсуна. Несколько хороших стрелковых батальонов при корпусе принесли бы огромную пользу. В 1861 году необходимо воздвигнуть укрепления: одно – на р. Супсе в 3–4-х часовом переходе от Кубани, другое – в Цубо и соединить их между собой дорогою, Хепсун (Шапсухо?), где существует еще ров и вал прежнего укрепления, следовало бы возобновить и соединить с Пшадю и Цубой дорогою. Укрепления у Цубо и Супса следовало бы занять 3 т. чел. каждое. В Хепсуне достаточно иметь гарнизон в два батал. Из укреплений, в тылу лежащих, в окрестностях которых остались только обезоруженные или смиренные черкесы, следует выдвинуть часть гарнизонов вперед, некоторые укрепления, которые по ходу дела окажутся ненужными, можно будет упразднить, дабы не держать лишних гарнизонов. По сооружении этих последних 4-х крепостей, земля шапсугов будет покорена и останется лишь горная сторона от Цубо до Гагр. Чтобы ее упрочить за собою, нужно возвести в 1862 году укр. на Нечепсуке, Ту, Тубсе (Туапсе) и Сабиге (Субаши) и соединить их между собою дорогами. Черкесам необходимо предоставить все средства выселиться во владения турецкого султана. Необходимо дать в неограниченное распоряжение командующего русскими войсками флотилию, состоящую по крайней мере из 10 паровых и парусных судов и наблюдать за берегом морским более зорко, чем это делалось до сих пор. Ежели два небольшие парохода будут ежедневно осматривать берег, захватывать и уничтожать подходящие кочермы, то сообщение серкес с Турцией, откуда постоянно подаются надежды и ободряют к бою против русских, будет прервано.

Как мало до сих пор препятствовали этому сообщению, доказывает следующий факт: из 2,300 кочерм, отчаливших с Анатолийского берега в 1859 г., погибло только 34, застигнутых бурями, либо захваченных русскими каперами. Показание это официальное и доказывает, что контрабандная торговля до сих пор почти не встречала препятствий. Было бы весьма полезно иметь при флотилии 600 искусных, хорошо и легко вооруженных стрелков, которые при первой возможности высаживались бы на берега, нападали и сжигали бы аулы, лежащие близ морского берега. Полагают, что черкесы хорошо стерегут побережья, это несправедливо, и нигде мы не встречали большей беспечности, чем у них. Коль скоро русские делали нечаянное нападение, то оно всегда удавалось, 600 солдат имеют в первые 3–4 часа дело с вооруженными горцами ближайших 100 дворов; пока в редко населенном горном побережье соберутся бойцы с 300–400 дворов, пройдет по крайней мере полдня. Обыкновенно гром русских пушек, причиняющих мало вреда, дает знать черкесам, что русские пришли, и служит им сборным сигналом. Прекращение сообщений с Турцией, упадок торговли, постоянное тревожное

состояние береговых жителей будут сильно содействовать достижению указанной нами цели. Земля убыхов гориста, бедна и слабо заселена, жители говорят наречием племени абзе, подобно соседям их абадзехам, и образуют только одно общество (флако). Дворяне (ворк) многочисленны, занимают до 200 дворов и пользуются большим почетом и влиянием в стране, чем ворки шапсугов. Главный источник пропитания убыхов – торговля невольниками, земля же их не производительна, и почти ежегодно жители принуждены покупать хлеб у абадзехов. Большая часть черкес, находящихся в турецкой службе и торгующих в Константинополе, из убыхов, вот почему существует ошибочное мнение, что это многочисленнейшее черкесское племя. Конечно, убыхи не противоречат этому мнению, но по возможности распространяют его нравы, обычаи и проч. – те же, что у шапсугов, и, вероятно, возвратились бы к христианству, если бы мусульманская вера не приходилась им весьма кстати при торговле невольниками. Абадзехи (что касается до их происхождения, нравов и обычаев) составляют одну семью с шапсугами, от которых отличаются только акцентом языка.

Абадзехи, подобно шапсугам, разделяются на 8 обществ, а эти в свою очередь – на неопределенное число семейств. Народом этим легче управлять: он менее дик и воинственный, нежели убыхи и шапсуги, и нет сомнения, что, по покорении двух последних, абадзехи без сопротивления положат оружие. Живя по большей части на плоскости, вдали от моря, народ этот не может оказать весьма опасного сопротивления.

Важно то, что шапсуги в предстоящем бою не найдут поддержки в абадзехах, а потому изъявление покорности этого племени чрезвычайно выгодно, это положение дел нужно во что бы ни стало продлить, покорив шапсугов и убыхов, с абадзехами справиться легко. Абадзехи – ревностные мусульмане и считают шапсугов и убыхов за гяуров, а себя – за правоверных. Наибы и другие пришедшие из Дагестана фанатики скитались преимущественно по земле абадзехов и проповедовали учение пророка. Пока народ этот не обезоружен, на покорность его положиться нельзя. Хитрый Магомет-Амин, оставленный абадзехами, был вынужден искать поддержки у русских, но будь малейшая помощь с запада, он первый возьмется за оружие.

До сих пор нет точных показаний о численности черкесского населения, да и невозможно определить его по европейскому масштабу, смеем, однако, уверить, что мы ошибаемся при наших показаниях, быть может, в соразмерности 10 на 100, но отнюдь не более.

В равнине, занятой шапсугами,

На реках Шнис, Шибик и Каиф	1,800 двор.
> > Абин.....	1,200 >
> > Бугундыр.....	400 >
> > Антхыр.....	700 >
> > Хабле.....	800 >
> > Азипс.....	700 >
> > Ил.....	400 >

> >	Убин.....	1,100	>
> >	Афипс.....	1,100	>
На реке	Шебсе.....	1,500	двор
	Всего	9,600	двор.
В горах, занятых шапсугами, От Геленджика до Пшады.....		900	двор.
>	Пшады до Хепсуна.....	1,300	>
>	Хепсуна до Цубо.....	1,500	>
>	Цубо до Нечепсука.....	1,400	>
>	Нечепсука до Ту.....	700	>
>	Ту до Туапсе.....	1,400	>
>	Туапсе до убыхов.....	1,700	>
	Всего.....	8,900	двор.
Весь шапсугский народ.....		24,000	двор.
>	Абадзехский народ.....	19,200	>
>	Убыхский народ.....	3,300	>
Все племя адыге.....		46,900	>

Черкесские аулы сильно населены, в беднейших дворах мы редко встречали менее 10-ти человек обоего пола, обыкновенно мы находили во дворе 40 и более жителей; итак, на двор приходится средним числом от 16-ти до 18-ти жителей, что дает право положить числительность всего адыгского народа в 800 т. чел. О вооруженном мужском населении можно сказать (мы считали в разных местах и у всех трех народов), что на 100 дворов приходится от 160-ти до 180-ти чел., хорошо вооруженных, т.е. имеющих кинжал (каму), шашку, пистолет (шоняг-кеци) и винтовку (шоняг), из них от 60-ти до 70-ти на хороших конях, это дает на шапсугов от 40 до 42-х т., на двор убыхов от 5-ти до 6-ти т., на абадзехов от 30-ти до 33-х т. чел. Итак, все племя адыге может выставить до 80-ти т. хорошо вооруженных воинов, из которых от 28-ти до 30-ти т. конных. Дурно вооруженных, т.е. таких, у которых недостает винтовки, пистолета или шашки, наконец, таких, у которых единственное оружие палка, окованная железом (их весьма мало), можно считать на 100 двор. от 100 до 120 чел., что дало бы на шапсугов от 25-ти до 27-ми т., на убыхов от 3-х до 4-х т., на абадзехов от 20-то до 22-х т. чел., посредственно вооруженных, и позволило бы составить резерв в 50 т. чел. Рабы не вошли в это исчисление; можно считать средним числом у шапсугов на 10 свободных жителей 1-го раба, у абадзехов на 10 – двух, у убыхов на 10 – трех. Так как большая часть из них вооружена, то общество рабов (пшитлн флако) может выставить от 10-ти до 20-ти т. воинов. Русских перебежчиков имеется от 2,400 до 2,500 чел. Земля, обитаемая народом адыге, щедро наделена природою. В горах убыхов и в южной части гор шапсугов находят золото, серебро, медь, олово, свинец и железо. В земле абадзехов имеется соль и минеральные ключи.

Почва дурно обработана, но, несмотря на то, хлеб родится в значительном количестве.

Так как нам случалось брать в некоторых местах подать усцир (т.е. 10-ю часть хлеба) и цекать (с 40 штук скота ежегодно одного), то мы можем сделать приблизительный расчет: каждый двор производит ежегодно 200 сепет хлеба (сепет = 15-ти окам), что дает на всю страну от 7-и до 8-ми милл. сепет. При европейском хлебопашестве можно без труда производить в 5 раз более. Черкесы большею частью сеют просо и кукурузу, менее – рожь и овес и только в немногих местностях – ячмень и пшеницу, из стручковых плодов – турецкие бобы, а из овощей – зелень и красную свеклу. Картофель, горох, бобы и пр. им неизвестны. Пчеловодство, как и все остальное, в младенчестве, но черкесский мед едва ли не самый лучший; на 100 дворов можно приблизительно считать 300 улей, что составит до 150 т. колод на всю страну. Леса в первобытном состоянии, так как почва каменистая, то деревья, годные для кораблестроения, редко встречаются. В земле убыхов есть шахты каменного угля. Коневодство запущено, и черкесские лошади, хотя очень сносные, но не заслуживают репутации, которою пользуются; на всю страну можно положить от 100 до 120 т. лошадей. На каждые 100 двор. можно считать 20 штук рогатого скота, 10 овец и 40 коз, что дает на всю страну около 900 т. штук рогатого скота, 500 т. овец и 1800 т. коз. Редко кто занимается ремеслом. Одежду в аулах заготавливают женщины, на каждые 100 дворов имеется от 2-х до 3-х оружейников, которые не только выделывают хорошее оружие, но могут служить примером и европейским серебряных дел мастерам. С турецкими контрабандистами черкесы производят меновую торговлю, дают им хлеб, мед, воск и шкуры, получают взамен дурные шелковые и бумажные ткани, сафьяны, сталь, иногда немного пороху. Однако количество пороху, которое они получают, далеко недостаточно, его недостает на натруску, а на каждые 100 дворов имеются пороховые мастера и черкесский порох, хотя не отличного качества, может, однако, сравниться с европейским, употребленным для взрывов. Повторяем еще раз, что мы считаем страну занятой и покоренной только тогда, когда племя будет изгнано или обезоружено и когда вдоль берега Черного моря будут поселены русские колонии, в прочность иного занятия края мы не верим. Где 120 т. хорошо вооруженных, неустрашимых и испытанных людей ожидают с нетерпением внешнего врага, чтобы действовать с ним заодно, там обладание странюю не надежно. Предположение, что народ мало-помалу привыкнет к русскому владычеству и сольется с русскими будет тогда иметь место, когда эти народы отстанут от магометанства и возвратятся к христианскому вероисповеданию, а на это пока мало надежды. Ген. Серебряков, который знал эти народы лучше, чем кто-либо из русских генералов, также полагал простым замирением достигнуть успеха и конца, так ошибался в течение 20-ти лет, и, когда корабли союзников показались в виду Черноморского берега, первыми бежали к неприятелю те именно, на которых ген. Серебряков более всех рассчитывал. Если придерживаться старой системы, то дела русских через 30 лет будут в том же положении, как и 30 лет тому назад, а что может случиться в этот промежуток времени? Достаточно было

одной недели в 1854 г., чтобы утратить все выгоды, приобретенные дорогою ценой с 1828 года.

Много ли черкесов провожало русских за Кубань?

Даже те, которые уже 10 лет прожили на русской земле, и те, которых правительство осыпало благодеяниями, бежали при первой возможности обратно в горы. С таким народом сила ведет ко всему, строгость – ко многому, а снисхождение – к отрицательному результату.

(Арх. Шт. Кавк. Воен. Окр. Дело Гл. Шт. Кавк. Арм. по Управл. Кавк. горцами 1-го Отд., по описи 1860 г. № 94, стр. 14-26)

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 846-850. Документ 727.

74. Отношение Кутаисского ген.-губернатора, ген.-л. кн. Эрстова, к начальнику Главного штаба Кавказской Армии, ген.-адъют. Милютину, от 23-го июля 1860 года, № 668 – Секретно.

По отзыву ко мне г. ген.-квартирмейстера от 10-го минувшего мая № 947 я предложил начальнику войск в Абхазии доставить мне все требуемые в означенном отзыве сведения. Ныне, вследствие донесения ген.-м. Корганова, имею честь сообщить в. пр. следующее:

1) Из прилагаемого списка лицам абхазского, цебельдинского и джигетского племен, получающих содержание от нашего правительства, в. пр. изволите усмотреть, кто и сколько содержания получает со времени минувшей войны и кому прекращена выдача содержания, а также в каком количестве ныне состоит остаточная сумма от денег, ассигнованных на производство пенсий, и какие именно произведены из ней расходы.

2) Относительно успехов исламизма в Абхазии ген.-м. Корганов, представив мне отзыв архимандрита Абхазской архиерейской кафедры, препровождаемый у сего к в. пр., доносит, что все собранные им по этому предмету сведения обнаруживают полный упадок христианства и самое быстрое развитие исламизма в Абхазии. Главнейшею причиною такого печального состояния края в религиозном отношении я полагаю совершенное равнодушие к религии и отсутствие сочувствия к ней всех исповедывающих христианство в Абхазии. Турецкая пропаганда, развивавшаяся в минувшую войну и деятельно поддерживаемая контрабандою, более доступная абхазским понятиям, не встречает ни в чем противодействия и готовит всеобщее исповедание мусульманства в Абхазии, может быть, со всеми политическими его выражениями.

3) Цебельдинский народный суд прекратил свои действия, как доносит ныне пристав, еще с 15-го июня 1859 года. Действия суда прекращены не по причине всеобщего волнения в Цебельде, а потому, что после убийства кн. Саат-Бея Маршани, совершенного в моем присутствии, о чем я имел честь сообщить в. пр. в письме от 29-го июня прошлого года № 8, члены

цебельдинскаго народного суда разделились на две враждующие партии и не могли уже сходиться для решения народных дел; заменить же этих членов другими было совершенно невозможно, так как, кроме враждующих и поныне кн. Ширинбея и Бабиша Маршани, все остальные цебельдинские князья слишком молоды и не могут быть членами суда. Ныне я предложил ген.-м. Корганову принять самые строгие меры к прекращению вражды и открытию суда.

4) Что касается псхувских аманатов, то они были отданы на воспитание Гассану Моргани и другим влиятельным в крае лицам. Это было сделано, как по неимению в Сухуме помещения, так и потому, что молодые люди, родившиеся и выросшие в здоровом горном климате, могли подвергнуться в Сухуме климатическим болезням, чему, конечно, много способствовала бы и тоска по родине. В прошлом году аманаты были потребованы в Сухум, и так как Гассан Моргани уклонялся от данного им обязательства и не доставил аманатов в предписанные сроки, то я поручил начальнику войск в Абхазии подвергнуть его ответственности и предложил выслать Гассана Моргани из края как лицо вредное и уклоняющееся от выполнения поручительства за взятых им на воспитание псхувских аманатов.

(Арх. Кавк. Главнок. гражд. ч. на Кавк., связ. 7120 – Секретное дело № 6-40)

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 856. Документ 735.

75. Рапорт, за отсутствием главнокомандующего Кавказской Армией, ген.-адъют. кн. Орбелиани, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, от 8-го августа 1860 года, № 16.

Из донесений Кутаисскаго ген.-губернатора видно, что в последнее время распространилась между непокорными горцами восточного берега Черного моря, а также в Абхазии и в сопредельных ей горных обществах – Цебельде, Псху и других – ложная молва о близком разрыве нашем с Англиею и Турциею, имевшая неблагоприятное влияние на положение дел наших в том крае. В ожидании скорой войны непокорные племена решились твердо отстаивать свою независимость и, образовав между собою тесный союз, стараются привлечь на свою сторону и племена покорные. Хотя до сего времени они не имели еще никакого положительного успеха в этом намерении, но несколько частных обстоятельств, который я вслед за сим исчислю, дали им возможность принять участие в делах некоторых покорных племен и тем завязать с ними связи.

Несколько лет назад один из значительнейших абхазских князей Кизильбек Маршани по частным раздорам с другими князьями бежал в горы и начал вести скитальческую жизнь абрека. Набирая шайки хищников, он непрерывно тревожил своих врагов набегами, чтобы нанести им

всевозможный вред. Подобные случаи бывают нередко в этом крае и обыкновенно оканчиваются тем, что обе стороны, утомленные тревожною жизнью, рано или поздно оканчивают вражду мирным соглашением и по уплате пеней, определенных судом посредников, забывают прошлое. Но в настоящих обстоятельствах один из князей непокорного нам общества Таш, пользуясь тем, что Кизильбек Маршани, как нарушитель общественного спокойствия, подвергается от нас преследованию, внушил ему мысль образовать против нас союз из многочисленной фамилии князей Маршани, из которой некоторые отрасли владеют значительными землями в Абхазии под зависимою от ее владетеля, а другие – составляют самостоятельных владельцев в Цебельде, Псху, Ахчипсху, Аибга, Таш и проч. Следуя этому внушению, Кизильбек начал действовать не только как абрек, но и как политический противник наш, вошел в связь с псхувцами и в тайные сношения с цебельдинцами, склоняет тех и других к восстанию и по последним известиям, требующим еще подтверждения, прошел с набранною им партией из ухов, джигетов и псхувцев в верхнюю Цебельду. Партия Кизильбека, состоявшая прежде из одних бродяг, наполнилась ныне частью и людьми состоятельными, привлеченными переменою значения действий Кизильбека. При этом положении дел для удержания в повиновении Цебельды начальник войск в Абхазии собрал отряд при Цебельдинском укр. и вызывает к себе всех Цебельдинских князей, которые, как слышно, намерены повиноваться его приказанию.

Псхувцы, изъявившие покорность два года назад, представили нам тогда же в залог верности аманатов, которые были отданы на поруки одному из значительнейших владельцев в Абхазии, гв.-пор. Гассану Моргани; но последний, продержав их у себя некоторое время, возвратил без нашего ведома в Псху. Требование наше о высылке этих аманатов псхувцы не исполнили, и князья их на вызов наш не явились, но еще не объявили себя открыто нашими врагами в ожидании, подтвердятся ли слухи о войне. Неповиновение свое они прикрывают вынужденным положением, в которое поставил их Кизильбек, занимающий их край и сделавший из него средоточие своих действий. Так как Гассан Моргани не только обвиняется в самопроизвольном отпуске псхувских аманатов, но и подозревается во многих тайных неблагонамеренных против нас действиях, то главнокомандующий Кавказскою Армиею предписал Кутаисскому ген.-губернатору арестовать его.

В Цебельде постоянно существовали между князьями враждебные партии, которые удерживались от взаимных неприятельских действий только нашим влиянием. До последней войны и в первые годы после заключения мира были там два непримиримых врага, князья Баталбей и Ширинбей Маршани. После смерти первого вражда между их партиями не прекратилась, и в прошлом году противники Ширинбея, пользуясь общим съездом князей во время бытности там Кутаисскаго ген.-губернатора, покушались на жизнь Ширинбея. Один из князей выстрелил в него в присутствии ген.-л. кн. Эристова; но, сделав промах, скрылся. С того времени партия противников Ширинбея, опасаясь с нашей

стороны наказания, вошла в тайные сношения с Кизильбеком. Наконец, ко всем вышеизложенным обстоятельствам надобно присоединять еще одно событие, в земле непокорных горцев восстановившее против нас жителей. Пример покорности Магомет-Амина с абадзехами внушил в некоторых дворянских фамилиях племени убыхов желание привести в исполнение давно задуманную ими мысль, которую до того времени опасались обнаружить пред народом: покориться нашему правительству, с тем чтобы при содействии нашем восстановить утраченную ими власть над народом. В конце прошлого года, полагая, что настало уже благоприятное время для выполнения их намерения, они вошли в тайное сношение с нами; но переговоры их были открыты народом. Раздраженные убыхи подвергли их преследованию и решили между собою вести с нами непримиримую войну.

При этих обстоятельствах распространившиеся слухи о скором объявлении нам войны Англиею и Турциею усилили деятельность непокорных горцев и враждебных нам людей в покорных племенах. Кроме того, в недавнее время открыты тайные происки у покорных племен турецких эмисаров и одного из цебельдинских князей, Эшау Маршани, бывшего долгое время абреком, прощенного вскоре после минувшей войны и переселившегося потом в Турцию.

Сборы и движения враждебных нам парий в Псху и в верхней Цебельде не имели до сих пор никакого влияния на жителей владения абхазскаго, которые остаются спокойными; однако спокойствие этого края всегда зависело от положения дел в Цебельде. Каждый из абхазских князей ищет союзника в Цебельде, чтобы иметь в нем опору против внутренних врагов своих и найти убежище в этом недоступном крае в случае надобности. Во время междоусобиц в Цебельде невольным образом вовлекаются в них и абхазские союзники цебельдинских князей, и если последние разделяются на два враждебные стана, то всегда одна сторона, более виновная, принимает их против нас враждебное положение. Отсюда происходит важность для нас Цебельды для упрочения нашего владычества в Абхазском крае. В настоящем случае удержание спокойствия в крае будет много зависеть от поведения дальских и верхнецебельдинских князей и от результатов вызова их начальником войск в Абхазии для миролюбивого окончания между ними распрей.

Между тем, пока положение дел в Цебельде остается еще нерешительным, непокорные горцы вознамерились сделать нападение на команды, высылаемые из укр. Гагры для рубки дров. Несколько времени они удерживались в своей земле, из опасения высадок на их берег приморских поисков, делаемых время от времени ген.-м. Коргановым, но, наконец, в начале июля собралась партия в несколько сот человек из убыхов, джигетов и других враждебных нам племен. Скрытно заняв лесистую местность на высоком хребте между ущельями Гагринским и Гагрипши, из которых одно находится подле самого укр. Гагры, а другое – в 3-х верс. от него к стороне Абхазии, партия эта несколько дней выжидала высылки из укрепления команды.

Воинский начальник укр. Гагр, имея сведения о близости неприятельской партии, принимал все меры воинской предосторожности и, во избежание напрасной потери людей, не высылал из укрепления команды; но, наконец, недостаток в дровах вынудил его выслать колонну в усиленном составе. Кроме обыкновенных команд для рубки дров, выслана была для прикрытия их стрелковая рота Кавказского линейного № 33 батал. в полном составе и, на случай надобности, для поддержания ее назначено было еще 200 стрелков.

С рассветом 13-го июля стрелковая рота 33 батал. заняла опушку леса на горе между вышеупомянутыми ущельями, и команды приступили к рубке дров; но едва только началась работа, как неприятель сделал залп из ружей, бросился с трех сторон на стрелковую роту в шашки с такою быстротою, что она не успела сделать ни одного выстрела. Командир роты, подпор. Савченко-Боженко, не потеряв присутствия духа от этой внезапной атаки, встретил неприятеля штыками. Завязался рукопашный бой и, хотя неприятель превосходил нас силами вчетверо, но был разбит, обращен в совершенное бегство и, отрезанный нашими войсками от единственной тропы, по которой взобрался на гору, искал спасения врассыпную, бросаясь вниз со скал и обрывов. Подпор. Савченко-Боженко, тяжело раненый в плечо в начале дела, перевязал рану и распоряжался боем до самого конца дела. Сверх того, с нашей стороны еще убит 1 и ранено 18 чел. нижних чинов. Неприятель потерял, сколько известно, около 40 чел., в том числе 6 князей ранеными, и оставил в наших руках 2 тела, несколько ружей, шашек, папах и мешков с провизиею.

О вышеизложенных сведениях имею честь донести в. выс.-пр. для всеподданнейшего доклада Государю Императору.

(Арх. Шт. Кавк. Воен. Окр. Дело Гл. Шт. Кавк. Арм., по Ген. шт., по описи 1860 г. № 4)

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 857-859. Документ 736.

76. Рапорт Кутаисскаго ген.-губернатора, ген.-л. кн. Эристова, главнокомандующему Кавказскою Армию, ген.-фельдм. кн. Барятинскому, от 20-го августа 1860 года, № 13. – Секретно.

Распространившиеся в последнее время между горцами слухи о предстоящей будто бы войне России с Турциею и о непременном очищении, вследствие этого, нашими войсками Абхазии взволновали все прибрежное население, и в то время как неприязненные нам горцы, разжигаемые муллами и нашими переселенцами в Турции, решились на ожесточенную с нами борьбу и делали ряд безуспешных нападений на наши команды, высылаемые из укр. Гагр, в среде покорного нам населения образовалась тайная партия, подстрекающая народ соединиться в один племенной союз для противодействия нашей власти.

Я уже имел честь почтительнейше докладывать в. с., что на положительное намерение жителей Аибга, Ахчипсху и Псху пригласить цебельдинских и абхазских князей многочисленной фамилии Маршани присоединиться к составленному ими фамильному союзу можно указать как на факт, вполне подтверждающий непокойное состояние умов горцев.

Имея в виду изложенные обстоятельства, я, согласно воли в. с., предложил начальнику войск в Абхазии принять самые настойчивые и энергические меры:

- 1) к прекращению между цебельдинскими князьями раздоров, водворению в Цебельде порядка и собранию цебельдинскаго народного суда и
- 2) к понуждению гв.-пор. Гассана Моргани в самом непродолжительном времени доставить псхувских аманатов.

В рапорте начальника войск в Абхазии от 2-го августа за № 41 подробно объяснено поведение Гассана Моргани в деле по выдаче псхувцами аманатов и уклончивость самих псхувцев при выполнении требований ген.-м. Корганова.

По обстоятельствам этим и при благоприятном исходе цебельдинских дел ген.-м. Корганов решился совершенно неожиданно двинуть Цебельдинский отряд по долинам рр. Сочи и Келасура к границам Псху, дабы понудить псхувцев к немедленной выдаче аманатов и решительными действиями подавить волнения, усилившиеся здесь после недавних кровавых событий в Малой Азии.

7-го числа августа Цебельдинстй отряд, в составе 2 ½ батальонов пехоты, 2-х горных орудий Сухумской артиллерийской гарнизонной роты, 2-х ракетных станков и команды казаков, выступил из лагеря при ур. Шукуран без палаток и с 14-ти-дневным провиантом и того же числа прибыл к Келасурской переправе близ укр. Абгызара.

8-го числа отряд пробил дорогу по скалам и вертепам лесистого хребта Амлара, 9-го числа вошел на Алибека-дзыхи и до 14-го числа без дневок, разрабатывая дорогу по скалистому хребту Дзыхва, дошел до истоков р. Бзыби. На этом пути Цебельдинский отряд преодолел всевозможные препятствия и прошел через ледники Дзыхва и Хымса. Одновременно с движением отряда, по вызову ген.-м. Корганова, двинулись милиция Бзыбскаго округа с кн. Александром Шервашидзе и ген.-м. Кацо Моргани на перевал Амакя, кн. Константин Шервашидзе с милициею Абхазскаго округа на перевал Доу; дальцы и милиция Абживскаго округа поднялись вверх по рр. Чхалте и Атмкелю и вышли к истокам Бзыби. Вместе с тем кап. 1-го ранга Грече предписано 10-го числа отправиться на корвете «Удав» к неприятельским берегам и, производя крейсерство до Вардане, по 16-е число тревожить жителей Адлера и Сочи, бомбардируя прибрежные селения. Вместе с этим кап. 1-го ранга Грече должен был, взяв на буксире азовские баркасы и сотню стрелков из Гагринскаго гарнизона, показывать вид десанта и этим самым занять джигетов и убыхов, могущих идти на помощь псхувцам.

Таким образом, наступление с 4-х сторон на Псху и действие с моря, вовсе никем не предвиденное и считавшееся, по убеждению всех, невозможным в летнее время, изумило псхувцев и они, спеша укрыть в леса и в неприступные

ущелья семейства свои и имущество, присылают в отряд переговорщиков с убедительной просьбой не вступать с русским отрядом в землю Псху с обещанием выдать аманатов.

Между тем 11-го числа милиция Константина Шервашидзе имела перестрелку с псхувцами.

Чтобы еще решительнее действовать, ген.-м. Корганов счел необходимым усилить свой отряд вызовом Кавказского линейного № 36 батальона из Джигерды и направил его по Аткалю, чтобы иметь разом два пути отступления своего и тем скрыть, при неблагоприятных обстоятельствах, путь действительного отступления отряда. 12-го числа послана была из отряда небольшая колонна за продовольствием в Цебельдинское укр., дабы обеспечить довольствие отряда еще на 11 дней.

Не веря обещаниям, не в первый раз уже ложно даваемым псхувцами, ген.-м. Корганов шел неуклонно в Псху и только 14-го числа, после 7-ми-дневного трудного похода, дал дневку войскам на уроч. Хымса. В этот же день заняли правый берег р. Бзыби Дальская и Абживская милиции. 15-го числа отряд, перебросив быстро мост чрез р. Бзыб, перешел на правый её берег и, вступив в псхувскую землю, к вечеру дошел до уроч. Ахвака. В этот же день Дальская милиция кн. Алмасхита и Мамад-Гирея заняла передовую позицию на горе Гунурхва – надежный ключ к псхувским деревням.

В этот день псхувцы вновь присылали депутатов и просили пощады. Ген.-м. Корганов послал им приказание, чтобы все представители этого общества явились в отряд с безусловной покорностью, в противном же случае грозил сжечь жилища их и уничтожить посевы.

16-го числа войска, продолжая следование по лесистому склону Главного хребта, вышли на безлесную вершину горы Гунурхва, занятую еще накануне милицею и имели там ночлег. Позиция эта составляет главный ключ в общество псху, а потому, с занятием ее, псхувцы лишились одного из самых важнейших пунктов обороны.

В продолжение дня и вечера этого числа были получаемы сведения о возможности кончить дело без оружия, так как майор кн. Шервашидзе, имеющей влияние на это общество, донес ген.-м. Корганову, что 17-го числа он приведет в отряд псхувских представителей и аманатов.

Между тем в то же время от лазутчиков получено было сведение, что псхувцы, ожидая подкреплений от джигетов и убыхов, распускают слухи о добровольном принесении покорности с целью выиграть только время, а потому ген.-м. Корганов 17-го числа с рассветом двинул войска вперед к высотам Агрибзи в боевом порядке с тем, чтобы, если к 7-ми часам псхувцы не явятся с покорностью, то спуститься на долину р. Грибзи и идти во чтобы то ни стало для разорения их жилищ и уничтожения посевов.

Общество Псху, примыкающее к подножию Главного Кавказского хребта, огражденное со всех сторон грядами гор, вершины коих достигают пределов снеговой линии, причем подошвы хребтов и долины рек, составляющих бассейн р. Бзыби, покрыты девственными, еще нетронутыми лесами, считалось

совершенно недоступным для русского отряда. Убеждение это вкоренилось не только между псхувцами, но даже между всеми племенами, населяющими юго-западный склон Кавказа, тем более, что до настоящего времени в котловину р. Бзыби никогда не проникало русское оружие, так что войска наши, три раза предпринимавшие поход в Псху, не могли достигать при всех невероятных усилиях и энергическом содействии местного покорного нам населения даже до перевалов хребта, отделяющего общество Псху от Абхазии. А потому весьма понятно, что убеждение это сильно поколебалось с первою вестью, что русский отряд, прорыв себе 18-го числа дорогу по правому берегу р. Келасура, вдоль по утесистому отрогу Ашхерхо, достиг до вершины Алибеки-дзыхи. Тогда все население псхувцев пришло в совершенное смятение. Всякий старался укрыть свое семейство и стада в неприступные вертепы Псхувской котловины. Жители бросали свои дома, вывозили имущество и вместе с тем должны были принимать меры к обороне доступа в Псху, так как отряды обходили их с тылу. Теряя с каждым днем все более и более надежду на переговоры, при виде неуклонного движения отряда, псхувцы бросили свои семейства и стада, деятельно занимаясь укреплением позиции Агрибзи.

17-го числа в 5 часов утра получено сведение, что партия джигетов и убыхов пришла на помощь и что псхувцы уже неохотно желают покориться. Обстоятельство это побудило ген.-м. Корганова, ни мало не медля, идти и атаковать неприятеля.

Дорога, по которой предстояло двигаться отряду, сначала спускается по крутым уступам высот Гуамт-Хва и тянется вдоль левого берега р. Грибзи, пересекая ущелье, переходит на правый отвесистый и скалистый берег ее и потом выходит в долину Грибзи. Высоты эти покрыты густым лесом и кустарником, а правый берег реки местами пересечен несколькими обрывистыми и непроходимыми оврагами. С высоты этого берега совершенно открыта вся дорога, спускающаяся в теснину р. Грибзи.

Горцы весьма искусно воспользовались этою местностью и, вполне сознавая ее важность и рассчитывая на ее оборону, устроили целую систему завалов на обоих спусках теснины Грибви. Три завала были расположены по гребню и отлогостям, огибающим дорогу с левой стороны, а четыре завала – по высотам, упирающимся в правый берег реки. Главнейший из них пересекал дорогу в том месте, где она переходит с левого на правый берег. Завал этот был устроен из двух рядов бревен, забранных камнями, которые горцы хотели бросать в войска, могущие штурмовать завал с фронта.

В 6 ½ час. утра вверенный ген.-м. Корганову отряд выступил с места ночлега в следующем порядке: авангард, под командою полк. Кузьминскаго, в составе 4-х стрелковых рот Кавказских линейных №№ 23, 26, 34 и 35 батал., одной линейной роты № 33 батал., команды сапер и 2-х ракетных станков; в авангарде сосредоточены были главные силы отряда, так как войскам этим предстояло выбить неприятеля из завалов и крепких позиций и тем открыть остальным войскам путь в долину Грибзи; средняя колонна, под командою майора Павлова, из 3-х линейных рот №№ 33 и 37 батальонов, 2-х горных

орудий и выюков отряда; войска эти должны были прикрывать артиллерии и выюки; затем следовал арьергард, в составе 2-х стрелковых рот 36 и 37 батальонов, порученный майору Стражецу; 3 сотни Абхазской милиции, под командою гвардии полк. кн. Шервашидзе, должны были обойти неприятельскую позицию с левой стороны, другие же три сотни Дальской милиции направлены для обхода ее с правой стороны.

В 7 час. утра все войска двинулись в полном боевом порядке на высоты Агрибзи и, как только начали спускаться, неприятель открыл огонь с левых высот. Полк. Кузьминский, зная, что от первого решительного удара зависит весь успех дела, лично повел 2 ½ роты на приступ и блистательно атаковал три неприятельских завала, расположенные на этих высотах. Все они в течение не более 10 минут были взяты приступом. Подпор. Григорьев первым вскочил на один из завалов и быть ранен в обе ноги.

Атака эта была так стремительна, что неприятель успел сделать один только залп и обратился в бегство. Штурм левого берега увенчался полным успехом.

Сбитый с высот левого берега и обойденный нашими войсками неприятель бросился на высоты правого берега. Здесь сосредоточены были все силы псхувцев, ахчипсхувцев и других враждебных нам племен, пришедших на помощь с твердым намерением и убеждением не пропустить русский отряд в долину Грибзи. Позиция, ими занятая по отрогу правого гребня, от природы составляла неодолимую преграду. Система же завалов, тут устроенных, еще более убеждала их в мнении о возможности остановить отряд. К 9-ти часам передовые войска и начали спускаться в ущелье р. Грибзи, имея боковые цепи стрелков, искусно прикрывавшие движение войск и метким огнем причинявшие вред неприятелю. Достигнув до места, где дорога, как сказано выше, переходит на правый берег, войска были остановлены убийственным огнем с завалов. Полк. Кузьминский, доставив батарею и устроив стрелков, дал сильный отпор горцам. Картечные выстрелы причиняли им большой вред. Штурм с фронта стоил бы нам больших потерь, а потому приказано было майору Армашевскому с 34-ю и 35-ю стрелковыми ротами спуститься по лесистому левому отрогу в долину Агрибзи и, оставив там ранцы и шинели, обойти неприятельские завалы на правом берегу и во что бы то ни стало взять их штурмом.

На подкрепление ему направлена была еще 23-я стрелковая рота, пробежавшая по руслу реки под огнем с неприятельских завалов.

В 12 часов майор Армашевский стал подниматься в обход и подходить к неприятельским завалам. Горцы предвидели, что решительная атака отнимет у них эту последнюю надежду обороны, и потому, открыв сильный ружейный огонь по подходящим снизу войскам, решились на отчаянный бой. Как только майор Армашевский стал подходить к главному завалу, то артиллерия и стрелки открыли сильную канонаду по неприятелю и тем, развлекая его внимание, дали возможность войскам майора Армашевского подойти без потери. Ровно в час майор Армашевский бросился на штурм завалов; град пуль

и туча камней, бросаемых неприятелем, не остановили отважных и когда майор Армашевский, обнаживши шашку, первый бросился на завал, то полк. Кузьминский с противоположного левого берега направил 26-ю стрелковую роту для одновременного штурма; майор Армашевский в виду целого отряда первый вскочил на завал и собственноручно изрубил одного из его защитников. Здесь завязался отчаянный рукопашный бой. Вся окрестность огласилась криком «ура»; скопище из обществ Псху, Ахчипсху, Аибга, Джигетов и Убыхов обращено в бегство. Командиры стрелковых рот, пор. Балышев и Нейман, подпор. кн. Нижерадзе и Маяцкий, шли во главе своих рот, показывая пример мужества. Таким образом, открыв путь для дальнейшего следования отряда, авангард вышел на долину Грибзи, занятую еще прежде спустившимися с обоих флангов милициями полк. кн. Шервашидзе. Отважнейшие из горцев, перейдя вновь на левый берег р. Грибзи, бросились на арьергард. Майор Стражец с свойственною ему храбростью и распорядительностью отбивал все их натиски. Тогда неприятель обратил все свои действия на обоз отряда, следовавший по узкой тропе ущелья. Обстоятельство это побудило ген.-м. Корганова подкрепить арьергард еще одною ротаю, так как авангард и средняя колонна вышли уже на долину. Роту эту он отправил в арьергард под командою подпор. Измайлова, который с особенным искусством и распорядительностью вывел на долину все вьюки и всех раненых.

К 3-м часам пополудни все войска вышли на долину Грибзи и расположились бивуаками.

Неприятель, разбитый и отброшенный на всех пунктах, в бегстве искал своего спасения. Поражение, нанесенное псхувцам 17-го числа на высотах и по долине Агрибзи, убедило их в том, что ни естественные преграды, ни вооруженное их сопротивление отряду не помогут и русские войска всегда могут проникнуть в глубину их земли.

Пять завалов, взятых штурмом, и 60 неприятельских трупов, оставленных на месте, служат лучшим доказательством поражения, понесенного псхувцами. В числе убитых собственно псхувцы потеряли 5 человек князей и старшин своих – потеря до сего у них небывалая.

Вечером 17-го числа ген.-м. Корганов сделал все распоряжения к атаке на другой день последнего оплота земли псхувской – позиции Цибашха. Войска были проникнуты духом истинной отваги и самоотвержения.

Между тем в ночь на 18-е число псхувцы прислали к полк. кн. Шервашидзе посланного с просьбою о пощаде, о великодушном снисхождении к их вероломным поступкам и о дозволении кн. Бата Маршани явиться в отряд. Ген.-м. Корганов дозволил это, и в полночь кн. Бата Маршани явился к нему просить милостивого снисхождения Государя и Его наместника. Дорого цена кровь каждого солдата и желая на этот раз показать великодушие нашего правительства, ген.-м. Корганов объявил ему последнее прощение, приказав на другой день с рассветом явиться всем псхувцам с покорностью для исполнения всех его приказаний. Дав слово исполнить это, кн. Бата Маршани отправился обратно для народного совещания.

18-го числа, в 5 час. утра, отряд был построен в боевой порядок для немедленного занятия убежища псхувцев, позиции Цибашха, на случай, если бы данные ими обещания принести покорность не были исполнены.

Действительно, к назначенному времени кн. Бата прислал сказать, что он идет со всеми князьями и старшинами. В 7 час. в виду отряда показалось до 100 чел. псхувских представителей, которые вызвали к себе полк. кн. Шервашидзе и всех князей Маршаниевых, в отряде находившихся.

Между тем прибывшие накануне от убыхов и джигетов новые подкрепления послужили поводом для потерявших в бою 17-го числа своих родственников не согласиться с мнением большинства о необходимости принесения покорности.

Бата был непреклонен в данном обещании; доказательством тому послужила перестрелка, происшедшая в виду отряда между его единомышленниками и скопищем недовольных пришельцев. Обстоятельства эти продлили время переговоров и только в 12 час. дня представители общества Псху явились торжественно перед нашим отрядом. Прося пощады и помилования, они приняли присягу на верность службы Государю Императору с выдачею аманатов по назначению ген.-м. Корганова.

Вслед за тем псхувские представители выставили милицию, и отряд, пощадив жилища и посеы псхувцев, предпринял обратное движение.

Новая эта милиция на пути следования отряда до границ Абхазии составляла его авангард, арьергард и боковые цепи. Продолжая свое обратное следование, отряд благополучно возвратился в лагерь на Шукуране 23-го августа. Кроме безотлагательной необходимости силою оружия решить вопрос о покорности этого общества, поход этот должен был по неожиданности своей произвести самое поразительное впечатление на умы возбужденного против нас враждебного населения. Небывалое доньше движение в глубину гор войск русских с этой стороны должно было, кроме того, послужить самым резким и очевидным доказательством нелепости распространенного в последнее время по поводу слухов о войне с Турциею убеждения о предстоящем в нынешнем году отступлении войск наших из Абхазии.

Подобный поход и поражение, нанесенное скопищам горцев 17-го августа, не могли и с нашей стороны не искупиться потерями. Она состоит из убитых обер-офицер 1 (прап. милиции), нижних чинов 13 и милиционеров 2; раненых обер-офицеров 3 (военный инженер пор. Пронченко, подпор. Григорьев и батальонный лекарь Деревянченко), нижних чинов 44 и милиционеров 5.

Неприятель понес большую потерю, как об этом можно судить по числу 60 тел, оставленных на месте боя.

Одновременно с действиями с сухого пути начальник Сухумской морской станции, кап. 1-го ранга Грече, по приказанию ген.-м. Корганова, предпринял поиск к берегам джигетским и убыхским и в течение 6-ти дней, разоряя прибрежные аулы около Сочи и Адлера, причинил им такое разрушение, что все подвластные кн. Аридбаевых, бросив свои вековые жилища, переселились с

семействами и имуществом в глубину гор – обстоятельство весьма немаловажное для будущих наших действий.

Семнадцатидневный поход в Псху, неизмеримые труды, понесенные всеми войсками, и удар, нанесенный враждебным нам племенам 17-го августа на высотах Агрибзи, налагают на меня священную обязанность свидетельствовать пред в. с. о заслугах всех чинов Цебельдинского отряда; по выражению ген.-м. Корганова, только именной список войск, отряд составляющих, может быть списком отличившихся в экспедиции в Псху. Но некоторые из отдельных начальников и офицеров имели случай более других выказать свои военные дарования и особенное усердие; начальник штаба управления моего, полк. Кузьминский, был во все время похода самым деятельнейшим и усерднейшим его помощником и, постоянно предводительствуя передовыми войсками, в деле 17-го числа высказал свои отличные дарования и мужество; инж.-подполк. Гагемейстер, руководивши всеми труднейшими работами, постоянно изыскивал средства к быстрому и удобному проложению дорог, а 17-го числа, разрабатывая в продолжении 7-ми-часоваго боя под выстрелами неприятельскими дорогу, устроил под выстрелами же батарею для артиллерии, выказав свое хладнокровное мужество; майор Армашевский, обойдя без дорог неприятельские завалы, торжественно и пред лицом целого отряда взял штурмом этот главный оплот горцев. Майор Стражец, искусно распорядясь в арьегарде, отбил все нападения горцев. Кроме них, заслуживают особенного внимания примерным исполнением своего долга и мужеством. кап. 1-го ранга Грече, полк. кн. Шервашидзе, майор Павлов, кап.-л. Гавришев, кап. Крит, военный инж.-пор. Пронченко, получивший тяжелую рану в голову, инж.-порки Степанов, Балышев, Нейман, Браславич, Бутмеде, Кацман, Романов и Корганов, подпорки адъютанты начальника войск в Абхазии Измайлов и кн. Дадияни, кн. Нижерадзе, Григорьев (ранен в обе ноги), Чеснович, Маяцкий и Ануш; корнет Тер-Арутинов и прапорки Всеволожский, Бернер, Миллер и Болквадзе; отрядный медик н. с. Сакович и батальонный лекарь Деревянченко (сей последний, несмотря на свою тяжелую рану в ногу) перевязывали под сильным неприятельским огнем раненых. Правитель Гражданской канцелярии тит. с. Леванда, вызвавшись участвовать в походе, постоянно находился при нем и с особенным благоразумием и усердием исполнял многие поручения как на походе, так и во время боя.

Подробный журнал о действиях Цебельдинского отряда, а равно ведомость расходов, произведенным для совершения экспедиции, я буду иметь честь почтительнейше представить в. с. по получении от начальника войск в Абхазии.

(Арх. Шт. Кавк. Воен. Окр. Секретное дело Гл. Шт. Кавк. Арм., 2-го Отд. Ген. шт., по описи 1860 года № 4, стр. 169)

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 861-866. Документ 739.

77. Отношение ген.-фельдм. кн. Барятинского к военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, от 2-го – 3-го сентября 1860 года, № 1429. – Секретно.

В рапорте от 20-го прошлого августа за № 20 ген.-адъют. кн. Орбелиани имел честь донести, между прочим, в. выс.-пр., что неповиновение псхувцев относительно выдачи нам аманатов и доставления ими притона кн. Кизильбеку Маршани поставит нас, быть может, в необходимость употребить против них силу оружия и что для этой цели ген.-м. Корганов собрал отряд.

Побуждаемые неблагонамеренными людьми, псхувцы оставались упорными в своем неповиновении, а потому ген.-м. Корганов вынужден был силою оружия привести их к покорности.

Полученное ныне мною донесение Кутаисского ген.-губернатора от 29-го минувшего августа № 13 о действиях названного отряда в земле псхувцев вследствие коих названное племя приняло присягу на верноподданство Государю Императору и выдало аманатов, имею честь препроводить при сем к в. выс.-пр. для всеподданейшего доклада Его Императорскому Величеству.

(Арх. Шт. Кавк. Воен. Окр. Секретное дело Гл. Шт. Кавк. Арм., по Ген. Шт. 2-го Отд., по описи 1860 г. № 4, стр. 186)

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 866. Документ 740.

78. Отношение командующего, за отсутствием ген.-фельдм. кн. Барятинского Кавказскою Армиею, ген.-адъют кн. Орбелиани, к управляющему Военным министерством, ген.-адъют. Милютину, от 16-го июля 1861 года, № 35.

По составленному на нынешний год предположению главная часть войск, расположенных в Кутаисском ген.-губернаторстве, должна была в течение летних месяцев произвести движение от Сухум-Кале в общество Псху для того, чтобы окончательно утвердиться там, осмотреть подробные пути, ведущие из этого общества на северную сторону Кавказского хребта и, буде окажется возможным, разработать дорогу в Ахчипсу, откуда уже открываются доступы к джигетам. Удобоисполнимость этого предположения зависела весьма много от степени содействия нашим предприятиям со стороны жителей горной Абхазии и от того, сохраняют ли псхувцы те обязательства, которые заключили с нами в прошлом году. На оба этих обстоятельства мы могли надеяться, но положительно рассчитывать на них было опасно. Поэтому ген.-м. Колюбакину и было даже предложено, по мере движения вперед действующего отряда, разрабатывать в горах такую дорогу, которая могла бы служить вполне безопасным для него сообщением. Замедление в действиях, которое через это могло произойти, вознаграждалось безопасностью наших войск и, сверх того,

разработанная таким образом дорога давала бы нам возможность в настоящее время держать псхувцев в более надежном повиновении, а впоследствии она послужила бы началом того военного пути, который признано необходимым проложить через горы для сообщения Абхазии с Кубанскою областью

Вследствие этого ген.-м. Коллюбакин, собрав в Сухуме отряд из 27-ми рот пехоты с 2-мя сотнями Гурийской милиции и 4-мя орудиями (всего около 4-х т. под ружьем), во второй половине июня двинулся с ним по хребту Агриху к перевалу Доу. Местность, по которой отряд начал движение, состояла из непрерывных скал, поросших вековым лесом, по которому проложена едва заметная тропа. Кроме недостатка в подножном корме, войска на этом пути терпели недостаток в воде, потому что омывающая подножие хребта р. Ахипс течет почти в недоступной пропасти. Несмотря на все эти затруднения, разработка дроги в первые дни шла успешно. Но это самое и возбудило опасение как в жителях псху, так и в соседних с ними племенах. Псхувцы поняли, что с проложением прямого и удобного сообщения в трущобы, ими занимаемые, им уже нельзя будет оставаться в таких же двусмысленных к нам отношениях, в каких они находились до сих пор. Возбуждаемые при том соседями своими убыхами и джигетами и рассчитывали даже на содействие самих абхазцев, псхувцы собрались в числе до 1000 чел. и в последних числах июня перевалили на южную сторону хребта Доу; а след за тем, подкрепленные значительными партиями убыхов, окружили со всех сторон отряд ген.-м. Коллюбакина, который состоял у Лекурдия-Цинта (верстах в 20-ти – 25-ти от Сухума) на хребте Агрих.

Первые враждебные действия горцев против нашего отряда начались 30-го июня. В этот день она напали на войска, прикрывавшие рекогносцировку, которую производил начальник отряда впереди лагеря. Затем начались ежедневные тревоги и нападения на прикрытия рабочих. Особенно упорно было нападение 4-го июля; ген.-м. Коллюбакин вынужден был даже временно прекратить работы, чтобы поддержать прикрытие. Как ни велики были затруднения, но, благодаря стойкости войск, начальник отряда не терял надежды достигнуть цели, пока население Абхазии оставалось спокойным. Когда же начало обнаруживаться заметное волнение в окрестных абхазских деревнях, то ген.-м. Коллюбакин пришел к убеждению, что дальнейшее наступление повлекло бы только бесполезные траты и даже могло бы подвергнуть войска серьезной опасности, а потому 7-го июля он снял отряд с позиции и отвел его к Сухуму. Потеря отряда во все время описанных действий состояла в одном смертельно раненном офицере, в 14-ти убитых и 70-ти раненых нижних чинах – милиционерах.

Сделанные ген.-м. Коллюбакиным распоряжения я утвердил, потому что возобновление движения отряда вперед в настоящую минуту, когда остается не более 2-х месяцев удобного для действия в горах времени, и вопреки убеждению самого начальника отряда, не может обещать успеха. Поэтому я предписал ген.-м. Коллюбакину употребить все собранные им войска на работы по устройству дорог, в которых край этот так нуждается, особенное же

внимание обратить на окончание дороги из Сухума в Кутаис, до сих пор еще не допускающей колесного сообщения.

Вообще из сведений, полученных из Абхазии о свойстве местности, отделяющей этот край от земли джигетов и убыхов, и о состоянии населения самой Абхазии, оказывается, что решительные наступательные действия с этой стороны в землю убыхов будут возможны не иначе, как по совершенном преобразовании управления в самой Абхазии; ибо в настоящее время войска наши не могут рассчитывать на безопасность своих сообщений.

(Арх. Шт. Кавк. Воен. Окр. Дело Главн. Шт. Кавк. Арм., по Ген. Шт. 2-го Отд., по описи 1861 г. № 2)

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 921-922. Документ 794.

79. Отзыв командующего, за отсутствием ген.-фельдм. кн. Барятинского, Кавказскою Аремиею, ген-адъют. кн. Орбелиани, военному министру, ген.-адъют. Милютину, от 14-го августа 1862 года, № 47.

Будучи вынужден обстоятельствами отказаться в нынешнее лето от наступательных действий против горцев со стороны Абхазии, я предположил произвести подробный осмотр местности в направлении от Сухума через общество Псху к Главному Кавказскому хребту с целью окончательно убедиться в возможности и степени удобства проложения прямого сообщения Сухума с Лабинскою линиею. Владелец Абхазии вызвался содействовать и руководить этим предприятием и просил меня составить комиссию из опытных офицеров, инженерных и Генерального штаба, а также назначить в нее и исключенного по суду из службы кап. Савецкого как человека близко знакомого с краем по давнему пребыванию в Абхазии, лично ему известного.

Вследствие сего, по распоряжению моему, составлена была комиссия под начальством Генерального штаба кап. Бараховича (офицера замечательного по своей храбрости, распорядительности и уже с прошлого года бывшего в обществе Псху), инженера путей сообщения пор. Степанова, 1-го Кавказского саперного батальона, кап. Чespoкова, числящегося при Корпусе топографов прап. Лихачова и упомянутого выше отставного кап. Сандецкого. Офицера сии, явившись в конце июня месяца к владельцу Абхазии, получили от него наставления и конвой, начальником которого назначен майор Гасан Моргани.

Отправившись из Сухума по той дороге, по которой в прошедшем году двигался отряд ген. Коллюбакина, комиссия перешла через подвал Доу и спустилась в верховья р. Бзыби, в общество Псху. Это было 9-го июля, в то самое время, когда 3 т. ахчипсхуццев, отбитые от станицы Псеменской, возвращались через Псху из Кубанской области, неся с собою до 200 убитых и раненых; офицеры, составлявшие комиссию, подвергались при этом явной опасности от ожесточенных неудачею горцев и спасением своим обязаны

ловкости и деятельности майора Гасана Моргани, по совету которого в течение нескольких дней они скрывались в горных трущобах, вдали от селений. Идти из Псху на перевал Ахбырц, чтобы спуститься потом в Тамовское ущелье, оказалось решительно невозможным, ибо все места в этом направлении были заняты партиями ахчипсхувцев; поэтому, достигнув подошвы Главного хребта, комиссия повернула к востоку на Цегеркерский перевал и вышла в долину Кяфара, к станции Сторожевой.

Осмотр местности, произведенный теперь комиссией, дополняет сделанное в прошедшем году обозрение кап. Бараховича и заставляет убедиться, что проведение колесной дороги из Сухума через перевал Доу в общество Псху ни для сообщения с Северным Кавказом, ни для действия против ахчипсхувцев и убыхов не представляется в настоящее время возможным. Для первой цели, т.е. для сообщения Сухума с Северным Кавказом, гораздо будет удобнее проложить дорогу через Цебельду на Марухский перевал, который свободен от снега в течение 4-х-5-ти месяцев, тогда как и Цегерский перевал, и перевал Ахбырц очищают от снега только на 2 ½ месяца и при том же подвержены снеговым завалам, следы которых повсюду видели осматривавшие местность офицеры.

Для действий против ахчипсхувцев и убыхов я считаю гораздо удобнее избрать направление от одного из приморских пунктов, если окажется возможным, или же с северной стороны Кавказа.

Источник: АКАК. В 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 1008-1009. Документ 888.

80. Из рапорта воинского начальника укрепления Гагры Берты де Лагарда Кутаисскому генерал-губернатору Д.И. Святополк-Мирскому о намерении старшин гагринского поселения эмигрировать в Турцию и об их имуществе 4 августа 1866 г.

27-го числа прошлого июля месяца старшины Гагринского поселения, известив о случившемся 25-го июля в Гудаутах и восстании абхазцев, поклялись мне, что скорее положат свои головы в реке Бзыбь, нежели пропустят через нее хоть одного абхазца к своему поселению, следовательно и к укр. Гагры. Сего дня те же старшины заявили мне свое желание переселиться в Турцию со всем своим имуществом на кочермах и переезд свой намерены делать через месяц или полтора, смотря по тому, как успеют собрать свои незрелые посевы кукурузы. Жена же поручика князя Эдербя Цамбаева, находящегося при кутаисском конно-иррегулярном полку, объявила, что она без мужа своего не может ничего сказать мне по этому предмету. Последнее заявление гагринских поселенцев меня крайне удивило, и я нашел нужным узнать причину, вызвавшую такое их намерение, но они отвечали мне, что они это задумали давно и даже объявили о том полковнику Коньяру и что цель их

переселения собственно та, чтобы жить в Турции со своими родными, но я узнал..., что к переселению их в Турцию побудило объявление окружного начальника, что у них отберут всех крестьян и рабов, а через это распоряжение они лишатся рабочих рук, а с этим и средств к своему существованию, в Турции же, хотя и плохо им будет, но все-таки у них останутся их крестьяне и рабы, которые трудами рук своих будут доставлять им пропитание. Со стороны каждого из четырех старшин были у меня 12-ть человек из крестьян, которые также заявили свое желание переселиться в Турцию со своими господами.

Сведения

о численности Гагринского поселения, имеющемся у них движимом имуществе

Имена и фамилии старшин	Число их крестьян		Живого скота с приплодом сего года всех годов				
	Мужского пола	Женского пола	Быков и коров	Лошадей	Буйволов	Баранов	Коз
Князь Якуб Цамбаев	112	108	60	16	15	640	1040
Сесенгазе Анчабадзе	111	72	62	16	2	660	80
Ислям Цамбаев	55	49	20	7	5	100	350
Поручик князь Эдирбей Цамбаев	52	47	12	11	7	370	230
Дворянин Гусейн Абиш	6	4	Скот свой уже продал				
Всего	336	280	154	50	29	1770	1760

Примечание: число крестьян и имущества сего офицера внесено в график единственно для видимости, ибо за отсутствием его в полке мне неизвестно о намерении его к переселению в Турцию.

ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 191, лл. 7-8. Копия.

Источник: Материалы по истории Абхазии XIX века (1863–1874). Сборник документальных материалов. Т. 3. Сухум, 2012. С. 196-198. Документ 59.

81. Рапорт начальника Сухумского военного отдела М. Толстого кутаисскому генерал-губернатору Д.И. Святополк-Мирскому о переселении в Турцию псхувцев и джигетов.

Сухум-Кале, 10 апреля 1867 г.

6 числа этого месяца из с. Псырцха (Пицундского округа) отправились в Турцию переселенцев 19 семейств в числе 218 душ мужского и женского пола. Переселенцы эти преимущественно из племени псхувцев и джигетов отправились на трех кочермах, ими нанятых в Батуме, так как до получения предписания е. и. выс. от 3 апреля, в котором указаны пункты анатолийского берега для высадки удаляющихся из наших пределов, еще не было получено в Сухуме. Донеся об этом в. с., присовокуплю, что вместе с этим мною сообщено нашему вице-консулу в Батуме, чтобы он, в случае каких-либо препятствий со стороны местных властей к допущению высадки в том пункте, принял меры к направлению указанных кочерм в Трапезунт или какой-либо другой из указанных турецких портов.

ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 191, лл. 115-115 об. Подлинник.

Источник: Материалы по истории Абхазии XIX века (1863–1874). Сборник документальных материалов. Т. 3. Сухум, 2012. С. 367-368. Документ 101.

82. 1868 г. Докладная записка «Об имениях Георгия Шервашидзе, составленная его управляющим А. Пахомовым в 1868 году».

(название переведено с грузинского)

I

В конце семисотых годов¹⁸ владетель Абхазии Кялым-Ахмет-бей¹⁹ ... развелся с своей первой женой, урожденной княжной Дзапш-ипа (от которой имел только одного сына Аслан-бея) и женился на простой ахамалке (взятой в плен джигетке простого звания, от которой родился второй сын Кялым-бея – Сафар-бей, в крещении Георгий). Случай этот подал впоследствии (около 1804-го года) повод к смутам. Князья Дзапш-ипа считали себя кровно оскорбленными, замыслили об убийстве Кялым-бея и составили против него заговор, в котором участвовал также и старший сын владетеля Аслан-бей, сын княжны Дзапш-ипа. Преданные люди, однако, во время предупредили владетеля, и он успел приготовиться. Трое князей Дзапш-ипа явились с небольшой свитой (в которой, между прочим, находился дзапш-иповский

¹⁸ Имеются в виду 1700-е гг.

¹⁹ Келешбей Манучарович Шарвашидзе был владетелем Абхазии с 80-х годов XVIII века до 1808 года. 2 мая 1808 года он был убит.

анхае²⁰ Мадж Цхчи, дед теперь живущего в сел. Яштуха – Шинагмы, как он себя называет, Гасана Цхчи) с намерением убить Кялым-бея, но все трое были убиты (из них один, который первый бросился на Кялым-бея, был убит вторым сыном последнего Сафар-беем). Остальные князья Дзапш-ипа, опасаясь мщения владетеля, бежали из своего имения Эшера в Гумм. За ними в погоню был послан Аслан-бей с жившими в Сухуме лазами и одного из бежавших успел убить; другие же бежали сначала в Псху, а потом в Цебельду и вели жизнь абреков до конца жизни Кялым-бея. Имение их, заключавшееся в пределах между реками Шицкуара и Адзапш (Гнилушка), Кялым-бей взял по обычаю себе, так как князья Дзапш-ипа, сделавшись абреками, лишились всякого права на свое имение. Хотя Кялым-бей и не показал виду своему старшему сыну Аслан-бею, что он знал об участии его в заговоре, тем более что Аслан-бей наружно и оправдал себя преследованием и убийством одного из князей Дзапш-ипа в Гуме; но все-таки он не мог уже ему доверять и даже, как говорят, окончательно его возненавидел и решился сделать своим преемником не его, а второго своего сына – Сафар-бея, мать которого джигетка²¹ умерла еще ввремя его малолетства. Так по крайней мере объясняют причину лишения Аслан-бея наследства. Мне, впрочем, кажется, что заговор Дзапш-иповых не был причиной, а скорей следствием такого решения владетеля. В самом деле, странно, что князья Дзапш-ипа не мстили за оскорбление своей родственницы тотчас же по удалении ее из дому владетеля, а отложили свое мщение на 25 слишком лет (судя по тому, что в то время уже от четвертой жены у Кялым-бея, княжны Маршани, были взрослые дети и, кроме того, у Сафар-бея тоже были дети (дочь Инджаханум и сын Омар-бей, в крещении Димитрий, впоследствии владетель). Более вероятнее можно объяснить это обстоятельство тем, что по мере вырастания своих детей Кялым-бей все более и более привязывался к Сафар-бею и постоянно оказывал ему предпочтение пред другими. Очень может быть, что еще до заговора князей Дзапш-ипа владетель уже решил, что Аслан-бей не будет владетелем и это самое решение, быть может, побудило Аслан-бея уговорить своих дядей Дзапш-ипа помочь ему убить отца с тем, чтобы сделаться владетелем. Как бы то ни было, а результатом неудавшегося заговора было то, что Кялым-бей утвердился в своем намерении сделать Сафар-бея своим преемником. Справедливо предвидя, что после его смерти непременно последуют смуты, он решился признать Сафар-бея владетелем еще при своей жизни и вместе с тем раздать уделы и остальным своим детям. В то время, т.е. около 1804 года, у Кялым-бея было четверо взрослых сыновей: Аслан-бей – от княжны Дзапш-ипа; Сафар-бей от пленницы джигетки; Махмет-бей и Гасан-бей – от цебельдинской княжны Маршани Кац-ипа. Кроме того, от той же княжны Маршани были малолетние сыновья Теир-бей, Ростом-бей и Батал-бей. Аслан-бей был совершенно лишен наследства, и

²⁰ Категория крестьян «анхае» в феодальной Абхазии; ее большая часть не была формально крепостной.

²¹ Мать Сефер-бея (Георгия) Шервашидзе была дочерью абхазского крестьянина Леибы из села Мегудзырхва (ныне Гудаутский район).

оставалось поделить Абхазию между остальными сыновьями. Нужно при этом заметить, что назначение Сафар-бея владельцем могло встретить сопротивление со стороны не одного Аслан-бея. По абхазскому обычаю Сафар-бей, как рожденный от простой рабы, хотя и не считался совершенно незаконнорожденным, но не мог по правам своим равняться с остальными Шервашидзе, и право на владительство, по понятиям народа, должно было после Аслан-бея перейти на детей княжны Маршани. Махмет-бей был человек больной и слабый, не способный к борьбе и потому Кялым-бею собственно его опасаться было нечего, но за ним стоял Гасан-бей, человек очень умный и храбрый, который к тому же мог воспользоваться помощью своей матери, об уме которой и о влияниях ее как в Абхазии, так и в Цебельде теперь еще много рассказывают. Нужно было, стало быть, как-нибудь заставить Гасан-бея добровольно отказаться от права на владительство. С этой целью Кялым-бей сделал с Гасан-беем условие, конечно словесное, по которому Гасан-бей отказывался за себя и за своих родных братьев от владительства в пользу Сафар-бея, и за это получил в удел весь Абхазский округ, между реками Кодором и Шицкура, Махмет-бею отдали Самурзакань (где он, впрочем, прожил не более года и умер в тот год, когда в первый раз русские войска шли в Абхазию для выручки наследника Мингрельского владения князя Левана Дадияни)²², а все остальное с титулом владельца досталось Сафар-бею. Отдавая таким образом Гасан-бею весь Абхазский (впоследствии Сухумский) округ, Кялым-бей предоставил ему в этих пределах все права, какими владелец пользовался в остальной части Абхазии, поставив ему в условие чтобы, во-первых, он был верным союзником (но никак не подданным) владельца и, во-вторых, обеспечил бы остальных своих братьев (Теир-бея, Ростом-бея и Батал-бея), с тем чтобы эти младшие братья во всем подчинялись своему старшему брату Гасан-бею, как настоящему владельцу, и он же, Гасан-бей и его потомки, должны были наследовать во всем после смерти этих младших братьев, если бы они умерли без наследников мужского пола. Гасан-бей, кроме того, взял на свое попечение и Аслан-бея, которого поселил в Мерхяуле. После убийства Кялым-бея сделка эта вошла в полную силу и Гасан-бей владел беспрепятственно своим уделом в течение всей жизни Сафар-бея, и только после смерти последнего начали встречаться по этому предмету несогласия. Когда Сафар-бей (Георгий) принял российское подданство²³ и был утвержден в звании владельца, то он о сделке Кялым-бея с Гасан-беем умолчал, и она осталась правительству неизвестна, сам Гасан-бей не подозревал всей важности разъяснения этого обстоятельства, тем более что Сафар-бей никогда его не беспокоил и не вмешивался в дела его части наследства. Впрочем, очень может быть, что он об этом и заявлял, но кавказское начальство того времени не

²² Во время похода русских войск в Абхазию, насчет которого говорит Пахомов, имел место в 1804 году. В этом году Келеш-бей освободил сына владетельного князя Мингрелии Григория Дадияни – Левана, который был у него в заложниках в своем имении.

²³ Сефер-бей (Георгий) Шервашидзе в 1809 году обратился к императору Александру I с просьбой о принятии Абхазии под покровительство России.

нашло нужным обратить внимание на такое заявление, так как вообще в то время избегали всякого вмешательства во внутренние дела края. После смерти Сафар-бея²⁴ и затем старшего сына владельца Димитрия²⁵ (Омар-бея) последний владелец Михаил (Хамуд-бей)²⁶ оставался шестнадцатилетним мальчиком и за него управляла мать его (Тамара, урожденная княжна Дадиани), женщина очень умная и пользовавшаяся большим значением как в народе, так и у русского правительства. Желая поддержать и усилить значение своего сына князя Михаила, она потребовала от Гасан-бея полного повиновения, заняла принадлежащую ему Сухумскую крепость и вообще начала его стеснять. Гасан-бей, помня свою сделку с Кялым-беем и Сафар-беем, на основании которой он не мог считать себя подвластным своего племянника, имевшего, по его мнению, даже меньше права на владительство, нежели он сам, не хотел покориться и готовился защищаться силой. Так как партия Гасан-бея была очень сильна, потому что большая часть абхазцев была на его стороне из ненависти к Михаилу, который с ранних лет еще успел заявить себя с невыгодной стороны, то владельница просила русское начальство сослать Гасан-бея в Сибирь, что и было исполнено²⁷, потому что начальству не были известны права Гасан-бея и его условие с Кялым-беем. Эта ссылка была первым поводом к захвату некоторых частей его имения и причиною многих споров, возникших впоследствии при его сыне покойном князе Димитрие. Между тем ссылка Гасан-бея произвела сильное волнение между абхазцами. Братья его Батал-бей, Теир-бей и Ростом-бей, потеряв в нем единственную опору и защитника, старались возбуждать народ к возмущению и опирались на поддержку цебельдинцев князей Маршани, с которыми они были в близком родстве по своей матери, и в то время начали серьезно поговаривать о том, чтобы истребить все семейство Сафар-бея. Отчасти из страха, чтобы это и действительно не случилось, а отчасти вследствие совета мингрельского владельца Левана Дадиани, владельница решила просить правительство о возвращении Гасан-бея из ссылки. Причинами заступничества (Левана Дадиани) было: во-первых, опасение, чтобы в случае возмущения абхазцев не была истреблена владельская фамилия и чтобы Абхазия вследствие этого не сделалась русской губернией, чего ему очень не хотелось, а с другой стороны Гасан-бей был ему нужен в Абхазии для того, чтобы мешать усилению абхазского владельца, который мог ему мешать хозяйничать в Самурзакани. Гасан-бей вернулся на родину после восьмилетней ссылки с еще большим значением, чем прежде, и, главное, с большим опытом. Прожив несколько лет между русскими, он понял хорошо и силу, и значение русского правительства и принял за правило (которое передал и сыну) держаться русских как можно

²⁴ Сефер-бей скончался в 1821 году.

²⁵ Димитрий Шервашидзе, сын Сефер-бея, правил в 1821–1822 гг. Скончался в октябре 1822 года.

²⁶ Михаил Шервашидзе (1822–1864), брат Димитрия, последний владелец Абхазии, в 1864 году был сослан в Воронеж, где скончался в 1865 году.

²⁷ Гасан-бей Шервашидзе, сослан в Сибирь в 1821 году, где пребывал семь лет и вернулся в Абхазию в 1827 году.

крепче и впоследствии действительно оказывал много значительных услуг кавказскому начальству, в особенности своим влиянием на цебельдинцев²⁸. По возвращении Гасан-бея, Михаил предложил своему дяде сделаться владетелем Абхазии, но Гасан-бей был слишком умен и осторожен, чтобы не понять этого притворного предложения и потому торжественно, при народе, отказавшись от всяких прав на владительство, требовал только от Михаила, чтобы он возвратил ему и утвердил за ним весь удел, полученный им от отца, которым он владел до своей ссылки, и заключавшийся между реками Кодором и Шицкуара. Владетель согласился потому, что многие современники Кялым-бея были еще живы и готовы были засвидетельствовать справедливость требования Гасан-бея, а в случае нужды и поддержать его права, что было очень важно, потому что владетель в то время не имел еще той силы, какую приобрел впоследствии с помощью русских войск и волей-неволей должен был подчиниться общественному мнению и влиянию людей, пользовавшихся особым значением в народе.

Установившиеся таким образом отношения между дядей и племянником казались по наружности удовлетворительными. В сущности же как Гасан-бей не мог верить искренности примирения и видел во владетеле тайного врага, так и Михаил не мог простить Гасан-бею его значения в глазах народа, которое ставило в многих случаях Гасан-бея выше владетеля. Все это подавало повод к интригам и неприятностям, никогда, впрочем, не доходившим до открытой вражды. Владетель с завистью смотрел на богатства Гасан-бея, а главное – на расположение, которое оказывало последнему местное русское начальство, действовавшее чрез Гасан-бея на Цебельду и, не имея возможности повредить ему явно, решился употребить, для исполнения своих планов, средство тайное, очень употребительное в здешних странах. После одного из своих визитов к владетелю, к которому он ездил советоваться об общем участии, которое они должны были принять в большой экспедиции, предпринимавшейся русскими войсками в Цебельду, Гасан-бей, остановившись на обратном пути в селении Ачадара, был отравлен эшерским крестьянином Хакуцом Шамба. После этого он успел, впрочем, съездить в Цебельду, помочь русским и затем, вернувшись домой в Келассури, умер.

После Гасан-бея остался наследником малолетний сын его Димитрий, который в то время воспитывался в Тифлисе вместе с наследником мингрельского владетеля князем Давидом Дадияни, сестра которого считалась невестой князя Димитрия.

Избавившись в лице Гасан-бея от сильного соперника, владетель воспользовался малолетством и отсутствием князя Димитрия и захватил часть его имения сам, а часть позволил другим захватить. Все люди, преданные Гасан-бею (в особенности князя Дзяпш-ипа, которых он вернул из абречества и поселил в Эшире), подверглись сильному гонению. Сам князь Димитрий не

²⁸ Пахомов особо подчеркивает русофобность Гасан-бея с той целью, что его (Гасан-бея) сын Григорий Шервашидзе поддерживал русское правительство в деле возвращения судимых имений.

решился вернуться на родину, пока, женившись на дочери мингрельского владетеля Левана, не нашел в нем надежную поддержку. Князь Леван Дадиани велел передать владетелю Михаилу, что, если он не возвратит имений его зятю, то он будет жаловаться государю императору. Угроза подействовала, и князь Дмитрий мог вернуться в Абхазию и вступить во владение своим наследством. Дела между тем далеко не успокоились. Владетель, согласившись поневоле выпустить добычу из рук, стал употреблять все меры для уничтожения Дмитрия. Чтобы уронить его в глазах русского начальства, владетель подсылал разных преданных ему людей убивать солдат в окрестностях города Сухума в то время, когда князь Дмитрий там бывал, чтобы таким образом свалить всю вину этих столкновений на князя Дмитрия. С другой стороны, он подучал постоянно абхазцев заводить с ними ссоры и неприятности, обещал поддержку и покровительство тем, кто захватит его имение.

Так, еще во время ссылки Гасан-бея, Али-бей Шервашидзе (отец Григория Шервашидзе) захватил, было, селения Дпуакыт, Бабы-Ира и Цхубын (Цкыбын), но был выгнан оттуда Гасан-беем по его возвращении. После смерти Гасан-бея, во время малолетства и отсутствия князя Дмитрия, Али-бей опять захватил Дпуакыт.

Князь Дмитрий, вернувшись в Абхазию, жаловался на это владетелю, и владетель на эти жалобы отвечал или обещанием, которых не исполнял, или советовал восстановить свое право, по обычаю края, силой. Последнего владетель особенно добивался, чтобы иметь предлог выставить князя Дмитрия в глазах русского начальства нарушителем общественного спокойствия и иметь возможность таким образом выслать его из края как вредного человека. Еще при жизни Гасан-бея некоторые из цебельдинских князей Маршани, родственники его матери, поселились в качестве ассасов²⁹ в некоторых из его имений (Гергзеуле, Амхяле, Акапе и Мерхеуле). Владетель подучал этих князей Маршани восставать против князя Дмитрия и отчасти успел в этом потому, что поселившийся в Гвердзауле князь Омар Маршани действительно объявил себя независимым от Дмитрия. С другими Маршани, однако, это не удалось, потому что они были под влиянием Тлапса Маршани (отца Шерин-бея), у которого прежде Дмитрий воспитывался, и сами считали себя его воспитателями, а Тлапса, во избежание ссор, которые могли бы впоследствии возникнуть, оставил даже селение Багмаран, в котором он жил в качестве ассаса, и возвратился на свое прежнее место жительства в Цебельду, близ бывшего укрепления Марамба. Из всех Маршани, кроме Омара, советов владетеля послушался только один Маршани – Ате-ипа Кизал-бек (отец ныне живущего в Акапе князя Чапиака), который, будучи выходцем из Ахчипсху и не имея никаких близких отношений по родству или по воспитанию с князем Дмитрием и будучи только ассасом в его имении, особенных причин быть ему преданным не имел и постоянно проводил шайки ахчипсхувцев и разных абхазских и псхувских абреков в имения Дмитрия, которые разорял. Ни один

²⁹ «Асасси» – дословно означает – гость. В тексте используется как обозначение человека, который оставил свое первоначальное жилище и нашел приют в другом месте.

раз на дорогах, по которым князь Дмитрий проезжал, бывали подсланы убийцы, которые по нем стреляли.

Все это, однако, не могло князя Дмитрия вывести из терпения, и он ограничивался только жалобами владетелю и местному русскому начальству. В минуты более трудные он уезжал или к шурина своему, князю Давиду Дадиани, или в Тифлис. В одну из таких поездок в Тифлис (1852 или 53 год) он, между прочим, подал первую свою жалобу на владетеля, которая, впрочем, осталась на время без последствий. Вскоре после этого открылась восточная война и русские войска выступили из Абхазии. Князь Дмитрий слишком открыто держал сторону русских, и ему, конечно, было опасно оставаться в Абхазии. Он уехал в Тифлис и, объявив желание вступить в действительную службу, получил назначение командовать кавалерией в отряде, действовавшем в Мингрелии, Гурии и Имерети. После окончания войны, с возвращением русских войск в Сухум, вернулся домой и князь Дмитрий. Споры за имение снова начались и увеличились тем, что владетель завладел селением Гумм, а Григорий Шервашидзе (сын Али-бея) окончательно утвердился в Допуакыте и старался захватить в свои руки и другие имения близлежащие. Это побудило князя Дмитрия ехать в Тифлис, где он подал новую жалобу на владетеля. Следствием этой жалобы было то, что наместник Кавказский князь Барятинский поручил бывшему кутаисскому генерал-губернатору князю Георгию Романовичу Эристову разобрать это дело и, если возможно, примирить спорящих двоюродных братьев. Вследствие этого распоряжения князь Эристов поехал в 1858 году в селение Лыхны (где в то время находился владетель) в сопровождении бывшего начальника войск в Абхазии генерал-майора Лорис-Меликова и некоторых офицеров, служивших в то время в Сухуме (кажется, в числе их был и полковник Завацкий, командующий ныне линейным № 34 батальоном). Туда же были собраны и почетнейшие лица из абхазского народа, которых показания могли быть полезны для разъяснения дела. Покойный владетель, отчасти вследствие советов князя Эристова, которого очень уважал, а отчасти, зная наперед, что дело должно окончиться в пользу князя Дмитрия (так как между свидетелями были и такие лица, как генерал Кацо Маргани, который не боялся владетеля и никогда не решился бы дать ложное показание), не дожидаясь разбора дела народным судом, решился сам предложить мировую, по которой он признал за князем Дмитрием все права его отца Гасан-бея на все имения нижепоименованные, в обозначенных мною границах. К такому миролюбивому исходу дела много послужило, во-первых, то, что владетель убедился наконец в невозможности повредить князю Дмитрию в глазах русского начальства, а во-вторых, владетель считал для себя оскорбительным подвергнуться официально суду своих собственных подвластных. Для упрочения, между прочим, этого мира было условлено, что князь Дмитрий (бывший в то время уже вдовцом) женится на родной сестре владетельницы Абхазии, дочери князя Георгия Дадиани княжне Софии (нынешней супруге генерал-майора князя Константина Дадиани) и возьмет к себе на воспитание младшего сына владетеля – Арзакана (в крещении

Михаила). Я об этом обстоятельстве упоминаю собственно потому, что эти лица, быть может, также знают о мире 1858 года, хотя полагаться совершенно на их показания и нельзя потому, что сын князя Георгия Дадиани, будучи опекуном наследников владельца, в интересах своих питомцев, а также и сам князь Георгий Дадиани, как родной дед тех же наследников владельца, могут дать показания совершенно противные тому, что я говорю. Более точные показания можно получить от лиц, служивших в то время при владельце, и от многих посторонних людей, потому что решение владельца было объявлено народу чрез разных посланцев. Так, например, Гасан Маргани был послан с известием о мире и его последствиях в имения князя Дмитрия и по обычаю края за хорошее известие получил от подвластных князя Дмитрия большие подарки (с одного Келассурского базара он между прочим получил более трехсот рублей деньгами и товарами). Дело было сделано так гласно, что память о нем не могла не сохраниться в народе. Письменные сведения об этом мире, вероятно, имеются в делах в канцелярии бывшего кутаисского генерал-губернаторства и канцелярии наместника Кавказского, так как более чем вероятно, что бывший кутаисский генерал-губернатор князь Эристов доносил наместнику о счастливом окончании возложенного на него поручения. Кроме того, должно существовать о том письменное заявление и самого владельца. Незадолго до примирения с князем Дмитрием владелец дозволил своему секретарю Гиго Ходжашвили и сухумскому купцу Иордану Метаксе (вступившими в товарищество) заготовлять пальму в селении Гумм, главном предмете прежних споров. После примирения с князем Дмитрием владелец написал собственноручно к Гиго, что, так как он Гумм возвратил Дмитрию, то Гиго должен обратиться за дозволением рубить пальму к самому князю Дмитрию. Тут же владелец уведомлял Гиго, что князь Дмитрий, из уважения к просьбе сего владельца соглашается дать это разрешение. Гиго и Иордан Метакса этим разрешением по неизвестным мне причинам не воспользовались, но письмо это было цело до последнего времени и, вероятно, находится между бумагами Гиго Ходжашвили в комиссии. Я полагаю, что об этом письме знают также наследники покойного Иордана Метакси, проживающие в городе Сухуме. Вернувшись после примирения с владельцем домой, князь Дмитрий тотчас же хотел вступить в свои помещичьи права, но не мог сделать всего, что было нужно, потому что не более как чрез месяц после этого примирения умер скоропостижно, не успев таким образом вполне воспользоваться правами, которые он имел и по рождению, и по решению самого владельца на наследованное им от отца имение, и оставил эту заботу малолетнему сыну своему князю Георгию, нынешнему помещику доверенного мне имения.

Еще при жизни своей князь Дмитрий отдал своего единственного сына и наследника князя Георгия на попечение и воспитание супруге бывшего начальника войск в Абхазии (ныне генерал-адъютанта и сенатора) Александре Андреевне Колюбакиной. По смерти гвардии полковника князя Дмитрия Шервашидзе попечительница, выполняя принятые ею на себя обязательства,

сочла долгом просить письмом бывшего наместника Кавказского генерал-фельдмаршала князя Барятинского об учреждении опеки над именными наследника князя Димитрия. Его сиятельство князь Барятинский, с одной стороны, вследствие этого письма, а с другой – представления о том же предмете бывшего начальника войск в Абхазии генерала Лорис-Меликова требовал от владетеля Абхазии учреждения таковой опеки.

На это бывший владетель князь Михаил Шервашидзе отозвался, что он сам на себя принял попечение об опеке. На это имеются сведения в делах департамента Судебных дел и, вероятно, и в делах канцелярии Сухумского военного отдела. Приняв на себя опеку над именными князя Георгия, владетель имел, как кажется, в виду сохранить эти имения в неприкосновенной целости для их помещика. По крайней мере это можно заключить из следующих, хотя, по-видимому, и незначительных обстоятельств, получающих, однако, значение в связи с другими фактами. Так, поручая управление Сухумским округом разным доверенным лицам, он в то же время оставил сборщиком пошлин мингрельца Егора Туркия, который тем же занимался и при жизни князя Димитрия. Этому же Егору Туркия было поручено вести точный и подробный счет всему, что расходовали управляющие округом из дохода округа, а управляющие округом обязаны были давать Егору Туркия квитанции на все произведенные ими расходы для представления впоследствии этих квитанций князю Георгию, по достижении им совершеннолетия.

Что подобное распоряжение со стороны владетеля, как опекуна, не есть вымысел, а действительно существовало, видно из того, что эти квитанции служили постоянною причиной раздоров между Егором Туркия и окружными начальниками, которые доходили до владетеля, а иногда и до местного русского начальства и служили предметом значительной переписки, которую можно найти преимущественно в делах бывшей комендантской канцелярии города Сухума, хотя есть об этом предмете бумаги и в делах бывшей канцелярии начальников войск в Абхазии. Кроме того, владетель не сменил ни одного моурава и до последнего времени оставались те же лица, которые исправляли эту должность и при покойном князе Димитрие. Приняв на себя опеку над именными малолетнего наследника гвардии полковника князя Димитрия Шервашидзе, владетель имел полное право распоряжаться и доходами с этого имения, и действительно эти доходы поступали к нему или по его распоряжению к тем лицам, которым он временно поручал управление округом, принадлежавшим князю Димитрию. Конечно, при этом должна бы была вестись правильная отчетность в расходовании того, что получалось этими лицами: но при прежнем беспорядочном ведении всяких дел в Абхазии и эта часть оставалась в беспорядке. Иногда только, как бы случайно, владетель делал замечания начальникам Сухумского округа, что они слишком много тратят. Так, в один из своих приездов в Сухум владетель сделал строгое замечание князю Григорию Шервашидзе за то, что он уж слишком бесцеременно обращался с получаемыми доходами, и сказал ему при этом, что он, Григорий, должен будет дать отчет князю Георгию, когда он вырастет.

Но все эти выговоры и замечания оставались без последствий и не имели никакого влияния на начальников округа, исключая одного князя Константина Шервашидзе, который, будучи дружен с покойным князем Димитрием, не только не разорял имение его, но, напротив, особенно заботился о сохранении его в целости и по возможности в порядке. Все же другие окружные начальники смотрели на это имение, как на свое собственное, а продолжительное пользование доходами дало даже повод одному из них, князю Григорию Шервашидзе, объявить значительную часть имения (между реками Кодором и Пшапом) своею собственностью. Дурное выполнение владельцем опекунских обязанностей можно приписать, во-первых, общим взглядам абхазцев на опеку, по которому опекун должен сохранять в целости только имение своего питомца (да и это не всегда исполняется), но ни в коем случае не обязан отдавать ему отчета в получаемых доходах, которые имел право тратить, как ему было угодно, лишь бы опекаемый был всегда сыт и одет (что также не всегда соблюдалось). Другой причиной неисправности опеки (и кажется главной) была тяжкая болезнь, которая в последние восемь лет жизни владельца мешала ему заниматься не только чужими, но даже своими делами. Эта болезнь ставила его в необходимость совершенно полагаться на назначаемых им правителей, что давало последним повод к разным злоупотреблениям. Следы этих злоупотреблений и теперь заметны.

Из всех управляющих имением покойного князя Димитрия большим значением пользовались Григорий Шервашидзе и Гасан Маргани. Как тот и другой имели в имении разных подручных, которые помогали им душиить и грабить людей более преданных своему помещику, и таким образом усилилось влияние многих злонамеренных людей (Кягуса Чирикба в Яштуха; Чагыр Вардан – в Абжагве; Мсыр-ипа в Бырце; Кягуса Кучба в Багажяште; Мисауст Циба – в Пшапе; Алхаз Шеламберия в Багажяште; Беслангур Маргани в Гульрипше; Джамлет Маргани на Гумисте; Омар Эриста в Айбухце и в последний год управления Григория Шервашидзе князь Чапиак Ате-ипа Маршани в Акапе, которые, помогая Григорию Шервашидзе, в то же время уверяли народ, что князь Георгий никогда не вернется, а если и вернется, то ни будет иметь никакого значения и что потому народу следует пользоваться их покровительством. Народ, со своей стороны, видя, что приверженцы князя Димитрия страдают, а люди, обещающие им защиту и покровительство, действительно сильны, мало-помалу стали переходить на их сторону, и в течение около десяти лет так привык думать головой своих коноводов, что и в настоящее время эти лица пользуются прежним значением и большим доверием, нежели русское начальство. Я считаю необходимым упоминать об этом, потому что при опросе жителей комиссиею, советы названных выше лиц могут иметь значительное влияние на справедливость показаний. Факт этот особенно важно иметь в имении князя Димитрия и имеет очень маловажное значение в других округах, во-первых, потому, что в других округах не было имений, оставшихся около десяти лет без настоящего хозяина, как это было в описываемом мною имении; во-вторых, потому, что лица высших сословий

(аамиста и тавади) имеют там свою постоянную оседлость с незапамятных времен и будучи самою давностью пользования землею и, по большей части, родовым значением, более или менее ограждены от всяких случайных изменений в своем положении относительно сословно-поземельных прав, не имели надобности прибегать к интригам и насилиям увеличения своих прав и, если подобные факты встречаются теперь, то начало их не идет далее времени удаления из края владетеля. Все тамошние тавады и аамиста увлеклись в последнее время примером Григория Шервашидзе, и недавность такого направления доказывается уже тем, что направление это не успело еще проникнуть в низшие классы народа или, если и успело, то очень мало, так что в большей части случаев из сравнения показаний крестьян с показаниями лиц высших сословий можно добиться правды. Совсем не то мы видим в бывшем Сухумском округе. Все фамилии высших сословий (за исключением Гумских Анчабадзе, Гульрипшских Маршани и Эшерских Дзапш-ипа) поселены в этом имении сравнительно недавно, на правах ассасов. Все эти ассасы были по большей части люди бедные и слабые и пока, князь Димитрий был жив, они верно ему служили потому, что, во-первых, дорожили его милостями, во-вторых, имели слишком мало силы, чтобы поднять свое значение. Со смертью же Димитрия собственные подвластные его лишились в нем своего защитника и покровителя, а с другой стороны, мало рассчитывая на покровительство владетеля, волей-неволей должны были подпасть под влияние тех лиц, которые были в хороших отношениях с представителями владетеля в округе. Многие из крестьян князя Димитрия, таким образом, признали себя подвластными разных тавад и аамист, которые сами были недавними пришельцами и до того сами себя признавали подвластными князя Димитрия. Начальники округа смотрели на это сквозь пальцы и даже поощряли, как я уже сказал выше, этот образ действий со стороны мелких ассасов, потому что сами действовали в том же духе. Гасан Маргани управлял Сухумским округом не очень долго, а потому и зла сравнительно сделал меньше и ограничился только тем, что старался захватить часть Эшира (по левому берегу реки Шицкуара), что ему, однако, не совсем удалось вследствие сопротивления князей Дзапш-ипа, и только сыну его Константину (Тасишугва) Маргани удалось с помощью начальника пицундского округа майора князя Чавчавадзе собрать в прошедшем 1867 году часть винограда на участке, которым хотел завладеть отец его Гасан. Григорий Шервашидзе управлял округом далее и воспользовался своим положением, чтобы водворить свою власть и влияние в большей части имений князя Георгия Димитриевича, расположенных между реками Кодором и Пшапом, и влияние его в этих местах стало так прочно, что недавно, когда потребовалось опросить жителей Бабаш-ира по иску одного тамошнего жителя мингрельца Эриста Гвамичава против Григория Шервашидзе, то народ сначала прямо объявил, что он боится говорить правду, потому что Григорий очень силен и что начальство не может защитить от его мести тех, кто решится дать какое-нибудь невыгодное для него показание.

Представив в этом кратком очерке исторические события края за последнее время, в их связи с правами на имения между Кодором и Шицкуара, морем и Цебельдой и Псху, я считаю нужным перейти к частному описанию, тоже в самом коротком виде и именно настолько, насколько эти сведения, по моему мнению, могут дополнить и разъяснить те сведения, которые, как я надеюсь, могут быть собраны комиссией помимо меня.

Имение, полученное в надел Гасан-беем Шервашидзе от Кялым-бея и оставленное в наследство сыну своему, покойному гвардии полковнику князю Димитрию Шервашидзе, а по нем сыну его и наследнику князю Георгию Димитриевичу, граничило с юга с Черным морем; с востока – рекою Кодором от ее устья вверх до переправы Наа (на цебельдинской границе); с северо-востока – по хребтам гор Апианча и Чижаудель до реки Келасури и потом вверх по реке Келасури до его истока у горы Авжуцизлоу; с севера – гора Авжуцизлоу, летнее пастбище на горе Шопия (включительно); летнее пастбище на горе Чалык-Аахос (включительно); исток ручья Доу-Дзих на горе Доу; урочища Чапшира до истока реки Хюпсе; от истока реки Хюпсе по урочищу Лаунхара до границы Гумма с селением Анухва; с запада – по этой границе до истока реки Шицкуара на горе Цугурпара и потом вниз по этой реке до моря.

В пределах этих находятся следующие имения:

Бабыш-ира, Аварче, Цхубын, (Дранда тоже), Допуакыт, Кац Игаларта, Парнаут, Пшаш, Багажяшта, Цандикуара, Гульрипш, Мерхеул, Гердзеул, Амхял, Акапа, Багмаран, Айбухца, Келасури, Абжагва, Айбара, Бырц, Гумм, Яштуха, Ачадара и Эшира.

Селение Эшира.

Границы: с запада – селение Псыртцха; с юга – море; с севера – селение Гумм; с востока – река Гумиста. Имение это с давнего времени принадлежит князьям Дзапш-ипа. Когда и откуда пришли первые Дзапш-ипа, положительно неизвестно. Есть только смутное предание, что они принадлежат к одной из боковых линий рода Шервашидзе, и предание это основывается на рассказе, что мать родоначальника этой фамилии, княгиня Шервашидзе, будучи беременна, ехала в Сухум и разрешилась от бремени на дороге, на берегу реки Адзапш (Гнилушка), в которой новорожденного вымыли, что и подало повод дать ему имя Дзапш. Дети и внуки его, в отличие от других Шервашидзе, начали называться Дзапш-ипа, и со временем это название за ними укоренилось, а первоначальная их фамилия как ими самими, так и другими абхазцами была забыта. За верность этого рассказа я поручиться не могу, тем более что трудно найти людей, которые могли бы подтвердить. Царевич Вахушт в своей географии, в списке древних абхазских княжеских родов, упоминает также и об этом роде (по-грузински Запис-Швили), из этого можно заключить, что князья Дзапш-ипа, если и принадлежали когда-либо к роду Шервашидзе, то это могло быть очень и очень давно, и потому не мудрено, что они сошли на степень, равную другим абхазским тавадам, состоявшим к роду Шервашидзе в отношении подвластных своим господам. Более положительно

известно, что коренным их именем было урочище Акваскемца (в Бзыбском округе). Оттуда уже, размножаясь, они начали переходить на пространство между реками Кодором и Псырцха, и некоторые переселились даже за Кодор (в селение Тхина). В начале прошедшего столетия, когда после смерти владетеля Абхазии Левана Шервашидзе начались смуты вследствие споров за наследство между его сыновьями Манучаром, Шерваном и Зурабом Шервашидзе, которые были наконец изгнаны народом из края при помощи Сухумского паши Аслан-бея Геч, князя Дзапш-ипа особенно усилились и, сделавши своею резиденциею небольшую крепостцу у устья реки Гумми, управляли оттуда всею страной между Псырцхой и Кодором. По водворении снова в Абхазии владетельного дома Шервашидзе в лице Зураба (младшего из трех изгнанных братьев) власть их несколько уменьшилась, и владетель Зураб определил крайними границами на восток речку Адзапша. Подвластные их, жившие далее к востоку, там и остались и большею частью перешли во владение Зураба. С этого времени только начинается заселение собственно Эшира, где князя Дзапш-ипа старались укрепиться, пользуясь для того удобствами гор и лесов эширских. Что поселение Дзапш-ипа в Эшире существует сравнительно не очень давно и что, напротив, главное их поселение было на Гумисте, видно из того, что в Эшире и теперь очень немного расчищено участков леса, тогда как на реке Гумисте огромная площадь земли совершенно очищена от лесу. Во всяком случае Дзапш-ипа считались помещиками земли между речкой Дзапш и рекой Шицкуара (и даже дальше), а при владетеле Зурабе были так сильны, что последний, затрудняясь держать их в повиновении силой, нашел нужным для привлечения их на свою сторону, вступить с ними в родство и женил на одной из княжен их рода своего племянника и преемника Кялым-Ахмет-бея (сына Манучара Шервашидзе), прежде владетеля, а впоследствии, после изгнания из Абхазии Батумского паши. Женившись по принуждению, Кялым-бей не очень любил свою жену и к родным ее относился не очень дружелюбно, тем более что они сами отличались очень беспокойным характером и всегда готовы были отправиться на грабеж и в набеги, о чем и теперь еще вспоминают многие абхазцы, ставя это Дзапш-иповым в заслугу и объясняя поступки их малодечеством.

Столкновения их с Кялым-беем были, кроме того, неизбежны уже потому, что они были слишком близкие соседи к Сухуму и сила их была опасна для владетеля, жившего в то время в этой крепости. После смерти Зураба, когда Кялым-бей сделался самостоятельным владетелем, то отослал свою жену к ее родным, как я это объяснил в начале этой записки. Составившийся после заговор князей Дзапш-ипа с Аслан-беем против жизни Кялым-бея и неудачный исход этого заговора имели следствием бегство князей Дзапш-ипа в абреки, чрез что они, по обычаю края, лишились всякого права на свое имение. Кялым-бей, приняв в свое владение Акваскемца, Гумисту и Эширу, при разделе своего имения между своими сыновьями отдал Акваскемца второму сыну своему Сафар-бею, а Эшира и Гумиста и Ачадара (составляющая часть гумистинского имения) были включены в удел Гасан-бея (четвертого сына Кялым-бея).

В то же время последовало более определенное разграничение Абхазии на округа, причем было определено, что границей между Абхазским и Бзыбским округами должна служить речка Шицкуара, а между Абживским и Абхазским – река Кодор. Такой порядок вещей продолжался до самой смерти Кялым-бея, и Эшира считалась полною собственностью Гасан-бея. После смерти Кялым-бея князя Дзапш-ипа чрез посредство цебельдинских князей Маршани, у которых они имели временное пристанище, просили у Гасан-бея, как милости, позволить им поселиться под его покровительством где-нибудь в его имении, обещая за то ему верно служить и повиноваться наравне с другими подвластными ему дворянами. Гасан-бей согласился и поселил их в Эшире, между реками Гумистой и Шицкуара; но местность между Гумистой и речкой Адзапш оставалась по-прежнему в исключительном пользовании Гасан-бея. Поселившись в Эшире, князя Дзапш-ипа верно держались своего слова и действительно постоянно верно и с преданностью служили Гасан-бею и впоследствии сыну его князю Димитрию, за что нередко даже страдали от нападения врагов своих помещиков. Так, например, вскоре после кончины подполковника Гасан-бея Шервашидзе, владетель Абхазии Михаил, пользуясь отсутствием и слабостью князя Димитрия, тогда еще несовершеннолетнего, призвал к себе в Соуксу всех князей Дзапш-ипа и приказал им, чтобы они не смели больше слушаться князя Димитрия и служить ему, а чтобы они повиновались и служили ему, владетелю. На это приказание князь Чапиак Дзапш-ипа (женатый на дочери Гасан-бея), считавшийся самым главным в своей фамилии, отвечал владетелю от имени всего своего рода, что все они охотнее положат свои головы и будут вконец разорены, но ни в каком случае не изменят дому своего благодетеля и господина.

Следствием такого ответа были постоянные нападения на их жилища разных партий абреков, действовавших по наставлению владетеля, который вообще не был разборчив на средства к достижению своих, не всегда благовидных, целей. Многие из князей Дзапш-ипа были убиты тайно подосланными убийцами, так что лучшие люди из этой фамилии все истреблены ради своей преданности к Гасан-бею и Димитрию. С другой стороны, Гасан-бей и князь Димитрий дорожили их преданностью, всегда им помогали, давали им много подарков и не брали ничего с их крестьян, а представляли им вполне пользоваться ашидзом³⁰ за пастьбу чужого скота в Эшире. Князя Дзапш-ипа начали считать себя независимыми только после выезда владетеля Абхазии в Россию; до того же времени они себя считали вполне подвластными князю Георгия. В Эшире они имеют право пользоваться пахотными полями (из которых некоторые обращены теперь в луга); виноградными и ореховыми садами, всеми повинностями живущих в Эшире крестьян и ажидзом за пастьбу чужого скота. Кроме того, они имели право так же, как их крестьяне, пользоваться для своих надобностей, но не для продажи растущим поблизости их жилищ лесом. Землею они пользовались не на праве

³⁰ «Ашидз» – налоговый сбор, который брали абхазские феодалы за право использования пастбищ.

собственности, а на праве потомственного пользования, так как право собственности было ими безвозвратно потеряно уходом их в абреки.

До войны 1853–1856 г. у князя Димитрия было 150 кобыл и огромное количество буйволов, коров и баранов. Весь этот скот пасли зимой между реками Адзапша и Шыцкуара и князя Дзапш-ипа ничего за это не брали и не считали себя вправе мешать князю Димитрию пасти свой скот в Эшире. Скота этого, между прочим, было так много, что по его милости до войны никто не мог сеять ни кукурузы, ни гоми на низких местах по берегу моря, и как князя Дзапш-ипа, так и их крестьяне должны были обрабатывать себе землю на горе. Об этом хорошо знает мингрелец Сафрон Каландаришвили и, вероятно, также знают бывшие пастухи князя Димитрия из Яштухинских анхае Цхчи и Яштухинские старики Кобзач Гулия и Нарчоу Гулия.

Лес из Эшира вывозился всегда не иначе как по записке самого князя Димитрия. Однажды мингрелец Эриста Гвамичава (он уже умер) купил лес у князей Дзапш-ипа без позволения князя Димитрия и выстроил себе в Сухуме кухню. Когда князь Димитрий об этом узнал, то взыскал с него штраф, в пять раз превышавший стоимость леса и, кроме того, хотел отнять и самое строение, но оставил оное по просьбе многих торговцев. Знают об этом обстоятельстве Сафрон Каландаришвили (живущий в Сухуме), Симон Гвазаа и Бежо Гвазаа (живущие в Суджуни Сенакского округа).

До войны лес в Абхазии по определенной цене нигде не продавался. Обыкновенно нуждавшиеся в строевом материале или в дровах приносили какой-нибудь приличный подарок товарами (редко деньгами) князю Димитрию, который выдавал записку на вырубку леса. Записку эту представляли Тагу Дзапш-ипа, который обязан был смотреть за целостью леса и охранять рабочих от нападений, и Тагу, по записке князя Димитрия указывал место рубки, а за свои труды получал также небольшой подарок. Заготовленный лес связывался в плоты, сплавлявшиеся в Сухум морем, бечевою. Считаю не лишним упомянуть здесь об одном случае, который не мог не остаться в памяти сухумских жителей и может служить подтверждением моим показаниям. Однажды мингрельцы Симон Гвазава и Бежо Гвазава (оба живы, находятся в Мингрелии, в селении Суджуна Сенакского округа; один из них отец ныне торгующего в Сухуме Андрея Гвазава) рубили лес в Эшире по записке князя Димитрия. Когда лес был ими заготовлен, то они подрядили мингрельцев Кучу Кантария (известного под именем Егорки Косого, он умер), Сафрона Каландаришвили (жив и находится в Сухуме) и Папуни Бахускуа (говорят, что еще жив и находится в Мингрелии, в сел Сичичуа Зугдидского округа), чтобы эти мингрельцы с своими рабочими доставили означенный лес морем в Сухум. Три названные мингрельца сели на плот, а работники их с буйволами тащили бечеву берегом. На гумистинском баре бечева оборвалась, и плот унесло далеко в море. Двое из плотовщиков, Сафрон Каландаришвили и Кучу Кантария, бросились вплавь к берегу и, достигнув его, упали без чувств, а третий остался на плоту, потому что не умел плавать. Проезжавший в то время из Псырцха акапский житель Кизил-бек Ате-ипа Маршани, который вез к своему сыну невесту его, дочь Гасана Маршани,

увидев двух мингрельцев в бесчувственном состоянии, дал об этом знать Сухумскому коменданту майору Канисскому, который тотчас же послал фелюгу для выручки как этих двух мингрельцев, так и третьего, оставшегося на плоту. Плот был найден, и все они были спасены. Об этом знают все почти давно живущие в Сухуме мингрельцы.

После войны 1853–56 года возил из Эшира лес Кучу Кантария и платил за это установленную уже в то время пошлину в пользу князя Димитрия, а пошлину эту отбирал от него мингрельский дворянин Егор Туркия, которого можно об этом спросить под присягой. После смерти покойного полковника гвардии князя Димитрия Шервашидзе леса из Эшира никто не вывозил до самого выезда владельца в Россию. После введения в Абхазию русского управления князя Учана, Дата и Джамлет Дзапш-ипа, по примеру Григория Шервашидзе, гумских Анчабадзе, князей Инал-ипа и многих других абхазских жителей, пользуясь незнакомством новых правителей края с местными сословно-поземельными правами и отношениями, вздумали продавать лес и продали сто сажень дров сухумским торговцам Мандже Беселия и Шервану Козмаа. Бывший сборщик пошлин и поверенный опекуна над имением несовершеннолетнего в то время помещика этого имени князя Георгия, юнкер Егор Туркия хотел протестовать против такого своеволия со стороны князей Дзапш-ипа, но, с одной стороны, не имея в то время законной доверенности и потому не рассчитывая на энергическую поддержку со стороны начальства, а с другой стороны, снисходя к просьбам Учана Дзапш-ипа, жалобы не подавал, а только предупредил Беселия и Козмаа, чтобы они взяли с князей Дзапш-ипа подписку о том, что последние, в случае заявлений претензий со стороны помещика князя Георгия, будут отвечать за все убытки, сопряженные с вырубкою означенных дров. Кроме того, князь Дзапш-ипа в благодарность за сделанное им снисхождение обещали не продавать больше леса и, действительно, более никому не продавали.

Некоторые из князей Дзапш-ипа выселились в Турцию, и оставшиеся после них свободные усадебные, пахотные и садовые участки земли должны быть возвращены князю Георгию Дмитриевичу, как настоящему владельцу Эширской земли, так как сами князья Дзапш-ипа только пользовались, но не владели занимаемой ими землей, как это мною выше было объяснено.

Гумиста и Ачадара.

Это довольно широкая полоса земли, тянущаяся по левому берегу реки Гумисты от горы Царцмала до моря и по морю до города Сухум-кале. Собственно Гумистинское имение занимает пространство, заключающееся в следующих границах: с севера – Ачадарский кизиловый лес и леса на горе, смежные с верхней дорогой из Сухума к Гумисте; с востока – река Адзапш (Гнилушка) от родника близ упомянутой дороги до моря; с юга – море; с запада – река Гумиста. Местность эта большею частью занята лугами, пахотными полями и виноградными и ореховыми садами, при жизни князя Димитрия Шервашидзе до войны служила пастбищем для его многочисленного скота, причем лесистая местность между собственно садами и рекой Адзапшей

представляла удобное убежище от ветров и холоду, служила специально для зимнего помещения буйволов. Оттуда возился также дровяной лес в Сухум местными лесопромышленниками-мингрельцами с позволения помещика. После войны на открытых полянах по Гумисте и по берегу моря разводилась кукуруза и косилось сено. Виноградники гумистинские никогда не отдавались на откуп, и вино приготавливалось средствами самого помещика. Для сбора винограда и орехов и обработки земли употреблялись жители из селений Яштуха, Бырц и Абжигва, сгонявшиеся на Гумисту по приказанию помещика. Князь Димитрий при жизни своей никогда никому не позволял селиться в этом имении и только для своих личных услуг при тех случаях, когда он приезжал туда, обыкновенно с своими знакомыми из города обедать под тенью своих орехов, переселил на Гумисту из Келассури два семейства своих маджалабов, которым приказал выстроить свои сакли на горе. Через два года после смерти князя Димитрия, в 1860 году, опекун над имением его малолетнего сына и наследника князь Михаил Шервашидзе позволил поселиться на Гумисте жителю селения Аныцхва аамыста Джамлету Маргани. Управляющий в то время Сухумским округом князь Константин Шервашидзе, опасаясь, чтобы фамилия Маргани со временем не завладела этим имением, просил владельца отменить свое распоряжение, но владелец отвечал, что Джамлет Маргани поселится на Гумисте только временно и собственно для того, чтобы наблюдать за целостью садов и всего, что в имении находится, до совершеннолетия настоящего владельца имения. После выезда князя Константина из Абхазии, во время управления округом гвардии полковником Григорием Шервашидзе и Гасаном Маргани, Джамлет Маргани перевел на Гумисту несколько своих подвластных, прибавил к ним множество ассасов из разных крестьян, ушедших от своих помещиков и начал считать себя настоящим помещиком Гумистинского имения. После его смерти все его подвластные, боясь ответственности за участие в восстании 1866 года, удалились на свои места³¹. Удалилась также на прежнее место жительства своего покойного мужа и вдова Джамлета Маргани, оставив построенные мужем ее дома в распоряжении управляющего имением князя Георгия юнкера Туркия, который, во избежание всяких споров, дал ей за это вознаграждение, определенное их взаимным согласием, на что у него имеется данная вдовою Джамлета Маргани расписка. С того времени имение Гумиста снова вернулось в распоряжение своего настоящего владельца, и вот уже два года, как там существует главный помещичий хутор, на устройство которого употреблено много труда и денег, так как там устроена мельница, разведен фруктовый сад, большой огород с искусственным орошением, расчищены запущенные Марганиевыми луга, и вообще сделано много хозяйственных улучшений.

Имение Ачадара граничит с юга – опушкой кизилового леса на границе с имением Гумиста; с запада – рекой Гумистой от этой границы до ущелья реки

³¹ Имеется в виду восстание 1866 года, которое известно как «Лыхненское восстание». В действительности оно вышло далеко за пределы села и охватило значительную часть Абхазии.

Гумисты; с севера этим ущельем и горою Царцмал; с востока – горами селения Яштуха до южной границы Ачадара. Вся эта местность при жизни князя Димитрия была покрыта густым кизиловым лесом, который князь Димитрий никогда не позволял рубить, так как знал, что кизиловое дерево в Одессе ценится так же дорого, как пальма, и употребляется для кулаков зубчатых колес на мельницах. Только у самого ущелья было небольшое пространство земли, не занятое лесом, где при жизни Гасан-бея был турками разведен для него сад, замечательно разведенным там виноградом, который известен под названием «Ахардан». При жизни князя Димитрия на этом пространстве поселений никаких не было. После его смерти князь Константин временно поселил на садовом участке, близ ущелья Гумисты, ачадарского князя Беслана Анчабадзе, чтобы он расчистил и привел в порядок запущенный сад. Этот Беслан Анчабадзе служил в то время при князе Константине, и последний поселил его на время собственно для того, чтобы Беслан мог постоянно находиться и не отлучался бы на долгое время из Сухума. С отъездом князя Константина Беслан Анчабадзе уехал назад в Ачандара. После его отъезда место его самовольно занял анхае Гасан Цхчи, принявший теперь неправильно титул аамиста. Этот Гасан Цхчи принадлежит в сущности к фамилии анхае Цхчи, живущей в Яштуха. Прежде, до заговора князей Дзапш-ипа против Кялым-бея, все анхае Цхчи принадлежали князьям этого рода. После неудавшегося заговора, когда князя Дзапш-ипа бежали в абреки, дед Гасана Цхчи по имени Мадж разделил участь своих господ. После убийства Кялым-бея, Мадж поселился в селении Мерхеуле, прожил там года четыре и умер, оставив сына Ахмета. Ахмет женился на какой-то девушке, которую скоро бросил, за что родственники ее начали его преследовать. Тогда он хотел опять вернуться в селение Яштуха, но Гасан-бей, получивший после изгнания князей Дзапш-ипа их имение и снова позволивший им поселиться в Эшире на правах ассасов, не позволил ему вернуться на прежнее место, а приказал ему идти в Эширу и служить прежним его господам. Во все время абречества князей Дзапш-ипа Мадж Цхчи и сын его Ахмет не платили никаких повинностей и всегда находились в свите этих князей. Это подало им повод считать себя шинагмами. Когда, однако, Ахмет пришел в Эширу, то князя Дзапш-ипа, зная его происхождение, не хотели признавать его шинагмой и заставляли его работать как простого анхае и требовали от него крестьянских повинностей. Это побудило Гасана Цхчи просить князя Димитрия позволить ему поселиться в селении Яштуха, на что князь Димитрий согласился, позволив ему поселиться по соседству с другими анхае Цхчи, на горе, где и теперь находится зимняя усадьба анхае Гасана Цхчи, кроме своего, действительно, отведенного ему князем Димитрием участка земли на горе, занимает огромное пространство близ ущелья реки Гумисты и, недовольствуясь тем, что занимает сам, пригласил к себе еще несколько беглецов из разных других селений (преимущественно из Бзыбского округа), которые, занимая земли, принадлежащие князю Георгию Димитриевичу, ничего не платят настоящему помещику и признают себя вассалами анхае Гасана Цхчи, которому придают титул аамиста. К югу от занимаемого им

участка, в кизиловом лесу, о котором я упоминал выше, в течение последних лет образовалось довольно большое поселение также из разных беглых из Бзыбского округа, самовольно вырубивших и расчистивших драгоценный кизиловый лес и признающих своим помещиком шинагму Кягуса Чирикба. Лет пять или шесть тому назад шинагма Кягуса Чирикба первый вышел с своими ахуйю³² из селения Яштуха (где и теперь у него стоит дом и виноградный сад в участке Хиббаурипшь), начал расчистку леса. Вскоре по его приглашению явились к нему разные выходцы из Бзыбского округа, подвластные князей Инал-ипа, князя Александра Шервашидзе, дворян Маргания и других помещиков и года в три сумели уничтожить большую часть леса, на сумму более 10.000 рублей.

К этим поселенцам, во время переселения абхазцев в Турцию, присоединились еще несколько цебельдинцев, оставшихся от переселения и таким образом образовалась довольно большая деревня. По примеру Кягуса Чирикба туда же переселились и некоторые другие жители Яштуха, как, например, анхае Цыц Ардзынба и некоторые из фамилии Кец(ба). Разорение леса продолжается и до сих пор, и Кягсуа Чирикба, прочно утвердившись на своевольно занятой и розданной им земле и опираясь на живущих под его покровительством ассасов, и, будучи вследствие этого богаче других яштухинских жителей, распространяет свое влияние на все селение Яштуха, жители которого гораздо больше боятся его, нежели начальства. Так как это новое поселение, сделанное без позволения помещика, совершенно противно интересам князя Георгия, то я покорнейше прошу комиссию употребить свое влияние для возвращения всех жителей Ачадара на прежние места их жительства и, если возможно, сделать это до весенней рабочей поры. Все эти новые поселенцы постоянно рубят и жгут в виде дров дорогой кизиловый лес, которому, если продолжится теперешний порядок вещей, предстоит конечное истребление.

Яштуха.

Границы: с юга – имение Гумиста и город Сухум; с запада – имение Ачадара и ущелье реки Гумисты; с севера – северный склон горы Царцмал и ручей, отделяющий Яштуха от селения Гумм; с востока – Военно-псхувская дорога, отделяющая селение Яштуха от селения Бырц.

В имении этом находится много дровяного и немного строевого леса, доставляющего значительный доход помещику. Виноградных и ореховых садов, находящихся в непосредственном ведении помещика, очень мало, да и теми, вследствие беспорядков последнего времени, после смерти князя Димитрия мало приходилось пользоваться. Остальные виноградные и ореховые сады находятся в распоряжении яштухинских жителей шинагма и анхае, которые все подвластны князю Димитрию. Виноградом и орехом из этих садов жители имеют полное право пользоваться для своих собственных надобностей, но никак не для продажи. До выезда из Абхазии покойного владетеля, как при жизни покойного князя Димитрия, так и после его смерти, весь виноград и

³² «Ахуйю» – типичный крепостной, категория крестьян в феодальной Абхазии.

орех, собранный жителями, сносился на завод, устроенный недалеко от города Сухума, на горе у гнилой речки (теперь он не существует) и отдавался подрядчику, которому князь Димитрий продавал сбор или за деньги, (и это бывало чаще) за известную часть приготовленного вина и собранного ореху. Жители за свои труды по сбору винограда и ореха получали небольшое вознаграждение, по взаимному соглашению с подрядчиком. Вообще виноградные и ореховые сады не составляли собственности подвластных князя Димитрия и только после введения в Абхазии русского управления, когда вследствие ошибочного взгляда местного начальства на эту статью помещичьего дохода мешали помещику им пользоваться, подвластные князя Георгия, подобно и всем остальным жителям Абхазии, начали говорить, что будто бы виноград и орех им принадлежат. Право жителей на эту собственность можно бы было, пожалуй, допустить, если бы они сами развели виноградники и ореховые деревья, которыми они теперь пользуются. Но дело в том, что при постоянных передвижениях жителей с места на место, обуславливалось прежним строем жизни, почти ни одному из жителей не приходится пользоваться виноградом и орехом, разведенными его предками. Нет почти ни одного дыма, который бы прожил на одном и том же участке более тридцати лет сряду, и большая часть из них занимают участки, принадлежавшие прежде другим лицам и родам. К этому заключению, между прочим, очень легко прийти, если обратить внимание на возраст виноградных лоз, ореховых деревьев и других привитых садовых деревьев. Молодые лозы можно найти только около помещичьих усадеб и на таких участках, где были поселены на правах ассасов мингрельцы. В садах же, занимаемых крестьянами абхазского происхождения, везде видны только старые толстые лозы, большей части которых можно приписать возраст не менее ста лет. Исключение из этого правила чрезвычайно редки. Абхазцы сами никогда почти не разводили виноградников³³, собственно потому, что знали, что во всяком случае пользование ими для них ничем не обеспечено, так как ни один из них не мог ручаться за то, что обстоятельства не заставят его рано или поздно переменить место своего жительства. Конечно, с введением русского управления и водворением в крае спокойствия обстоятельства эти изменяются, и земледельческому сословию вполне обеспечивается пользование выгодами его трудов, но чрез это пока еще не изменяются права помещиков на виноград и орех, растущие на крестьянских участках, потому что, как я заметил выше, за весьма редкими исключениями, крестьяне получали в пользование эти участки уже с готовыми садами, и установление условий этого пользования юридически принадлежало тем лицам, которые их отдавали, т. е. помещикам. Ореховых деревьев встречается очень много, но и это не опровергает высказанного мною положения, так как орех сеется сам и вырастает без всякого ухода, и

³³ Утверждение Пахомова о том, что якобы абхазы никогда не занимались виноградарством, не соответствует действительности. Известно, что виноградные культуры Абхазии так же, как и во всей Грузии, были развиты с древнейших времен.

единственная забота о нем жителей состоит в том, чтобы они его не срубили на дрова, что они, впрочем, нередко делают.

Высказанное мною положение несколько не предосудительно для интересов земледельческого сословия, потому что, ежели, с одной стороны, оно отдает монополии продажи винограда и ореха в руки помещика, то, с другой стороны, обычаем представляется крестьянам монополия труда по сбору этих произведений, и от них зависит назначение меры вознаграждения. Таким образом, уравниваются вредные последствия такого порядка вещей, что доказывается довольно высокой платой, установившейся за сбор винограда (от 15 до 25 коп. за кошелку), так что, принимая в соображение эту высокую плату, люди, незнакомые с сущностью и происхождением этого порядка вещей, очень легко могут смешать и действительно смешивают это вознаграждение за труд с ценою самого приносимого подрядчику продукта. Сами подрядчики и даже крестьяне, тоже не умея разделить эти два понятия, обыкновенно их смешивают и на свои сделки по сбору смотрят, как на акты купли и продажи, упуская из виду, что собираемое произведение уже оплачено помещику той же частью выделенного вина и ореха, которую подрядчик обязан ему отдать по условию. Я прошу убедительно комиссию обратить особенное внимание на вышеизложенное и не смешивать прав отдачи на откуп винограда и ореха, растущих на участках, занимаемых подвластными князя Георгия Дмитриевича (какому бы сословию они не принадлежали) с пошлиной за торговлю сельскими произведениями, которая была уничтожена в 1864-м году его императорским высочеством наместником.

В Яштуха нет ни одного тавада и ни одного аамиста. Из высших сословий (если так можно их назвать) живут там на правах ассасов шинагмы Чирикба и Баалоа.

Шинагмы Чирикба происхождения не абхазского. Они сначала вышли из Кабарды в Сочу, где были подвластными черкесского князя Облаа. Родственники их, подвластные этого князя, вместе с ним вышли в Турцию.

Из Сочи в Абхазию первые Чирикба вышли в то время, когда в Сухуме был пашею Гечь Аслан-бей, родом джигет, а владетельный абхазский дом был в изгнании в Турции. Первые Чирикба пришли под покровительство этого паши и были им поселены в селении Яштуха, которое находилось в то время в районе Сухумского пашалыка. По восстановлении в Абхазии владетельной фамилии владетель Зураб, заботясь о заселении пустых мест между Сухумом и рекою Кодором, вместе с другими своими подвластными переселил и род Чирикба из Яштуха в Пшаш и Багажашта. Князь Дмитрий всех снова переселил в Яштуха, где они занимали не очень большое пространство в участке Хиббаурипш. Между тем род их расплодился, и им было мало места на отведенном им участке. Кроме того, вскоре после их поселения в Яштуха, они начали подвергаться нападениям разных абреков и более всего со стороны Кизил-бека Ате-ипа Маршани, высланного князем Дмитрием из Акапа. Разорение от абреков принудило их искать спасения в яштухинских лесах, куда, с позволения князя Дмитрия, они действительно и удалились все, исключая

одного Кягуса Чирикба, который оставался на своем месте до последнего времени, когда он самовольно переселился в Ачадара. Вообще можно считать, что шинагамм Чирикба принадлежит только часть участка Хиббаурипш, где они первоначально были поселены, а участки, занимаемые ими теперь, должны у них быть отобраны; с введением русского управления миновалась для них надобность скрываться от абреков. Эта мера была бы, между прочим, полезна и в том отношении, что, с одной стороны, поселения их будут теснее и менее у них будет чересполосности с помещиком и его подвластными, а с другой стороны, лишит их возможности объявить не соответствующие ни званию их, ни их правам громадные претензии на владение землею.

Вообще, я не вижу никакой надобности давать им земли более, чем их имеют простые анхае, к которым шинагмы скорее принадлежат, чем к сословию аамиста, и отличаются от первых только тем, что не обязаны сами пахать землю и приносить оброк козами, кукурузой и прочими произведениями земли, а составляли домашнюю прислугу помещика. Между шинагмами и анхае такая же разница, какая существовала между тягальными и дворовыми людьми в России. Во времена владательства обыкновенно все давалось (да и сами они больше не брали) столько земли, сколько было необходимо для их прокормления, и обыкновенно это количество бывало не более десяти или пятнадцати дней паханья на каждый дым, к какому бы сословию он не принадлежал. Претензии, превышающие это количество, начали появляться только в последнее время, когда вследствие умиротворения края жители начали понимать, что выгодно зарабатывать не один насущный хлеб, но некоторый излишек для продажи. Этот новый взгляд жителей на свое полевое хозяйство, конечно, следует поощрять как средство к скорейшей цивилизации народной массы и благосостоянию края, и потому я нахожу совершенно справедливым увеличить их пахотные участки против того, чем они пользовались в прежнее время. Но в то же время я считаю вредным и несправедливым относительно помещиков увеличивать этот надел далее известных границ, определяемых климатическими, почвенными и вообще сельскохозяйственными данными. Я полагаю, что если на каждую душу мужского пола вместо двух дней пахотной земли (как это обыкновенно было), если считать в каждом дыме средним числом 5 душ мужского пола, сдать им по шести дней паханья, что составит приблизительно по две десятины, то такой надел вполне обеспечит состояние земледельческого класса, потому что, если принять в соображение легкость обработки почвы и возможность разведения растений, приносящих большой доход (виноград, клещевинник, табак, хлопчатка и прочее), то такой двухдесятинный надел по стоимости собираемых с него произведений будет по крайней мере втрое более крестьянского надела в России. При этом я считаю положительно необходимым дать этот надел одинаково как крестьянам (не обращая внимания на их подразделения на классы), так и тем из лиц высших сословий, которые землей владеют не на праве собственности, а на праве пользования. Это представляет для края ту выгоду, что более рук будет привязано к земле и менее будет повода к развитию тунеядства, что в таком

крае, как Абхазия, при низкой степени образования высших сословий чрезвычайно важно. Затем, если этим лицам привилегированных сословий будет казаться мало той земли, которую им отведут, то у них всегда найдется возможность вступить в разные соглашения с более крупными землевладельцами. К разряду этих мелких владельцев я именно и причисляю шинагм Чирикба, которые, не будучи коренного абхазского происхождения и постоянно переходя с места на место, не могут считаться собственниками занимаемой ими земли и, хотя и живут на ней довольно долго, но никогда не выходили из зависимого состояния от своих помещиков князей Шервашидзе и всегда оставались ассасами, живущими по милости помещика на помещичьей земле. К этому же разряду принадлежат и другие лица высших сословий, проживающие в имении князя Георгия Димитриевича. Все почти шинагма Чирикба, хотя и оставили прежде занимаемый ими участок земли, но в последнее время за пределы Яштуха не выходили. Исключение в этом отношении составляет только Кягуса Чирикба, о котором я упоминал, говоря об имении Ачадара. Он, кроме того, взял с собою в Ачадара своего племянника Макитата Чирикба (сына Сосрана) с подвластными ему ахуйю. Другая фамилия шинагмы, живущих в Яштуха, – один дым Баалоа. Эти шинагмы Баалоа тоже пришельцы, из черкесов. Когда они пришли в Абхазию, неизвестно, но они с тех пор как поселились в Яштуха, оттуда не выходили. Права их на землю те же, что и шинагмы Чирикба. Собственно только эти две фамилии и можно считать действительными шинагмами. Это можно заключить уже из того, что только им одним покойный князь Дмитрий позволял брать половину аждза, собиравшегося в его пользу с чужих стад, пригонявшихся в Яштуха, и эту половину обе фамилии должны были делить между собою. Кроме того, при отдаче на откуп яштухинского винограда и орехов князь Дмитрий назначал моуравов для присмотра за порядком и охранения рабочих – непременно одного из шинагм этих двух фамилий, зато такой моурав получал обыкновенно небольшой подарок от подрядчика. Но так как фамилия Чирикба была многочисленнее фамилии Баалоа, то такие моуравы от первой фамилии назначались чаще. Это обстоятельство послужило поводом Чирикбаевым считать себя первыми в Яштуха, что со временем, благодаря покровительству Гасана Маргани и Григория Шервашидзе, им совершенно удалось, и теперь все почти жители Яштуха находятся под их влиянием, и в особенности под влиянием Кягуса Чирикба, как это уже объяснил выше. Обязанности шинагмы заключались в личной прислуге своему помещику; они обязаны были смотреть за его лошадьми и оружием, ездить в его свите в качестве телохранителей; посылались с разными поручениями; бывали моуравами и вообще делали все, исключая черной работы, которая возлагалась на помещичьих ахуйю и ахашала³⁴. Кроме того, шинагмы обязаны были являться на полевые работы вместе с своими подвластными и, хотя сами не работали, но обязаны были

³⁴ «Ахашала» – самая низшая категория крестьян в феодальной Абхазии. По правовому и материальному состояниям они (категории этих крестьян) уравнивались с такой же категорией мингрельских крестьян («моджалабами»).

наблюдать за тем, чтобы работа производилась как следует. Права их и выгоды, которыми они пользовались, были мною выше объяснены.

Кроме фамилий Чирикба и Баалоа, еще две фамилии в Яштуха претендуют на звание шинагм. Это, во-первых, анхае Гасан Цхчи (о котором я уже упоминал довольно подробно при описании имения Ачадара и потому говорить о нем больше не буду) и фамилия Гублия. Все Гублия издавна были анхае, подвластные князьям Дзапш-ипа. Часть их во время Кялым-бея жила в Яштуха (Софыдж и Шханугва), а другие (предки Кваташа и Уруса) жили в Эшире, где несли все повинности анхае. После неудачного заговора князей Дзапш-ипа против Кялым-бея, Софыдж Гублия так же, как и Мадж Цхчи, бежал в абреки вместе с своими господами. Как человек умный и храбрый, он скоро образовал свою шайку разбойников из цебельдинцев и псхувцев и впоследствии сделался знаменитым своими нападениями на имения владельца Абхазии. Разбои его особенно усилились при начале управления последнего владельца Михаила и, хотя Софыдж был в то время уже стар, но это не мешало ему проводить в Абхазию партии псхувцев и ахчипсхувцев. Владелец, не имея возможности прекратить грабежи силою, решился привлечь к себе Софыджа обещанием ему разных выгод. Софыдж принял предложение, был обласкан владельцем, исполнял при нем обязанности шинагмы и потом сын его Ханафшь был сделан владельцем моуравом (в Лыхны). Таким образом, имеют права на звание шинагмы только потомки Софыджа. Остальные же члены фамилии Гублия не имеют никакого права считать себя шинагмами и должны оставаться в том же звании анхае и до, и после выхода Софыджа в абреки и поступления его на службу владельца. Всех дымов анхае Гублия в Яштуха находится теперь три, из которых один, Осман, есть коренной житель Яштуха, а два других, Кваташ и Урус, суть ассасы, пришедшие из Эшира при жизни князя Димитрия и временно им поселены на участке земли, на котором жил прежде анхае Хусейн Куселия (Кутелия), сын которого ушел в Абживский (Абжуйский) округ и потерял вследствие этого право на пользование землей в Яштуха. Кваташ при жизни покойного гвардии полковника князя Димитрия не платил никаких повинностей, во-первых, как вновь прибывший ассас, во-вторых, и потому, что был сделан помощником анхае Цыца Ардзинба, моурава, исполняющего эту должность еще при жизни Гасан-бея и состоящего в этой должности и до сих пор. Урус (брат Кваташа) тоже ничего не платил, потому что не састовлял отдельного дыма, а жил с старшим братом. Впрочем, все анхае Гублия выходили на полевые работы и на сбор орехов и винограда в помещичьих садах. Теперь они обязаны нести те же повинности, как и все другие анхае селения Яштуха.

Кроме Гасана Цхче, есть в Яштуха еще пять дымов анхае Цхчи, из которых один, Фатгирей Цхчи, ничего не платил и на работу не ходил, потому что был пастухом. Остальные же отбывали все повинности, лежавшие на анхае этого селения. Теперь Фатгирей обязанностей пастуха не исполняет, а пастьба коз поручена его однофамильцу Аджигирею, но, впрочем, не как повинность, а по

соглашению с ним управляющего Егора Туркия за известную часть от стада, которое ему поручено.

Затем следуют анхае Гулия, двенадцать дымов. Повинности их те же, как и других анхае в Яштуха. Один только дым анхае Мац Гулия ничего не платит и на полевые работы не выходит потому, что он кузнец. Но зато на нем лежит обязанность производить даром для помещика всякую кузнечную работу. При этом помещик обязан ему доставлять для своей работы железо, сталь и уголь.

Анхае Ардзынба, пять дымов. Из них только два дыма, Цыц и Хасан Ардзынба, – коренные жители Яштуха, но они свой участок в Яштуха бросили и живут теперь в имении Ачадара. На их же участке поселились три дыма ассасов, их однофамильцев, пришедших в Яштуха уже после введения в Абхазии русского управления. Из этих трех дымов двое, Титу и Урус Ардзынба, вышли из селения Арква Бзыбского округа, а третий, Еслам, – из Ачадара, подвластный князей Анчабадзе. Все эти три дыма как пришедшие после введения в Абхазии русского управления должны быть возвращены на прежние места своего жительства.

Анхае Цыц Ардзынба, как помещичий моурав, никаких других повинностей, кроме исполнения обязанности по своей должности, не отбывает. Это был очень хороший старик, современник Гасан-бея, от которого можно бы было иметь много хороших сведений, если бы он, поселившись в Ачадара, не поддавался бы совершенно влиянию Кягуса Чирикба. Гасан Ардзынба, отбывает те же повинности, как и другие яштухинские анхае. В сущности, и эти два дыма можно бы было считать ассасами, но так как они живут в Яштуха со времени Кялым-бея, то и считают себя коренными жителями этого селения.

Анхае Каландиа (Каладаришвили и Ахиба тоже), ассасы, вышедшие из Мингрелии еще при Гасан-бее и поселенные им в Яштуха. Предок их был серебряных дел мастер, присланный Гасан-бею владельцем Мингрелии Леваном Дадиани. Теперь этим мастерством занимается четыре дыма: Коблух, Тамаджара, Тадара и Доут – и, кроме работы даром по заказу помещика и из его материала, никаких повинностей не отбывают. Пятый дым Уруса Каландиа, не занимающийся ремеслом своих родственников, обязан отбывать общие повинности яштухинских анхае.

Анхае Хежба, один дым. Коренной житель Яштуха. Повинности несет те же, как и другие анхае этого селения. Анхае Гяджь-ипа, девять дымов. Все они были прежде ахуйю шинагмы Чирикба и анхае Гасана Цхчи. Теперь они все освободились, отдав все свое имущество своим прежним господам и поселившись на земле князя Георгия Димитриевича, считаются подвластными ему анхае и должны отбывать те же повинности, как и прочие анхае селения Яштуха. Шинагмы Чирикба и анхае Цхчи Гасан продолжают считать этих анхае своими подвластными и, пользуясь своим влиянием в селении, силой требуют с них повинностей в свою пользу, и эти анхае, привыкнув в течение десяти лет к тому, что прежние их господа были сильны и могли каждому

сделать зло, не решаются отказаться от повиновения людям и боятся признавать власть настоящего своего помещика князя Георгия.

Анхае Кец(ба), двенадцать дымов. Из этих двенадцати дымов в действительности принадлежат фамилии Кецба только шесть, а именно: Гасан, Реджеб, Осман, Сулейман, Смел и Хабашь. Остальные шесть дымов были ахуйю, принадлежавшие анхае Кец, принявшие после освобождения фамилию своих прежних господ. Все они обязаны отбывать в пользу князя Георгия Дмитриевича те же повинности, как и другие анхае селения Яштуха, но на них объявили претензию шинагмы Чирикба. Следующий случай был поводом к такой претензии. Кягуса и Софан Чирикба, будучи разорены одним набегом Кизил-бека и Атс-па Маршан, просили моурава анхае Цыца Ардзынба, чтобы он выхлопотал им у их господина, покойного князя Дмитрия, какую-нибудь временную помощь для того, чтобы они могли поправиться. Цыц на это согласился, и вследствие такого ходатайства князь Дмитрий позволил всем анхае Кец, живущим поблизости участка Хибборипшь, где стоит дом Кягуса Чирикба, отдать этим шинагмам следующий ему самому аждз за один год и помочь на работах.

Вскоре после этого князь Дмитрий умер, и временное его распоряжение шинагмы Чирикба обратили в постоянную меру и, пользуясь своей силой и помощью Григория Шервашидзе и Гасана Маргани, с одной стороны, а с другой стороны, обещаниями разных выгод, сумели так устроить дело, что сами анхае Кец(ба) не хотят признавать власти своего настоящего помещика и признают своим покровителем и помещиком шинагму Кягуса Чирикба.

Анхае Гасбей-ипа – два дыма... ассасы, пришедшие в Яштуха еще при жизни князя Дмитрия. Повинности общие с другими анхае...

Анхае Аргун – два дыма: ассасы, пришедшие из Цебельды еще при жизни князя Дмитрия. Повинности должны нести общие с другими анхае селения.

Анхае Курыки – три дыма. Коренные яштухинские жители. Один из них, Фафа Курыки, был прежде ахуйю, (как) другие курыки, но освобожден ими и принял фамилию своих прежних господ. Он живет в Ачадара под покровительством Кягуса Чирикба. Все должны отбывать общие повинности яштухинских анхае.

Анхае Амкваджь, четыре дыма. Один из них, Гасан, ушел в прошедшем году в Абжагву, где живет у анхае Сейлуха Кебрия. Другой, Гыд, прежде ахуйю остальных анхае Амкваджь и, выкупившись, принял фамилию своих господ. Анхае Амкваджь – не коренные жители, а выходцы из Бзыбского округа, пришедшие еще при жизни князя Дмитрия.

Ахуйя Гулия Ханафшь принадлежал прежде анхае Гулия, который умер без наследников, и потому, по выморочному праву, Ханафшь должен составлять собственность князя Георгия так же, как и все имущество умершего без наследников анхае. Теперь ахуйю Ханафшь принял фамилию своего покойного господина, захватил его участок земли и все имущество и, рассчитывая, что о поступке его никто из русских не узнает, называет себя анхае.

Все остальные жители селения Яштуха суть ассасы, пришедшие в более или менее недавнее время и должны быть возвращены на свои места. Цебельдинцев можно оставить в имении князя Георгия, но не иначе как под условием, чтобы они были поселены на тех участках, которые будут мною им указаны и чтобы они отбывали все те повинности, какие лежат на других анхае селения Яштуха, подвластных князя Георгия Димитриевича.

Повинности всех анхае селения Яштуха, за исключением случаев выше мною упомянутых, состоят в следующем. Они платят помещику барана и ягненка или, за неимением их, козу и козленка; пять комолок кукурузы; одну повозку чалы или сена и одну повозку дров. Кроме того, должны обрабатывать помещичью землю, там, где им укажут, в размере не более одной грузинской кцевы (один день паханья) на каждый дым и собрать виноград и орехи.

При выходе на работу все подвластные обязаны были брать с собою кукурузную муку или гоми и сыр, а помещик обязан давать им мясо, для чего употреблялись обыкновенно коровы, взятые в штраф с тех подвластных (тавад, аамиста, шинагма и крестьян), которые не вышли на барщину. Если этих штрафов не хватило, то резался скот, принадлежащий помещику. Когда какой-нибудь анхае выдавал замуж свою дочь, то обязан был заплатить помещику ахшбыр, одну корову. Если отца не было в живых, то платили братья, а если их не было, то тот, кто брал девушку в жены. Если анхае умирал без наследников мужского пола, то вдова и дочери его поступали в дом помещика. Вдовы всегда сохраняли право снова выйти заму, ничего не платя помещику, а за дочерей помещик брал калым по соглашению с женихом. Кроме того, когда сам помещик или дети его (без различия пола) вступали в брак, то подвластные его приводили ему в подарок (и этот подарок был обязателен) тавады и аамиста – лошадей, а шинагмы и анхае каждый дым по корове. Впрочем, шинагмы, если были в состоянии, из тщеславия предпочитали приводить вместо коров лошадей, стараясь таким образом поставить себя на одну доску с тавадами и аамиста.

В селении Яштуха находится, кроме строевого и дровяного леса, каменоломня, на доход с которой по распоряжению начальника Сухумского отдела было произвольным и противузаконным образом наложено запрещение. Подробности этого дела изложены мною в отзыве моем на имя начальника Пицундского округа от 1-го июня 1868 года за № 7, препровожденном мною в сословно-поземельную комиссию при прошении от 3-го июня сего же года за № 8. Поэтому говорить о ней здесь я считаю лишним и прошу только комиссию обратить внимание на означенный отзыв мой.

Селение Бырц.

Границы: с севера – северный склон горы Бырц и продолжение ручья, отделяющего Яштуха от Гумма; с востока – река Беслетка (Карантинка) до ее впадения в море; с юга – город Сухум-Кале и с запада – Военно-Псхувская дорога. В селении этом есть один только шинагма Адж Шрей Шакрылба, ассас, пришедший в Бырц еще при Гасан-бее и потому ассасом больше не считается. Коренных бырценских анхае живет там только две фамилии: анхае Хипба –

двенадцать дымов и анхае Дчакоу – семь дымов. Права их и повинности те же, как и анхае селения Яштуха. Все остальные жители суть ассасы, недавно там поселившиеся и которые должны быть возвращены на свои места. Так как это имение совершенно бесспорное, то о нем нечего и говорить.

Селение Абжагва.

Границы: с севера – Гумма и Акапа; с востока – река Келасурка от границы Акапа до моря; с юга – море; и с запада – река Беслетка от границы Гума и Акапа до моря. Теперь тавад в селении Абжагва ни одного нет. До переселения абхазцев в Турцию жил там в качестве ассаса тавад Беслан Чабалухва, выходец из Бзыбского округа, который был долгое время в абреках, проживая то в Цебельде, то в Самурзакани, а после войны 1853–1856-го года был поселен самим князем Димитрием в селении Абжагва. Как ассас, он землей не владел, а только пользовался ею в течение восьми или девяти лет, пока наконец не выселился в Турцию. Кроме Беслана Чабалухва, жили и другие лица, носившие ту же фамилию. Из них Салыбей и дети его отчима Ахмата Чабалухва и до сих пор находятся в этом селении, но, не имея постоянного пристанища, живут на чужой счет и переходят с места на место. Ахмат и Салыбей тоже ассасы и выходцы из Бзыбского округа. Ахмат, незаконно рожденный сын одного Чабалухва, который в свою очередь был тоже незаконнорожденный одного из настоящих тавад Чабалухва. Происхождение же Салыбея мне неизвестно. Ахмат исполнял обязанность шинагмы при покойном князе Димитрие и, будучи довольно хитер и в дружбе с Гасаном Маргани и Григорием Шервашидзе, пользовался большим влиянием вообще в Сухумском округе, и вероятно это обстоятельство, а также незнание о его настоящем происхождении заставили местное русское начальство признавать его тавадом, хотя он и был незаконнорожденным.

Аамиста в Абжагве нет ни одного, но есть шинагмы. Из лиц этого сословия два дыма Кучба, подвластные цебельдинского тавада Алмахсита Маршани, бежали из Дала и поселились сначала в Акапе под покровительством Беслана Ярдарица Маршани еще при жизни князя Димитрия, а впоследствии перешли жить в Абжагву, в участок Айвара, где и теперь находятся, несмотря на то, что им было приказано бывшим начальником Пицундского округа князем Чавчавадзе вернуться в Акапу, куда они первоначально пришли из Дала и где теперь живет старший их брат Шарах. Шинагмы Кучба не имеют никакого права ни на землю, которую занимают, ни на титул аамиста, который они себе приписывают. Настоящие, коренные аамыста никогда не были подвластными никого, кроме князей Шервашидзе, а фамилия Кучба всегда была подвластна фамилии Маршани, которые сами были подвластными князей абхазского владетельного дома. Есть в Абжагве еще один шинагма – Мамсыр Кчи, коренной житель Абжагвы, пользующейся землею на тех же основаниях, как и другие шинагмы и анхае в имениях князя Георгия Димитриевича, т. е. с правом жить на ней и кормиться, пока находится в селении Абжагва, а с выходом его оттуда по зависящим или не зависящим от него причинам его право

пользования землею уничтожается, и занимаемый им участок переходит в распоряжение помещика.

Коренные фамилии анхае суть: Вардан – пять дымов; Гоман-ипа – семь дымов; Харазия – пятнадцать дымов; Кец – два дыма; Дчакоу – шесть дымов и Онаба – два дыма. Все они несут повинности одинаковые с анхае селения Яштуха и имеют право пользоваться землею, пока на ней живут. К ним можно причислить также анхае Шалаверие – два дыма, выходцы из Парнаута; один дым Крия – ассас из Гульрипш, освобожденный от ажидза вследствие того, что бабка его считалась кормилицей Гасан-бея; один дом Кебрия, бывший ахуйя Ахмата Чабалурхва; один дым Габлия, бывший ахуйю Ахмата Чабалурхва; два дыма Шунд, (?) пришедшие из Акапа и два из Яштуха, все эти анхае, хотя и ассасы, но так как они вышли из других имений князя Георгия, то их следует оставить на новых местах жительства с теми правами на землю, какими пользуются коренные анхае Абжагвы. Все остальные жители есть выходцы из чужих имений и должны быть возвращены на свои прежние места и могут оставаться в имении князя Георгия не иначе как по взаимному соглашению с помещиком.

Так как имения Гумиста, Яштуха, Бырц и Абжагва смежны с портовым городом Сухумом и так как из этих имений должна быть нарезана земля, необходимая для города, то я считаю совершенно уместным коснуться здесь давно уже поднятого, но до сих пор не решенного в Сухумском отделе вопроса о городской земле. До перенесения штаб-квартиры войск, расположенных в Абхазии, из укрепления Бомбор (ныне упраздненного) в Сухум-Кале, Сухум считался простым укреплением, равным по правам с остальными мелкими укреплениями Черноморской береговой линии, и так как в нем за исключением небольшого гарнизона не было других жителей, кроме туземцев, то никто и не заботился о приобретении земли для города.

Весь город, в сущности, состоял из небольшой турецкой крепости и маленького форштадта, ее окружавшего, в котором помещались духаны нескольких мингрельцев и небольшое число домов женатых офицеров и нижних чинов гарнизона. После переселения штаб-квартиры войск из Бамбор в Сухум при полковнике (впоследствии генерале) Гогенбахе, занимавшем должность начальника третьего отделения Черноморской береговой линии, с увеличением числа войск, а с ними и жителей, город начал немного распространяться в своих пределах, и в то же время для постройки лазарета, а также для устройства передового поста для защиты нового города потребовалось занять место на Трапедии, известной в то время под названием горного лагеря. Вместе с увеличением города увеличилось и число городского скота. Потребовался особенный выгон, сенокосные места, строевой и дровяной лес и другие строительные материалы. По обычаю большей части штаб-квартир на Кавказе, войска стали самовольно распоряжаться землями, окружавшими крепость и принадлежавшими покойному гвардии полковнику князю Димитрию Шервашидзе. Эта бесцеремонность местных войск вела к постоянным столкновениям их как с окрестными жителями, так и с самими

владельцами окружающих Сухумскую крепость земель. Князь Димитрий несколько раз жаловался на войска местному начальству и наконец в 1852 году просил бывшего начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полковника Колюбакина (ныне умершего в звании сенатора), чтобы были точно определены границы городской земли, с тем чтобы войска за эти границы не переходили ни за какими надобностями без соглашения с помещиком. Имея в виду, что этой мерой будет ограничено произвольное пользование войсками его именем, отчего он лишился значительных выгод, князь Димитрий в то время соглашался отдать эту землю почти даром, т. е. по десять руб. за десятину.

Просьба князя Димитрия была снисходительно уважена полковником Николаем Петровичем Колюбакиным, и границы отходящей к городу земли были определены по взаимному их соглашению в следующем порядке: а) с запада – река Адзапш (Гнилушка) от устья вверх до имеющегося при повороте дороги в селение Яштуха родника; б) с востока – река Беслетка (Карантинка) от устья вверх, мимо кладбища (старого на возвышенности, находящейся близ конца Лорис-Меликовского шоссе), до входа в ущелье, из которого река выходит; в) с севера – 1) сказанное ущелье (между горой и рекой); 2) гребень горы до оконечности оного в ущелье реки Гиндарки (текущей за ботаническим садом); 3) захватывая это ущелье до источника, от которого вода проведена на гору и которым предполагалось снабжать город водою (где ныне устроена каменная терраса господина Калафатиса); 4) перекоп, отделяющий горный лагерь (Трапещию) и 5) подошва возвышенности Яштуха до родника, составляющего северную оконечность западной границы (по этому направлению, т. е. по подошве возвышенности была прорублена просека, так как там в то время был большой лес) и, наконец, с юга – Черное море. До 1853 года князь Димитрий денег за городскую землю, однако, не получал, что побудило его подать в июне месяце 1853 года докладную записку на имя бывшего наместника Кавказского, светлейшего князя Воронцова о том же предмете. Черновую с этой докладной записки я имею честь препроводить при сем в комиссию. Ответа на эту докладную записку между бумагами покойного князя Димитрия нет, и я полагаю, что открывшаяся в 1853 году война с Турцией помешала этому делу принять дальнейший ход. Между тем условие о границах городской земли между полковником Колюбакиным и князем Димитрием Шервашидзе вошло в свою силу, что можно заключить из приказа по войскам, расположенным в Абхазии, от 26 марта 1858 года за № 25, официально препровожденного к князю Димитрию командиром бригады черноморских линейных батальонов генерал-майором Мироновым 1-м при отношении от 26 марта 1858 за № 565. Этот приказ и отношение имею честь представить в подлиннике комиссии (приложение № 2 и 3) при этой записке. Этим приказом запрещалось войскам занимать покосные места и огороды на левой стороне реки Беслеты и за гнилой речкой Адзапша без соглашения с князем Димитрием. Этот приказ не был мерой частной, зависевшей от личных отношений покойного князя к генералу Миронову, и, что соглашение князя Шервашидзе с полковником Колюбакиным относительно границ было известно

и в высших сферах здешнего управления, видно из прилагаемого мною здесь предписания бывшего Кутаисского генерал-губернатора князя Гагарина (в копии, заверенной бывшим производителем дел канцелярии начальника бригады черноморских линейных батальонов майором Завадским, ныне полковник и командир линейного № 34 батальона (от 3-го мая 1857 года № 489, приложение № 4), препровожденного к князю Димитрию, при надписи от 4-го мая 1857 года за № 35. Означенным предписанием поручалось генералу Миронову 1-му назначить кого-нибудь из штаба офицеров для осмотра лугов, расположенных по реке Беслете, принадлежащих гвардии полковнику князю Димитрию Шервашидзе, и для того чтобы условиться с помещиком в цене за наем этих лугов. Из упомянутой мною надписи начальника бригады за № 25 видно, что для этой цели был командирован подполковник Котляревский (ныне в отставке и проживает в Сухуме). В вышеопределенных границах городу предоставлялся очень значительный выгон, которого было бы совершенно достаточно для города, если бы часть его не была занята войсками, а часть – частными лицами, нанимающими эти земли у города. Показанные мною выше границы города оставались неизменными до самой смерти князя Димитрия и, хотя и были частные случаи нарушения права собственности князя Димитрия местными войсками и сухумскими обывателями, на которые князь приносил иногда жалобы местному начальству, но границы оставались все те же, и само начальство преследовало (хотя и не всегда энергично) нарушителей установленного порядка, и до 1859 года никто не думал требовать для города земли более того, сколько было определено соглашением помещика с полковником Колюбакиным. В самый год смерти князя Димитрия, по его приказанию, поверенный его мингрельский дворянин Егор Туркия отдал луга, расположенные за Беслетой, на скос с половины бывшему командиру линейного № 36 батальона полковнику Бибикову. Вскоре после этого распоряжения князь Димитрий скончался, и полковник Бибиков не успел воспользоваться отданным в наем покосом, потому что, пользуясь наступившим беспорядком в управлении имением вследствие смерти хозяина, роты расположенных в Сухуме батальонов и женатые нижние чины и офицеры расхватили эти луга по участкам и скосили их. Протестовать в то время было некому, потому что малолетний наследник и его воспитатель (князя Георгия), был в отсутствии; Константин Шервашидзе еще не приехал, владелец на это не обращал внимания; округом назначен был управлять Гасан Маргани, а голос управляющего князя Димитрия дворянина Егора Туркия, со смертью его господина, потерял всякое значение. По этим же причинам и полосы на Маджарке были захвачены разными лицами, но не из войска, а разными поблизости жившими абхазцами, которые начали продавать сено на скос войскам, хотя при жизни князя Димитрия эти луга составляли полную собственность его и приносили ему доход. В 1859-м году бывший начальник войск в Абхазии генерал Барталомей, желая распространить границы городской земли далее пределов, назначенных с согласия князя Димитрия полковником Колюбакиным, вошел об этом сначала в соглашение с бывшим владельцем

Абхазии и, когда получил согласие последнего на свое предложение, то представил свой проект на утверждение наместника Кавказского. В ответ на его представление князь Барятинский ответил, что так как земли, кругом города лежащие, принадлежат не владельцу, то никакое его соглашение на уступку оных не может иметь значение и что, так как владелец этих земель еще малолетен, то необходимо подаждать его совершеннолетия и только тогда можно будет сделать ему предложение уступить городу часть принадлежащей ему земли за плату, которая должна быть определена взаимным соглашением города с помещиком. Этим совершенно справедливым и вполне законным решением князь наместник положил предел всяким домогательствам со стороны города и местных властей на не принадлежащую городу землю. По этому же решению настоящей границей городской земли осталась та черта, которая была мною выше описана, и если впоследствии времени вне этих пределов возведены некоторые постройки войсками и заняты покосные и огородные места, то этот факт представляет злоупотребление начальников частей расположенных в городе Сухуме войск и слушанием вышеупомянутого мною приказа по войскам от 26 марта 1856 года за № 25, который не был никогда отменен никаким другим законным распоряжением начальства.

Изъявленное владельцем Абхазии согласие на уступку некоторых земель, кроме того что было дано без всякого на то права, не может уже потому служить поводом к оправданию захвата войсками земли, что это согласие не было окончательным решением, принятым за правило к руководству при пользовании окружающими город землями, а просто входило в предмет переговоров, окончательный результат которых мог получить законную силу только по утверждению наместника Кавказского. Волей же наместника, как я уже сказал, все эти переговоры оставлены без последствий, как незаконно и неправильно начатые и введенные. В последнее время вопрос этот опять был поднят начальником Сухумского отдела. Я вижу, что производится съемка окрестностей города и ставятся межи; мало того, начинается даже раздача участков разным частным лицам в таких местах, которые никогда не входили в черту городской земли, и все это делается совершенно произвольно, самовластно и противно законам, без всякого уведомления о том хозяина земли, которой так бесцеремонно распоряжаются, или его поверенных. Это вынуждает меня обратиться к Сухумской сословно-поземельной комиссии, как к учреждению высочайшее назначенному с специальною целью привести в известность право частной собственности в Абхазии, и просить защиты против насильственного нарушения этого права в имении моего доверителя. При разборе этого дела убедительно прошу комиссию обратить внимание на статьи: 383, 387, 388, 435, 445, 447, 448, примечание к статье. 449 и 450 законов межевых Т. X части 3-ей, издание 1857 года.

Важно, между прочим, указание законов на то, что определенная законом двухверстная пропорция под выгоны нарезается только в таком случае, если близ города есть казенные земли, а если их нет, то город имеет право покупать себе землю у помещиков, но помещики законом продавать такую землю не

обязываются. Четырехверстный надел дарован, как исключение только некоторым городам многоземельных губерний, что подробно объяснено в приложении к статье 435 законов межевых. Всякие сделки между городами и помещиками имеют по смыслу законов характер сделки частных лиц. И тем, и другим предоставляется полная свобода соглашаться или не соглашаться на ту или другую сделку. Далее, в том случае, когда согласно 450 статье законов межевых, за прилежащей к городу помещичьей земле не далее пяти верст от города находится казенная земля, которую можно было бы дать помещику взамен той земли его, которую удобно было бы прирезать к городу, то это может быть сделано все-таки не иначе, как с согласия помещик и при этом допускается надбавка, размер которой законом также не ограничен. Здесь я считаю нужным коснуться и тех оснований, которыми я предполагаю руководствоваться при оценке земли, если город пожелает войти в переговоры с моим доверителем непосредственно или при участии сословно-поземельной комиссии.

Из приложенной к этой записке черновой докладной записки покойного гвардии полковника князя Димитрия Шервашидзе, писанной им в июне 1853-го года князю Воронцову (приложение № 1)³⁵, комиссия может усмотреть, что князь Димитрий в таком только случае соглашался удовольствоваться платою по 10 рублей за десятину, если бы ему выдали эти деньги немедленно по заявлении им согласия на уступку земли городу и притом непременно в тех границах, которые обозначены в его докладной записке и в прошении, поданном им на имя полковника Колюбакина. Он сам, как видно из этой же докладной записки, сознавал ничтожность просимого им вознаграждения и соглашался на эту уступку собственно потому, что видел в этом единственное средство для ограждения себя от произвольного разорения его собственности войсками и жителями города. Прошу также комиссию обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, просьба его князю Воронцову не была уважена, по причинам не от помещика зависящим; во-вторых, главная цель его уступки не была достигнута, потому что собственность его все-таки продолжала быть разоряема в громадных размерах; в-третьих, обстоятельства с того времени много изменились, и благодаря введению более правильного управления в крае не предстоит уже надобности в подобных средствах для защиты прав собственности; в-четвертых, так как князь Димитрий не получил денег за землю и не был совершен никакой формальный акт на приобретение от него этой земли городом, то торг по этому предмету не может считаться состоявшимся и ни в коем случае для сына и наследника его не обязателен ни в отношении оценки земли, ни в отношении границ оной.

За норму при оценке земли можно принять десятилетнюю сложность доходов, какие оцениваемая земля может приносить. В окрестностях города Сухума, в имении князя Георгия находятся пашня, дровяной лес и луга. Каждая десятina пашен от посева кукурузы приносят от 25-ти до 30 рублей чистого

³⁵ Приложение № 1, так же как и остальные приложения, о которых говорит Пахомов, мы не публикуем.

дохода; каждая десятина лугов дает в два укоса 150 пудов сена, от которого выручается чистого дохода до сорока пяти рублей; лес дает в три порубки в течение десяти лет более 200 сажень дров с десятины, а каждая сажень приносит помещику дохода по два рубля. Если лес был строевой, то доход был бы вдесятеро дороже. Впрочем, оценка лесов подчиняется вообще особым условиям. Кроме того, по неимению средств обрабатывать всю пахотную землю, так как до окончания комиссией разбора поземельных прав с имения моего доверителя получают еще слишком ничтожные доходы, не позволяющие нанимать много работников, и поневоле должен был отдать некоторые поля в наймы некоторым вольно-промышленникам, которые за право обработки земли платят по десять рублей за лето. Независимо от этих доходов каждая десятина земли приносит, смотря по обстоятельствам, от 5-ти до 20 рублей за пастьбу скота в течение зимы, и этой статьей может приносить большой доход в виде молочного хозяйства и содержания табунов лошадей. Доход этот очень сложен, и потому подробно оценивать его я здесь не буду и ограничиваюсь только одним косвенным на него указанием. Не лишним считаю также указать и на то обстоятельство, что если бы город вздумал сослаться на десятилетнюю давность пользования землею, то и такая ссылка не имела бы никакого значения, так как по смыслу статей 224, 566 свода зак. Т. X час. 1-й и правил, изложенных в статье 214 свода законов Т. X части 2-й, дела по имениям князя Георгия, как оставшегося после отца своего малолетним, под земскую давность не подходят. Кроме того, указание на порядок отчуждения частных недвижимых имуществ под общественные казенные надобности можно найти в ст. 575 и последующих сводах зак. Т. X части 1-й. Впрочем, все эти статьи относятся преимущественно к возведению казенных зданий и проведению улиц и дорог и вообще до случаев, не предусмотренных ст. 343, 387, 388, 435, 445, 447, 448 и 450 законов межевых Т. X части 3-й.

II

Селение Келасури.

Границы: с северо-запада – река Келасури; с юго-запада – море; с северо-востока – селения Багмаран и Айбухца; с юго-востока – горы, расположенные по левой стороне реки Маджарки от границы Мерхеула до ручья, выбегающего из этих гор, и потом по этому ручью до моря.

Хотя собственно келасурская земля находится в обозначенных мною пределах, но к этому же селению принадлежат и дома, выстроенные покойным гвардии полковником князем Димитрием Шервашидзе. В сущности же они стоят на земле селения Абжагва. При Кялым-бее Келасури было маленьким селением, совершенно незначительным и заросшим густым лесом.

Гасан-бей, получив в удел Абхазский округ, поселился сначала в Сухуме и жил на Трапедии зимою, а на лето переезжал в Парнаут. После смерти Сафарбея, когда Гасан-бей начала теснить мать владельца, он перешел жить в Келасури, где выстроил себе дом в долине, на левом берегу реки Келасурки. Туда же он перевел из Сухума подвластных ему сухумских торговцев... и

таким образом, устроился келасурский базар. Развели в селении много фруктовых садов и по приказанию Гасан-бея очистили от лесу и от кустарников все Маджарское ущелье и пользовались образовавшимися таким образом обширными полями для посева кукурузы и для пастьбы келасурского скота. После войны 1853–1856 годов князь Димитрий эти поля обратил в луга и отдал их на скос войскам Сухумского гарнизона. После смерти князя Димитрия половину этих лугов, пользуясь покровительством князя Гасана Маргани и Григория Шервашидзе, захватил гульрипшский аамиста Беслангур Маргани. В самый год смерти князя Димитрия все эти луга по его приказанию были огорожены, но, как только он умер, Маргани порубили огорожу, поставленную по приказанию помещика, и с того времени и до сих пор неправильно пользуются лугами, находящимися между левым берегом реки Маджарки и горами. Управляющий Егор Туркия несколько раз жаловался на такой самовольный захват со стороны Маргани, но местное начальство, основываясь на предписании его императорского высочества наместника, не входило в разбирательство этого дела, и оно осталось в том виде, в каком было при введении в крае русского управления. Находя такое распоряжение местного начальства совершенно справедливым, я считаю только возможным просить комиссию восстановить в этом случае, как и других подобных же, нарушенное право настоящего владельца этого имения князя Георгия Димитриевича Шервашидзе.

Кроме права собственно торговли, келасурские торговцы имели право занимать места под свои усадьбы по указанию помещика и употреблять для построек и для топлива помещичьи леса. Строениями и усадьбами они пользовались, пока их занимали; когда же по каким-нибудь, зависящим или независящим от них причинам, они оставляли торговлю в этом селении, то возведенные ими строения, а также усадебные участки возвращались помещику, который располагал ими по своему усмотрению. Если какой-нибудь из этих торговцев умирал и в самом селении у него не оставалось наследников, то недвижимое его имущество все поступало в пользу помещика, а движимое передавалось его родственникам, жившим в других местах, если таковые находились. Когда же таковых не было, то все имущество умершего брал помещик. Очень часто князь Димитрий (при котором сохранился тот порядок, как и при его отце Гасан-бее), разрешал родственникам умершего занимать его лавку и усадебный участок и даже в некоторых случаях позволял уезжающим торговцам передавать свои лавки совершенно посторонним лицам. Такое снисхождение делалось, собственно, потому, что для помещика было решительно все равно, кто бы ни торговал, лишь бы торговля не прекращалась. Так как плата за право торговли взималась не с лавки и не с определенного пространства земли, то и естественно, что от перемены владельца лавки доход с нея помещика не увеличивался и не уменьшался. В течение жизни князя Димитрия он сам получал доход от лавок. После его смерти, во время управления Сухумским округом князя Константина, последний предоставил весь этот доход матери покойного князя, княгине Тате Шервашидзе. После же

ея смерти собираемые деньги поступали в распоряжение окружных начальников до самого выезда владельца из Абхазии.

По введении в крае русского управления означенные деньги поступали в ведение начальника бывшего Сухумского округа майора Бутми-де-Кацмана, собирались очень неисправно и употреблялись на содержание двух незаконнорожденных дочерей Холыл-бея Шервашидзе (незаконнорожденный сын Кялым-бея) – Шемся Ханум и Ашаханум... Когда в конце 1866 года юнкер Егор Туркия был снова назначен управляющим имениями князя Георгия Димитриевича, то обратил внимание на эту статью дохода и требовал с келассурских (торговцев) уплаты недоимки за несколько лет, но отчасти вспыхнувшее в Абхазии возмущение, а отчасти недостаток содействия со стороны местного начальства помешали взыскать деньги... Запрещение со стороны начальника отдела торговать в Келасури мингрельцам окончательно лишило помещика этой статьи дохода, простиравшейся до пяти тысяч рублей в год. Впрочем, Егор Туркия, не имея возможности сам собирать пошлину... и не рассчитывая при существовавшем в то время беспорядке получать сполна весь доход, отдал его на откуп мингрельцам Бесо Ахания (?) и Спиридону Надарейшвили ценою только за две тысячи пятьсот рублей в год, на что в бумагах моих имеется контракт.

До выезда владельца из Абхазии не было примера, чтобы кто из торговцев продал на снос свои строения. После введения в крае русского управления начальник бывшего Сухумского округа майор Бутми-де-Кацман, не потрудившись узнать обычаев, касающихся этого предмета, позволил уезжающим на родину... торговцам продавать занимаемые ими в Келасури лавки, чем допустил нанести значительный ущерб помещику. Об этом предмете имеется довольно большая переписка в канцелярии Сухумского военного отдела, вследствие жалобы сначала управляющего Егора Туркия, а потом моих. Отзывы мои по этому предмету на имя окружного начальника от 27 марта 1863 года за № 3 и от 15 апреля 1858 года за № 5, представленные мною комиссии при прошении от 18 июня 1863 года № 16. В отзывах этих дело о келассурских лавках и вообще о строениях, возведенных на помещичьей земле, изложено довольно подробно и потому говорить о нем здесь более я считаю излишним...

Переходя жить из Сухума в Келасури, Гасан-бей перевел туда и всех своих ахуйю и много анхае. Первые были все поселены в самом селении, недалеко от помещичьей усадьбы, потому что они нужны были для домашних услуг помещика. Земля, на которой они жили, им не принадлежала, и помещики никогда не стеснялись, когда им нужно было переводить этот класс крестьян на другое место, чему примером могут служить те ахуйю, которых князь Димитрий переселил в имение Гумиста. Впрочем, земля уже потому не могла составлять собственности ахуйю, что помещики имели право их продавать и дарить, не разрознивая, конечно, семейство, если со стороны ахуйю не было совершенно какого-нибудь преступления, за которое с ними по обычаю могли поступить как лицами из сословия ахашала. Сколько прежде были ахуйю в

имении князя Димитрия, теперь неизвестно. Вообще, собственно при доме их не очень было много и большая часть их с позволения помещика и даже по его собственному желанию занималась торговлей на келасурском базаре... Келасурские ахуйю после смерти князя Димитрия разошлись по разным его имениям (на Гумисте – 4 дома, в Мерхеуле – один дом; в Гумме – один дом и еще неизвестно где), где проживают и до сих пор. Всем им я составлю особый список, который будет мною представлен в комиссию. Вообще, в виду долженствующего скоро последовать улучшению быта земледельческого сословия в Абхазии я считаю бесполезным возвращать тех из них, кои поселились на земле своего помещика. В этом случае можно ограничиться только тем, что они не должны считаться иначе как ассасами тех селений, которые избрали новым местом своего жительства.

Переведенным из окрестностей Сухума в Келасури анхае Гасан-бей приказал расчистить себе участки земли на лежащих в окрестностях селения Келасури горах. В самом же селении было их только несколько домов. Келасурские анхае определенных повинностей не отбыли и были обязаны кормить помещика, т.е. доставлять провизию, подобно тому, как это делалось во владетельских имениях Лыхны и Очемчиры, с тою только разницею, что в Келасури очереди не соблюдались ни при Гасан-бее, ни при князе Димитрии и брали то, что было у кого. Между прочим, эти анхае, а также и келасурские торговцы доставляли в дом помещика молоко, яйца, сыр, кур и прочую мелочную провизию. Кроме того, келасурские торговцы доставляли также в дом помещика чай, сахар и прочие бакалейные товары, не в счет той платы, которая взималась со всех вообще товаров за право торговли на земле помещика. Порядок этот в то время не был обременителен ни для анхае, ни для торговцев. Для первых, потому что, хотя вследствие громадного стечения разных абхазских гостей в доме помещика требовалось много скота, но на прокормление почти всегда хватало той провизии, которая получалась от аджидза (подати) и айбара (штрафов), а также от приношений разных просителей, которые по обычаю не могли приходить с пустыми руками, для других, т.е. для торговцев, потому что бакалейные товары шли только для собственных потребностей помещика и небольшого количества его русских гостей, и расход этот, будучи сравнительно незначителен, не ложился большим бременем на торговцев и, кроме того, также пополнялся приношениями просителей. Здесь я замечу, что вообще в Абхазии считалось очень неприличным прийти с просьбой без какого-нибудь подарка, а непринятие его было равносильно отказу в просьбе. Кроме того, вследствие частых отлучек князя Димитрия из Келасури келасурским жителям часто ничего не приходилось платить...

Селение Айбухца.

Границы: с юга – келасурские горы и река Маджарка в том месте, где она совершенно подходит к этим горам, с запада – те же келасурские горы, с северо-запада продолжение этих же гор на границе с селением Багмаран, с

севера – также горная цепь на границах Багмарана и Мерхеула и с востока – цебельдинская дорога.

Айбухца прежде не составляла отдельного имения, а входила в состав имения Келасури. Это холмистая котловина, окруженная почти со всех сторон горами, представлявшая в прежнее время, когда она была еще сплошь заросшая лесом, удобное убежище для разных разбойников и абреков. Еще при Кялым-бее там поселился сын взятого в плен гурийца (сначала поселившийся в Цебельде) Аслан Гирей Эриста, набравший шайку разных сорванцов и грабивший абхазские селения. Скоро после того, как Гасан-бей получил свой удел, Аслан Гирей умер, не оставив наследников, и Гасан-бей, приняв в свое владение Айбухца, велел вырубить там лес и развести фруктовый сад. Там же впоследствии он, говорят, поселил одного из своих братьев – Теир-бея. У Аслан Гирея был родственник или однофамилец Мисоуст, живший сначала также в Цебельде и потом в Поквешах и других местах Абхазии. Вообще он земли своей не имел, был очень беден и существовал милостями разных лиц. После его смерти владетель взял его детей к себе в прислугу и, сделав их шинагмами, поселил в селении Лыхны, где они и оставались до 1860 года.

При жизни князя Димитрия в Айбухца никто не поселялся, исключая шести или семи домов келасурских анхае, поселенных еще Гасан-беем, и на обязанности которых лежало охранение айбухцинского сада, лучшего в Абхазии, особенно по качеству тамошнего винограда, который никогда не отдавался на откуп, и вино там выделялось собственными средствами помещика. Будучи дружен с князем Ширин-беем Маршани, князь Димитрий позволил ему в Айбухца собирать орех. Спустя два года после смерти князя Димитрия, в 1860 году, опекун над имением князя Георгия, бывший владетель Михаил, позволил детям Мисауста – Эрису Омару и Эдги Эриста – временно поселиться в этом имении. На протест против той меры со стороны князя Константина владетель отвечал, что он шинагма Эриста поселил там только временно, для того, чтобы они держали в порядке имение. После выезда князя Константина Омар Эриста стал себя считать полным помещиком Айбухца и, пользуясь поддержкой Григория Шервашидзе, подчинил себе даже и всех поселенных там Гасан-беем анхае. Вообще он поступал точно так же, как Джамлет Маргани на Гумисте. Омар умер в 1865 году, а брат его Эдги в прошедшем 1867 году выселился... До нынешнего года в Айбухца оставалось только три дыма ассасов, из которых два дыма Ашхарца во время переселения, не желая следовать за Эдги Эриста, ушли в Акапу, откуда вышли весною нынешнего года. Они и прежде, впрочем, были ассасами, пришедшими из Цебельды еще при жизни князя Димитрия. Третий дым составляет недавно поселившийся в Айбухца армянин Тапагу Аджам-оглы, которого, впрочем, и ассасом считать нельзя, потому что он не абхазец, и потому не имеет никакого права рассчитывать на надел землю в имении моего доверителя. Вообще ни один из оставшихся от переселения айбухцинских жителей не имеет в своей собственности ни клочка земли; все живут там в качестве ассасов и, пока

пользуются землею помещика, должны отбывать те же повинности, как и яштухинские анхае.

В сентябре нынешнего года начальник Сухумского военного отдела, неправильно объясняя одно из предписаний его императорского высочества наместника относительно земель выселившихся в Турцию абхазцев, поселил в имении Айбухца вернувшегося из ссылки цебельдинского князя Кваджа (в крещении Петра) Мамсыр-бей-ипа Маршани. По этому поводу я считаю не лишним сказать несколько слов касательно земель, оставшихся свободными в имении князя Георгия Димитриевича после выселения в Турцию его подвластных. Ложное толкование и неправильное применение вышеозначенного предписания наместника происходит от незнакомства местного начальства с здешними поземельными правами. Предписание говорит, что в казну должны поступать земли, принадлежавшие переселенцам, следовательно, тем из них, которые пользовались полным правом собственности на те земли, которые они занимали до переселения. Под эту категорию могут подходить цебельдинские земли, так как сначала после отпадения Цебельды русскими в 1837 году, все цебельдинские тавады сделались полными собственниками земли. Под эту категорию можно с основательностью подвести и все земли, на которых жили подвластные собственно владельца и его родных братьев, на том основании, что с выселением этих подвластных, которые не владели, а только пользовались землею, занимаемая ими земля должна бы поступить к владельцу и его братьям как по выморочному праву, так и потому, что земли всех подвластных князей Шервашидзе возвращались в распоряжение этих помещиков, как только подвластные их оставляли их землю, по каким бы то ни было причинам. В силу именно этого права все оставшиеся после переселенцев земли, исключая имения князя Георгия, долженствовали поступить в распоряжение владельца, если бы он еще существовал, необходимо должны поступить в казну, так как с уничтожением владительства и принятием всех владетельских имений в казну, правительство вступает во все права владельца как помещика. Совсем в другом положении находится часть Абхазии между Кодором и селением Псырцха. Здесь настоящий владелец земель остался в прежнем своем положении и не переставал быть собственником своей земли. Все выселенные из его имения его подвластные жили на праве посессионном, и покинутые ими земли должны быть обращены к первоначальному своему источнику. Вообще князь Георгий получал (хотя и не сам лично, а чрез опекуна) значительный доход с тех лиц, которые занимали принадлежащие ему земли. Переселением, сделанным помимо его ведома и желания, он лишен этого дохода, и было бы крайне несправедливо и разорительно для него отнимать у него и землю, которая была главным источником тех податей и повинностей, которыми он пользовался как помещик. Таким образом, земли, оставшиеся в имении князя Георгия Димитриевича свободными от переселения его подвластных, вполне ему принадлежат и не могут подходить под вышеозначенное распоряжение наместника. Генерал Гейман, не принимая в соображение всех этих

обстоятельств, о которых он не знал и которые могут быть известны только комиссии, специально этим занимающейся, прямо начал объявлять целые имения моего доверителя принадлежащими казне и вследствие такого взгляда в прошедшем году наложил запрещение на доход с мерхеульских покосов, а в нынешнем году посылал в Айбухца людей, которых, вероятно, князь Георгий ни за что не согласится держать в своем имении, даже на праве арендном, потому что Квадж Мамсур-бей-ипа Маршани был постоянным врагом князя Димитрия.

Мне кажется, что местное начальство, прежде чем налагать запрещение на какое-нибудь имение помещика или селить в нем посторонних людей, должно бы было точно узнать, кому принадлежит то имение, которым он распоряжается, а это может выясниться только тогда, когда Сухумская сословно-поземельная комиссия обнаружит результаты своих изысканий. Хотя Квадж Маршани поселен в Айбухца только временно, но он уже начал объявлять разные притязания на окружные земли и рассказывает другим жителям, что будто бы генерал подарил ему это имение вследствие того, что он его крестник. Как ни нелепы подобные рассказы, а они имеют влияние на умы... легковерных... Я потому упоминаю об этом обстоятельстве, что оно может подать повод жителям искать покровительство этого господина и потом давать разные неблагоприятные для князя Георгия показания.

Селение Багмаран.

Это горная местность, точно не ограниченная, расположенная между селениями Абжагва, Келасури, Айбухца, Мерхеул и Акапа.

В северной и самой большей части этого имения жил при жизни Гасан-бея и отчасти при жизни князя Димитрия ассас из Цебельды, родственник матери Гасан-бея, князь Тлапса Тчардия-ипа Маршания (отец Ширин-бея), вышедший из Цебельды в Багмаран почти в то же время, как и некоторые родственники Гасан-бея.

В начале сороковых годов Тлапса Маршани по просьбе своих сыновей и по совету бывшего цебельдинского пристава прапорщика Лисовского снова вернулся в Цебельду, и с того времени местность эта осталась незаселенною и заросла большею частью ореховым лесом.

В южном участке Багмарани живут шинагмы Эшба – один дым, люди очень бедные и не пользующиеся особенным значением в крае. Происхождение их мне в точности неизвестно, но я слышал, что они вышли из Карачая сначала в Самурзакань, а оттуда один из них пришел еще при жизни Гасан-бея, а может быть, и ранее, в Абхазский округ. Прежде их фамилия платила Гасан-бею одну корову на праздник пасхи, но впоследствии, когда от них остались одни сироты (теперь живущие там) и они обеднели, то с них не только ничего не брали, но, напротив, князь Димитрий за верную службу их отца приказывал своим анхае, живущим в Багмарани, помогать Эшбовым, чем можно. Повинности их и права те же, как и других шинагм, принадлежащих князю Георгию.

Из крестьянского сословия в Багмарни живут два дыма ахуйю Арсия, принадлежащих шинагмам Эшба, и принадлежащие князю Георгию Димитриевичу анхае Хакаа – шесть дымов; анхае Барчан (выходцы из Абжагвы) – один дым и анхае Абжинау – два дыма. Повинности и права багмаранских анхае те же, как и анхае Яштуха, Бырц и Абжагвы.

Селение Мерхеул.

Границы: с севера – цебельдинская граница на горах Агыш и Чижайюж, имения Амхял и Акапа, с запада – Багмаран и Айбухца, с юга – келасурские луга по берегам реки Маджарки и с востока – река Бзыб Аквара и горы, составляющие границу между Мерхеулом и имениями Парнаут и Гульрипш.

Из высших сословий в Мерхеуле до выселения абхазцев в Турцию жил только один ассас, цебельдинский ассас Зосхан Маршани, ушедший из Цебельды в 1837 или 1838 году, вследствие каких-то неприятностей с другими Маршани. Князь Димитрий принял его под свое покровительство, и так как в Мерхеуле не было ни одного аамиста, то он поместил Зосхана близ ущелья реки Маджарки, поручив ему наблюдать за окрестными селениями. Князь Димитрий, рассчитывая иногда жить в этом селении, выстроил даже на свой счет двухэтажный деревянный дом, в котором и поместил временно Зосхана Маршани. В этом доме Зосхан Маршани жил в качестве ассаса до самой своей смерти. Сын его в прошлом 1867 году... продал дом, построенный князем Димитрием, на что, конечно, не имел никакого права. Оставшаяся после его переселения земля составляет бесспорную собственность князя Георгия Димитриевича.

Кроме того, в Мерхеуле жило очень много подвластных князя Димитрия, которые большею частью в прошедшем 1867 году выселились в Турцию. Остались из них шинагмы Кокоскир – три дыма, из которых один, Хуссейн Кокоскир, исполняет обязанность амахела. Шинагмы Кокоскир были прежде анхае, но служба их при Батал-бее Шервашидзе (родном брате Гасан-бея) подняла их до звания шинагм, и такими они считались после смерти Батал-бея, который имел пребывания в Мерхеуле. Анхае Гудж-ипа – два дыма, анхае Брискил – четыре дыма и ахуйю Гячь-ипа, ушедший из Келасури вследствие того, что в 1864 году были в Келасури поставлены войска. Остальные жители Мерхеула (их, впрочем, очень немного) суть ассасы, пришедшие в последнее время. Обязанности мерхеульских анхае совершенно те же, как и в селениях Яштуха, Бырц и Абжагва и права их на землю те же и потому земли, оставшиеся от переселенцев, составляют собственность князя Георгия.

В последнее время начальник отдела назначил границей между селениями Мерхеул и Гердзеул (ошибочно причисляя последнее селение к Цебельде) ручей Туркумул. Не знаю, какие верные данные мог иметь генерал Гейман для назначения этой границы, несмотря на то, что мерхеульские жители приходили к нему с жалобой на то, что попечитель цебельдинских поселений взыскивает с них деньги за пастьбу скота в таких местах (между ручьем Туркумул и речкой Бзыб Аквара), где не только сами они пасли свой скот, но собирали даже ажидз с чужих стад в пользу своего помещика. Если бы начальник отдела прежде

назначения границы запросил хозяина смежного с Гердзеулом имения (как это обыкновенно в подобных случаях делается), то, вероятно, граница была бы обозначена точнее, и подвластным князя Георгия не пришлось бы платить за то, чем они имеют право пользоваться даром. С давних времен границей между Гердзеулом и Мерхеулом была речка Бзыб Аквара. После выезда владетеля из Абхазии, когда имение князя Георгия поступило во временное ведение начальника бывшего Сухумского округа майора Бутми-де-Кацмана, то последний собирал с цебельдинцев аждиз за пастьбу их скота именно на местности между речками Туркумул и Бзыб Аквара. Аждиз этот собирали моуравы Аджгирей Шакрылба (из селения Бырц) и Хуссейн Кокоскир (из селения Мерхеул). Собранный скот окружной начальник продал с публичного торг, и вырученные деньги 147 руб. 46 коп. были представлены им в управление отдела 30-го апреля 1866 года при рапорте за № 782, о чем начальник бывшего Драндского округа майор Бутми-де-Кацман уведомил управляющего Егора Туркия отношением от 14 ноября 1866 года за № 2021.

Я полагаю, что об этой границе должен знать также состоящий при начальнике отдела переводчик Бида Чхамалия, занимавший должность переводчика при цебельдинском приставе почти все время после смерти князя Димитрия Шервашидзе до возмущения абхазцев.

Селение Гердзеул.

Границы: с севера – гора Апианча, с востока – река Кодор (у переправы селения Наа), с юга – хребет гор, отделяющих селение Гердзеул от селений Кац Игаларта и Парнаута, и с запада – река Бзыбь Аквара.

Еще при Гасан-бее были поселены там в качестве ассасов родственники его матери – цебельдинские тавады Маршани. Сначала были поселены только временно и верно служили Гасан-бею в течение всей его жизни. По смерти Гасан-бея, пользуясь сначала несовершеннолетием и слабостью князя Димитрия и впоследствии несогласиями, возникшими между последним и владетелем Михаилом за имения, тавады Маршани по совету самого владетеля объявили себя независимыми владельцами Гердзеула. Так как князю Димитрию нужно было хлопотать о восстановлении своих прав не по одному этому имению, а почти по всем, а с другой стороны, открытой силой действовать он не мог, то в течение всей своей жизни он не мог выгнать ассасов Маршани с своей земли в Мерхеуле, несмотря на то, что они в союзе с Мамсыр-бей-ипа Маршани, жившими (также в качестве ассасов на владетельской земле) в Наа, на левом берегу Кодора, делали ему всевозможные неприятности. В 1858 году после мира с владетелем князь Димитрий хотел этим заняться, но скоропостижно умер, не успев привести в порядок своих дел. После смерти князя Димитрия был один случай, который дает некоторое указание на права князя Георгия на имение Гердзеул. У тавада Омара Маршани, жившего в Гердзеуле, была хорошая лошадь. Владетель приказал передать Омару, что ему было бы очень приятно получить эту лошадь в подарок. Омар Маршани лошади этой к владетелю не привел, и тогда владетель велел ему объявить, что он такого неуважения к своей особе не забудет. Омар, опасаясь дурных

последствий ссоры с владельцем, скоро явился к нему с лошадью и оправдывался тем, что будто бы ему никто не говорил о желании владельца. На это владелец ему отвечал: «Я знаю, что ты врешь и просто не хотел отдать мне лошадь. На первый раз я тебя прощаю, но помни, что живешь на земле Георгия, который находится под моим покровительством, и если ты будешь так же дурно ему служить, как мне, так он тебя прогонит». На это Маршани отвечал, что он хорошо знает, что он подвластный Георгия и что будет всегда верно служить и своему помещику, и владельцу. Случай этот должен быть известен лицам, служившим при князе Михаиле Шервашидзе. После выезда владельца из Абхазии Омар Маршани снова стал считать себя независимым, и так как, с одной стороны, он принадлежал к фамилии цебельдинских тавадов, а с другой стороны, имение Гердзеул совершенно смежно с Цебельдой, то очень не мудрено, что русское начальство, незнакомое с местными поземельными правами и не знавшее, что Омар Маршани был только ассас в имении князя Георгия, причислило это имение к Цебельде. В такую ошибку начальство могло впасть тем легче, что Омара поддерживали его родственники – цебельдинские Маршани, а в пользу настоящего владельца гердзеульской земли за его малолетством и отсутствием некому было говорить и писать. Таким точно образом были включены в состав Цебельды и некоторые другие части имения князя Георгия Дмитриевича, расположенные по окраинам Цебельды, о чем я буду говорить в своем месте. Мне кажется, что здесь не будет излишним сказать несколько слов о том, как образовалось поселение вообще в Цебельде.

При владельце Абхазии Дгешии³⁶ Шервашидзе в состав Абхазии входила не только Цебельда, но и местности Псху, Ахчипсху и Аибга, и в тех местах жили подвластные князей Шервашидзе, часто терпевшие нападения от соседних горских народов. В то время пришел к Дгешии один из кабардинских узденей Маршани, по имени Эдыг, желавший выселиться в Абхазию, принес с собою большие подарки и просил у него земли. Дгешия позволил ему поселиться в Ахчипсху и, сделав его своим моуравом, подчинил ему своих подвластных в Ахчипсху, Псху и Аибга и наложил на него обязанность защищать Абхазию от вторжения других горцев. Подвластные князей Шервашидзе продолжали платить и ему большую подать, но работать обязаны были Маршаньевым. При сыне Дгешии Арзакане пришел в Абхазию племянник Эдга Маршани Омар и тоже просил земли и притом поближе к морю. Арзакан, однако, на берегу моря земли дать ему не хотел, а отдал ему котловину, заключающуюся между горами Апианча, Агыш, Чижаудель, рекою, главным хребтом и горами, сванетскими и мингрельскими.

Впоследствии, когда внуки Арханхана Манучар, Шерван и Зураб были вывезены из Абхазии, фамилия Маршани начала считать себя совершенно независимой.

Покорением Цебельды русскими войсками окончательно прекратилось влияние владельцев Абхазии на Цебельду, и связь между Цебельдой и

³⁶ Имеется в виду одна часть Абхазии – Абжуа (середина страны), правитель которой Джигешиа Шервашидзе правил в конце XVII-го или в начале XVIII-го века.

Абхазией поддерживалась только общностью обычаев и языка. Цебельдинские Маршани, потомки Омара, размножившись, начали выходить на земли князей Шервашидзе и поселились в разных местах Абхазии в качестве ассасов. Таким образом, явились Маршаньевы в селениях Наа, Джгерда, Гердзеул, Амхяле, Акапе, Гумме и прочих. Было бы крайне несправедливо и неправильно считать эти земли принадлежащими к Цебельде и занимающих их тавад Маршани – собственниками земли...

Селение Гульрипш.

Селение это расположено в довольно узком ущелье, окруженном горами мерхеульскими и парнаутскими, по которому лежит небольшая речка, отдаляющая в своем низовье Гульрипш от Цандикуара. Поселение расположено в самом ущелье и, собственно, там только жили и обрабатывали свои поля подвластные князя Димитрия аамиста Маргани, несколько Дмитриевских анхае. Большая поляна, расположенная напротив выхода из ущелья, обрабатывалась при жизни покойного гвардии полковника князя Димитрия собственно для него, и Гульрипшские жители начали ею пользоваться только после смерти его.

Живущие в Гульрипш аамиста Маргани, хотя и принадлежат к настоящим Маргани, а не к тем, которые в последнее время жили в Псырцха, но никогда не пользовались никаким значением и, будучи очень бедны, жили милостями своих помещиков и исполняли при князе Димитрие те же повинности, как и прочие аамыста и шинагмы, ему подвластные. Подобно яштухинским шинагмам они имели право получать часть ажидза (одну штуку от стада) за пастьбу чужого скота около их усадьбы (но не далее) и пользоваться растущим около их лесом для своих надобностей, но не для продажи. Пахотной земли они занимали очень мало, только то, что было около их усадьб, и в этом отношении положению подвластных князю Димитрию анхае, живших там же, где и аамиста Маргани, было несравненно лучше. При жизни князя Димитрия Маргани, говорят, обязаны были приводить к нему на Пасху корову. Теперь их шесть дымов, но в то время они все вместе составляли только два дыма.

После смерти князя Димитрия, пользуясь беспорядками в управлении имением, захватили сначала часть келасурских лугов (по левому берегу реки Маджарки), а впоследствии, уже после выезда владетеля из Абхазии, начали продавать лес преимущественно бывшему командиру линейного № 35 батальона полковнику Котляровскому (ныне в отставке и проживает в Сухуме), с которым он сошелся и который руководствовал их своими советами для более удобного ограбления их помещика, князя Георгия Дмитриевича. Главным и старшим между этими Маргани считался Беслангур, который, собственно, один и начал захват имения своего господина и, предвидя, что показания келасурских жителей могут подорвать его мнимые права на захваченные им луга и лес, ездил в Келасури нарочно уговаривать Халыла Качал-ипа, Хусина Эммин-ипа и других, чтобы они подтвердили его ложные показания, обещая взамен не стеснять их, когда им потребуется лес и луга для пастьбы их скота.

Аамиста Маргани имеют три или четыре дыма ахуйю, но анхае подвластных никогда не имели. Некоторые из их ахуйю ими освобождены, но, сделавшись анхае, не могут считаться их подвластными, потому что поселены на земле князя Георгия и ему должны отбывать все повинности.

Кроме аамиста Маргани, в ущелье Гульрипш: анхае Гунджиа – пять дымов, анхае Габри-ипа – один дым (несправедливо выгнанный Григорием Шервашидзе из Бабыш-ира), Хаябат (бывший ахуйю Парнаутского анхае Эльмурза Циба), анхае Тырыпшь (Трапшь) – один дым (выходцы из Бзыбского округа) и анхае Шонца (?) – один дым. Все эти анхае отбывают те же повинности, как и анхае селений Яштуха, Бырц и Абжигвы, и пользуются те же правами.

Имение Парнаут.

Определенных границ не имеет. Это горная котловина, заключенная между селениями Мерхеул, Гердзеул, Багажяшта, Цандикуара, Кац Игаларта и Гульрипш.

Гасан-бей выбрал эту местность, отличающуюся очень здоровым климатом, своим летним местопребыванием, развел там хороший сад и поселил там для своей услуги несколько анхае из фамилии Циба (подвластных его матери) и Шалаберия (мингрельцев). После смерти князя Дмитрия половина фамилий Циба и Шалаберия перешли без позволения помещика жить в имение Пшап, а из другой половины Циба остались в Парнауте, а два дыма Шалаберия переселись в Абжигву в 1867 году, и остальные Циба ушли, и все имение, оставшись свободным, поступило в непосредственное ведение помещика князя Георгия.

Имение Кац Игаларта.

Это горная котловина, резко неограниченная, заключающаяся между имениями Гердзеулом, Допуакытом, Бабыш-Ира, Цхубеном, Багажяшта и Парнаутом. Прежде Кац Игаларта служила местопребыванием одного из младших братьев Гасан-бея – Ростом-бея. После смерти Ростом-бея жившие там анхае разошлись по разным другим имениям князя Дмитрия, и Кац Игаларта оставалось имением незаселенным до того времени, когда был убит зять владетеля Абхазии Бабыш Маршани дальским тавадом Алмастом Маршани. После этого происшествия подвластный Бабыша майор Ростом Цихваш-ипа (более известный под ошибочно данной ему фамилией Маршани), боясь той же участи бежал в Кац Игаларта и сначала там скрывался, а потом навел к себе родственников своих и несколько ассасов из Цебельды, которые признают его своим помещиком, несмотря на то, что положительно известно, что ни Цихваш-ипа, ни Ярдыр-ипа, ни Пашт-ипа никогда, кроме нескольких ахуйю, подвластных не имели, а напротив сами, были подвластными тавада Маршани. Я считаю крайне несправедливым и обидным для князя Георгия оставить имение Кац Игаларта в руках этих цебельдинских ассасов, и допустить это можно только в таком случае, если они все, без различия званий, будут подведены под общий уровень анхае князя Георгия и притом с тем, чтобы места жительства были им указаны самим помещиком или его

поверенным. До того же времени они должны или оставить своевольно занятые ими земли или исполнять все повинности, лежащие на других анхае князя Георгия.

Имение Цанбейквара.

Цанбейквара не составляет отдельного имения. Это лесной участок, составляющий часть имения Багажяшта. Живут там только два дыма анхае Танба и один дым Лазбе-ипа... все трое ассасы, расчистившие себе небольшие участки леса уже после смерти князя Димитрия или немного раньше этого времени, обязаны они отбывать те же повинности, как и анхае селений Яштуха, Бырц и Абжагва. Это имение совершенно бесспорное и, если случалось в последнее время, что гульрипшские аамиста Маргани, также иногда ассасы селения Багажяшта, шинагмы Кучба, позволили себе продавать оттуда лес войскам, то это делалось ими тайным образом и преимущественно после выезда владельца из Абхазии.

Селение Багажяшта.

Большое пространство земли, большею частью покрытое отличным дубовым лесом, заключенное между имениями Цанбейквара, Парнаут, Кац Игаларта, Верхняя Дранда и Пшпал, определенных границ не имеет. Из высших сословий есть в Багажяшта только один дым тавад Эмухвари. Это ассас, пришедший из Самурзакани. Поселен был в Багажяшта, дед теперь живущего там Чапиака Эмухвари, по имени Багыр. Случилось это переселение таким образом. Гасан-бей, незадолго до своей смерти, был как-то в Самурзакани и ночевал у Багыра. Багыр, не имеющий почти никакого имения, ни подвластных (он не принадлежал к настоящей фамилии Эмухвари), занимался постоянно воровством... Вследствие такого ремесла ему приходилось платить очень много штрафов. Заплатить ему было нечем, и он был в такой крайности, что ему нечем было накормить Гасан-бея и его свиту. Гасан-бей, сжалившись над его положением, взял к себе в услужение и позволил ему жить в Багажяшта. Таким образом, уходя под покровительство Гасан-бея, Багыр Эмухвари отделался от уплаты своих самурзаканских долгов. Но у него оставался в Самурзакани родной его брат Хиту (отец теперь живущего в Багажяшта Чатака Эмухвари), и кредиторы ушедшего в Абхазию Багыра стали требовать свои долги с его брата. Хиту, избегая преследований, бежал сначала в Цебельду, потом в Гумм, нигде ни имея постоянного пристанища, и наконец пришел к своему брату Багыру незадолго до смерти князя Димитрия и составлял вместе с Багыром один дым. Ассасы Эмухвари, хотя и называют себя таковыми, но никогда не имели значения более обыкновенных шинагм и настоящие тавады Эмухвари, живущие в самурзаканском селении Чхортоли и в бзыбском Хуапе, своими родными их не признают. Багажяштинские Эмухвари относятся к тавадам Эмухвари так же, как псыртинские Маргани из Апыцхва и как Ростом Цихвашипа и Беслан Ярдыр-ипа к тавадам Маршани. Подвластных эти Эмухвари никогда ни в Самурзакани, ни в Абхазии не имели и не имеют, исключая нескольких ахуйю, которых у них отобрали за долги, и одного ахашала, которого они приобрели уже на новом месте жительства. Прав

собственности на занимаемую ими землю они никаких не имеют. Что багажяштинские Эмухвари не считались выше шинагм, видно уж из того, что двух дочерей своих Багыр Эмухвари выдал (сначала одну, а после его смерти другую) за шинагму Кягуса Чирикба, жившего в то время в Пшапе (вторую жену свою, вторую дочь Багыра Эмухвари, Кягуса убил прикладом пистолета и теперь женат уже на третьей жене, происхождения которой я не знаю). Вообще я полагаю, что Эмухвари происходят от какого-нибудь незаконнорожденного, подобно покойному Ахмату Чабалурхва в селении Абжагва.

Кроме Эмухвари, в Багажяшта живут в качестве ассасов цебельдинские выходцы шинагмы Кучба, поселенные в этом селении после смерти князя Димитрия в 1863 и 1864 году Гасаном Маргани, который, когда Григорий Шервашидзе был отставлен владетелем от места окружного начальника, управлял Сухумским округом. Впрочем, шинагмы Кучба уже не в первый раз поселяются в этих местах. Еще при жизни Кялым-бея, жена его Робия Ханум, урожденная Маршани Кец-ипа, взяла в кормилицы к своей дочери Сельма Ханум (умершей малолетней) мать теперь живущего в Багажяшта шинагмы Кяго Кучба, по имени Хуранза, которая считалась подвластной Кец-ипа Маршани. Однажды эта кормилица принимала у себя в доме, в Цебельде, владительницу и, дав ей при этом случае хорошие подарки, просила ее принять под свое покровительство ее мужа – отца Кяго Кучба. Робия Ханум просила о них своего мужа Кялым-бея, и Кялым-бей, приняв шинагм Кучба под свое покровительство, позволил им жить в имении Пшап, а Кяго Кучба взял к себе в прислугу в качестве чубукчибаши (подавателя трубок). В этой должности Кяго Кучба, будучи мальчиком, постоянно бегал пешком около лошади своего помещика с трубкой. После раздела абхазского наследства и отдачи Абхазского округа в удел Гасан-бею шинагмы Кучба поселены в Пшапе, сделались подвластными Гасан-бею, и Кяго находился в числе домашней прислуги. После смерти Гасан-бея Кучба наделали каких-то проказ и были прогнаны из Пшапа князем Батал-беем Шервашидзе с согласия князя Димитрия обратно в Цебельду. При жизни князя Димитрия Кяго Кучба не смел возвращаться в его имение и только чрез несколько лет после его смерти решился при помощи Гасана Маргани поселиться сначала в Аварче, а потом в Багажяшта, где живет уже лет пять или шесть. Кроме нескольких ахуйю и одного беглого русского солдата, живущего у них в доме, шинагмы Кучба подвластных не имеют, но, благодаря прежней неурядице в имениях князя Георгия и покровительству Гасана Маргани, они успели приобрести большое влияние не только в Багажяште, но и в селении Пшап и, стараясь присвоить себе подвластных князя Георгия часть, возбуждают их к неисполнению лежащих на них повинностей. На землю в Багажяшта они имеют еще меньше права, чем Эмухвари, и так как они, кроме вреда помещику этого имения, ничего не приносят, то я прошу комиссию послать их куда-нибудь из имения князя Георгия Димитриевича или же заставить их платить в пользу помещика ажидз наравне со всеми анхае за пользование помещичьей землей. Вообще относительно ассасов я полагаю, что князь Георгий Димитриевич готов будет делать всевозможные снисхождения

ассасам из крестьянского сословия. Как людям действительно трудящимся, но не будет давать даром земли ассасами из сословия тавад, аамиста и шинагм, так как эти люди сами не работают, пользуются только чужим трудом и вследствие своего постоянного тунеядства только волнуют народ и занимаются воровством. При новом порядке вещей, наступающем в Абхазии, гораздо будет лучше, если все ассасы из высших сословий, не имеющие своей земли на коренном месте своего жительства, останутся вовсе без надела землею. Это заставит их или самим наниматься на службу к другим лицам, или нанимать у других землю. И в том, и в другом случае они поневоле должны будут работать, и если в первое время такого преобразования некоторые из них будут в дурном положении, то зато в будущем они сольются с земледельческим сословием или сделаются мастеровыми и торговцами и стало быть людьми более полезными, чем теперь.

Жители крестьянского сословия суть анхае Читана, шесть дымов. Эти ассасы, пришедшие при жизни князя Димитрия из самурзаканского селения Чхортали. Они прежде были пиошами чхортольских тавад Эмухвари, но вследствие убийства одного из них бежали в Абхазию под покровительство князя Димитрия, который поселил их в Багажяшта. Анхае Харазия – выходцы из Абжагвы, два дыма, анхае Капба – выходцы из Акапа. Остальные все беглые из разных мест Абхазии, и потому должны быть возвращены на свои места.

Впрочем, их можно оставить в Багажяште с условием, чтобы они считались вполне подвластными князя Георгия.

Селение Пшап.

Границы: с юга – море, с запада – река Пшап, с севера – тоже река Пшап и горы, отделяющие имение Пшап от Багажяшта, и с востока – селение Цхубен или Дранда, отделяемое от Пшапа рекой Адзапша.

Это большое и мало заселенное пространство земли, большею частью занятое отличным строевым лесом. Имение Пшап никогда не было спорным и только в последнее время объявил на него претензию, впрочем, ни на чем не основанную, Григорий Шервашидзе. Я уже достаточно говорил о том, как Григорий Шервашидзе старался мошенническим образом захватить в свои руки многие имения князя Георгия Димитриевича и, может быть, придется мне об этом говорить далее при описи других имений, в которых он более прочно утвердил свое влияние. Относительно же Пшапа претезания его имеет также мало основания, что против них я не нахожу нужным и говорить.

Жители Пшапа – анхае Циба. Я о них уже упоминал, описывая имение Парнаут. Теперь анхае Циба, рассчитывая на неведение русского начальства, по примеру многих анхае, называют себя аамиста.

В числе представленных мною в комиссию документов есть между прочим одно письмо княгини Кессарии Шервашидзе к князю Димитрию, из которого видно настоящее звание Циба...

Анхае Шаламберия – два дыма, тоже выходцы из Парнаута. Из них Алхаз Шаламберия, имеющий очень большое влияние в народе и, действуя заодно с шинагмами Кучба (в Багажяшта и Айбара), Чагыром Вардан (в Абжагве) и

Ахматом Мысыр-ипа, в Бырц, постоянно возбуждают народ к неисполнению обязанностей его относительно помещика и имеют даже вредное влияние и в правительственном отношении. Анхае Танба – один дым, вышедший из Мерхеула. Анхае Гунджа – один дым. Анхае Джиба – один дым. Все анхае селения Пшапа обязаны отбывать те же повинности, как и анхае селений Яштуха, Бырц и Абжагва.

Не лишним считаю сообщить комиссии, что во время переселения абхазцев в Турцию анхае Циба купили мальчика Реджеба Агоцба, кажется, из гумских анхае. Так как продажа людей в Абхазии была воспрещена гораздо ранее переселения абхазцев, то, кажется, что мальчик Реджеб Агоцба, находящийся теперь в рабстве у вдовы анхае Мисауста Циба – Асиды, должен быть освобожден. У той же вдовы Асиды Циба живет араб Селим, который, как араб, хотя и считается свободным, но жена его Хваша, неизвестно почему, продолжает считаться ахашалой Асиды Циба.

Все остальные жители Пшапа, здесь не поименованные, суть ассасы, поселенные там в недавнее время. Впрочем, и поименованные мною анхае могут считаться ассасами, потому, что все они, в сущности, не коренные жители Пшапа, а выходцы из других имений князя Георгия Дмитриевича.

Селение Цхубенил и Дранда.

Границы: с запада – речка Адзапш (отделяющая Цхубен от Пшапа); с юга – море, с востока – селение Бабыш-Ира и старое русло Кодора, с севера – селения Допуакыт и Кац Игаларта.

Когда в половине прошедшего столетия фамилия Шервашидзе была удалена в Турцию, воспользовавшись этим обстоятельством князь Дзапш-ипа заняли все пространство между Псырцха и Кодором, то и Цхубен (деревня Дранда) подпал под их власть.

С возвращением владетельного дома в Абхазию сила и значение князей Дзапш-ипа упали. Когда приехал из Батума племянник владетеля Зураба – Кялым-бей (впоследствии владетель), то Зураб послал его выгнать из Цхубена жившего там князя Дзапш-ипа и вскоре после того Кялым-бей, сделавшись уже владетелем, послал в Цхубен одного из подвластных ему аамиста, Ломкадзе (?) Званба, которому поручил управление всем драндским имением и собирать в его, т.е. владетеля пользу повинности с тамошних жителей, прежних подвластных, выгнанных князей Дзапш-ипа и анхае, переселенных туда самим Кялым-беем.

Река Адзапша, служащая теперь границей между Дранда и Пшапом, получила свое название, собственно, потому, что она была назначена первоначальной границей между Дзапш-ипа и землями в непосредственном ведении Зураба, в первое время по возвращении его из Турции и до приезда в Абхазию Кялым-бея.

Ламкадза (?) Званба не имел в Цхубене ни одного подвластного ему анхае и владел только несколькими ахуйю и ахашала. У него было два сына – Темурква и Матыр-бей – современники Гасан-бея, и когда последний получил в надел Абхазский округ, то аамиста Званба сделались вполне его подвластными

и особенным значением в округе не пользовались, как люди бедные и далеко не самостоятельные. Драндские анхае им по-прежнему никаких повинностей не отбывали, а отбывали их Гасан-бею.

Во время смут, последовавших после убийства Кялым-бея, аамиста Званба начали играть более видную роль и приобрели большое доверие у Гасан-бея, который делал им большие подарки. Во время восьмилетнего пребывания Гасан-бея в Сибири они еще более усилились, и подвластные Гасан-бею, живущие в Цхубене, начали им служить. Будучи, однако, преданными своему господину, они пристали к его братьям, оставшимся в Абхазии, таким образом, сделались участниками партии, хлопотавшей о возвращении Гасан-бея из Сибири, и постоянно воевали с Али-беом Шервашидзе (отцом Григория), который хотел забрать все имение Гасан-бея до Пшапа. Кроме преданности к своему господину Темуркв и Матыр-беом Званба руководили отчасти и расчет и самолюбие. Соглашаясь считать себя подвластными одного из членов владетельного дома, Званба как коренные аамиста считали для себя позорным сделаться подвластными сына Бекир-бея (деда Григория, который хотя и носил фамилию Шервашидзе, но к владетельному роду не принадлежал и был простым владетельским моуравом). Кроме того, захватив раз в свои руки драндских анхае, они имели надежду, что Гасан-бей, если вернется, не лишит их права пользоваться услугами этих анхае за преданность и верную службу Званбаевых, тогда как Али-бей с ними бы в этом отношении не поцеремонился и не только лишил бы их повинностей от анхае, но и самих Званбаевых бы из Цхубена выгнал. Вернувшись из Сибири, Гасан-бей, действительно, не лишил Званбаевых права пользоваться повинностями тех анхае, которые в то время жили в Цхубене, но постановил: во-первых, чтобы эти анхае давали в пользу его, Гасан-бея, пастухов, по три бичуквы (кошелки) кукурузы и по два апхала (кувшины известной меры) вина, во-вторых, чтобы они на праздник Пасхи приносили Гасан-бею по ягненку или козленку (что у кого есть), а сами аамиста Званба обязаны были при этом случае приводить лучшую корову. Дар этот считался почтенным, но во всяком случае обязательным и постоянно аккуратно приносился как самому Гасан-бею, так и впоследствии сыну его покойному гвардии полковнику князю Димитрию Шервашидзе.

Прав собственности на землю Гасан-бей Званбаевым не давал, продолжал пасти свой скот в драндских лесах и позволил селиться в Цхубене разным анхае, своим и чужим, с тем, чтобы они платили подати ему, а не Званбаевым. Таким образом, случилось, что в одном и том же имении есть анхае, подвластные и князя Георгия, и Званбаевых. Впрочем, и Званбаевские анхае не могут считаться безусловно подвластными этих аамиста, так как последним предоставлено право пользоваться не всеми повинностями анхае, а только их большею частью.

В Абхазии существует обычай, что когда отдают на воспитание ребенка княжеского рода, то вместе с ним, для его прислуги, присылают кого-нибудь из его подвластных, большею частью одних лет с воспитанником. Такой слуга носил название ганделя. Обычай этот существовал и во всех областях,

входивших в древние времена в состав Грузинского царства, и цель его состояла в том, чтобы выросший, таким образом, с своим господином слуга оставался при нем, был бы ему предан и постоянно бы ему служил как самый доверенный слуга. Хотя назначение в гандели было обязательно для всех подвластных без различия звания и от этой должности отказываться было нельзя, но, в сущности, это не было тяжелой повинностью относительно фамилии Шервашидзе. Первые тавады и аамысты были рады отдавать своих сыновей в гандели, потому что эти гандели, выросшие вместе с своим господином и делаясь их доверенными лицами, получали большие подарки и обыкновенно играли довольно важную роль. Сафар-бей, будучи в хороших отношениях с Гасан-беем, и, желая еще более скрепить с ним дружбу, отдал ему на воспитание сына своего князя Константина. Гасан-бей при этом назначил в гандели князю Константину сына Темруква Званбая – Соломона. Когда князь Константин был отправлен в С-т Петербург в пажееский корпус, то вместе с ним послали и его гандели Соломона Званбая³⁷, который был определен в дворянский полк. Дослужившись впоследствии до чина полковника, Соломон Званбай приобрел довольно большое значение у русского начальства и в Абхазии. Желая утвердить свои права на Цхубен (которых в сущности он никогда не имел, будучи простым ассасом в имении князя Димитрия), Соломон Званба, говорят, просил владетеля дать ему грамоту на владение землею. Будучи в дурных отношениях с Гасан-беем и держась постоянно системы поднимать против него собственных его подвластных, владетель и сам мог посоветовать Соломону Званбаю взять такую грамоту, несмотря на то, что теперь не мог давать письменные документы на вечное владение землею и дал подобный документ, кроме Соломона Званбая (если только он его дал Соломону) только одному генералу Кацо Маргани и то вследствие крайней необходимости. Соломон же Званбай не был таким важным человеком и не был таким приближенным лицом к владетелю, что последний был поставлен в необходимость делать для него такое необыкновенное исключение. Ясно, что эта грамота, если она существует, была чисто делом интриги. Кроме того, я имею некоторый повод сомневаться и в самой подлинности этого документа. В копии, которую я видел у Таты Званбай (вдовы Батритшаха), между прочим, написано: «с подлинною копиюю, хранящеюся при делах полка, верно». Из этого я заключаю, что в архиве Мингрельского Егерского полка находится только копия документа, а не самый документ. Кроме того, из новой копии не видно, что первоначальная копия, хранящаяся в архиве полка, была бы кем-нибудь заверена, а если она не заверена, то не может иметь никакого значения, потому что Соломон мог и сам написать грамоту и назвать ее копиюю с подлинного документа, будто бы существовавшего, и в виде такой мнимой копии оставить в полку. Самое содержание грамоты для меня очень странно. Я уже не говорю о громадности границ, назначаемых грамотою, далеко выходящих из пределов того, чем когда-

³⁷ Имеется в виду участник Крымской войны, первый абхазский этнограф, подполковник Соломон Званба (Званбай), погибший 25 октября 1855 года в бою на реке Ингури.

либо пользовались аамиста Званба: отдавая не свое, а чужое имущество, которым сам воспользоваться не имел права. Владетель мог кроить землю, как ему было угодно, нисколько не вредил своим собственным интересам. Но тем же документом предоставлялось Соломону и его братьям право продажи пальмы из Званрипш, на что владетель, конечно, никогда бы не согласился, во-первых, потому, что, давая такое право, он самого себя лишал важного дохода, и, во-вторых, не было на то никакого и основания, потому что драндские Званба уже давно ничем не пользовались в Звандрипше, и невозможно было предоставить это право Соломону Званбай, обходя при этом звандрипшских аамиста той же фамилии. Такого подарка владетель, вероятно, не сделал, и потому я думаю, что если владетель и дал Соломону какую-нибудь бумагу, то, вероятно, не ту, которая имеется в делах Мингрельского егерского полка. Если у Таты Званбай окажется подлинный документ, то и тут может быть сомнение. Все лица, подписавшие документ в качестве свидетелей, уже умерли, и запросить их об этом предмете, стало быть, нельзя. Печати владетельской к грамоте не приложено (по крайней мере, в копии о ней не говорится), чего не могло бы случиться, если бы документ был подлинным. Так как не только к такой важной грамоте, но даже к простым свидетельствам о дворянстве и отпускным билетам владетель всегда приказывал прикладывать печати. В виденной мною копии ни слова также не упоминается о том, чтобы подлинная грамота была подписана владетелем. Все эти пробелы до крайности подозрительны.

Кроме всего вышеизложенного, о грамоте я не лишним считаю заметить, что если бы в действительности существовала и считалась бы в Абхазии законною, то ни Гасан-бей, ни покойный князь Димитрий не могли бы распоряжаться драндским имением так, как они в нем распоряжались, т.е. пасли там свои стада, собирали с жителей ажидз, продавали и отдавали даром, не спрашивая у Званбаевых позволения, тамошний лес, селили там своих и чужих (принимаемых ими под свое покровительство) крестьян и не брали бы с самих Званбаевых одну корову в год. С другой стороны, предоставив Соломону Званбаю право продавать звандрипшскую пальму, владетель сам бы ее не продавал, а между тем положительно известно, что аамиста Званба этой пальмы никогда не продавали и, напротив, продавал ее постоянно сам владетель.

Независимо от всего сказанного, названная грамота, если бы она и действительно была бы дана владетелем, не может иметь значения уже потому, что владетель не имел никакого права распоряжаться тем, что ему не принадлежало.

При жизни князя Димитрия Соломон Званбай пользовался в имении Дранда всем, чем пользовался его отец Темурква. У него же в доме жил и его двоюродный брат Батритшах, сын Матыр-бея, младшего брата Темурквы. Батритшах при жизни Соломона ничем не пользовался, потому что как член младшей линии их рода имел право рассчитывать только на то, чтобы его кормили и одевали в доме старшего в роде до женитьбы, а после женитьбы обыкновенно ему выделялась только небольшая часть того, чем владел старший

в роде. С точки зрения европейских юристов Батритшах, как сын родного брата Темурква (отца Соломона), должен был наследовать половину того, чем пользовался дед их Ломкадзе. По абхазским же понятиям дело выходило иначе. Темурква был старший брат, и потому один только пользовался всем, что им было предоставлено князьями Шервашидзе и передал свои права нераздельно своему сыну Соломону, а Батритшах не имел даже права на наследство, потому что наследство у ассасов переходит только по прямой линии, а в боковые линии может переходить только с разрешения главного помещика, которого либо из князей Шервашидзе. Это почти всегда разрешалось и обыкновенно при этом случае помещик получал большие подарки скотом, оружием или деньгами. Как полным собственникам земли, князьям Шервашидзе было решительно все равно, кто бы ни пользовался их землею, лишь бы она не оставалась пустою; с другой стороны, каждый из них старался иметь как можно больше подвластных, так как, чем больше их было, тем значительнее и сильнее были помещики. Я говорю об этом предмете собственно потому, что вопрос этот был возбужден после, при кончине полковника Соломона Званбая, и способ, каким он был разрешен, может отчасти служить указанием о правах по наследству в Абхазии вообще, а в частности на право князя Димитрия, а по нем сына и наследника его князя Георгия Димитриевича.

Соломон Званбай умер бездетным. Так как, с одной стороны, вдова его, как женщина, не могла быть наследницей, а с другой стороны, Батритшах, как двоюродный, также не мог быть наследником, то имение (в тех пределах и на тех правах, какими пользовался Соломон) считалось выморочным. Что так на этот предмет смотрели и владетель, и князь Димитрий, видно из следующего обстоятельства. Соломон Званбай, при жизни своей выстроил два деревянных дома: один в городе Сухуме (теперь он принадлежит майору Крыницкому) и один в селении Дранда, где он жил. Когда Соломон умер, то князя Димитрия в Абхазии не было, уезжал в Тифлис или Кутаис. Вдова Соломона, воспользовавшись отсутствием князя Димитрия, продала драндский дом купцу Иордану Метакса, который и перевез его в Сухум. На беду их приехал в Сухум владетель и, узнав об этом случае, рассердился и приказал тотчас же арестовать привезенный из Дранд дом, а дом, находившийся и прежде в Сухуме, он тотчас же приказал до приезда князя Димитрия занять князю Александру Шервашидзе. Действуя таким образом, владетель говорил, что это имущество как выморочное должно принадлежать князю Димитрию и несмотря на то, что сторону вдовы Соломона Званбая приняло было русское начальство, владетель остался при своем решении. По приезде князя Димитрия владетель сообщил ему о своем решении, и князь Димитрий тотчас же принял от князя Александра дом, прежде состоявший в городе, а дом, перевезенный из Дранд, позволил взять Иордану Метаксе, вследствие неотступных просьб последнего и еще одного обстоятельства, о котором неудобно писать.

В то же время князь Димитрий позволил Батритшаху пользоваться тем, чем пользовался его двоюродный брат Соломон, с условием, чтобы он взял на свое попечение вдову умершего. Батритшах не только взял ее на свое

попечение, но даже выдал ее замуж за своего сына. С того времени Батритшах всегда верно служил князю Димитрию и никогда не переставал считаться его подвластным. В настоящее время из их рода остались только дети Батритшаха от двух его жен и вдова его (вторая жена) Тата Званбай, которая только в нынешнем году начала претензии на полное владение селением Дранда и на свою полную независимость.

В сущности аамиста Званба имеют право в Цхубене пользоваться землею настолько, сколько это им необходимо для своего пропитания, и то до тех только пор, пока они там живут, пасти свой скот на драндских пастбищах, получать по одной штуке от аждиза, собираемого в пользу помещика князя Георгия за пастьбу чужого скота, собирать аждиз (за исключением трех бичукв кукурузы и двух апхалов вина) с тех жителей, которых отцы им служили с позволения Гасан-бея, и пользоваться их работой, пользоваться растущим около них лесом для своих надобностей, но не для продажи. В свою очередь сами они, я уже сказал выше, обязаны приводить помещику на пасху одну корову, исполнять все его поручения и ездить в его свите, когда он потребует.

Из опроса жителей можно узнать, что и Гасан-бей, и князь Димитрий постоянно владели имением Дранда, пасли там свой скот, селили своих крестьян, отдавали на откуп тамошний виноград и продавали лес. На то, что покойный гвардии полковник князь Димитрий распорядился драндским лесом, комиссия может найти много указаний в представленных мною при прошении от 19 минувшего ноября документах. Вино при жизни князя Димитрия брали на откуп в селениях Дранда и Бабыш-Ира мигрельцы...

После смерти князя Димитрия вино в селении Дранда отдавал на откуп опекун малолетнего в то время князя Георгия князь Михаил Шервашидзе, о чем должен знать Соломон Званбай, которого владетель посылал не раз отбирать от откупщиков следующую помещику часть вина. В тот год, когда дочь владетеля Тамара уезжала с мужем своим (Нико Дадиани) в Мингрелию, за этим вином в Дранды был послан не Соломон Званбай, а Гасан Маргани. По поводу последнего я могу рассказать случай, послуживший поводом к официальной переписке, которая может подтвердить мое показание. В 1863 году в селениях Дранда и Бабыш-Ира взял от владетеля подряд мингрелец Битуйя Читайя. Когда вино было сделано и нужно было взять часть, следующую в пользу помещика, то управляющий Егор Туркия, заведывавший обыкновенно этими делами, спрашивал владетеля, что ему делать с вином. Владетель приказал его продать. Туркия, исполняя это приказание, продал вино тому же Битуйя Читайя за (пропуск) рублей, но денег взять не успел, потому что отправился в поход с генералом Шатиловым, при котором он состоял переводчиком. Во время отсутствия юнкера Туркия Гасан Маргани отнял от Битуйя Читайя деньги и истратил их. Егор Туркия, вернувшись из похода и узнав о случившемся, тотчас же подал жалобу на Гасана Маргани генералу Шатилову. Гасан был запрошен и отвечал, что деньги он действительно взял, но истратил их не на свои надобности, а по делам владетеля. Переписка эта непременно должна находиться в делах канцелярии Сухумского военного отдела. В делах этой

канцелярии должны быть и многие другие бумаги, указывающие на права покойного полковника князя Дмитрия на драндское имение. Одна из самых интересных переписок по этому предмету была та, которая (велась) вследствие заарестовывания дров купца Смирнова Сухумскою таможеню. Князь Дмитрий продал господину Смирнову сто сажень дров. Дрова эти рубил с подряда родной брат поверенного князя Дмитрия, Якуб Саков, в драндском лесу. Когда дрова были готовы и нужно было их грузить на суда, то таможня наложила на них запрещение, основываясь на то, что владетель Абхазии приказал без своего разрешения не выпускать из края какие бы то ни было лесные материалы. Князь Дмитрий рассердился и тотчас написал... бумагу к генералу Лорис-Меликову (черновая этой бумаги представлена мною комиссии: приложение № 8-й) и частное письмо к владетелю. Генерал Лорис-Меликов в свою очередь также снесся об этом с владетелем и результатом всей истории было письмо владетеля, в котором он прямо говорит, что распоряжение его о не вывозе из Абхазии леса без его разрешения относится собственно к его подвластным и никак не может относиться к князю Дмитрию, который имеет право вывозить лес из своих имений без всякого на то разрешения. Есть много и других фактов, указывающих на то, что князь Дмитрий был полным собственником драндского леса и что, кроме его, никто не имел права его продавать. Так, из дел инженерного ведомства можно видеть, что когда строилась Военно-Сухумская дорога между Сухумом и Редут-Кале, то подряд постройки мостов от Сухума до Кодора взял на себя князь Дмитрий, а от Кодора далее к Самурзакани – сам владетель. На эти мостовые постройки лес заготавливался князем Дмитрием во всех лесах, расположенных между Кодором и Сухумом и до постройки был сдан инженеру Черникову. Впоследствии была наряжена следственная комиссия над действиями этого инженера, и из ея бумаг (из которых одна мною представлена комиссии, см. приложение № 18-й) дело это можно разъяснить подробнее. Когда прапорщики Асатиани и Акопов (живущие в Кутаисе) взяли на себя подряд постройки лазарета и других строений на Трапедии, то их поверенный и товарищ, Нико Хоперия, не спросивши князя Дмитрия, заготовил в Драндах несколько лесу, вступив в тайную сделку с Батритшахом Званбаем. Князь Дмитрий об этом узнал только тогда, когда плоты этого леса везли уже мимо Келасури. Князь тотчас же этот лес арестовал, и когда Хоперия пришел и начал просить, то князь Дмитрий отвечал ему, что он тогда только отдаст ему этот лес, когда у него, Дмитрия, отнимут его имение и отдадут его Хоперия. Впоследствии князь Дмитрий лес этот отдал прапорщику Асатиани, с которым был в очень хороших отношениях. Об этом обстоятельстве знает мингрелец Сафрон Каланаришвили (временно проживает теперь в Сухуме) и, вероятно, также Акопов и Асатиани, живущие в Кутаиси. Кроме всего сказанного, в архиве Сухумского военного отдела, а также в архивах канцелярии заместника Кавказского и канцелярии бывшего Кутаисского генерал-губернаторства должно быть довольно много разных дел, возникших по поводу очень частых

жалоб князя Димитрия на разорения его лесов расположенными в Сухуме войсками.

Покончив с объяснением прав покойного князя Димитрия на владение драндским имением, я перехожу к разбору неправильных притязаний на это имение со стороны гвардии полковника Григория Шервашидзе, который, самым бессовестным образом обманывая начальство, не только неправильно называет себя князем, но еще хочет ограбить людей, которые ничего дурного ему не сделали. Необходимо при этом коснуться и родословной этого господина.

Теперь Григорий Шервашидзе составил себе родословную, из которой явствует, что родоначальником его был князь Шерван Шервашидзе, средний из трех вывезенных из Абхазии братьев. Это чистейшая ложь. Когда в половине прошедшего столетия Манучар, Шерван и Зураб были вывезены в Константинополь, то из этих трех братьев один только Манучар (отец Кялым-бея) был женат на дочери джигетского князя Аредба, а Шерван и Зураб были холостые. Шерван умер холостым в Константинополе в самый год своего приезда туда. Манучар, получив Батумский пашалык (который, как и Ахалцихский, давал владетельское право), туда взял и брата своего Зураба, сделанного вскоре после того владетелем Абхазии. Манучар имел в Батуме много любовниц и назначил управлять ими и держать их в порядке жителя Кобулет Ширина Шервашидзе, одного из потомков мелких самцихских азнауров, который, будучи очень беден, должен был наниматься в прислуги. Должность его, не очень почетная, называлась харам кахия, и Ширин Шервашидзе состоял в ней до самой своей смерти, оставив сироту Бекира. Так как Ширин был очень беден и ничего не мог оставить в наследство своему сыну, то мальчик болтался между челядью, жившей при доме паши, и из малости там кормился. Вероятно, там ему не раз случалось встречать сына паши Кялым-Ахмет бея, будущего владетеля Абхазии.

При постройке домов в Сухумской крепости Кялым-бею понадобились мастеровые. Кялым-бей послал к своему отцу Манучару в Батум Хутунию Маршани (родоначальника джгердских тавад этого имени), одного Анчабадзе и одного Званбая просить пашу, чтобы он выслал ему нужных мастеровых. Но так как некоторых мастеровых (в особенности каменщиков) нужно было выписывать из других мест, то посланные прождали в Батуме несколько месяцев, живя, конечно, при доме паши. В это время они узнали Бекира. Мальчик умолял их взять его в Абхазию, рассчитывая, что, быть может, Кялым-бей его помнит и не откажется взять его к себе в услуги. Так, действительно, и случилось. Кялым-бей охотно взял его к себе, рассчитывая, что мальчик, родившийся в доме его отца и не имеющий никаких связей в Абхазии, может служить ему вернее и надежнее его абхазских подвластных, у которых под рукой всегда была какая-нибудь интрига.

Такое соображение побудило Кялым-бея послать Бекира в Квитаул (бывший административным и хозяйственным центром Абживского округа, где находился владетельский дом) в качестве управляющего, а для того, чтобы

Бекир не умер с голоду, ему было позволено пользоваться повинностями живших в Квитауле владетельских подвластных. Но, сделавшись владетельским моуравом и пользуясь неограниченным доверием Кялым-бея, Бекир Шервашидзе сначала прибавил к своему имени частицу «бей», что в то время имело некоторое значение, женился на дочери Ахтаула Анчабадзе (Набакевского)* и так усилился в новом месте своего служения, что вздумал выйти из повиновения своему господину. При этом он рассчитывал на поддержку своих многочисленных родных по жене (Анчабадзе), на поддержку Дзапшиповых и на неудовольствие высших сословий вообще против Кялым-бея за его слишком крутое обращение с ними. Расчеты Бекир-бея, однако, оказались ошибочны. Кялым-бей окружил его в крепости Атара и взял в плен. Его бы, вероятно, убили, если бы он, зная страсть Кялым-бея к хорошеньким женщинам и к жене его в особенности, не выслал ее с детьми просить о пощаде. Кялым-бей его простил и даже по-прежнему оставил своим моуравом, но отобрал у него жену и сделал ее своею, уже официально женою. Скоро после этого Бекир-бей умер. Мать его детей (Сосран-бея и Али-бея), жена Кялым-бея, просила у последнего позволения взять своих сыновей к себе. Кялым-бей ей это разрешил и назначил ей местом жительства селение Атара, позволив ей пожизненно пользоваться повинностями анхае этого селения. Скоро после этого был убит и сам Кялым-бей. Наступили смуты, затем слабое управление владетеля Сафар-Али-бея (в крещении Георгия), и дети Бекир-бея, Сосран-бей и Али-бей, воспользовавшись этим положением вещей, начали считать себя собственниками Атары и даже Квитаула, несмотря на то, что со смертью их отца Бекир-бея это последнее имение опять вернулось к Кялым-бею, потому что живший там моурав умер, а нового не было назначено. Сосран-бей умер бездетно. Сафар-бей, поневоле смотревший сквозь пальцы на все, что делалось в его владении, и считавший все-таки необходимым иметь моурава в Абживском (Абжуйском) округе, утвердил в этом звании Али-бея, отца Григория Шервашидзе. После смерти Сафар-бея и сына его Омар-бея (Димитрия) новые смуты еще более усилили Али-бея. После возвращения из Редут-Кале бежавшего туда семейства владетельница Тамара, мать Михаила, обратила внимание на чрезмерное усиление Али-бея и снова низвела его на степень простого моурава, но не мешала ему пользоваться повинностями жителей Атары и Квитаул и только требовала от него исправного сбора айбара и других доходов. По сборе этих доходов она обыкновенно дарила ему в виде награды рублей сто или полтора, а Али-бей за это целовал полу ея платя. Женильбой на княжне Кессарии Дадиани Али-бей стал в родственные отношения (по жене) к владетелю Михаилу, и этим объясняются довольно близкие отношения этих двух фамилий. Впоследствии княгиня Кессария сначала помогла князя Михаилу жениться на дочери Георгия Дадиани и потом доставляла ему любовниц, чрез что приобрела некоторое влияние на владетеля

* Еще до женитьбы Бекир-бея она в одну из поездок Кялым-бея в Самурзакань сделалась любовницей владетеля. Бекир-бей Кялым-бей женил на ней, собственно, для того, чтобы он служил ширмой для этой связи.

и распоряжалась в Абживской (Абжуйском) округе как у себя дома. С этого же времени началось и возвышение Григория Шервашидзе, который до последних почти дней был верным исполнителем разных темных поручений владельца, пока не рассорился с своею матерью, а потом и с самим владельцем. Вот вся история и все права Григория Шервашидзе. Земли своей, собственно, он ни клочка не имеет, он ассас и подобно своему отцу и деду жил в Абхазии только из милостей владельцев. Интересен следующий факт. В 1857-м или 58 году приехал в Сухум очень бедный... Дурсун Шервашидзе. Не найдя себе занятий в Сухуме, он отправился в Очемчири, где открыл лавочку. Владелец, находя неприличным, чтобы человек, носящий его фамилию, торговал в Абхазии, и, узнав, что он родственник Григория Шервашидзе, приказал Дурсуну или отправиться к Григорию, или выехать из Абхазии. Григорий, говорят, дал ему несколько денег и просил не оставаться в Абхазии, чтобы его не компрометировать...

До ссылки Гасан-бея никто из рода Григория Шервашидзе не имел никаких претензий на имения, расположенные за правым берегом Кодора. Когда по просьбе владельницы Тамары Гасан-бей был сослан в Сибирь, то владельница поручила Али-бею управлять имениями Допуакыт, Бабыш-Ира, Аварче и Цхубен. Али-бей собирал там доходы в пользу владельца, но распоряжался большею частью по своему произволу. По возвращении Гасан-бея из Сибири все эти имения снова были ему возвращены, и Али-бей не смел уже в них распоряжаться. Временное управление его, однако, подало впоследствии повод сыну его, Григорию Шервашидзе, объявить притязания на Бабыш-Ира и Дранда уже при жизни покойного князя Димитрия. Григорий в этом случае рассчитывал на поддержку владельца, который, рассчитывая, что такой поступок со стороны Григория может вызвать князя Димитрия на сопротивление открытой силой и вовлечет его, таким образом, в неприятные столкновения с местными русскими властями, сам советовал Григорию переселиться в Бабыш-Ира. Григорий так и сделал, но, к удивлению его и владельца, князь Димитрий ничего не сказал и даже продолжал принимать у себя Григория как близкого человека. Григорий уже радовался, что может остаться в Бабыш-Ира, как вдруг случилось обстоятельство, которого никто не ожидал. Князь Димитрий, выбрав такое время, когда Григорий был в дальней отлучке, послал Батритшаха Званбая в Бабыш-Ира выгнать оттуда семейство Григория. Батритшах пришел с посланными от князя Димитрия в дом, который занимала жена Григория (урожденная княжна Дадиани, родная сестра Нико Дадиани), и (на) ее глазах перевернул на огонь котлы с варившимся кушаньем (что в Абхазии считается кровным оскорблением), а самой ей тотчас приказал убраться в Атару пешком, и только слезные мольбы ее и униженные просьбы Маджары, брата Григория, заставили согласиться Батритшаха, чтобы она поехала верхом. В распоряжении их были только две лошади. На одной поехала жена Григория, а на другой Маджара, вещи их все были порублены и испорчены. Григорию тотчас дали об этом знать, и он бросился с жалобой к владельцу Михаилу. Но Михаил, прежде обещавший ему помочь в этом деле,

теперь отказался от всякого в нем участия. Григорий не осмелился открыто мстить князю Димитрию и, получив такой хороший урок, не покушался уже больше захватывать названные имения. После смерти князя Димитрия и выезда из Абхазии князя Константина Шервашидзе, в 1861 году Григорий Шервашидзе был назначен управляющим в имении князя Георгия от имени опекуна, т.е. владетеля. Во все этих имениях, а в том числе в Дранда, он собирал аждиз и другие доходы, но обязан был отдавать отчет в их употреблении, чего, однако, не исполнял. Эта безотчетность и крайняя небрежность в исполнении опекунских обязанностей со стороны князя Михаила были причиною, что Григорий снова задумал завладеть теми имениями, на которых неправильно претендовал прежде и мог сделать это тем легче, что со смертью своего господина Батритшах потерял всякое значение, а потом и умер, а Григорий, распоряжаясь в имении князя Георгия как у себя дома, успел более преданных своему помещику людей разогнать или разорить, а вместо них населил и поднял разных лиц, лично ему преданных. Таким образом, после выезда владетеля из Абхазии ему не очень было трудно обманывать новых русских начальников, вовсе еще не знакомых с местными поземельными условиями и правами, тем более что показания жителей во многих случаях подтверждали мнимую справедливость Григория Шервашидзе. Вот все основания, которые Григорий может привести в подтверждение своих недобросовестных требований. Я совершенно убежден, что Сухумская сословно-поземельная комиссия, специально занимающаяся разъяснением подобных вопросов, имеющая, конечно, большую возможность разъяснить их нежели местное начальство, слишком занятое устройством края, отвергает притязания Григория Шервашидзе, как ни на чем не основанные, и защитит интересы князя Георгия Шервашидзе, которого имение до сих пор только ленивый не грабил.

Подвластными Званбаевых в Цхубене считаются анхае Пиццаа – восемь дымов, ахуйю Сирия – два дыма, анхае Джиба – три дыма, анхае Азербба – девять дымов, анхае Кваразия – один дым, анхае Крия – два дыма, анхае Аргун – два дыма, ахуйю Паразия – два дыма, анхае Бермит – два дыма, анхае Бгеу – один дым. Впрочем, я не могу поручиться за то, что все названные фамилии были действительно подвластные Званбаевых. Очень может быть, что некоторыми из них Званбаевы завладели и после смерти князя Димитрия.

Подвластные князя Георгия суть анхае Бичваа – десять дымов, анхае Читанаа – один дым, вышедший из Багажяшта, анхае Габри-ипа – один дым, вытесненный людьми Григория Шервашидзе из Бабыш-Ира, анхае Пилия – четыре дыма; они считают себя теперь шинагмами, но это неправильно, потому что из этой фамилии шинагмой был сделан только Джигория Пилия, дед владетельского моурава Мисоуста Пилия, все остальные члены этой фамилии остались в звании анхае. Анхае Хайке – один дым, анхае Акус(ба) – три дыма, анхае Ги (?) – два дыма. Все эти анхае обязаны отбывать те же повинности, как и анхае селений Яштуха, Бырц и Абжагвы. Все остальные жители Цхубена, мною не поименованные, суть ассасы. К ним не можно причислить шинагма

Хахубия, выходцев из Самурзакани и Джигети Анчабадзе. Этот Анчабадзе не тавад, а шинагма. Он был подвластным джигетского тавада Гечба и служил и жил в доме покойного князя Димитрия. Земли при жизни своего господина он не имел, а поселился в Цхубене уже после смерти помещика. Здесь не мешает заметить, что только коренные абхазские Анчабадзе (считались тавадами), а все лица той же фамилии у джигетов, убыхов и других народов северо-восточного побережья Черного моря все были подвластными тамошних тавад и считались не выше шинагм.

Селение Бабыш – Ира.

Имение это расположено между Цхубеном, морем и Малым Кодором. Лесу в нем нет, и вся местность занята виноградными и ореховыми садами, которыми беспрекословно пользовались всегда и Гасан-бей, и князь Димитрий, а после смерти последнего, владетель как опекун над малолетним наследником помещика. О претензиях на это имение Григория Шервашидзе я говорил при описании Цхубена. Здесь скажу только, что после смерти князя Димитрия Григорий действительно пользовался небольшим виноградником в этом имении, выгнав оттуда анхае Габри-ипа, которые тем виноградником пользовались. На право пользования тем виноградным садом Григорий имел частную записку от владетеля, который, однако, позволил ему там собирать виноград только временно, как управляющему, и так как теперь Григорий Шервашидзе уже больше не управляет имением, то и означенный виноградник должен быть у него отобран и возвращен законному помещику имения князю Георгию Димитриевичу. Претензии на остальную часть Бабыш-ира со стороны Григория ничем не подтверждаются, и, если в последнее время ему и удалось там господствовать, так это потому только, что, управляя долго имением князя Георгия от имени опекуна, он имел возможность запугать и разогнать людей, более приверженных своему настоящему помещику, а других обольстить обещаниями. Кроме того, он послал в Бабыш-Ира много ассасов из своих приверженцев, вследствие чего мог рассчитывать на то, что показания жителей будут все в его пользу.

Из подвластных князя Георгия теперь в Бабыш-Ира остались анхае Пипия – четыре дыма, анхае Шария – два дыма (при жизни князя Димитрия они обязаны были делать ему вино и смотреть за (пропущено слово), а теперь признают себя подвластными Григория Шервашидзе, который их обманывает и подучил давать ложные показания. Анхае Ауфшьба (?) – один дым (они ассасы из Кабарды, вышедшие сначала в Цебельду); дед Ломкадзе Ауфшьба пришел под покровительство Гасан-бея и поселен в Дранда, где отбывал те же повинности, как и другие анхае. В Бабыш-Ира они переселились очень недавно из Допуакыт и между прочим отбирали следующую в пользу помещика часть выделенного из тамошнего винограда вина. Правда, что условия откупа устанавливались Григорием Шервашидзе; но не нужно при этом забывать, что Григорий управлял по поручению владетеля имением и в этом случае действовал не сам собою, а именем опекуна. Я могу, между прочим, указать на один случай, где владетель отобрал следующее помещику вино. Не помню, в

каком году откуп выделки вина был отдан сухумскому купцу Симону Туркия (жив и находится в Сухуме). От него по приказанию владельца было взято в самом Допуаките две бочки вина и потом на берегу моря еще одна бочка служившим при владельце аамиста Соломоном Званбаем. Обоих их об этом можно спросить. Жители Допуакыта, как ближайшие к месту жительства Григория Шервашидзе, находились более других подвластных князей Георгия под его влиянием, но, несмотря на это, я надеюсь, что они не откажутся показать всю правду.

Жителей тамошних я поименовываю собственно потому, что не мог еще узнать, кого именно можно считать коренными обитателями этого селения. По той же причине я не упоминал ничего и о аварченских жителях. Знаю только, что в обоих этих селениях поселилось громадное число беглецов из других селений и даже мингрельцев. Всех этих пришельцев я считаю необходимым обратить к прежним местам жительства. В непродолжительном времени мною будет представлен особый список ассасов по каждому селению отдельно и с обозначением кто, когда и по какому случаю пришел.

Анхае Рахалия – три дыма. Ахуйю, принадлежавшие анхае Ауфшьба (не освобожденные), земли своей не имеют. Анхае Мцагвага – пять дымов (то же, что и предыдущий... земли своей не имеют). Анхае Телия – один дым (то же, что предыдущий). Анхае Лагулава – один дым (были ахуйю, принадлежавшие анхае Пимпия, но освобождены, земля им еще не назначена). Анхае Чичуа – один дым. Из всех названных фамилий только анхае Пимпия и Шария могут считаться коренными жителями селения Бабыш-Ира, а остальные по воле помещика могут быть или совсем удалены, или переведены в другое место. Не поименованные здесь жители Бабыш-Ира суть ассасы, поселившиеся под покровительство Григория Шервашидзе и должны быть удалены за имения князя Георгия. Повинности на всех подвластных (за исключением Шария) те же, как и в других имениях князя Георгия.

Селение Аварче.

Границы: с севера – селение Допуакыт, с запада – Бабыш-Ира и часть Цхубена, отдаляемое от Аварче Малым Кодором, с юга – Малый Кодор до моря и с востока – Большой Кодор.

Многие теперь говорят, что владение покойного князя Димитрия простиралось только до Малого Кодора. Это или совершенно ложно, или, может, тут есть ошибка относительно течения реки Кодор. Известно, что Кодор, подобно Ингуру, Риону и другим горным рекам, пробегающим по глинистым долинам, часто меняет свое русло. Малый Кодор совершенно справедливо принимается за старое русло большого Кодора, и отсюда весьма натурально могла возникнуть в последнее время мысль, что именно в этом направлении бежал Большой Кодор в то время, когда Гасан-бей получал свой Наде, и что именно это русло (известно ныне под именем Малого Кодора) служило границей Абхазского округа с Абживским (Абжуйским), и по этому расчету селение Аварче не должно было бы принадлежать покойному князю Димитрию. Между тем положительно известно, что князь Димитрий владел

этим имением бесспорно и распоряжался в нем, как хотел. Самое поселение там аамиста Маргани доказывает принадлежность этого имения князю Димитрию. Поэтому я полагаю, что в то время, когда Гасан-бей получил от Кялым-бея свой удел, то старый Кодор шел на том же приблизительно месте, где теперь идет так называемый Большой Кодор, который в такой долгий промежуток времени мог не раз переменить свое русло. По крайней мере, я положительно знаю, и это подтвердят и все абхазские старики, что Аварче всегда составляло часть Сухумского округа и, стало быть, имение князя Георгия Димитриевича. При жизни князя Димитрия это имение было очень мало населено. Там жило только несколько анхае, подвластных князя Димитрия, и только впоследствии князь Димитрий поселил там одного из братьев Сосрыквва Маргани (из Адзюбжа) Тагу и вот по какому случаю. Одна из дочерей Кялым-бея и, стало быть, родная тетка князя Димитрия была выдана замуж за цебельдинского тавада Алам-бея Маршани. Алам-бей умер, оставив одну только дочь Чичь, которую князь Димитрий взял к себе в дом с тем, чтобы воспитать ее и выдать замуж. Когда она выросла, то князь Димитрий предложил аамиста Тагу Тлапси-ипа Маргани жениться на его воспитаннице. Тагу согласился, и князь Димитрий вследствие этого позволил ему жить в своем имении Аварче, впрочем, указав ему при этом место, где он может выстроить себе усадьбу... Вскоре после кончины князя Димитрия умер и Тагу, а вдова его вступила во второй брак с гумским тавадом Мисоустом Анчабадзе (отцом Мурзакана), причем взяли с собою и сына, рожденного от первого брака, с Тагу Маргани. Таким образом, в Аварче опять не было ни одного аамиста. Мисоуст Анчабадзе жил с ней недолго и умер. Вдова его (прежняя жена Тагу Маргани) в Гумме не захотела оставаться и вернулась в Аварче, в дом своего прежнего мужа. Туда же под тем предлогом, что ей как женщине, трудно одной управлять домом, переселился и брат ея первого мужа аамиста Пшмаф Маргани. Вскоре после того Пшмаф самовольно оставил место, показанное князем Димитрием брату его Тагу, и построил новый дом совсем на другом месте. Через год после приезда вдовы Тагу из Гумма в Аварче, Сосрыквва и Пшмаф Маргани отняли у нее сына и все имущество ея мужа, а ей самой, кругом ограбив, предоставили убираться на все четыре стороны, и она теперь живет в страшной крайности то у одного, то у другого крестьянина селения Аварче. Пшмаф между тем, благодаря покровительству Григория Шервашидзе, стал считать себя полновластным помещиком Аварче, захватил в свои руки всех живущих там подвластных покойного князя Димитрия, пригласил туда своих братьев Саулаха и Чапиака и множество ассасов. В сущности и сам Пшмаф, и его братья суть сами ассасы, произвольно там поселившееся со всем своим семейством, чего не делали никогда ни сам он, ни отец его и ни дед. Он при этом рассчитывает на то, что жители Допуакыта будут этим напуганы и не осмелятся в его присутствии противоречить его показаниям комиссии. В сущности Допуакыт был всегда собственностью Гассан-бея и князя Димитрия.

Жена одного из тамошних шинагм Хутуня Сузар-ипа Допуа была кормилией младшего брата Гассан-бея по имени Ростом-бей, который

воспитывался у них довольно долго. В награду за это воспитание, по просьбе Ростом-бея, Гассан-бей не только освободил шинагм Допуа от всяких повинностей, на даже дозволил им пользоваться повинностями живших там анхае, да это составляет совершенное исключение, потому что вообще в Абхазии шинагмы не могут иметь подвластных никого, кроме ахуйю. С того времени допуакитские анхае никаких повинностей ни Гассан-бею, ни князю Дмитрию не отбывали и только шинагмы Допуа из уважения к своему помещику приносили ему на праздник Пасхи ягненка.

Давая шинагмам Допуа право пользоваться повинностями его подвластных, Гассан-бей не сделал их, однако, полными собственниками земли и так же, как и в других своих имениях, пас там свои стада и считал вполне себе подвластными всех тех лиц, которые позже там, с его позволения, поселились. Сам владетель считал это имение принадлежащим князю Дмитрию. Потому что после смерти последнего, приняв в свое ведение все имения покойного, обратил внимание и на Допуакыт.

Селение Амхял.

Это селение не должно смешивать с селением Амткел, которое всегда входило в состав Цебельды и находится недалеко от Кодора. Амхял расположен между Цебельдой, от которой он отделяется хребтом Жижаюйжь (?) и верховьями реки Келасурки; селениями Акапа и Гумм и главным хребтом. На принадлежность селения Амхял покойному князю Дмитрию, кроме изустных показаний жителей, есть и письменные указания, из которых некоторые представлены мною комиссии (приложение № 27 и 30). Письма цебельдинского пристава того времени могут служить одним из важнейших свидетельств, потому что он не мог не знать состава вверенного ему округа, и так как второе из этих писем относится к нескольким случаям воровства со стороны амхяльских жителей, то очевидно, что если бы Амхял был подчинен цебельдинскому приставу, то не было бы надобности ему обращаться к князю Дмитрию с жалобой на воров. Впрочем, говоря об Амхяле и Гумме, он прямо называет их имениями князя Дмитрия, основываясь, конечно, на показаниях цебельдинцев же. В старых делах бывших начальников войск в Абхазии должно быть много подобных указаний, что дают повод думать, как упомянутые мною письма пристава прапорщика Лисовского, так и одно из писем бывшего начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полковника Козловского (также представленное мною в комиссию, прилож. № 13-й), в котором он спрашивает князя Дмитрия, вернулись ли его подвластные, ушедшие из Амхяла, на свои места. Вероятно, письмо это не первое и не последнее в этом роде, и, вероятно, (на) такие письма (совершенно официально) в архиве, я думаю, имеются также ответы самого князя Дмитрия. Но где хранятся эти старые дела, мне положительно неизвестно. Я слышал, впрочем, что все дела бывшей канцелярии начальников войск в Абхазии были сданы в архив штаба Кутаисского генерал-губернатора. При жизни Гасан-бея, кроме анхае, ему подвластных, в Амхяле жили временно (непостоянно) разные

его родственники по матери – тавады Маршани. В сороковых годах поселились там, тоже в качестве временных ассасов, Атмас-ипа Маршани, жившие там довольно долго. Но, увлекаясь примером жившего в Акапе Кизил-бека Атс-ипа Маршани, они вздумали объявить себя независимыми и стали нападать на другие имения князя Димитрия и на русских, пользуясь для этого помощью Кизил-бека и разных псхувских и ахчипсхувских разбойников. Димитрию удалось, однако, хитростью поймать главного из них Халыл-бея Маршани и выдать русскому начальству. Халыл-бей был расстрелян в Сухуме, а родственники его бежали в абреки, и только впоследствии, незадолго до своей смерти, князь Димитрий простил их и позволил им снова поселиться в своем имении, но уже не в Амхяле и в Абжигве, справедливо рассчитывая, что в такой неприступной местности они опять захотят выцти из-под его власти. После его смерти, пользуясь беспорядком, царствовавшим в имении его помещика, некоторые из этих Атмас-ипа Маршани снова вернулись в Амхял и жили там до самого выселения их в Турцию. Назначаемые владетелем начальники Сухумского округа, мало заботясь о вверенных им имениях князя Георгия Димитриевича, вовсе не обращали внимания на Амхял. Поселившиеся там Атмас-ипа Маршани опять объявили себя самостоятельными владельцами Амхяла и, вероятно, по этой причине Амхял был причислен к Цебельде, хотя это совершенно неправильно. Теперь в Амхяле вовсе нет жителей, и имение это должно быть возвращено настоящему тамошнему владельцу князю Георгию Димитриевичу.

Селение Акапа.

Расположено это имение на верховьях Беслиты и Келасурки, между селениями Гумм, Амхял, Багмаран и Абжагва.

Это было прежде довольно большое селение, населенное исключительно одними анхае, подвластными князьям Шервашидзе.

Еще при владетеле Зурабе (т.е. в XVIII веке) выселились в Абхазию через Ахчипсоу два ассаса из фамилии Маршани: один – Богаркан-ипа, а другой – Атей-ипа. Поселились они сначала в селении Аць Бзыбского округа, но вскоре Богаркан-ипа Маршани принял к себе на воспитание старшую дочь владетеля Зураба по имени Решта Ханум, выданную впоследствии замуж за Манучара Дадиани, бывшего три года владетелем Мингрелии (и впоследствии этого был переведен на жительство в Муара (?), где получил позволения пользоваться повинностями владетельских анхае для того, чтобы мог прилично содержать дочь владетеля. Атей-ипа, обиженный таким предпочтением, оказанным его товарищу, ушел было сначала в горы, но потом все-таки вернулся в Абхазию и поселился в селении Акапа, уже при Кялым-бее, который поручил ему управлять имением и охранять границы от набегов разных разбойничьих партий. Когда Гасан-бей получил свой удел, то и Акапа, в числе прочих селений, сделалась его собственностью.

Гасан-бей был человек сильный, имел хорошую поддержку в цебельдинцах и потому отцу Кизил-бека (дед Чатака) Атей-ипа спорить с ним

было нельзя, и он служил Гасан-бею довольно верно, тем более что еще не успел утвердиться в селении Акапа. После смерти Гасан-бея сын поселившегося в Акапе Маршани Кизил-ипа начал сначала просто оказывать неповиновение князю Димитрию, а потом по совету владельца открыто восстал против своего помещика и начал нападать на его имение. Положение князя Димитрия в то время было так дурно вследствие постоянных интриг против него со стороны владельца, что он волей-неволей должен был многое терпеть. Но, наконец, и его терпение истощилось, когда Кизил-бей Атей-ипа, не довольствуясь мелкими грабежами, по разным отдельным селениям, напал на мингрельских маджалабов (составляющих часть приданого супруги князя Димитрия), живших около самого города Сухума (на левом берегу Беслиты под крепостью) и большую часть мужчин увел в плен, а женщин перерезал, что и у абхазцев считается варварством. Случилось это в 1852 году, когда начальником третьего отделения Черноморской береговой линии был полковник Колюбакин (ныне умерший в звании сенатора). Князь Димитрий просил себе помощи у русских и, получив от полковника Колюбакина нужное число войск, отправился в Акапу, разорил и сжег все имущество и уничтожил поля Кизил-бека, потому что ни его самого, ни шайки его в Акапе уже не нашел: все они еще до прибытия князя Димитрия бежали в Псху. С того времени до 1862 года не жило ни одного Атей-ипа в Акапе, и князь Димитрий мог совершенно спокойно и бесспорно считать селение своею собственностью.

Кизил-бей, считаясь абреком и живя в Псху, долго еще не успокоился и, собирая небольшие шайки, врвался то в Эширу, то в Яштуха, то в другие имения князя Димитрия, но не мог сделать особенно существенного вреда. После смерти Кизил-бека достойным его преемником по ремеслу абрека сделался сын его Чапиак (живущий теперь в Акапе). В 1862 году после неудавшейся экспедиции сухумских войск в Псху Чапиак (которому в то время было лет 25), участвовавший в комедии, разыгранной в этом деле Григорием Шервашидзе, через него же выхлопотал у генерал-губернатора прощение за прежнее преступление, а заручившись таким прощением, Чапиак Атей-ипа мог безопасно вернуться в Абхазию и с позволения того же Григория Шервашидзе он снова поселился в Акапе. Между тем во время его более чем десятилетнего отсутствия Акапа успела заселиться. Еще при жизни князя Димитрия поселился там один из цебельдинских ассасов Беслан Ярдар-ипа, неправильно причисляющий себя к цебельдинским тавадам Маршани. В сущности Ярдар-ипа вовсе не Маршани. Они и в Цебельде были ассасами, пришедшими, как говорят, из Кабарды, жили из милости, скитаясь от одного к другому Маршани, которые их своими родными и даже однофамильцами не считали. Чрез несколько времени, после изгнания из Акапа тавад Атей-ипа Маршани, князь Димитрий сам позволил этим Ярдар-ипа поселиться в названном имении и сделал Беслана Ярдар-ипа своим моуравом в Акапе, рассчитывая, что Ярдар-ипа, как люди незначительные, не осмелятся выйти из его повиновения. Когда именно Ярдар-ипа были поселены в Акапе, я наверно сказать не могу, но знаю, что это случилось тогда, когда Квадж (Петр) Мамсыр-бей требовал от его сына,

чтобы он для этих же людей жертвовал своими интересами. Если Атей-ипа и никакого надела нигде не получали, то это будет только справедливым возмездием за то зло, которое они прежде делали. Они слишком долго жили на счет тех, кого грабили. Пора положить наконец этому предел. Выгнанные раз за то, что они неблагородно отплатили за гостеприимство Гасан-бея, они не имели никакого права снова возвратиться на ту же землю, и прежде жили только как ассасы и, если вернулись туда, то только потому, что князь Георгий был малолетним, а именованием его управлял его же враг Григорий Шервашидзе.

Как у Атей-ипа Маршани и у Ярдар-ипа, сколько знаю, подвластных анхае ни одного не было. Но во время десятилетней неурядицы в имении князя Димитрия после его смерти многие из его подвластных признали себя подвластными двух названных фамилий. Кроме того, они постоянно принимали под свое покровительство беглецов из Цебельды и других мест, и эти новые ассасы числом превышают настоящих коренных акапских анхае. Всех анхае ассасами можно оставить в имении князя Георгия, но с условием, чтобы они были поставлены в те же условия, в какие будут поставлены ассасы других селений, принадлежащих моему доверителю, и чтобы в повинностях они были сравнены с анхае селений Яштуха, Бырц и Абжагва. Коренные же анхае, истинные подвластные князя Георгия, при жизни князя Димитрия были, говорят, освобождены от всякой платы и на них лежала только одна военная повинность. Кроме того, еще до Ярдар-ипа жили в Акапе много подвластных князю Димитрию анхае, и после смерти его в это селение, так же, как и в Амхял, бежало много людей из других его имений, недовольных новыми порядками, вводимыми Григорием Шервашидзе. Когда Чапиак Атей-ипа с своими родными (переселился) в Акапу, то привел с собой малое число людей, разделявших с ним разбойничью жизнь. Люди такого сорта, как они, в прежнее время пользовались, да и теперь еще пользуются большим значением в народе. К тому же он имел сильную поддержку в Григории Шервашидзе. Поэтому ему не трудно было приобрести полную власть над всеми жителями Акапы. Было, правда, небольшое сопротивление со стороны Беслана Ярдар-ипа, но и этот скоро убедился, что ему не под силу бороться с Чапиаком, и поэтому он решился оставить его в покое. Как велико значение Чапиака Атей-ипа Маршани не только в Акапе, но и в других окрестных селениях, видно из того, что в прошедшем 1867 году под предлогом необходимости заплатить за кровь убитого и ограбленного им мингрельца Какулия Чапиак собрал со всех жителей селения Абжагвы по три рубля, и никто не посмел ему отказать, несмотря на то, что здесь уже давно введено русское управление и жители могли бы искать защиты у начальства. Нужно отдать справедливость местным окружным начальникам, что они сами поддерживают значение подобных личностей, не только не преследуя их, но напротив оказывают им во многих случаях покровительство. Это отступление в моей записке может казаться совершенно лишним. Но я не забываю, что пишу комиссии, на которой лежит святая обязанность устроить и улучшить быт землевладельческого сословия, и я считаю положительно нечестным молчать, когда могу указать одну из самых

темных сторон этого быта. Ни Ярдар-ипа, ни Маршани (Атей-ипа) не имеют в Акапе никакой недвижимой собственности. Ярдар-ипа Беслан, хотя и ассас, но, как поселенный самим князем Димитрием, может оставаться в селении Акапа и получить надел земли, конечно, не более того, сколько будет определено для прочих ассасов, которых необходимо нужно оставить в имении князя Георгия Димитриевича. Впрочем, он и этого снисхождения почти не заслуживает, потому что недавно в Сухуме ругал одного из яштухинских анхае Нарчу Гулия за то, что последний остался верным своему помещику и не хочет лгать в пользу Беслана Ярдар-ипа. Атей-ипа Маршани не должны быть ни в каком случае терпимы в имении князя Георгия, потому что они были кровными врагами его отца, князя Димитрия, который выслал их из своих владений...

Земля и леса в Акапе и Амхяле составляют полную и бесспорную собственность князя Георгия Димитриевича Шервашидзе.

Селение Гумм.

Имение это граничит: с севера – Псху (гора Доу), с востока – селениями Амхял и Акапа, с юга – селениями Бырц, Яштуха и Эшира и с запада – частью Эшира и Анухва.

Об этом имении мною была подана в комиссию особая записка, в которой я указал данные, на которых можно основать принадлежность Гумма князю Георгию Димитриевичу. Здесь я ограничусь только несколькими замечаниями в дополнение к тому, что мною прежде написано.

Тавады Анчабадзе, живущие в Гумме, считаются коренными жителями этого селения. Прадед Мурзакана Анчабадзе, живущего теперь в Гумме, был там поселен не в качестве помещика, а только в качестве владетельного моурава, подобно тому как в Анухве – аамиста Мканба.

Главною обязанностью тавада Анчабадзе было защищать край от вторжений партий горцев, приходивших грабить Абхазию.

Своих собственных анхае гуммские тавады не имели, но имели право пользоваться работой гуммских анхае, и эти же анхае обязаны были кормить их.

Прав собственности на землю в Гумме тавады Анчабадзе также не имеют, и им даже не назначено определенного места для усадьбы, и потому они часто переходили с одного места на другое. Отец Мурзакана, покойный Мисоуст Анчабадзе, был один из самых преданных людей князя Димитрия. Он иногда вооружался против владетеля, но всегда оставался в полном повиновении у князя Димитрия, которого считал и почитал всегда своим законным помещиком. Сын его Мурзакан также считает себя подвластными князя Георгия и, кажется, не увлекается примером других тавад и аамиста, которые в последнее время объявили себя независимыми и полными помещиками селений, в которых им прежде позволено было жить.

Гуммские анхае не обязаны были выходить на полевые работы к князю Димитрию – эта повинность отбывалась тавадом Анчабадзе (?). Они платили князю Димитрию только барана зимой и ягненка весной. Кроме того, те,

которые имели свои улья, приносили помещику и мед, но не все, а это было, скорее, добровольное приношение, чем повинность.

Права их на землю те же, как и других анхае, подвластных князя Георгия.

Селение Допуакит.

Границы: с юга – селение Аварче, с запада – Кац Игаларта и Цхубен, с севера – часть Кац Игаларта и Гердзеуля, близ Наа и с востока – Большой Кодор.

Это имение, так же, как и Цхубен и Бабыш-Ира, служит теперь предметом спора между Григорием Шервашидзе и князем Георгием Димитриевичем. Но и тут доводы Григория не более основательны, чем в других случаях. И тут он старается действовать на жителей то угрозами, то обещаниями и, чтобы крепче утвердить свое влияние в этом селении, придумал в нынешнем году поселить в Допуаките (имя пропущено) - ипа Маршани (временно поселенный теперь в Айбухца).

Источник: Материалы по истории Абхазского княжества (И. Антелава, Г.А. Дзидзария). Тб., 1953. С. 231-307.

The list of documents

Перечень документов, помещенных в сборнике

1. Из книги М. Пейсонеля «Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 годах».
2. Из книги Дж. Белла «Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов».
3. Письмо ген. Тормасова к кн. Георгию Шарвашидзе, от 11-го января 1811 года, № 30.
4. Письмо ген. Тормасова к Джихетскому кн. Левану Цанубая, от 11-го января 1811 года, № 31.
5. Приобретения, сделанные в подданство Российской Империи со времени занятия Грузии, с показанием населения оных и кем они управляемы.
6. Письмо кн. Георгия Шарвашидзе к маркизу Паулуччи, от 8-го января 1812 года. – Зуфу.
7. Письмо маркиза Паулуччи к кн. Георгию Шарвашидзе, от 17-го января 1812 года, № 77.
8. Предписание маркиза Паулуччи ген.-м. Симоновичу, от 17-го января 1812 года, № 78.
9. Письмо кн. Левана Дадиани к ген. Ртищеву, от 3-го сентября 1813 года. – Стоянка у Набакеви.
10. 1833 г. марта 15. Из рапорта командира 3-й бригады 22-й пехотной дивизии генерал-майора Вакульского барону Розену о нападении черкесских полчищ на абхазские селения. № 666.
11. 1833 г. июля 28. Рапорт генерал-майора Вакульского Розену Г.В. о намерении черкесских полчищ напасть на Абхазию. № 196.
12. Из докладной записки Ф.Ф. Торнау командующему абхазским отрядом полковнику А.Г. Пацовскому о князьях бзыбских Инал-Ипа и садзских (джигетских) Аредба и Цанба.
13. 1835 г. июля 16. Отношение Розена Г.В. Чернышеву А.И. о нападении черкесов на Гагры и оборонительных мероприятиях русского командования. № 457.
14. Рапорт и. д. обер-квартирмейстера Отдельного Кавказского корпуса бар. фон-Дер-Ховена и. д. ген.-кварт. главного штаба Ф.Ф. Шуберту о деятельности Ф.Ф. Торнау по изучению горских племен, их присоединения к России.
15. 1836 г. января 16. «Выписка из отношения [корпусного командира] Военному министру о происшествиях за Кавказом» (относительно нападения «горцев» на абхазцев с целью угона скота). № 32.

16. Из книги Э. Спенсера «Описание поездок по Западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию в 1836 году»
17. Из книги «Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю».
18. Отношение барона Розена к гр. Чернышеву, от 26-го июня 1837 года, № 224. – Анапа.
19. Из докладной записки цебельдинского пристава Ф.Я. Лисовского полк. Катенинсу о Псху и его жителях.
20. Из записки управляющего Имеретией ген.-м. Я.М. Эспехо «Об Абхазии и мерах, какие предполагается предпринять для прекращения набегов черкесов» (апрель) 1839 г.
21. Из рапорта начальника 2-го отделения черноморской береговой линии М.М. Ольшевского начальнику черноморской береговой линии Н.Н. Раевскому об усердии владетеля Абхазии М.Г. Шервашидзе в «покорении» джигетских и убыхских князей.
22. Рапорт ген. Головина гр. Чернышеву, от 30-го мая 1840 года, № 566.
23. Рапорт ген. Головина гр. Чернышеву, от 20-го июня 1840 года, № 671.
24. Обзор политического состояния Кавказа 1840 года 6 июня 1840 г. горские народы, обитающие на Западном Кавказе по Черноморской прибрежной линии противу правого фланга и центра Кавказской линии.
25. Из рапорта начальника черноморской береговой линии Н.Н. Раевского военному министру А.И. Чернышеву о готовности джигетов принять подданство России.
26. Клятвенное обещание джигетов в верности Николаю I 25 апреля 1841 г.
27. Рапорт и. д. начальника черноморской береговой линии И.Р. Анрепа командиру Отдельного Кавказского корпуса Е.А. Головину о присяге князей и дворян джигетского племени Хамыш на верноподданство России.
28. Рапорт и. д. начальника Черноморской береговой линии И.Р. Анрепа командиру Отдельного Кавказского корпуса Е.А. Головину о присяге на верность джигетских и убыхских дворян.
29. Рапорт ген. Анрепа гр. Чернышеву, от 30-го мая 1841 года, № 170.
30. Записка директора канцелярии Военного министерства М.М. Брискорна заведующему инспекторским департаментом Военного министерства П.А. Клейнмихелю о пожаловании знамени джигетскому народу.
31. Приказ военного министра А.И. Чернышева о награждении джигетских и убыхских князей.
32. Выписка из журнала военных действий отряда, расположенного при укр. Гагры с 16 мая по 1 июня 1841 г., составленного и. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии Н.Н. Муравьевым.
33. Рапорт ген. Анрепа гр. Чернышеву, от 18-го июня 1841 года, № 197.
34. Рапорт ген. Анрепа гр. Чернышеву, от 9-го августа 1841 года, № 243.
35. Приказ военного министра А.И. Чернышева о награждении джигетских князей.

36. Выписка из рапорта начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии К.К. Врангеля начальнику Черноморской береговой линии А.И. Будбергу о голоде среди джигетов и убухов.

37. Выписка из рапорта начальника Черноморской береговой линии А.И. Будберга главнокомандующему Отдельного Кавказского корпуса А.И. Нейдгарту о привлечении убухов и джигетов к земляным работам в укр. Св. Духа.

38. Из рапорта и. д. военного начальника укр. Св. Духа майора С.Т. Званба начальнику 3-го отделения Черноморской береговой линии ген.-и. К.К. Врангелю о суеверии джигетов.

39. Выписка из рапорта начальника Черноморской береговой линии А.И. Будберга главнокомандующему Отдельного Кавказского корпуса А.И. Нейдгарту о поездке по линии.

40. Извлечение из рапорта ген.-адъют. Будберга кн. Воронцову, от 23-го августа 1849 года, № 61 – Секретно.

41. Из рапорта начальника Черноморской береговой линии А.И. Будберга наместнику Кавказа М.С. Воронцову об опасениях джигетов в связи с появлением Магомета Амина у убухов.

42. Из рапорта начальника Черноморской береговой линии А.И. Будберга наместнику Кавказа М.С. Воронцову об удержании джигетов от связей с Магаметом Амином.

43. Письмо владетеля Абхазии М.Г. Шервашидзе главнокомандующему на Кавказе М.С. Воронцову о планах Магомета Амина вторгнуться в Абхазию и необходимости воспрепятствовать этому.

44. Отношение начальника Черноморской береговой линии А.И. Будберга начальнику Главного штаба Отдельного Кавказского корпуса П.Е. Коцебу.

45. Начальнику Черноморской береговой линии, господину вице-адмиралу и кавалеру Серебрякову.

46. Из рапорта начальника Черноморской береговой линии Л.М. Серебрякова главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом М.С. Воронцову о необходимости оказания помощи джигетам против убухов.

47. Начальнику Черноморской береговой линии, господину вице-адмиралу и кавалеру Серебрякову.

48. Из рапорта начальника Черноморской береговой линии Л.М. Серебрякова главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом М.С. Воронцову об удержании джигетов в покорности и защите их от убухов и о событиях в селе Акапа.

49. Рапорт начальника Черноморской береговой линии Л.М. Серебрякова главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом М.С. Воронцову о переговорах с джигетами относительно их защиты от убухов.

50. Из донесения начальника Черноморской береговой линии Л.М. Серебрякова главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом М.С. Воронцову о переходе джигетских князей на сторону Магомета Амина.

51. Выписка из рапорта и. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии Н.П. Коллюбакина начальнику Черноморской береговой линии Л.М. Серебрякову о необходимости нововведений у джигетов.
52. Записка вице-адм. Серебрякова. От 11-го декабря 1852 года, № 2133.
53. Приказ кн. Воронцова по Отдельному Кавказскому корпусу, от 10-го ноября 1853 года, № 184.
54. Извлечение из рапорта ген.-адъют. Будберга кн. Воронцову, от 23-го августа 1849 года, № 61 – Секретно.
55. Начальнику 1-го отделения Черноморской береговой линии господину генерал-майору и кавалеру Дебу (11 марта 1854 г.).
56. От начальника отд. №42. 11 марта 1854 г. Господину начальнику Черноморской береговой линии.
57. Отношение ген. Муравьева к кн. Долгорукову, от 26-го апреля 1856 года, № 192. – гор. Ставрополь.
58. Отношение начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса к директору Канцелярии наместника Кавказского от 13-го сентября 1856 года № 1815.
59. Из статьи А.П. Берже «Краткий обзор горских племен на Кавказе» 1857 г.
60. Из книги Т. Лапинского «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских».
61. Записка свиты Его Величества ген.-м. Милютина, от 14-го февраля 1858 года, № 3. О дозволении свободной торговли покоряющимся нам горским народам на западном Кавказе.
62. Записка начальника войск в Абхазии, ген.-м. Лорис-Меликова, относительно свободной торговли в Абхазии и далее по восточному берегу Черного моря, от 3-го октября 1858 года.
63. Отношение Кутаисского ген.-губернатора к начальнику Главного Управления наместника Кавказского, от 25-го апреля 1859 года, № 1048. – гор. Кутаис.
64. Отношение начальника Главного штаба Кавказской Армии к начальнику Главного Управления наместника Кавказского, от 12-го июня 1859 года, № 1337 – гор. Тифлис.
65. Журнал военных происшествий в Кутаисском ген.-губернаторстве с 19-го по 26-е июля 1859 года.
66. Журнал военных происшествий в Кутаисском ген.-губернаторстве с 26-го июля по 4-е августа 1859 года.
67. Журнал военных происшествий в Кутаисском ген.-губернаторстве с 1-го по 12-е августа 1859 года.
68. Письмо начальника войск в Абхазии, ген.-м. Корганова, к Кутаисскому ген.-губернатору, ген.-л. кн. Эристову от 26-го февраля 1860 года № 3.
69. Письмо начальника Главного Штаба Кавказской Армии, ген.-адъют. Милютина, Кутаисскому ген.-губернатору, ген.-л. кн. Эристову, от 2-го марта 1860 года, № 90.

70. Рапорт Кутаисского ген.-губернатора, ген.-л., кн. Эристова, ген.-фельдм. кн. Барятинскому, от 19-го марта 1860 года, № 193.

71. Письмо ген.-фельд. кн. Барятинского военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, от 21-го марта 1860 года, № 24.

72. Отношение ген.-квартирмейстера Кавказской Армии, ген.-м. Карлгофа, к Кутаисскому ген-губернатору, ген.-л. кн. Эристову, от 10-го апреля 1860 года, № 947. – Секретно.

73. Записка Лапинского (доставленная начальнику Главного Штаба Кавказской Армии состоящим при Императорской Миссии в Константинополе лейб-гвардии конной артиллерии кап. Франкини), мая, 1860 года.

74. Отношение Кутаисского ген.-губернатора, ген.-л. кн. Эристова, к начальнику Главного штаба Кавказской Армии, ген.-адъют. Милютину, от 23-го июля 1860 года, № 668 – Секретно.

75. Рапорт, за отсутствием главнокомандующего Кавказской Армией, ген.-адъют. кн. Орбелиани, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, от 8-го августа 1860 года, № 16.

76. Рапорт Кутаисского ген.-губернатора, ген.-л. кн. Эристова, главнокомандующему Кавказскою Армиею, ген.-фельдм. кн. Барятинскому, от 20-го августа 1860 года, № 13. – Секретно.

77. Отношение ген.-фельдм. кн. Барятинского к военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, от 2-го – 3-го сентября 1860 года, № 1429. – Секретно.

78. Отношение командующего, за отсутствием ген.-фельдм. кн. Барятинского Кавказскою Армиею, ген-адъют кн. Орбелиани, к управляющему Военным министерством, ген.-адъют. Милютину, от 16-го июля 1861 года, № 35.

79. Отзыв командующего, за отсутствием ген.-фельдм. кн. Барятинского, Кавказскою Армиею, ген-адъют. кн. Орбелиани, военному министру, ген.-адъют. Милютину, от 14-го августа 1862 года, № 47.

80. Из рапорта воинского начальника укрепления Гагры Берты де Лагарда Кутаисскому генерал-губернатору Д.И. Святополк-Мирскому о намерении старшин гагринского поселения эмигрировать в Турцию и об их имуществе 4 августа 1866 г.

81. Рапорт начальника Сухумского военного отдела М. Толстого кутаисскому генерал-губернатору Д.И. Святополк-Мирскому о переселении в Турцию псхувцев и джигетов.

82. 1868 г. Докладная записка «Об имениях Георгия Шервашидзе, составленная его управляющим А. Пахомовым в 1868 году».

Indexes
Указатели

I. Name Index
I. Именной указатель

А

- Абада Мустаф: 54
 Абазы: 15
 Абаш: 54
 Абжинау: 214
 Абич Сомех: 135, 136, 137, 144
 Абиш Гусейн: 173
 Авздахва Болихуху: 54
 Агарков, кап.: 20
 Аг-бей: 23
 Агоцба Реджеб: 222
 Аджам-оглы Тапагу: 211
 Адриано, полк.: 19
 Азат, мулла: 79
 Азерба: 232
 Акопов, прап.: 228
 Акус(ба): 232
 Александр I, имп.: 176
 Алмасхит, кн.: 163
 Амин Магомет, Эмин Мухаммед,
 наиб: 80, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 89, 92,
 93, 94, 95, 96, 97, 98, 100, 102, 103,
 104, 108, 109, 112, 123, 124, 128, 129,
 131, 146, 150, 151, 154, 160
 Анреп, ген.: 55, 56, 61, 64, 67, 74
 Ануш, подпор.: 168
 Анчабадзе, Анчебадзе: 23, 48, 53, 81,
 90, 93, 94, 95, 97, 105, 110, 112, 116,
 184, 189, 229, 230, 233, 240
 - Ахтаула: 230
 - Беслан, кн.: 191
 - Кван, кн.: 48
 - Лаз, кн.: 33, 48, 65
 - Мисоуст: 235, 240
 - Мурзакан: 235, 240
 - Соломон, кн.: 48
 - Решит-пана, кн.: 48
 - Сесенгазе, кн.: 173
 - Сосран, кн.: 48
 - Состан-Газ, кн.: 48, 65
 - Сусоип, прап.: 79
 - Хаджала, кн.: 48
 - Хаджилы-чу: 33
 - Халил, кн.: 48
 - Шахиль, кн.: 48
 - Шорахмед, кн.: 48
 Аргун: 232
 Аредба, Аредбаев, Аред-бей,
 Аридба, Аридбай, кн.: 27, 32, 40, 63,
 90, 93, 97, 98, 116, 167
 - Асланбей Абатухуа: 33
 - Асланбей Тапдалипа: 79
 - Белан: 26
 - Беслан, кн.: 33
 - Джигва: 26
 - Дишанух: 65
 - Ислам: 65
 - Метаа-бей: 136
 - Мсауст Абатухуа: 33
 - Пата: 65
 - Сосран, кн.: 32, 33, 65, 75
 - Чугуа, кн.: 33
 Армашевский, майор: 165, 166, 168
 Арсдан-бей: 23
 Арсдан-бей Эшба: 213
 Ардзынба Еслам: 198
 Ардзынба Тит: 198

Ардзынба Цыц: 192, 197, 198, 199
 Ардзынба Урус: 198
 Ардзынба Хасан: 198
 Асатиани, прап.: 228
 Аубла-Ахмет, Облаа, кн.: 59, 62, 65,
 66, 70, 194

Ауфшьба: 233, 234
 Ауфшьба Ломкадзе: 233
 Ахания Бесо: 209
 Ахлестышев, ген.: 27, 28, 29, 34, 46
 Ахмед-хан, полк.: 19
 Ачкалов, штабс-капитан: 25

Б

Баалоа: 194, 196, 197
 Бабич, ген.: 147
 Балышев, инж.-пор.: 166, 168
 Баранский, кап.: 89
 Барахович, кап.: 171, 172
 Бартоломей, ген.: 135, 136, 204
 Барятинский, ген.: 144, 145, 161, 169,
 171, 180, 182, 205
 Барчан: 214
 Бахускуа Папуни: 188
 Бгеу: 232
 Бегляров Мелик-Багирбек: 20
 Безобразов, лейт.: 40
 Белл, Белль: 42
 Берже: 115
 Берзек, кн.: 80, 88, 89, 109, 116
 - Аджи: 49
 - Керентух, Хаджи Керендух, кн.:
 58, 59, 62, 66, 78, 89, 93, 137, 138,
 139, 140, 144
 - Мурад: 62, 66

- Хаджи, Гаджи: 57, 59, 62, 66
 - Хаджи Догумоко: 58
 Берзеков Беярслан: 41, 42
 Берзин Гарандихва: 26
 Берзин Януа: 26
 Бермит: 232
 Бернер, прап.: 168
 Беселия Мандже: 189
 Бибииков, майор, полк.: 109, 204
 Бичваа, 232
 Богомоллов: 67
 Болихуху Хвинапши: 54
 Болквадзе, прап.: 168
 Брагунов: 36
 Браславич, инж.-пор.: 168
 Брискил: 214
 Брискорн: 64
 Будаг-султан: 19
 Будберг, ген.: 77, 78, 80, 82, 83, 86,
 109
 Бутмеде, инж.-пор.: 168

В

Вагнер, ген.: 112
 Вакульский, ген.: 24, 25, 26
 Вардан: 202
 Вардан Чагыром: 221
 Вахушт: 185

Вельяминов, ген.: 31
 Воронцов, кн.: 80, 82, 83, 84, 92, 94,
 96, 98, 109, 206
 Врангель, ген.: 77, 78
 Всеволожский, прап.: 168

Г

- Габлия: 202
 Габри-ипа: 218, 232, 233
 Гавришев, кап.-л.: 168
 Гагарин, ген., кн.: 204
 Гагемейстер, инж.: 168
 Ганартук, подпор.: 31, 49
 Гассан-бей, кн.: 25, 26, 30
 Гачбаев Аслан-бей, Аслам-бей, кап.: 26, 78, 94
 Гвазаа Бежо: 188
 Гвазаа Симон: 188
 Гвазава Андрей: 188
 Гвамичава Эрист: 184, 188
 Гейман, ген.: 212, 214
 Гечаа, Геч, Гечь, Гочь, Гечба, кн.: 40, 63, 90, 93, 97, 116, 138, 232
 - Алтхуа Асланбей: 65
 - Аслан-бей, паша: 186, 194
 - Ахмед-Аслан-бей, кн.: 41, 75
 - Гасан, кн.: 54, 65
 - Мисоуст, кн.: 35, 75, 77
 - Рашид, Решид, кн.: 98, 137, 138, 139
 - Салама: 33
 - Сосран, кн.: 91
 - Эдир-Бей, Эдырбей: 33, 65
 Ги: 232
 Гогенбах, полк., ген.: 202
 Головин, ген.: 49, 50, 55, 56, 61
 Гоман-ипа: 202
 Греве, кап. 1 ранга: 162, 167, 168
 Григорьев, подпор.: 165, 167, 168
 Гублия: 197
 Гублия Софыдж: 197
 Гублия Ханафшь: 197, 199
 Гудж-ипа: 214
 Гудович, ген.: 19
 Гулия Кобзач: 188
 Гулия Мац: 198
 Гулия Нарчоу: 188, 240
 Гунджиа: 218, 222
 Гуриели Мамаи: 20
 Гячь-ипа: 214

Д

- Давидов Алмас: 20
 Дагваипа Берзил-Аджи, кн.: 24
 Дадиани, кн.: 145, 168
 - Георгий, кн.: 180, 181
 - Давид, кн.: 180
 - Кессария, кн.: 230
 - Константин, кн., ген.: 180
 - Леван: 19, 23, 176, 177, 179, 198
 - Лео: 20
 - Леон: 20
 - Маначур, кн.: 237
 - Нико: 227, 231
 - Николай: 24
 - София, кн.: 180
 - Тамара, кн.: 177
 Дарий, царь: 39
 Дебу, ген.: 110, 111, 112
 Деревянченко, лекарь: 167, 168
 Дер-Ховен фон, барон: 29
 Джав Холдая: 26
 Джафар-Кули-хан, ген.: 19
 Джембулат: 35
 Джиба: 222, 232
 Дзапш-ипа, кн.: 174, 178, 184, 185, 186, 187, 188, 191, 197, 222, 230
 - Дата, кн.: 189
 - Джамлет, кн.: 189
 - Тагу: 188
 - Учана, кн.: 189
 - Чапиак, кн.: 187
 Добанов-Ростовский, кн.: 145
 Долгоруков, кн.: 93, 96, 98, 112

Долт-Мирза: 27, 32
Допуа: 236

Допуа Хутуния Сузар-ипа: 235
Дчакоу: 201, 202

Е

Емухвари Исмаил: 24
Еслам Очиба: 54

Ефендий Омар: 55

Ж

Жусуф Абгажаа: 54

Жусуф Взеда: 54

З

Завадский, майор: 204
Занок-Карабатыр-Ибрагим, кн.: 150
Запис-Швили: 185
Засс, полк.: 34, 35, 36, 37
Захарьин, адм.: 67
Званба, Званбаев, Званбаи: 23, 78,
222, 223, 225, 226, 227, 229, 232
- Батритшах: 225, 226, 227, 228,
231, 232

- Гасан-бей: 223
- Ломкадза: 222, 226
- Матыр-бей: 222, 223, 225
- Соломон, полк.: 224, 225, 226,
227, 234
- Тата: 224, 225, 227
- Темурква: 222, 223, 224, 225, 226
Зепис-швили: 23
Зорин, подполк.: 51

И

Исмаил-бей-Баракай-ипа-Дзиаша:
138
Измайлов, подпор.: 168
Инал-Ипа, кн.: 27, 189, 192

Иналишвили Нарчук, кап.: 26
Инджаханум: 175
Иосселиани Иоанн: 20, 21
Исаев Исмаил, кн.: 36

К

Кази-мулла: 30
Какулия: 239
Калабат-оглу Мамед: 20, 21, 22
Каландаришвили: 198
Каландаришвили Сафрон: 188, 228
Канисский, майор: 189

Кантария Кучу: 188, 189
Капба: 221
Карлгоф, полк: 82, 83, 93, 96, 97, 98,
148
Катенинс, полк.: 43
Кац Игаларта: 218

Кацман, инж.-пор.: 168
 Кацман де Бутми, майор: 209, 215
 Качал-ипа Халыл: 217
 Кваразия: 232
 Кваташа Терим: 54
 Кебрия: 202
 Келеш-бей: 23
 Кец(ба): 192, 199, 202
 Кецба Гасан: 199
 Кецба Осман: 199
 Кецба Реджеб: 199
 Кецба Смел: 199
 Кецба Сулейман: 199
 Кецба Хабашь: 199
 Кишма-Маца: 135
 Клейнмихель: 64
 Кокоскир: 214
 Кокоскир Хуссейн: 214, 215
 Колюбакин, полк., ген.: 88, 92, 93,
 94, 96, 98, 169, 170, 171, 203, 204,
 238
 Колюбакин, прап.: 70, 74

Колюбакин, шт.-кап.: 70
 Колюбакина Александра: 181
 Коньяр, полк.: 172
 Козловский, подполк., полк.: 48, 51,
 52, 236
 Козмаа Шерван: 189
 Корганов, инж.-пор.: 168
 Корганов, ген.: 137, 158, 160, 162,
 163, 164, 166, 167, 169
 Котляревский, подполк., полк.: 204,
 217
 Коцебу, ген: 70, 86
 Крит, кап.: 168
 Крия: 202, 232
 Кузьминский, полк.: 164, 165, 166
 Кундухов, корнет: 41
 Куселия, Кутелия Хусейн: 197
 Кутиев, майор: 24
 Кучба: 201, 219, 220, 221
 Кучба Кягус: 183, 220
 Кчи Мамсыр: 201

Л

Лагарда де Берта: 172
 Лагулава: 234
 Лазбе-ипа: 219
 Лапинский, полк: 116, 148
 Леванда, тит.с.: 168
 Лейба: 175
 Лидерс, ген.: 73
 Лисовский, подпор.: 43, 51

Лихачов, прап.: 171
 Лоов: 34, 35, 36,
 Лоов Гирей, кн.: 31
 Лоов Магомет, кн.: 31
 Лоов Эдик, кн.: 31
 Лорис-Меликов, ген.: 127, 132, 133,
 180, 182, 228

М

Македонский Александр, царь: 39
 Малинский, майор, подполк.: 26, 28,
 46
 Мамад-Гирей: 163
 Манилов, ун.-оф.: 135

Маргания, Маргани: 23, 190, 192,
 208, 217, 218, 219, 235
 - Беслангур: 208, 217
 - Гассан, Гасан, пор., майор: 26,
 158, 159, 162, 171, 172, 181, 183, 184,
 190, 196, 199, 201, 204, 208, 220, 227

- Джамлет: 183, 190, 211
- Кацо, подполк., ген.: 24, 58, 61, 71, 162, 180, 224
- Константин (Тасишугва), кн.: 184
- Пшмаф: 235
- Соломон: 24
- Сосрыркв: 235
- Тагу Тлапс-ипа: 235
- Херпиши, кн.: 26
- Маршаниа, Маршани, кн.: 23, 44, 50, 51, 52, 86, 87, 95, 105, 110, 159, 162, 167, 175, 176, 179, 184, 187, 201, 215, 217, 218, 219, 237, 241
- Алам-бей: 235
- Алмаст: 218
- Алмахсит: 201
- Арзакан: 216
- Атей-ипа: 237, 238, 239, 240
- Атмас-ипа: 237
- Бабиш: 158, 218
- Бата, кн.: 166
- Батал-бей, кн.: 50, 51, 81, 109, 110, 159
- Беслан-гур, кн.: 81, 110, 183
- Беслан Ярдарица: 201
- Богаркан-ипа: 237
- Гасан: 188
- Засхан, кн.: 50, 51, 214
- Кац-ипа, кн.: 175
- Кваджа (Петр) Мамсыр-бей-ипа: 212, 213, 238
- Кец-ипа: 220
- Ате-ипа Кизал-бек, кн.: 179, 188, 194, 237
- Кизильбек, кн.: 95, 158, 159, 160, 169, 199
- Кизил-ипа: 238
- Мамсыр-бей-ипа: 215
- Омар, кн.: 179, 215, 216, 217
- Саат-Бея, кн.: 157
- Темурква Масип, кн.: 44
- Тлапс, кн.: 179, 213
- Халыл-бей: 237
- Ханкерос: 50, 51
- Хикурас: 35
- Хрипс, кн.: 25
- Хутуния: 229
- Чапиак Ате-ипа, кн.: 183, 238, 239
- Шабат: 50, 51
- Ширин-бей, кн.: 80, 81, 95, 109, 110, 140, 158, 159, 179, 211, 213
- Эдыг: 216
- Эсшау, кн.: 50, 80, 81, 87, 96, 109, 110, 160
- Мачабелов Хусейнаге: 20
- Маяцкий, подпор.: 166, 168
- Мерлини, полк.: 20
- Метаксе Иордан: 181, 226
- Мехти-Кули-хан, ген.: 19
- Микамбай Соломон, Миканба: 30, 31, 34, 35
- Миллер, прап.: 168
- Милютин, ген.: 117, 140, 157, 169, 171
- Миронов, ген.: 203, 204
- Мисоуст, прап.: 51
- Мисоуст Учай-Ипа, подпор.: 65
- Мсыр-ипа: 183
- Муравьев, полк., ген.: 55, 56, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 66, 69, 70, 74, 75, 112, 127
- Мусва Бгазв: 54
- Мусса Инагу: 54
- Мустафа-хан, ген.: 19
- Мысыр-ипа Ахмат: 222
- Мцагвага: 234

Н

Надарейшвили Спиридон: 209
 Налиповы, кн.: 32
 Нарчоу: 27, 32
 Нарчоу Ростом: 27, 32
 Наурза Тигней: 54

Нейдгарт: 78, 80
 Нейман, инж.-пор.: 166, 168
 Нижерадзе, кн., подпор.: 166, 168
 Николай I, Александрович: 54, 61
 Нордман, проф.: 38

О

Ольшевский: 48, 49
 Онаба: 202
 Орбелиани, ген.: 158, 169, 171

Орел, майор: 25
 Осван Оман: 54
 Осипов, кап.: 66

П

Павлов, майор: 164, 168
 Паразия: 232
 Паулуччи, маркиз: 20, 22
 Пахомов: 174, 176, 178, 193, 206
 Пацовский, полк., ген.: 24, 25, 27, 46
 Пашт-ипа: 218
 Петров: 64
 Пилия: 232
 Пилия Джигорий: 232
 Пилия Мисоуст: 232

Пимпия: 234
 Пипия: 233
 Пицаа: 232
 Полянов, подполк.: 33
 Пономарев, майор: 20
 Потоцкий: 75
 Пронченко, пор.: 167, 168
 Псарский, подпор.: 110, 111
 Пшемако, кн.: 50

Р

Раевский, ген.: 47, 48, 53
 Рамковский, шт.-кап.: 136
 Рахалия: 234
 Ребиа-ханум: 23
 Репин, ген.: 19

Розен, барон: 24, 25, 27, 40, 50
 Романов, инж.-пор.: 168
 Ростом-хан, кн.: 81
 Ртищев, ген.: 23

С

Савченко-Боженко, подпор.: 161
 Саков Якуб: 228
 Сакович, медик: 168

Сандецкий, кап.: 171
 Святополк-Мирской, ген.: 172, 174
 Сезеневский, шт.-кап.: 135

Селим: 222
 Сельма Ханум: 220
 Серебряков, адм.: 88, 92, 93, 94, 96,
 98, 99, 156
 Сефер-бей: 124, 146, 148
 Сефер-Али-бей: 19, 22
 Сидов Магмет Кирей, кн.: 36
 Симборский, ген.: 43
 Симонович, ген.: 18, 20, 22
 Сирия: 232
 Смирнов: 228

Согуш Чани: 54
 Сослан-бей: 23
 Спенсер: 38
 Степанов, инж.-пор.: 168, 171
 Стражец, майор: 135, 136, 137, 144,
 165, 166, 168
 Сулейман-Хасан: 42
 Сулейман-эфенди: 100, 103
 Сурхай-хан-Хамбутаи: 20
 Сухозанет, ген.: 145, 158, 169

Т

Танба: 219, 222
 Тахуху Цвей: 54
 Телия: 234
 Тер-Арутинов, корнет: 168
 Толстой: 174
 Тормасов, ген.: 19, 20

Торнау, барон: 27, 29, 30, 31, 32, 34,
 35, 36, 37
 Туркия Егор: 182, 189, 190, 198, 204,
 208, 209, 215, 227
 Туркия Симон: 234
 Тырыпшь, Трапшь: 218

У

Урус, дворянин: 25
 Усалипа-Пара-Торба: 135

Учан-Ипа Беслан: 65

Ф

Фезе, ген.: 50
 Филипсон, ген.: 119, 120, 121, 122,
 132, 147, 151, 152, 153

Франкини, кап.: 148

Х

Хаджи Гассан: 26
 Хаджи Магомета, наиб: 83, 87, 103
 Хаджи Мухаммед: 100
 Хайке: 232
 Хамурзины, кн.: 37

Хамыш Зураб, кн.: 54, 62, 65, 66
 Харазия: 202, 221
 Хахубия: 233
 Хаябат: 218
 Хваша: 222

Хвинджа Осман: 26
Хипба: 200
Ходжашвили Гиго: 181

Хоперия Нико: 228
Хуссеин Жи: 54
Хыпат-ипа, Халили: 39

Ц

Цанбаев, Цанба, Цан, Цамбаев,
Цонбаи, Цумбаи, кн.: 27, 40, 63, 90,
93, 97, 98, 116
- Батыршах, кн.: 65
- Беслан, кн.: 49
- Джамлет Хилат-Ипа: 77
- Ислам, Ислям, кн.: 49, 173
- Леван (Леон): 18, 19, 20, 21, 22
- Матирша: 33
- Омар, кн.: 49, 54, 65
- Созран Масыр-ипа: 77
- Солов: 136
- Сомех, кн.: 135
- Соусран Мамарипа: 33
- Хаджетли Арзакана-Ипа: 77
- Эдирбей, кн., пор.: 172
- Яков: 54

- Якуб, кн.: 65, 79, 137, 138, 173
Цанбейквара: 219
Циба: 218, 221
Циба Асида: 222
Циба Мисауст: 183, 222
Циба Эльмурза: 218
Цихваш-ипа: 218
Цихваш-ипа Ростом, майор: 218, 219
Цицианов, ген., кн.: 19
Цумбаи Хаджи-Солома, кн.: 32, 33
Цхчи: 188
- Аджигирею: 197
- Ахмет: 191
- Гасан: 175, 191, 197
- Мадж: 175, 191, 197
- Фатгирей: 197

Ч

Чабалухва Ахмат: 201, 202, 220
Чабалухва Беслан: 201
Чабалухва Салыбей: 201
Чавчавадзе, кн., майор: 184, 201
Чагыр Вардан: 183
Чапиак, кн.: 179
Чатака: 237
Чеснович, подпор.: 168
Чеспоков, кап.: 171
Чернышев, граф: 27, 40, 49, 50, 53,
56, 61, 65, 67, 74, 77, 84
Чечен-оглу-Хаги-Хасан-паша: 100

Чизма: 80, 109
Чирикба: 194, 197
Чирикба Кягус: 183, 192, 195, 198,
199, 220
Чирикба Макитата: 196
Чирикба Софан: 199
Читайя Битуйя: 227
Читана, Читанаа: 221, 232
Чичуа: 234
Чуу Осман: 54
Чуу Хуссеин: 54
Чхамалия Бида: 215

Ш

- Шакрилов Мута: 35
 Шакрыл, Шакрилов, прапорщик: 27, 32, 33
 Шакрылба Адж Шрей: 200
 Шакрылба Аджгирей: 215
 Шалаберия: 218
 Шалаверие: 202
 Шама-Шама-Шач: 135
 Шамба Хакуц: 178
 Шамиль, имам: 96, 100, 102, 146, 149, 150
 Шарвашидзе, Шервашидзе, кн.: 25, 26, 105, 114, 128, 163, 165, 166, 167, 168, 176, 185, 196, 201, 222, 224, 226
 - Александр: 60, 162, 192, 226
 - Али-бей: 230, 231
 - Аслан-бей: 174, 175, 176
 - Ашаханум: 209
 - Батал-бей, кн.: 175, 176, 177, 214
 - Бежан: 24
 - Бекир, азнаур: 229, 230
 - Бекир-бей: 223, 230
 - Гасан-бей, кн.: 175, 176, 178, 179, 185, 186, 187, 191, 197, 202, 207, 208, 209, 210, 211, 213, 214, 215, 218, 219, 220, 222, 223, 224, 225, 227, 231, 233, 235, 236, 237, 238, 239
 - Георгий (Сафар-бей): 20, 22, 23, 114, 174, 175, 176, 177, 181, 182, 184, 185, 186, 191, 194, 196, 198, 199, 200, 206, 207, 209, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 226, 227, 230, 232, 234, 235, 240, 241
 - Григорий (Али-бей), кн.: 179, 180, 183, 184, 196, 201, 208, 211, 218, 220, 221, 229, 231, 232, 233, 234, 238, 239, 241
 - Дгешия: 216
 - Дмитрий (Омар-бей), кн.: 95, 96, 128, 175, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 187, 188, 189, 190, 191, 193, 196, 202, 203, 204, 206, 207, 210, 213, 215, 217, 218, 219, 220, 221, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 232, 233, 235, 236, 238, 239, 240
 - Дурсун: 231
 - Зураб, кн.: 185, 194, 216, 222, 229, 237
 - Кессарии: 221
 - Кобулет Ширина, азнаур: 229
 - Константин, кн.: 162, 163, 190, 191, 204, 208, 211, 224, 232
 - Кялым-Ахмет-бей, кн.: 174, 175, 176, 177, 178, 185, 186, 187, 197, 207, 211, 220, 222, 223, 229, 230, 235, 237
 - Леван, кн.: 186
 - Манучар, кн.: 186, 216, 229
 - Махмет-бей, кн.: 175, 176
 - Михаил (Хамуд-бей), кн.: 29, 46, 48, 49, 51, 55, 56, 58, 60, 84, 86, 106, 112, 128, 129, 177, 178, 179, 182, 183, 190, 216, 227, 230, 231
 - Михаил (Арзакан): 181
 - Решта Ханум: 237
 - Робия-ханум: 220
 - Ростом-бей, кн.: 175, 176, 177, 218, 235, 236
 - Сафар Али-бей: 223, 230
 - Сосран-бей: 230
 - Тамара, кн.: 26, 227, 230
 - Тате, кн.: 208
 - Теир-бей, кн.: 175, 176, 177
 - Халыл-бей, кн.: 209
 - Шемся Ханум: 209
 - Шерван, кн.: 186, 216, 229
 Шария: 233, 234
 Шатилов, ген.: 227
 Шеламберия Алхаз: 183, 221
 Шонца: 218
 Шуберт, ген.: 29
 Шунд: 202

Э

Эммин-ипа Хусин: 217
Эмухвар, кн.: 41
Эмухвари: 219, 220, 221
Эмухвари Багыр: 218, 220
Эмухвари Чапиак: 218
Эмухвари Чатак: 219
Эриста Аслан Гирей: 211
Эриста Мисоуст: 211

Эриста Омар: 83, 211
Эриста Теир-бей: 211
Эриста Эдги: 211
Эристов, ген.: 137, 140, 144, 148,
157, 159, 161, 180, 181
Эсмонт, адм.: 42
Эспехо, ген.: 45, 51
Эшба: 213, 214

Ю

Юрьев, адм.: 52

Я

Ярдыр-ипа: 218, 239, 240

Ярдыр-ипа Беслан: 219, 238, 240

II. Geographical index
II. Географический указатель

А

- Абаавшта: 39
 Абгыздзара, укр.: 162
 Абжагва: 183, 185, 190, 199, 201, 202, 207, 213, 214, 218, 219, 220, 221, 222, 232, 237, 239
 Абин, р.: 154
 Абхазия, Абазия: 16, 17, 18, 23, 24, 25, 26, 27, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 39, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 57, 58, 60, 70, 71, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 95, 105, 106, 107, 108, 112, 114, 123, 127, 128, 129, 131, 135, 136, 144, 145, 148, 157, 158, 161, 162, 164, 167, 168, 169, 170, 171, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 187, 188, 190, 192, 196, 202, 205, 209, 210, 211, 216, 217, 219, 221, 222, 226, 228, 229, 231, 236, 237, 240
 Аварче: 185, 231, 234, 235, 241
 Авжуцизлоу, гора: 185
 Агрибзи, гора: 163, 164, 165, 166, 168
 Агрих: 170
 Агыш, гора: 214, 216
 Адагум: 80, 109, 149, 151
 Адвехапс: 40
 Аджинхуне: 46
 Адзапш (Гнилушка), р.: 175, 185, 186, 188, 189, 203, 221, 222
 Адлер, Аридляр: 41, 45, 62, 67, 70, 90, 91, 99, 130, 135, 137, 138, 162, 167
 Адлер, мыс (он же мыс Константиновский): 27, 30, 31, 32, 33, 34, 42, 43, 45, 53
 Азипс, р.: 152, 154
 Азирипши: 39
 Азнагра: 40
 Аибга, Аибога, Айбуга: 24, 53, 57, 60, 72, 73, 76, 97, 99, 114, 115, 116, 140, 159, 162, 166, 216
 Айбара, Айвара: 185, 201, 221
 Айбухца: 183, 185, 207, 210, 211, 212, 213, 214, 241
 Акапа: 44, 86, 94, 95, 96, 179, 183, 185, 194, 201, 202, 211, 213, 217, 236, 237, 238, 239, 240
 Акваскемца, уроч.: 186
 Акску-ардзе, р.: 39
 Акуача: 30, 31, 36
 Александровское, Александрия, укр.: 53
 Алибек-дзыха: 162, 164
 Амакя, пер.: 162
 Амлара, хр.: 162
 Амткел: 236
 Амхяле: 179, 217, 236, 237, 239, 240
 Анаклия: 15
 Анакопия, укр.: 30
 Анапа: 29, 31, 40, 67, 68, 69, 99, 100, 149, 151, 214, 221
 Англия: 138, 147, 158, 160
 Антхыр, р.: 154
 Анухве, Анухвы: 26, 30, 185, 240
 Аныцхва: 190
 Апианча, гора: 81, 185, 215, 216
 Апыцхва: 219
 Арджи: 15
 Ареда, Аредба: 33, 54, 57, 59, 115, 116
 Арзака: 39
 Аринда-рицуга: 40
 Атара: 230
 Атмкелю, р.: 162, 163

Афипс, р.: 154
 Ахалцих: 85
 Ахбырц, перевал: 172
 Ахвака, уроч.: 163
 Ахипс, р.: 170
 Ахмял: 185, 214
 Ахтыгуарта: 39

Аць: 237
 Ачадара: 178, 185, 189, 190, 191, 195,
 197, 198
 Ачипсы, Ачипсу, Ачипсоу,
 Ахчипсоу: 24, 30, 35, 53, 57, 60, 63,
 72, 73, 76, 97, 105, 107, 114, 115, 116,
 140, 159, 162, 166, 169, 179, 216, 237

Б

Бабы-Ира, Бабаш-ира: 179, 184, 185,
 218, 222, 227, 231, 232, 233, 234, 241
 Бага: 54, 115, 116
 Багага: 114
 Багажяшта: 183, 185, 194, 218, 219,
 220, 221, 232
 Багмаран: 179, 185, 207, 210, 211,
 213, 214, 237
 Багрипши: 39
 Бакан: 151
 Бакитура: 39
 Банчерипш: 76
 Баскало: 15
 Батал-Пашинская: 36
 Батум: 21, 174, 222, 229
 Башильбаевск: 36
 Бегева: 39

Белая, р.: 103, 107
 Безюиле: 15
 Беребирка: 39
 Бесплетка (Карантинка), р.: 200, 203,
 204, 237
 Бетшевенд: 15
 Бзыбь, р.: 26, 27, 28, 29, 35, 36, 44,
 46, 47, 57, 71, 82, 115, 116, 162, 163,
 164, 171, 172, 214
 Бзыб Аквара, р.: 214, 215
 Бомборы, Бамборы, укр.: 25, 26, 27,
 30, 32, 41, 42, 43, 45, 47, 48, 51, 58,
 77, 202
 Бугундыр, р.: 154
 Бырц: 183, 185, 190, 192, 200, 202,
 214, 215, 218, 219, 222, 232, 239, 240
 Быцыхра: 39

В

Варвире: 15
 Вардан, Вардане: 58, 62, 94, 162
 Вельяминовское укр.: 58, 69, 101
 Верхняя Дранда: 219

Вицаа: 40
 Владикавказ: 113
 Воронеж: 177

Г

Гагра, Гагида: 21, 24, 25, 26, 27, 28,
 30, 31, 33, 35, 36, 37, 39, 41, 42, 43,
 45, 46, 47, 52, 57, 58, 60, 62, 63, 67,
 69, 70, 71, 72, 74, 76, 77, 86, 90, 97,

118, 127, 130, 134, 137, 139, 140, 143,
 147, 149, 151, 153, 172

Гагринское, укр.: 46, 48, 49, 66, 107, 127, 133, 135, 136, 137, 143, 144, 160, 161, 172
 Гагрипш, Гагнрипш, р.: 28, 90, 160
 Галидзги: 24
 Галиция: 148
 Гастагай: 151
 Геленджик: 15, 27, 30, 31, 36, 69, 118, 152, 155
 Гергзеул: 179, 185, 214, 215, 216, 217, 218, 241
 Геслеве: 15
 Геча, Кечба: 41, 53, 57, 59, 115, 116
 Гечь округ: 39
 Головинское укр.: 58, 69, 96, 97

Грибзи, р.: 163, 164, 165
 Грузия: 113, 180, 193
 Гудаута: 172
 Гульрипш: 183, 185, 202, 214, 217, 218
 Гумиста: 192, 202, 210, 211
 Гумиста, р.: 26, 36, 183, 185, 186, 187, 189, 190, 191, 209
 Гумы, Гумм: 44, 86, 96, 175, 181, 185, 186, 192, 200, 201, 210, 217, 235, 236, 237, 240
 Гунурхва, гора: 163
 Гурия: 112, 114, 180
 Гурш, 23

Д

Дагестан: 50, 100, 146, 149, 151, 154
 Дал: 57, 61, 201
 Депуакыт, Допуакыт: 179, 180, 185, 218, 222, 231, 233, 234, 235, 236, 241
 Джгерда: 217
 Джерфа: 26
 Джигерда: 163
 Джигетия: 23, 24, 53, 116, 233
 Джуба, р.: 150
 Джуджи: 15,
 Джурия, р.: 112

Дзыхва, хр.: 162
 Догай, р.: 149
 Донай, р.: 153
 Доу, гора: 240
 Доу, пер.: 162, 170, 171, 172, 185
 Дранда: 185, 221, 222, 225, 226, 227, 228, 231, 232, 233
 Друиша: 46
 Дуба: 15,
 Душет: 113

Ж

Жеу-адзек, р.: 39

З

Званрипш: 225
 Зеленчук: 36

Зугдиди: 47

И

Иль, Ил, р.: 153, 154
Имеретия: 23, 46, 180

Ингур, Ингури, р.: 23, 24, 43, 99, 112,
136, 224, 234
Итира: 26

К

Кабарда: 31, 100, 194, 233
Кабардинское, укр.: 110
Каиф, р.: 154
Капети, р.: 24
Карачай: 96, 213
Кац Игаларта: 185, 215, 218, 219,
222, 241
Квитаул: 229, 230
Келасур, Келасура, р.: 162, 164, 185,
209, 210, 211, 214, 217, 236, 237
Келасуры: 30, 178, 185, 190, 201,
207, 209, 213, 228
Керчь: 15, 73, 78, 80, 86, 92, 94, 96,
98
Кетшилер: 15

Кодор, р.: 23, 51, 176, 178, 182, 184,
185, 186, 187, 194, 212, 215, 222, 228,
231, 234, 235, 236
Кодор Большой, р.: 234, 235, 241
Кодор Малый, р.: 233, 234
Кодош: 15
Константинополь: 16, 17, 38, 138,
145, 148, 229
Коркун: 151
Крым: 15, 16, 17, 72, 118
Кубань, р.: 36, 103, 107, 149, 152,
153, 157
Кура, р.: 113
Кутаис: 25, 47, 113, 131, 139, 171,
226, 228

Л

Лаба Большая, р.: 85, 103, 107, 149
Лаба Малая, р.: 85
Лаба Чегерия, р.: 85
Лазарева, укр.: 58, 69, 96, 98, 101
Ламейрипши: 39
Лаунхара, уроч.: 185

Лекурдия-Цинта: 170
Лиавшь: 40
Лихаа: 21
Лыхны: 180, 211
Лшицхара: 40

М

Маджарка, р.: 207, 208, 210, 214, 217,
231
Маджарское, ущ.: 208
Малый Абин: 152
Мамай: 15, 26,

Марамба, Марамб, укр.: 58, 81, 110,
179
Марухский, перевал: 172
Мдзымты, Мзымта, Медзимта, р.:
40, 41, 43, 57, 62, 63, 72, 73, 74, 78,

79, 82, 97, 109, 115, 116, 120, 127,
137
Мегудзырхва: 175
Мекка: 37, 121, 123, 133, 141
Мерхяуле: 176, 179, 185, 211, 213,
214, 215, 218, 222
Мескаге: 100
Метзышта, Метжита, р.: 39, 40, 115

Микельрипши: 39
Мингрелия, Мингрели: 112, 114, 176,
180, 188, 227
Мканба: 240
Муара: 237
Мухушу: 27
Мыды, перевал: 44
Мыца, р.: 59

Н

Наа: 215, 217, 241
Набакеви: 23
Навагинское укр.: 52, 53, 55, 58, 62,
66, 69, 70, 74, 75, 76, 79, 94, 114
Невинный Мыс: 36

Нечепсук: 153, 155
Новороссийск: 69, 111, 118, 149, 151,
152
Ново-Троицкое: 69, 118

О

Одиши: 23
Озургет: 114

Онджиксу, ущ. 36

П

Парнаут: 185, 202, 214, 215, 218, 219,
221
Петергоф: 77
Пехво: 24
Пешехурка: 39
Пицунда: 21, 25, 26, 45, 89, 144
Поквеша: 211
Поти: 20, 23
Прочный Окоп: 37
Псамш, укр.: 80
Псаха, р.: 59
Псебепсе: 100
Псезуае, Псезуапе, р.: 120, 127
Псеменская, ст.: 171
Псиф: 80, 109
Псоу, р.: 57

Пстилия, р.: 85
Псу, Псху: 30, 35, 43, 44, 45, 49, 50,
53, 57, 86, 87, 96, 97, 105, 107, 114,
115, 158, 159, 160, 162, 163, 164, 166,
167, 168, 169, 171, 172, 185, 216, 238,
240
Псху, р.: 115
Псырцха: 174, 185, 186, 188, 212, 222
Птохи: 25
Пуквашах: 25
Пшада, р.: 120, 150, 153
Пшада, укр.: 152, 155
Пшاپ: 185, 218, 220, 221, 222
Пшاپ, р.: 182, 183, 184, 194, 219
Пшеуха: 39
Пятигорск: 35

Р

Раевский, форт: 100
Редут: 114

Редут-Кале: 29, 52, 112, 228, 230
Рион, р.: 234

С

Садзень: 52, 53, 56
Самурзакань, Самурзакан: 53, 105, 112, 113, 114, 176, 177, 201, 213, 219, 230, 233
Св. Духа, укр.: 42, 43, 48, 52, 53, 55, 58, 60, 62, 63, 66, 67, 69, 70, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 80, 82, 83, 87, 89, 90, 92, 93, 95, 97, 109, 112, 115, 118, 136, 143
Св. Николай, пост: 114
Сванетия: 51
Свеча: 26
Севастополь: 72
Севре: 15
Сибирь: 177, 222, 231
Симайрипши: 39
Синоп: 16
Сичичуа: 188
Сомхурупши: 40
Соуксу: 24, 26, 33, 106, 107
Соча, Сочею, Сочи, Саше, р.: 40, 41, 43, 52, 59, 92, 120, 162

Сочи, Саша, Соче: 45, 52, 62, 67, 70, 74, 75, 116, 130, 144, 162, 167, 194
Ставрополь: 112
Сторожевая, станица: 172
Субаши: 15, 153
Суджук, Суджук-кале: 15, 18
Суджуни: 188
Сумхарипш: 76
Супса, р.: 153
Супса, укр.: 153
Сурам: 113
Сухум: 15, 16, 20, 21, 22, 42, 51, 52, 58, 62, 81, 90, 92, 93, 95, 96, 107, 110, 127, 128, 129, 132, 134, 139, 143, 144, 158, 170, 171, 172, 174, 175, 180, 181, 182, 185, 186, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 202, 204, 205, 206, 210, 217, 226, 228, 229, 231, 234, 237, 238, 240
Сухум-кале: 30, 38, 41, 42, 43, 47, 48, 66, 78, 80, 93, 132, 169, 174, 189, 200, 202

Т

Тамовское, ущ.: 172
Тангир: 15
Таш: 159
Тенгинское, укр.: 69
Тифлис: 29, 133, 143, 180, 226
Трепизонд, Трапезунд: 42, 131, 174
Триполи: 16
Ту: 153, 155
Туапсе: 153

Туапсе, р.: 120, 149, 155
Туркумул, р.: 215
Турция: 68, 100, 112, 119, 123, 128, 130, 132, 133, 134, 138, 141, 144, 147, 150, 153, 158, 160, 161, 167, 172, 173, 174, 189, 192, 194, 201, 203, 214, 222, 237
Тхина: 186

У

Убин, р.: 155

Уруп, р.: 36

Ф

Фанагория: 43

Франция: 147

Х

Хабле, р.: 152, 154

Хак, мыс: 111

Хамыш: 40, 53, 55, 56, 57, 58, 97

Хамышляр: 33, 34

Хамышыркуа: 33

Хашупса, р.: 115, 116

Хеква: 39

Хепсун, р.: 153, 155

Херота, Хорота, р.: 74

Хишха: 57

Хозрипши: 40

Хопи: 24, 112,

Хоста, р.: 116, 123, 124

Хохрухты: 76

Хош: 15

Хошупсе р.: 48, 49

Хуапе: 219

Худапс р.: 34

Хусхурупши: 40

Хымса, ледник: 162, 163

Хыспата: 39

Хысха: 33, 35,

Хысхорупши: 39

Хышха: 48

Хюпсе, р.: 185

Ц

Цанбейквара: 219

Цандикуара: 185, 217, 218

Цандрипш, Цондрипш, Цвандрипш:

27, 32, 33, 39, 46, 49, 54, 57, 59, 75,

81, 90, 91, 110, 115, 116

Царцмала, гора: 189, 190, 192

Цвиджа: 54, 114, 115, 116

Цебельда: 30, 42, 44, 45, 49, 50, 51,

52, 53, 57, 61, 63, 72, 80, 81, 86, 87,

105, 109, 110, 114, 115, 145, 148, 157,

158, 159, 160, 162, 172, 175, 176, 178,

179, 185, 199, 201, 211, 212, 213, 214,

216, 217, 233, 236, 237, 239

Цебельдинское, укр.: 159, 163

Цегеркерский, перевал: 172

Цубо, р.: 155

Цугурпара, гора: 185

Цужа: 97

Цхубын, Цхубен, Цкыбын: 179, 185,

218, 221, 222, 223, 227, 231, 232, 233,

234, 241

Ч

Чалодиды: 112
Чалык-Аахос, гора: 185
Чапшира, уроч.: 185
Черкесия: 16, 25, 26, 42
Чижаудель, гора: 185, 216

Чижаюйж, гора: 214
Чухум, ущ.: 96
Чхалте, р.: 162
Чхортоли: 219, 221
Чюэпсен, р.: 120

Ш

Шаспуха, р.: 120
Шахе, р.: 97, 120
Шебсе, р.: 155
Шендента, р.: 36
Шибик, р.: 154

Шицкуара, р.: 175, 176, 178, 184,
185, 186, 187, 188
Шнис, р.: 154
Шопия, гора: 185
Шукуран, ур.: 162, 167

Э

Эрделер: 15,

Эшера, Эшира: 175, 178, 184, 185,
186, 187, 188, 189, 191, 240

Я

Ямболь: 16
Ясхрипшь округ: 40

Яштуха: 175, 183, 185, 190, 191, 192,
194, 196, 197, 200, 201, 202, 214, 218,
219, 222, 232, 239, 240
Яысха: 39

Contents

1.	Historical-archaeographic introduction	5
2.	List of abbreviations	12
3.	Documents	13
4.	The list of documents	242
5.	Indices	247

Оглавление

1.	Историко-археографическое предисловие	5
2.	Список допущенных в сборнике сокращений слов и выражений ..	12
3.	Документы	13
4.	Перечень документов, помещенных в сборнике	242
5.	Указатели	247

(A Collection of Documentary Materials)

**Documents and Materials on the History of Jigeta
Spanning the Period from 1750 to 1868.**

Подписано в печать 23.04.2016. Формат 20,4 × 29,7.
Бумага офсетная. Печать трафаретная. Гарнитура Times New Roman.
Уч.-изд. л. 15. Усл. печ. л. 15,51. Тираж 500 экз.
Научный издательский дом «Исследователь»
354000, Россия, г. Сочи, ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ». 354003, г. Сочи, ул. Пластунская, 94